

Федеральное государственное бюджетное учреждение науки
«Вологодский научный центр Российской академии наук»

ПРОБЛЕМЫ РАЗВИТИЯ ТЕРРИТОРИИ

*Издается с 1997 года
Выпуск 6 (104)*

Вологда • 2019

Решением Минобрнауки России журнал «Проблемы развития территории» включен в Перечень рецензируемых научных изданий, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученой степени кандидата наук, на соискание ученой степени доктора наук по всем научным специальностям в рамках отрасли науки 22.00.00 «Социологические науки» и по четырем научным специальностям в рамках отрасли науки 08.00.00 «Экономические науки»: 08.00.01 «Экономическая теория», 08.00.05 «Экономика и управление народным хозяйством (по отраслям и сферам деятельности)», 08.00.10 «Финансы, денежное обращение и кредит», 08.00.13 «Математические и инструментальные методы экономики»

Журнал размещается в следующих реферативных и полнотекстовых базах данных: OCLC WorldCat, EBSCO, ROAR, BASE, OpenAIRE, RePEC, Ulrich's Periodicals Directory, ВИНТИ РАН, Российский индекс научного цитирования (РИНЦ)

Все статьи проходят обязательное рецензирование. Высказанные в статьях мнения и суждения могут не совпадать с точкой зрения редакции. Ответственность за подбор и изложение материалов несут авторы публикаций

ПРОБЛЕМЫ РАЗВИТИЯ ТЕРРИТОРИИ

Рецензируемый научно-практический журнал, охватывающий широкий круг вопросов социально-экономического развития территорий.

Основная цель издания журнала – предоставление широким слоям научной общественности и практикам работникам возможности знакомиться с результатами научных исследований в области научного обеспечения экономики территорий, принимать участие в обсуждении этих проблем. В числе основных тем – проблемы развития территорий, региональная и отраслевая экономика, социально-экономическое развитие территорий, вопросы формирования доходов региональных бюджетов и рационализации расходов, инновационная экономика, актуальные вопросы развития АПК.

ГЛАВНЫЙ РЕДАКТОР

Ускова Т.В., д. э. н., доцент (Вологодский научный центр РАН, Вологда, Россия)

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ

Аритон Д., доктор наук, проф. (Университет Данубиуса Галати, Румынское агентство по обеспечению качества в высшем образовании, Бухарест, Румыния)

Базуева Е.В., д. э. н., профессор (Пермский государственный национальный исследовательский университет, Пермь, Россия)

Бахтизин А.Р., член-корреспондент РАН (Центральный экономико-математический институт РАН, Москва, Россия)

Буккиарелли Э., доктор наук (Университет «Габриэле д'Аннунцио», Пескара, Италия)

Воронов В.В., д. с. н., проф. (Федеральный научно-исследовательский социологический центр РАН, Москва, Россия)

Губанова Е.С., д. э. н., проф. (Вологодский государственный университет, Вологда, Россия)

Гулин К.А., д. э. н., доцент (ООО «Русинтехком», Вологда, Россия)

Дюран С., кандидат наук, доцент (Университет Париж 13 (Университет Париж-Север), Вильтанез, Франция)

Загребельный А.В., ответственный секретарь, к. ф. н. (Вологодский научный центр РАН, Вологда, Россия)

Котилайнен Ю., доктор наук, проф. (Университет Восточной Финляндии, Йозенсу, Финляндия)

Котляров И.В., д. с. н., проф. (Институт социологии Национальной академии наук Беларуси, Минск, Беларусь)

Латов Ю.В., д. с. н., доцент (Федеральный научно-исследовательский социологический центр РАН, Москва, Россия)

Леонидова Г.В., к. э. н., доцент (Вологодский научный центр РАН, Вологда, Россия)

Лыкова Л.Н., д. э. н., профессор (Институт экономики РАН, Москва, Россия)

Скуфьина Т.П., д. э. н., профессор (Кольский научный центр Российской академии наук, Апатиты, Россия)

Третьякова О.В., заместитель главного редактора, к. ф. н. (Вологодский научный центр РАН, Вологда, Россия)

РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ

Афанасьев Д.В., к. с. н., доцент (Череповецкий государственный университет, Череповец, Россия)

Давыденко В.А., д. с. н., проф. (Тюменский государственный университет, Тюмень, Россия)

Доброхлеб В.Г., д. э. н., проф. (Институт социально-экономических проблем народонаселения РАН, Москва, Россия)

Жгулев Е.В., д. э. н., доцент (Санкт-Петербургский государственный аграрный университет, Санкт-Петербург, Россия)

Жихаревич Б.С., д. э. н., проф. (Институт проблем региональной экономики РАН, Санкт-Петербург, Россия)

Ильин В.А., член-корреспондент РАН (Вологодский научный центр РАН, Вологда, Россия)

Каргаполова Е.В., д. с. н., профессор (Российский экономический университет им. Г.В. Плеханова, Москва, Россия)

Ковач Т., к. э. н., доцент (Школа бизнеса Будапешта, Колледж международного менеджмента и бизнеса, Будапешт, Венгрия)

Когай Е.А., д. филос. н., проф. (Курский государственный университет, Курск, Россия)

Лаженцев В.Н., член-корреспондент РАН (Институт социально-экономических и энергетических проблем Севера Коми научного центра УрО РАН, Сыктывкар, Россия)

Мазилев Е.А., к. э. н. (Вологодский научный центр РАН, Вологда, Россия)

Малков Н.Г., к. т. н., доцент (Вологодская государственная молочнохозяйственная академия имени Н.В. Верещагина, Вологда, с. Молочное, Россия)

Попов Е.В., член-корреспондент РАН (Институт экономики УрО РАН, Екатеринбург, Россия)

Сакал П., доктор философии, проф. (Словацкий технический университет, Трнава, Словакия)

Селин М.В., д. э. н., проф. (Законодательное Собрание Вологодской области, Вологда, Россия)

Суворов А.В., д. э. н., проф. (Институт народнохозяйственного прогнозирования РАН, Москва, Россия)

Теребова С.В., к. э. н., доцент (Вологодский научный центр РАН, Вологда, Россия)

Цветков В.А., член-корреспондент РАН (Институт проблем рынка РАН, Москва, Россия)

Шабунова А.А., д. э. н., доцент (Вологодский научный центр РАН, Вологда, Россия)

СОДЕРЖАНИЕ

ОТ РЕДАКЦИИ

Ускова Т.В., Ворошилов Н.В.

Комплексное развитие сельских территорий – задача государственной важности	7
---	---

УСТОЙЧИВОЕ РАЗВИТИЕ ТЕРРИТОРИЙ, ОТРАСЛЕЙ И ПРОИЗВОДСТВЕННЫХ КОМПЛЕКСОВ

Иванов В.А.

Роль государства в развитии сельских территорий и экономики села Севера	21
--	----

Барбарук А.В.

Крайний Север России как многомерное пространство: результаты кластерного анализа статистических показателей, характеризующих население северных территорий	40
---	----

Плотникова И.А., Сорокина И.В.

Проблемы развития современного жилищно-коммунального хозяйства	52
--	----

Лебедева М.А.

Водные ресурсы Европейского Севера России: специфика и управление использованием в хозяйственной деятельности	69
---	----

ТЕРРИТОРИАЛЬНЫЕ ФИНАНСЫ

Печенская М.А.

Вопросы качества управления бюджетом регионального центра	87
--	----

КАЧЕСТВО ЖИЗНИ И ЧЕЛОВЕЧЕСКИЙ ПОТЕНЦИАЛ ТЕРРИТОРИЙ

Устинова К.А.

Стимулы и барьеры участия населения в социальных практиках	102
---	-----

Смолева Е.О.

Отчуждение населения региона в сфере труда	120
--	-----

Мартынова Е.В.

Проявление глобальных процессов в локальной территориальной общности	137
---	-----

Михалкина Е.В., Скачкова Л.С.

О выборе карьерных стратегий аспирантами федеральных университетов	151
---	-----

МОНИТОРИНГ ПЕРЕМЕН: ОСНОВНЫЕ ТЕНДЕНЦИИ

Мониторинг экономики: сентябрь 2019 года	173
Мониторинг социального самочувствия населения Вологодской области в октябре 2019 года	182
Мониторинг социальных настроений.....	188

ХРОНИКА НАУЧНОЙ ЖИЗНИ

С заседаний ученого совета	192
Новые издания ФГБУН ВолНЦ РАН.....	193
Памяти Евгения Александровича Ивина посвящается	196
Указатель статей и материалов, опубликованных в 2019 году.....	199
Правила для авторов	203
Информация о подписке.....	206

CONTENT

FROM THE EDITORIAL BOARD

Uskova T.V., Voroshilov N.V.

Integrated Development of Rural Territories – a Task of National Importance.....	7
---	---

SUSTAINABLE DEVELOPMENT OF TERRITORIES, BRANCHES, AND PRODUCTION COMPLEXES

Ivanov V.A.

State's Role in the Development of Rural Territories and Rural Economy of the North.....	21
---	----

Barbaruk A.V.

The Far North of Russia as a Multidimensional Space: Results of Cluster Analysis of Statistical Indicators Characterizing the Northern Territories' Population.....	40
---	----

Plotnikova I.A., Sorokina I.V.

Modern Housing and Communal Services Development Problems.....	52
---	----

Lebedeva M.A.

Water Resources of the Russian European North: Specifics and Management in Economic Activity	69
---	----

TERRITORIAL FINANCE

Pechenskaya M.A.

Issues of Regional Center Budget Management Quality	87
---	----

LIFE QUALITY AND HUMAN POTENTIAL OF TERRITORIES

Ustinova K.A.

Public Participation in Social Practices: Incentives and Barriers	102
--	-----

Smoleva E.O.

Alienation of the Region's Population in the Sphere of Labor.....	120
---	-----

Martynova E.V.

Global Processes Manifestation in the Local Territorial Community	137
--	-----

Mikhalkina E.V., Skachkova L.S.

Career Strategies Chosen by Postgraduate Students of Federal Universities	151
--	-----

MONITORING OF CHANGES: MAIN TRENDS

Monitoring of the Economy: September 2019	173
Monitoring of the Social Well-Being of Vologda Oblast Residents in October 2019	182
Monitoring of Social Sentiment.....	188

CHRONICLES OF SCIENCE LIFE

From the Academic Council Sessions	192
New VolRC RAS issues	193
In memory of Evgenii A. Ivin	196
Index of articles and materials published in 2019	199
Guidelines for the authors	203
Subscription information	206

ОТ РЕДАКЦИИ

DOI: 10.15838/ptd.2019.6.104.1

УДК 332.1 (470.2) | ББК 65.050.23 (2Рос-12)

© Ускова Т.В., Ворошилов Н.В.

КОМПЛЕКСНОЕ РАЗВИТИЕ СЕЛЬСКИХ ТЕРРИТОРИЙ – ЗАДАЧА ГОСУДАРСТВЕННОЙ ВАЖНОСТИ¹

ТАМАРА ВИТАЛЬЕВНА УСКОВА

Вологодский научный центр Российской академии наук
Российская Федерация, 160014, г. Вологда, ул. Горького, д. 56а
E-mail: tvu@vscc.ac.ru
ORCID: [0000-0001-9416-1136](https://orcid.org/0000-0001-9416-1136); ResearcherID: [O-2232-2017](https://orcid.org/O-2232-2017)

НИКОЛАЙ ВЛАДИМИРОВИЧ ВОРОШИЛОВ

Вологодский научный центр Российской академии наук
Российская Федерация, 160014, г. Вологда, ул. Горького, д. 56а
E-mail: niks789@yandex.ru
ORCID: [0000-0002-5565-1906](https://orcid.org/0000-0002-5565-1906); ResearcherID: [I-8233-2016](https://orcid.org/I-8233-2016)

Российская Федерация обладает огромным потенциалом для развития. Однако используется он весьма неэффективно. Речь, прежде всего, о потенциале ее сельских территорий, который не используется из-за большого числа острых социально-экономических проблем, характерных для российского села. В перечне наиболее острых проблем спад сельскохозяйственного производства, сокращение его ресурсной базы, низкий уровень и качество жизни селян, отсутствие работы и, как результат, сокращение численности сельского населения и деревень. Следствием этих негативных процессов является снижение устойчивости системы расселения и национальной безо-

Для цитирования: Ускова Т.В., Ворошилов Н.В. Комплексное развитие сельских территорий – задача государственной важности // Проблемы развития территории. 2019. № 6 (104). С. 7–20. DOI: 10.15838/ptd.2019.6.104.1

For citation: Uskova T.V., Voroshilov N.V. Integrated development of rural territories – a task of national importance. *Problems of Territory's Development*, 2019, no. 6 (104), pp. 7–20. DOI: 10.15838/ptd.2019.6.104.1

¹ Статья подготовлена в соответствии с государственным заданием для ФГБУН ВолНЦ РАН по теме НИР № 0168-2019-0004 «Совершенствование механизмов развития и эффективного использования потенциала социально-экономических систем».

пасности. Все это свидетельствует о том, что реализуемая политика в отношении сельских территорий не привела к качественным изменениям ситуация на селе. Нарастание проблем в развитии сельских территорий актуализирует вопросы государственного регулирования территориального развития, что потребовало принятия государственной программы, направленной на комплексное развитие сельских территорий. Ее принципиальное отличие заключается в том, что ее финансирование предусматривается преимущественно за счет средств федерального бюджета и внебюджетных источников. В ходе обсуждения проекта программы были выявлены недостатки и возможные риски ее реализации, что требует дальнейшей проработки механизма реализации, мер по снижению рисков, организации мониторинга и совершенствования законодательства. Успех реализации программных мероприятий и решение острейших проблем развития сельских территорий в определяющей степени будут зависеть от объединения усилий органов местного самоуправления и органов государственной власти субъектов федерации при ведущей роли последних.

Сельские территории, социально-экономическое развитие, государственное регулирование территориального развития, программа комплексного развития сельских территорий.

Введение

Развитие страны зависит от множества факторов, в числе которых потенциал входящих в ее состав территорий. В Российской Федерации мощным экономическим, природным, демографическим, экологическим и духовно-нравственным потенциалом обладают сельские территории. По данным Росстата², эти территории занимают две трети площади страны, здесь проживает более четверти населения (в 2018 году – 25,5%), сельской экономикой в 2018 году произведено почти 3,5% валового внутреннего продукта страны.

Однако имеющийся потенциал используется не в полной мере. Такой вывод позволяет сделать наличие чрезвычайно острых социально-экономических проблем в развитии сельских территорий, не решаемых длительное время.

Каковы же причины такого положения и что необходимо предпринять для кардинального изменения ситуации на селе? Эти вопросы волнуют российских ученых и практиков уже не одно десятилетие. На современном этапе развития Российской Федерации вопросы комплексного развития сельских территорий, форм и методов участия органов власти всех уровней в их решении не потеряли своей остроты. В связи с этим акцентирование внимания на наиболее

острых проблемах села, формах участия и необходимости усиления государственного регулирования социально-экономических процессов в сельских территориях является весьма актуальной задачей.

Методологические основы исследования

Вопросы развития сельских территорий, государственного регулирования социально-экономических процессов на селе находятся в поле зрения ведущих отечественных и зарубежных исследователей. Среди российских ученых, изучающих проблемы села и сельской экономики, можно назвать В.А. Иванова [1], Д.А. Логинову [2], С.В. Киселева [3], В.К. Крутикова [4], А.В. Мерзлова [5], Ф.З. Мичурину [6], Т.Г. Нефедову [7], И.В. Стародубровскую [8], А.Я. Троцкого [9] и др. Вопросы государственного регулирования развития сельских территорий с помощью программно-целевого подхода представлены в работах Р.Х. Адукова, А.Н. Адуковой [10], А.В. Мерзлова [11], О.Г. Овчинникова [12], И.Г. Ушачева [13] и др. Заметим, что проблемы сельских территорий, вопросы эффективности управления их развитием отражены и в работах ученых ВолНИЦ РАН [14–16 и др.].

Зарубежные авторы также не обходят стороной вопросы села. Различные аспекты устойчивого развития села в России исследуются в работах С.К. Вегрена [17; 18]. Он анализирует институциональные предпо-

² Федеральная служба государственной статистики. URL: <https://www.gks.ru/statistic> (дата обращения 30.10.2019).

сылки обезлюдения села. Вопросы развития сельских территорий в Европе подробно рассмотрены, например, в монографии Ф. Мантино [19]. Анализ развития сельских районов Польши и Словакии представили J. Michalek и N. Zarnekow [20]. Отметим, что в странах Европейского союза регулирование развития сельских территорий осуществляется в рамках Единой аграрной политики ЕС (Common Agricultural Policy – CAP), составной частью которой является политика в области развития сельских районов. Финансирование осуществляет Европейский сельскохозяйственный фонд развития сельских районов (EAFRD): на 2014–2020 гг. выделено 100 млрд евро. При этом финансовые ассигнования получает каждая страна ЕС. Кроме того, создана Европейская сеть по развитию сельских районов (The European Network for Rural Development – ENRD), деятельность которой направлена на объединение всех заинтересованных в улучшении результатов развития сельских районов сторон. Одной из ключевых технологий реализации проектов в сфере сельского развития является проект ЛИДЕР (LEADER), нацеленный на привлечение местных субъектов к разработке и реализации стратегий, принятию решений и распределению ресурсов для развития их сельских районов [21; 22]. Государственная политика в этом направлении проводится и во многих других странах мира [23].

Результаты исследования

Проблемы сельских территорий

Еще в советский период государство ставило задачу стирания различий между городом и деревней. Вместе с тем преодолеть этот разрыв так и не удалось, а некоторые проблемы сельских территорий приобрели особую остроту. В числе наиболее острых проблем сельских территорий современной России нужно отметить следующие.

Во-первых, продолжение спада сельскохозяйственного производства, сокращение ресурсной базы и, как следствие, отсутствие условий для альтернативной занятости на селе.

Эта проблема характерна для значительной части субъектов РФ. Например, в Вологодской области за период с 2000 по 2017 год объем производства сельхозпродукции в регионе сократился более чем на треть. Негативные тенденции в сельскохозяйственном производстве характерны для всех муниципальных районов Вологодской области, кроме Грязовецкого, Шекснинского, Устюженского. За весь трансформационный период сельскохозяйственное производство в Вологодской области снизилось на 54%. Еще более значительное сокращение физического объема производства продукции сельского хозяйства зафиксировано в Республике Карелии (на 73,9%), Архангельской и Мурманской областях (на 76,6 и 87,9% соответственно).

Не переломлены тенденции по выбытию из оборота посевных площадей и поголовья скота и птицы. Так, в Вологодской области во всех категориях хозяйств количество посевных площадей снизилось по сравнению с 2000 годом почти на 47%, поголовье крупного рогатого скота – на 47,6%. Не теряет остроты проблема устаревания материально-технической базы и нехватки у ряда хозяйств техники и оборудования [24].

Во-вторых, низкий уровень жизни, прежде всего заработной платы. В 2018 году среднемесячная номинальная начисленная заработная плата в сельском хозяйстве составила только 59% от средней по стране⁵. Соотношение среднемесячной номинальной начисленной заработной платы в сельском хозяйстве и величины прожиточного минимума крайне мало. Например, в 2017 году во всех районах Вологодской области, за исключением Нюксенского, этот показатель оказался меньше, чем в среднем по области, а в двух районах (Кичменгско-Городецком и Никольском) размер среднемесячной номинальной начисленной заработной платы не достигал даже двух прожиточных минимумов [25].

⁵ Федеральная служба государственной статистики. URL: http://old.gks.ru/wps/wcm/connect/rosstat_main/rosstat/ru/statistics/wages/labour_costs (дата обращения 30.10.2019).

В-третьих, исторически сложившийся низкий уровень обеспеченности сел объектами социальной и инженерной инфраструктуры, высокий уровень ее физического и морального износа. В 2018 году в российском селе удельный вес общей площади, оборудованной водопроводом, составлял 61%, водоотведением – 50%, отоплением – 69%, ваннами (душем) – 38%, горячим водоснабжением – 38% (рис.).

Рис. Благоустройство жилищного фонда РФ (на конец 2018 года), %

Источник. Федеральная служба государственной статистики. URL: http://old.gks.ru/wps/wcm/connect/rosstat_main/rosstat/ru/statistics/population/housing (дата обращения 30.10.2019).

В периферийных регионах ситуация значительно хуже. Так, по итогам 2017 года в Вологодской области водопроводом было оборудовано только 32,8% общей площади сельского жилищного фонда, водоотведением (канализацией) – 21,1%, отоплением – 28,0%, ваннами (душем) – 17%, горячим водоснабжением – 14,2%⁴. Аналогичная ситуация наблюдается и в других северных регионах [26].

Крайне низкий уровень коммунального благоустройства населенных пунктов является наиболее острой проблемой большинства сельских территорий. Так, в 2018 году лишь 34% сельского жилищного фон-

да России было оборудовано всеми видами благоустройства. Наиболее остро эта проблема проявляется в субъектах федерации, расположенных на периферии. Так, если в Северо-Западном федеральном округе в целом около 28% площади сельского жилищного фонда обеспечено всеми видами благоустройства, то в республиках Карелии и Коми, Архангельской области – менее 7%, в Ненецком автономном округе этот показатель не достигает и 4%. При этом существенного улучшения благоустройства жилищного фонда не наблюдается (табл. 1).

В реформационный период практически прекратилось строительство на селе объектов социально-культурного назначения, а возведенные в советский период не ремонтировались и постепенно закрывались. Так, если в Вологодской области за период с 2000 по 2017 год число дошкольных образовательных организаций уменьшилось с 683 до 387 единиц, т. е. на 35,5%, то в муниципальных районах (а это в большей части на селе) – с 518 до 224 единиц, т. е. на 56,8%. Число больничных организаций в сельской местности снизилось на 70%, фельдшерско-акушерских пунктов – на 26% (с 696 до 518 единиц), больничных коек – на 58% (с 5781 до 2455 коек), общедоступных (публичных) библиотек – на треть (с 685 до 450 единиц), учреждений культурно-досугового типа – почти на четверть (с 789 до 453 единиц)⁵.

Кроме того, жилищный фонд сельской местности довольно быстро ветшает. Такой вывод позволяет сделать динамика доли ветхого жилищного фонда в его общем объеме. Например, в Вологодской области этот показатель увеличился с 1,9% в 2000 году до 2,6% в 2017 году, а ряде районов – в разы. В результате, в Белозерском, Вашкинском, Вожегодском, Грязовецком, Междуреченском и Сокольском районах более 10% жилищного фонда является ветхим⁶.

В-четвертых, в сельской местности остается высоким уровень безработицы. В боль-

⁴ Статистический ежегодник Вологодской области, 2017: стат. сб. Вологда: Вологдастат, 2018. С. 112.

⁵ Статистический ежегодник Вологодской области, 2017: стат. сб. Вологда: Вологдастат, 2018. С. 82, 86, 88, 91, 92, 94.

⁶ Статистический ежегодник Вологодской области, 2017: стат. сб. Вологда: Вологдастат, 2018. С. 52.

Таблица 1. Доля площади жилищного фонда в сельских населенных пунктах, обеспеченного всеми видами благоустройства, в общей площади жилищного фонда субъекта Российской Федерации (значение показателя за год), %

Территория	2016 год	2017 год	2018 год	2018 год к 2016 году (+/-), п. п.
Российская Федерация	31,5	32,6	34,2	2,7
Северо-Западный федеральный округ	24,9	27,5	27,9	3,0
Мурманская обл.	82,9	82,1	79,8	-3,1
Калининградская обл.	62,1	63,5	65,8	3,7
Ленинградская обл.	45,0	51,3	52,2	7,2
Псковская обл.	14,8	15,3	16,1	1,3
Вологодская обл.	13,2	13,3	13,4	0,2
Новгородская обл.	9,1	9,0	9,1	0,0
Архангельская обл. (без АО)	6,6	6,4	6,6	0,0
Архангельская обл.	6,5	6,3	6,5	0,0
Республика Коми	6,3	6,1	5,9	-0,4
Республика Карелия	4,2	4,7	4,7	0,5
Ненецкий АО	2,9	3,7	3,7	0,8

Источник: Единая межведомственная информационно-статистическая система (ЕМИСС). URL: <https://www.fedstat.ru>

шей части сельских населенных пунктов этот показатель доходит до 30% и более, что в разы выше ее официального уровня [10].

Данные социологического опроса, проведенного ВолНЦ РАН в 2017 году в сельских территориях СЗФО⁷, показали, что отсутствие работы – одна из острейших проблем села; так ответили 67,9% опрошенных. В числе ключевых проблем местные жители называют низкий уровень господдержки граждан населенного пункта – 50,1%; низкий уровень бытовых условий – 48,8%; низкое качество обслуживания населения (больницы, школы, детские сады и др.) – 38,6%.

Приведенные значения позволяют сделать вывод о более низком качестве жизни на селе. Сельские территории становятся не привлекательными для экономически активного населения, особенно молодежи, и, как результат, численность сельского населения сокращается быстрыми темпами. Только за 2000–2018 гг. доля сельского населения в общей численности населения субъектов Российской Федерации сократилась на 1,3%, несмотря на то что вхождение в состав

России Республики Крым в 2014 году дало существенный прирост сельского населения. В Северо-Западном федеральном округе, во всех регионах, кроме Ленинградской области и г. Санкт-Петербурга, происходит снижение доли сельского населения, наиболее значительное – в Ненецком автономном округе (на 10,8 п. п.) и Республике Карелии (на 6,2 п. п.). В 2018 году среди субъектов СЗФО самая высокая доля сельского населения была зафиксирована в Ленинградской области (35,9%), самая низкая – в Мурманской области (7,7%) (табл. 2).

За период рыночных преобразований в среднем по Северо-Западному федеральному округу численность сельского населения сократилась на 19%. Более всего этот показатель снизился в Мурманской и Архангельской областях, а также Республике Коми (на 35–42%) [24].

Стремительно сокращается число сельских населенных пунктов, значительную долю которых составляют маленькие деревни: более чем в половине всех сельских населенных пунктов (54%, или около 82,8 тыс.

⁷ Выборочная совокупность репрезентативна по полу и возрасту, ее общий объем составил 238 респондентов. В рамках исследования опрашивались сельчане, проживающие на территории 17 деревень, 12 сел, 12 поселков. Среди респондентов 42% проживает в поселках, 34% – в селах, 24% – в деревнях, по удаленности от райцентра: 13% – жители районных центров, 57% – население, проживающее в радиусе до 20 км, 20% – 21–50 км, 10% – дальше 50 км.

Таблица 2. Доля сельского населения в общей численности населения субъектов Российской Федерации, %

Территория	Год							2018 год к 2000 году (+/-), п. п.
	2000	2005	2010	2015	2016	2017	2018	
Российская Федерация	26,8	26,8	26,3	25,9	25,8	25,6	25,5	-1,3
Северо-Западный федеральный округ	17,8	17,4	16,6	15,9	15,8	15,7	15,6	-2,3
Ненецкий АО	37,8	35,0	32,5	27,9	27,6	27,4	27,0	-10,8
Республика Карелия	25,6	23,9	22,1	20,2	20,0	19,7	19,4	-6,2
Псковская обл.	34,5	32,0	30,0	29,5	29,4	29,2	29,0	-5,5
Вологодская обл.	31,3	31,5	29,6	28,1	27,9	27,7	27,5	-3,7
Архангельская обл.	25,2	25,6	24,5	22,8	22,4	22,1	21,8	-3,3
Архангельская обл. (без АО)	24,8	25,2	24,3	22,6	22,2	21,9	21,6	-3,1
Республика Коми	24,6	24,3	23,2	22,2	22,1	21,9	21,8	-2,8
Новгородская обл.	30,4	29,4	29,4	29,2	29,2	29,1	28,8	-1,6
Калининградская обл.	22,4	22,4	22,6	22,3	22,2	22,1	22,2	-0,2
Мурманская обл.	7,8	7,8	7,2	7,5	7,5	7,6	7,7	-0,1
Ленинградская обл.	33,7	33,9	34,3	35,6	35,9	36,1	35,9	2,3

Источник: Единая межведомственная информационно-статистическая система (ЕМИСС). URL: <https://www.fedstat.ru/>

населенных пунктов) проживают от 1 до 100 человек. Только в 5% сельских населенных пунктов (около 7,8 тыс.) численность населения превышает 1000 человек⁸. Проблема вымирания российской деревни является одной из острых социально-экономических проблем современной России. Как результат, возникает разреженность экономического пространства России, снижается устойчивость национальной системы расселения и, как следствие, национальной безопасности страны.

Государственное регулирование территориального развития

Наращение социально-экономических проблем на селе требует усилить государственное регулирование территориального развития с целью улучшения качества и повышения уровня жизни сельского населения.

В настоящее время решение вопросов местного значения государство возложило на местное самоуправление. Однако этот ин-

ститут власти не способен решить большую часть проблем сельских территорий. Одна из главных причин – отсутствие финансовых возможностей. Большинство сельских муниципальных образований являются дотационными (в Вологодской области – все сельские поселения). По мнению 67,9% опрошенных глав сельских поселений⁹ обеспеченность муниципалитетов собственными доходами низкая и крайне низкая. Поэтому не удивительно, что руководители сельских муниципалитетов, отвечая на вопрос о том, от кого же зависит социально-экономическое развитие возглавляемых ими муниципалитетов, указывают на региональные органы государственной власти. В 2019 году так ответили более 72% респондентов. В то же время только около 40% от числа всех опрошенных глав районов и сельских поселений отмечают позитивные изменения в действиях региональных органов власти, направленных на поддержку муниципальных образований. При этом доля глав сельских поселений, ука-

⁸ Россия – страна умирающих деревень. URL: <http://rusrand.ru/analytics/rossiya--strana-umirayuschih-dereven-chast-I> (дата обращения 01.11.2019).

⁹ Данные мониторинга реформирования местного самоуправления, проводимого ВолНЦ РАН с 2007 года в форме анкетного опроса глав муниципальных образований Вологодской области. В нем ежегодно принимают участие около 170–200 руководителей районов, городских округов, городских и сельских поселений.

зывающих на отсутствие какой-либо помощи со стороны органов государственной власти региона, увеличилась с 12% в 2009 году до 15,1% в 2017 году.

Вместе с тем на региональном уровне также ведется определенная работа по решению наиболее острых проблем села. Так, в рамках программы «Здоровье Вологодчины» предусматривается приведение в соответствие с современными стандартами материально-технической базы всех медицинских учреждений, планируется организовать 117 опорных фельдшерско-акушерских пунктов, укомплектованных фельдшерами и оснащенных необходимым медицинским оборудованием и транспортом. В 2018 году в районы области уже передано 32 санитарных автомобиля, 10 машин скорой помощи и 10 передвижных ФАПов, которые обслуживают населенные пункты, где проживает менее 100 человек. Возрождается санитарная авиация. Все это необходимо для того, чтобы качественная медицинская помощь была доступна всем жителям Вологодской области. В сельских населенных пунктах реализуется ряд проектов в социально-культурной сфере и т. п. Большое внимание уделяется кадровому обеспечению села. Трудоустроенным на селе молодым специалистам: учителям, врачам, среднему медицинскому персоналу, работникам сельхозпроизводства – оказывается поддержка. Осуществляется грантовая поддержка сельхозтоваропроизводителей, фермеров и т. п. Однако проблем не становится меньше, качественного перелома в их решении пока не произошло.

Президент России В.В. Путин неоднократно указывал на необходимость комплексного решения проблем территорий, в частности, в 2018 году в Послании Федерально-

му Собранию поставил задачу «развернуть масштабную программу пространственного развития России, включая развитие городов и других населенных пунктов...»¹⁰. При этом отмечалось, что развитие городов и других населенных пунктов должно быть связано с комплексным решением проблем в сфере здравоохранения, образования, экологии, транспорта. В 2019 году принята Стратегия пространственного развития Российской Федерации на период до 2025 года. В числе приоритетов пространственного развития провозглашено опережающее развитие территорий с низким уровнем социально-экономического развития, обладающих собственным потенциалом экономического роста, а также территорий с низкой плотностью населения и прогнозируемым наращиванием экономического потенциала¹¹. Однако следует признать, что общее направление государственной политики ведет к дальнейшей концентрации финансов, рабочих мест и, как следствие, населения в столице и других крупных городах. Проблемы села остались за рамками стратегического документа. В то же время отдельные меры по сдерживанию депопуляции сельских территорий, решению наиболее острых вопросов села предусмотрены государственными документами. Так, с 2010 года реализуется Концепция устойчивого развития сельских территорий Российской Федерации на период до 2020 года¹², в 2015 году принята Стратегия устойчивого развития Российской Федерации на период до 2030 года¹³; ряд государственных программ. Вместе с тем переломить ситуацию не удастся. Попытки сохранения численности сельского населения и стимулирования миграции населения в сельскую местность не работают, поскольку

¹⁰ Послание Президента Российской Федерации Федеральному Собранию от 1 марта 2018 г. URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_291976

¹¹ Стратегия пространственного развития Российской Федерации на период до 2025 года: утв. распоряж. Правительства РФ от 13 февраля 2019 г. № 207-р. URL: <http://static.government.ru/media/files/UVAIqUtT08o60RktoOXI22JjAe7irNxc.pdf> (дата обращения 06.11.2019).

¹² Концепция устойчивого развития сельских территорий Российской Федерации на период до 2020 года: утв. распоряж. Правительства РФ от 30 ноября 2010 г. № 2136-р. URL: <https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/2073544> (дата обращения 06.11.2019).

¹³ Стратегия устойчивого развития сельских территорий Российской Федерации на период до 2030 года: утв. распоряж. Правительства Российской Федерации от 2 февраля 2015 г. № 151-р. URL: <http://static.government.ru/media/files/Fw1kbNXVJxQ.pdf> (дата обращения 06.11.2019).

ку точечные меры проваливаются из-за фактического отсутствия условий для развития сельских территорий¹⁴.

В целях усиления государственного регулирования в сфере развития сельских территорий Постановлением Правительства Российской Федерации от 31 мая 2019 года № 696 была утверждена государственная программа Российской Федерации «Комплексное развитие сельских территорий», ориентированная на период 2020–2025 гг. Программа нацелена на (табл. 3):

- сохранение доли сельского населения в общей численности населения Российской Федерации на уровне не менее 25,3%;
- достижение соотношения среднемесячных располагаемых ресурсов сельского и городского домохозяйств до 80%;
- повышение доли общей площади благоустроенных жилых помещений (т. е. всеми видами благоустройства) в сельских населенных пунктах до 50%.

На реализацию программы предполагается выделить 2288,0 млрд руб. Из них средства федерального бюджета составят 1061,1 млрд руб. (или 46,4%), бюджетные ассигнования консолидированных бюджетов субъектов Российской Федерации – 174,0 млрд руб. (7,6%), средства из внебюджетных источников – 1052,9 млрд руб. (46,0%).

Государственная программа включает в себя пять направлений (подпрограмм), в рамках которых будет реализовываться

три ведомственных целевых программы и пять ведомственных проектов (табл. 4).

Программой предусматривается охватить широкий спектр вопросов развития сельских территорий, среди них обеспечение сельских семей жильем и улучшение их жилищных условий путем развития строительства и предоставления ипотечных кредитов (займов) по льготной ставке; развитие деревенного домостроения; повышение уровня благоустройства сельских домовладений; ввод в действие распределительных газовых сетей и локальных водопроводов; обустройство инженерной инфраструктуры и благоустройство площадок на сельских территориях под компактную жилищную застройку; повышение доступности фельдшерско-акушерских пунктов; привлечение на село молодых специалистов; ввод в эксплуатацию автомобильных дорог общего пользования с твердым покрытием, ведущих от сети автомобильных дорог общего пользования к общественно значимым объектам населенных пунктов, расположенных на сельских территориях, объектам производства и переработки продукции; благоустройство сельских территорий; повышение уровня обеспеченности сельских населенных пунктов доступом к сети Интернет; активизация граждан в реализации инициативных проектов, направленных на решение приоритетных задач развития сельских территорий; формирование позитивного отношения к сельской

Таблица 3. Целевые показатели государственной программы «Комплексное развитие сельских территорий»

Наименование показателя	Год							2025 год к 2017 году, п. п.
	2017 (базовый год)	2020	2021	2022	2023	2024	2025	
Доля сельского населения в общей численности населения Российской Федерации, %	25,7	25,3	25,3	25,3	25,3	25,3	25,3	-0,4
Соотношение среднемесячных располагаемых ресурсов сельского и городского домохозяйств, %	67,0	70,0	73,0	75,0	77,0	79,0	80,0	13,0
Доля общей площади благоустроенных жилых помещений в сельских населенных пунктах, %	32,6	35,0	37,0	40,0	43,0	46,0	50,0	17,4

¹⁴ Россия – страна умирающих деревень. URL: <http://rusrand.ru/analytics/rossiya--strana-umirayuschih-dereven-chast-I> (дата обращения 01.11.2019).

Таблица 4. Финансовое обеспечение реализации ведомственных целевых программ и ведомственных проектов государственной программы

Направление (подпрограмма)	Наименование ведомственной целевой программы (ВЦП), ведомственного проекта (ВП)	Объем финансового обеспечения на 2020–2025 гг.
1. Аналитическое, нормативное, методическое обеспечение комплексного развития сельских территорий	ВЦП «Обеспечение государственного мониторинга сельских территорий»	0,4 млрд руб. (0,02%)
	ВЦП «Аналитическая и информационная поддержка комплексного развития сельских территорий»	0,4 млрд руб. (0,02%)
2. Создание условий для обеспечения доступным и комфортным жильем сельского населения	ВП «Развитие жилищного строительства на сельских территориях и повышение уровня благоустройства домовладений»	1058,5 млрд руб. (46,26%)
3. Развитие рынка труда (кадрового потенциала) на сельских территориях	ВП «Содействие занятости сельского населения»	317,9 млрд руб. (13,89%)
4. Создание и развитие инфраструктуры на сельских территориях	ВЦП «Современный облик сельских территорий»	690,0 млрд руб. (30,16%)
	ВП «Развитие транспортной инфраструктуры на сельских территориях»	90 млрд руб. (3,93%)
	ВП «Благоустройство сельских территорий»	122,3 млрд руб. (5,35%)
	ВП «Развитие инженерной инфраструктуры на сельских территориях»	8,2 млрд руб. (0,36%)
5. Обеспечение реализации государственной программы Российской Федерации «Комплексное развитие сельских территорий»	–	–

местности и сельскому образу жизни и др. Об успешности реализации этих и других мер можно будет судить по степени достижения основных показателей (табл. 5).

Таким образом, в современной России впервые принята специальная госпрограмма по комплексному развитию сельских территорий. Она охватывает широкий спектр вопросов сельских территорий, носит межведомственный характер, предусматривает выделение значительных объемов финансовых ресурсов преимущественно из федерального бюджета и внебюджетных источников.

Экспертные мнения о государственной программе

Во время обсуждения проекта и после принятия программы в среде экспертов, об-

щественников, государственных деятелей и ученых развернулась дискуссия по поводу ее содержания, основных мероприятий и механизмов реализации.

В числе недостатков, упущений государственной программы «Комплексное развитие сельских территорий» эксперты [27; 28 и др.¹⁵] называют:

- недостаточно проработанные подходы инициативного бюджетирования, применение которого предусматривается программой;

- не предусмотрены меры, направленные на постановку человека во главу угла политики сельского развития; сложность привлечения квалифицированных специалистов для работы в сельской местности даже при наличии соответствующих мер поддержки;

¹⁵ Кашин В.И. Материалы заседания Правительственной комиссии по вопросам агропромышленного комплекса и устойчивого развития сельских территорий о проекте государственной программы по комплексному развитию сельских территорий до 2025 года. URL: <https://kprf.ru/dep/gosduma/activities/185478.html> (дата обращения 06.11.2019); Макаров А.П. На что нацелена «Комплексная программа развития сельских территорий». URL: <http://deputatmarkov.ru/daydzhest/724> (дата обращения 04.11.2019); Башмачникова О.В. Материалы обсуждения проекта Государственной программы комплексного развития сельских территорий. URL: <http://xn---7sbbk1a7aifeu8l.xn--p1ai/index.php/arhiv/5391-21-03-2019-v-obshcherossijskom-narodnom-fronte-proshlo-ekspertnoe-obsuzhdenie-proekta-gosudarstvennoj-programmy-kompleksnogo-razvitiya-selskikh-territorij> (дата обращения 04.11.2019).

Таблица 5. Показатели реализации проектов, ведомственных целевых программ

Наименование показателя	Год							2025 год к 2017 году
	2017 (базовый год)	2020	2021	2022	2023	2024	2025	
Разработка и реализация механизма обеспечения комплексного развития 100% сельских территорий, %	0,0	0,0	100,0	100,0	100,0	100,0	100,0	100,0 п. п.
Информирование не менее 60% сельского населения о мероприятиях, направленных на комплексное развитие сельских территорий, %	0,0	20,0	35,0	45,0	50,0	55,0	60,0	60,0 п. п.
Доля сельских населенных пунктов, имеющих доступ к информационно-телекоммуникационной сети Интернет, %	70,0	75,0	80,0	85,0	90,0	95,0	95,0	25,0 п. п.
Средний радиус доступности сельскому населению фельдшерско-акушерских пунктов, км	15,0	15,0	12,0	10,0	8,0	7,0	6,0	40,0%
Уровень обеспеченности сельского населения питьевой водой, %	65,0	68,0	72,0	75,0	77,0	79,0	80,0	15,0 п. п.

– отсутствие надежных механизмов решения таких актуальных проблем, как снижение расслоения общества, повышение занятости и доходов населения, развитие диверсификации сельской экономики, переход на модель комплексной поддержки сельхозтоваропроизводителей, включая обеспечение доступности ресурсов, инновационную и маркетинговую поддержку, защиту прав собственности и т. д.;

– недостаточная роль органов местного самоуправления в реализации данной госпрограммы, ограниченность возможности реализовать свои полномочия и решать проблемы территорий;

– не уделено внимание строительству газовых и водопроводных сетей до объектов производства и переработки сельхозпродукции, расположенных за границами населенного пункта, установке газораспределительных и водонапорных сетей, сооружений и оборудования по обезжелезиванию воды, сетей водоотведения и оборудования канализационных насосных станций.

В качестве основных рисков реализации программы указываются следующие.

1. При прочих равных условиях предпочтение будет отдаваться населенным пунктам, где есть рабочие места и выше удельный вес софинансирования за счет внебюджетных источников. Это означает, что поселения с высо-

ким уровнем безработицы, низкими доходами населения, низкой бюджетообеспеченностью будут проигрывать конкурсы, соответственно, ускорится их деградация [28].

2. Новая политика может оказаться ориентированной на инициативы крупного бизнеса, который будет выступать с предложениями по строительству агрогородков и их обустройству за счет госпрограммы [28].

3. Низкий уровень доходов сельского населения не позволит обеспечить участие непосредственно населения в финансировании реализации проектов¹⁶.

4. Отсутствие или недостаток денежных средств в местных бюджетах на разработку проектно-сметной документации не позволит муниципалитетам участвовать в реализации соответствующих проектов¹⁷.

¹⁶ Кашин В.И. Материалы заседания Правительственной комиссии по вопросам агропромышленного комплекса и устойчивого развития сельских территорий о проекте государственной программы по комплексному развитию сельских территорий до 2025 года. URL: <https://kprf.ru/dep/gosduma/activities/185478.html> (дата обращения 06.11.2019).

¹⁷ Башмачникова О.В. Материалы обсуждения проекта Государственной программы комплексного развития сельских территорий. URL: <http://xn----7sbbk1a7aifeu8l.xn--p1ai/index.php/arhiv/5391-21-03-2019-v-obshcherossijskom-narodnom-fronte-proshlo-ekspertnoe-obsuzhdenie-proekta-gosudarstvennoj-programmy-kompleksnogo-razvitiya-selskikh-territorij> (дата обращения 04.11.2019).

5. Не учтена специфика (отраслевая специализация, особенности организации местного самоуправления и др.) развития сельских территорий в разных субъектах РФ и внутри каждого субъекта РФ [28].

Значимость и острота проблем в развитии сельских территорий России, на наш взгляд, требуют дальнейшей проработки механизма реализации государственной программы, мер по снижению рисков, организации тщательного мониторинга и совершенствования действующего законодательства.

Участие субъектов федерации в реализации государственной программы

С 2014 по 2017 год в России реализовывалась федеральная целевая программа «Устойчивое развитие сельских территорий на 2014–2017 годы и на период до 2020 года». С 2018 года мероприятия данной программы были включены в Государственную программу развития сельского хозяйства и регулирования рынков сельскохозяйственной продукции, сырья и продовольствия в качестве подпрограммы. В субъектах Российской Федерации были разработаны региональные программы. Например, в Вологодской области реализовывалась программа «Развитие агропромышленного комплекса и потребительского рынка Вологодской области на 2013–2020 годы».

Принятие государственной программы «Комплексное развитие сельских территорий» предусматривает софинансирование соответствующих программ в регионах. Субъекты федерации могут принимать участие в реализации государственной программы на конкурсной основе. Для этих целей Министерство сельского хозяйства Российской Федерации подготовило правила предоставления и распределения субсидий из федерального бюджета субъектам РФ на реализацию проектов «Комплексное развитие сельских территорий (сельских агломераций)».

В 2019 году в программу «Развитие агропромышленного комплекса и потребительского рынка Вологодской области на 2013–2020 годы» внесены изменения, в соответствии с которыми с 2020 года на тер-

ритории области будет реализовываться новая подпрограмма «Комплексное развитие сельских территорий Вологодской области». Общий объем финансирования мероприятий данной подпрограммы в 2020 году составит 524,2 млн руб., в том числе за счет средств федерального бюджета – 358,6 млн руб. (68,4%). В результате этого планируется ввести (приобрести) для граждан, проживающих на сельских территориях, более восьми тыс. кв. м жилья; ввести в действие 8,9 км распределительных газовых сетей и 6,2 км локальных водопроводов; реализовать четыре проекта по благоустройству сельских территорий.

Важнейшей задачей органов государственной власти субъектов Российской Федерации становится подготовка соответствующей документации для получения субсидий. На местах необходимо активизировать работу по подготовке региональных программ комплексного развития сельских территорий. Учитывая нехватку специалистов на селе и недостаточный опыт разработки подобных документов, следует подумать как об организации обучения муниципальных служащих, так и научно-методическом сопровождении этих работ.

Выводы

Современный уровень социально-экономического развития большинства сельских территорий России остается низким. Качество жизни сельских жителей существенно ниже, чем в городе. Значительная часть проблем не решается десятилетиями. Институт местного самоуправления не в состоянии решить проблемы из-за недостаточной финансово-экономической базы.

Вместе с тем эффективное и рациональное использование потенциала сельских территорий способно обеспечить не только их развитие, достойный уровень и качество жизни на селе, но и устойчивое развитие всей страны. В связи с этим целенаправленное регулирование социально-экономического развития сельских территорий является важнейшей задачей органов государственной власти.

Принятая государственная программа «Комплексное развитие сельских территорий», ориентированная на период 2020–2025 гг., предусматривает выделение значительных объемов финансовых ресурсов на решение широкого спектра вопросов села. Для того чтобы реализация программы была успешной и действительно способствовала развитию сельских территорий, решению их острей-

ших проблем, требуется усиление государственного регулирования территориального развития, активизация органов государственной власти субъектов федерации по подготовке региональных программ комплексного развития сельских территорий, организации и методическому сопровождению работ по формированию конкурсной документации для получения финансирования.

ЛИТЕРАТУРА

1. Иванов В.А. Особенности и направления развития села и экономики сельской территории северного региона // Проблемы развития территории. 2019. № 4 (102). С. 55–71. DOI: 10.15838/ptd.2019.4.102.3
2. Логинова Д.А., Строков А.С. Институциональные вопросы устойчивого развития сельских территорий // Вопросы государственного и муниципального управления. 2019. № 2. С. 115–136.
3. Киселев С.В. Сельская экономика. М.: ИНФРА-М, 2007. 436 с.
4. Крутиков В.К., Федорова О.В. Развитие сельских территорий: инновации, диверсификация. Калуга: Флагман, 2011. 216 с.
5. Чепурных Н.В., Мерзлов А.В. Социально-экономические факторы развития сельских территорий // Науч. журн. НИУ ИТМО. Сер. «Экономика и экологический менеджмент». 2017. № 4. С. 92–101.
6. Мичурина Ф.З., Теньковская Л.И., Рожнецова Е.В. Оптимизация экономических и социальных факторов развития сельских территорий: монография. Пермь: Изд-во ФГОУ ВПО «Пермская ГСХА», 2012. 330 с.
7. Нефедова Т.Г. Десять актуальных вопросов о сельской России: ответы географа. М.: ЛЕНАНД, 2013. 456 с.
8. Стародубровская И.В., Миронова Н.И. Проблемы сельского развития в условиях муниципальной реформы в России. М.: Ин-т Гайдара, 2010. 116 с.
9. Устойчивое развитие сельских территорий Алтайского края: социально-экономические и пространственные аспекты: кол. монография / науч. ред. А.Я. Троцкий. Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 2013. 330 с.
10. Адуков Р.Х., Адукова А.Н., Корсун М.Ю. Государственное управление должно обеспечивать полноценную реализацию потенциала села // Вестн. Курск. гос. с.-х. акад. 2018. № 7. С. 183–189.
11. Мерзлов А.В., Овчинцева Л.А., Попова О.А. Региональный опыт разработки программ устойчивого развития сельских территорий: информ. изд. М.: ФГБНУ «Росин-формагротех», 2012. 112 с.
12. Овчинников О.Г. Государственная политика сельского развития в США: опыт для России // Экономика сельскохозяйственных и перерабатывающих предприятий. 2019. № 2. С. 12–18.
13. Ушачев И.Г. Социальное развитие сельских территорий // АПК: экономика, управление. 2003. № 10. С. 9–16.
14. Ускова Т.В., Ворошилов Н.В. Региональная политика территориального развития: монография. Вологда: ИСЭРТ РАН, 2015. 156 с.
15. Социально-экономическое развитие территорий: проблемы эффективности региональной политики // Проблемы развития территории. 2016. Вып. 2 (82). С. 7–16.
16. Социально-экономические проблемы локальных территорий: монография / Т.В. Ускова [и др.]. Вологда: ИСЭРТ РАН, 2013. 196 с.
17. Wegren S.K. The Quest for Rural Sustainability in Russia. *Sustainability*, 2016, vol. 8, no. 7, pp. 1–18.
18. Wegren S.K. *Rural inequality in divided Russia*. London, New York: Routledge, 2015. 272 p.
19. Мантино Ф. Сельское развитие в Европе: политика, институты и действующие лица на местах с 1970-х годов до наших дней / пер. с итал. И. Храмовой. Инвестиционный центр ФАО, 2010. 272 с. URL: <http://www.fao.org/docrep/013/i2001r/i2001r.pdf>

20. Michalek J., Zarnekow N. Application of the Rural Development Index to Analysis of Rural. Regions in Poland and Slovakia. *Social Indicators Research*, 2012, vol. 105, no. 1, pp. 1–37.
21. *Leader Local Development Strategies (LDS). Guidance on design and implementation*. European Union, June 2016. 31 p. Available at: https://enrd.ec.europa.eu/sites/enrd/files/enrd-guidance_lds.pdf (accessed 01.11.2019).
22. Vujicic M., Ristic L. European integration and Rural development policy of the Re-public of Serbia and West Balkan countries. *Bulgarian Journal of Agricultural Science*, 2012, no. 4 (18), pp. 519–530.
23. Nardi A. *Rural development in Latin America. A critical territorial approach. Paper presented at NGM (Nordic geographers Meeting)*. Bergen, Norway, 2007. 21 p. Available at: https://www.researchgate.net/profile/Maria_Nardi4/publication/323369714_Rural_development_in_Latin_America_A_critical_territorial_approach/links/5a90879545851535bcd5a05a/Rural-development-in-Latin-America-A-criticalterritorial-approach.pdf (accessed 06.11.2019).
24. Ускова Т.В. Проблемы и перспективы социально-экономического развития сельских территорий // Вопросы территориального развития. 2018. № 2 (42). DOI: 10.15838/tdi.2018.2.42.1
25. Социально-экономическое развитие муниципальных районов. (2000–2017 гг.). Вып. 6. Вологда: ФГБУН ВолНЦ РАН, 2019. 68 с.
26. Иванов В.А. Особенности и направления развития села и экономики сельской территории северного региона // Проблемы развития территории. 2019. № 4 (102). С. 55–71. DOI: 10.15838/ptd.2019.4.102.3
27. Адуков Р.Х., Адукова А.Н. Проект государственной программы комплексного развития сельских территорий: базовые направления доработки // Экономика сельскохозяйственных и перерабатывающих предприятий. 2019. № 7. С. 22–28.
28. Узун В.Я. Госпрограмма комплексного развития сельских территорий: анализ проекта // Экономическое развитие России. 2019. Т. 26. № 5. С. 30–34.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ

Тамара Витальевна Ускова – доктор экономических наук, доцент, заместитель директора по научной работе, заведующий отделом, Федеральное государственное бюджетное учреждение науки «Вологодский научный центр Российской академии наук». Российская Федерация, 160014, г. Вологда, ул. Горького, д. 56а; e-mail: tvu@vscc.ac.ru

Николай Владимирович Ворошилов – кандидат экономических наук, научный сотрудник, Федеральное государственное бюджетное учреждение науки «Вологодский научный центр Российской академии наук». Российская Федерация, 160014, г. Вологда, ул. Горького, д. 56а; e-mail: niks789@yandex.ru

Uskova T.V., Voroshilov N.V.

INTEGRATED DEVELOPMENT OF RURAL TERRITORIES – A TASK OF NATIONAL IMPORTANCE

The Russian Federation has a huge development potential, but it is used very inefficiently. First of all, we are talking about its rural territories' potential which is not used because of the large number of acute social and economic problems characteristic of the Russian countryside. The list of the most acute problems includes the decline of agricultural production, the reduction of its resource base, the villagers' low level and quality of life, the lack of work and, as a result, the reduction of the rural population and villages. The consequence of these negative processes is a decrease in the stability of the resettlement system and national security. All this shows that the implemented policy in relation to rural areas has not led to qualitative changes in the situation in rural areas.

The increase of problems in the development of rural areas actualizes the issues of territorial development state regulation which required the adoption of a state program aimed at the integrated development of rural territories. Its principal difference lies in the fact that its financing is provided mainly from the Federal budget and extra-budgetary sources. During the discussion of the draft program, shortcomings and possible risks of its implementation were identified, which requires further elaboration of the implementation mechanism, measures to reduce risks, organization of monitoring and improvement of legislation. The success of the program measures implementation and the solution of acute rural development problems will depend to a decisive extent on the joint efforts of local governments and the Federation subjects' public authorities with the leading role of the latter.

Rural territories, socio-economic development, state regulation of territorial development, program of integrated development of rural territories.

INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

Tamara V. Uskova – Doctor of Economics, Associate Professor, Deputy Director for Science, Head of Department, Federal State Budgetary Institution of Science “Vologda Research Center of the Russian Academy of Sciences”. 56A, Gorky Street, Vologda, 160014, Russian Federation; e-mail: tvu@vscc.ac.ru

Nikolai V. Voroshilov – Ph.D. in Economics, Research Associate, Federal State Budgetary Institution of Science “Vologda Research Center of the Russian Academy of Sciences”. 56A, Gorky Street, Vologda, 160014, Russian Federation; e-mail: niks789@yandex.ru

УСТОЙЧИВОЕ РАЗВИТИЕ ТЕРРИТОРИЙ, ОТРАСЛЕЙ И ПРОИЗВОДСТВЕННЫХ КОМПЛЕКСОВ

DOI: 10.15838/ptd.2019.6.104.2

УДК 338.43(470) | ББК 65.32

© Иванов В.А.

РОЛЬ ГОСУДАРСТВА В РАЗВИТИИ СЕЛЬСКИХ ТЕРРИТОРИЙ И ЭКОНОМИКИ СЕЛА СЕВЕРА

ВАЛЕНТИН АЛЕКСАНДРОВИЧ ИВАНОВ

Институт социально-экономических и энергетических проблем Севера
Коми научного центра Уральского отделения Российской академии наук
Российская Федерация, 167982, г. Сыктывкар, ул. Коммунистическая, д. 26
E-mail: ivanova@iespn.komisc.ru

ORCID: [0000-0001-9184-6172](https://orcid.org/0000-0001-9184-6172); ResearcherID: [J-8136-2018](https://pubs.rsos.royalsocietypublishing.org/author/j-8136-2018)

На селе и в отраслях сельской экономики Севера наблюдаются негативные процессы. Сокращается численность сельского населения, идет процесс его старения, происходит деградация инфраструктуры. Для аграрной сферы, особенно в сельской периферии, характерно разрушение производственного потенциала, сокращение производства всех видов сельскохозяйственной продукции. Преодоление негативных процессов на селе и в аграрном секторе связано с возрастанием роли государства. Целью данной статьи является обоснование теоретических и методологических подходов к выработке системы государственного регулирования устойчивого сельского развития, методов и механизмов поддержки ведущей отрасли сельской экономики – аграрной сферы применительно к северному региону. Исходя из теоретических подходов о сущности, месте и роли государства в регулировании экономики, рассмотрены модели социально-экономического и общественного развития. Установлена невозможность при существующей либерально-монетаристской модели развития экономики России обеспечить устойчивое социально-экономическое развитие села и сельской экономики. Доказана объективная необходимость государственного вмешательства в данную сферу, предложены методы, механизмы и инструменты государственного регулирования села и сельской экономики. Рассмотрены зарубежный опыт государственного регулирования развития сельских территорий и аграрной отрасли и возможность использования его рациональных элементов в условиях нашей страны. Дан анализ финансового обеспечения развития сельской местности. Раскрываются основные тенденции поддержки сельского хозяйства, выявлены объемы, направления и недостатки финансовой поддержки отрасли. Показано влияние господдержки на уровень прибыли и рентабельности сельхозорганизаций. В качестве инструмента госрегулирования сельского и аграрного развития

Для цитирования: Иванов В.А. Роль государства в развитии сельских территорий и экономики села Севера // Проблемы развития территории. 2019. № 6 (104). С. 21–39. DOI: 10.15838/ptd.2019.6.104.2

For citation: Ivanov V.A. State's role in the development of rural territories and rural economy of the North. *Problems of Territory's Development*, 2019, no. 6 (104), pp. 21–39. DOI: 10.15838/ptd.2019.6.104.2

предложен программно-целевой подход. Результаты исследования могут быть использованы при совершенствовании господдержки агропродовольственного сектора, а также при разработке долгосрочной программы комплексного развития сельских территорий северного региона.

Село, сельская экономика, государственное регулирование, формы, методы и механизмы регулирования, зарубежный опыт, финансовая поддержка, Республика Коми.

Введение

В мировой и отечественной литературе представлен довольно разнообразный спектр мнений относительно места, роли, целей, возможностей государственного вмешательства в рыночную экономическую систему. Обсуждаются различные модели социально-экономического развития страны. Авторы многих публикаций [1–5] подвергают критике существующую либерально-монетаристскую модель развития экономики в нашей стране, созданную в начале 1990-х гг. Ее использование ставит под сомнение выполнение майского указа Президента РФ¹ о создании инновационной экономики и осуществлении прорыва.

Модель свободного рынка без учета особенностей пространственного развития регионов, традиций и менталитета населения крайне негативно отразилась на развитии сельских территорий и сельской экономики в условиях Севера. В Республике Коми за 1990–2018 гг. численность сельского населения за счет оттока и естественной убыли сократилась на 113,4 тыс. чел., или на 39%. Коэффициент смертности сельского населения выше городского в 1,5 раза. На селе идет процесс старения населения. Доля жителей моложе трудоспособного возраста уменьшилась с 28,9% в 1989 году до 21,6% в 2017 году, в трудоспособном возрасте соответственно – с 57,2 до 53%, а доля лиц старше трудоспособного возраста увеличилась – с 13,9 до 17,3%. В результате убыли населения происходит обезлюдивание сельских территорий. Средняя плотность за 1990–2018 гг. уменьшилась с 1,3 до 0,8 чел. Количество населенных пунктов без жителей сократилось в 4,5 раза.

¹ О национальных целях и стратегических задачах развития Российской Федерации на период до 2024 г.: Указ Президента РФ от 7 мая 2018 г. // Экономист. 2018. № 5. С. 3–13.

Для сельской местности характерна неразвитость инженерной и социальной инфраструктуры, внутрихозяйственные дороги с твердым покрытием составляют 37%. Лишь два из шести периферийных сельских районов (Койгородский и Усть-Куломский) имеют транспортную связь с г. Сыктывкар по дорогам с твердым покрытием. 84% сельского населения проживает в неаггломерированных населенных пунктах, 10% населенных пунктов получают электроэнергию от автономных электростанций. В годы рыночных реформ строительство жилых домов в сельской местности сократилось в 3,1 раза, дошкольных учреждений – в 2,3, общеобразовательных школ – в 1,9, учреждений культурно-досугового типа – в 1,4 раза.

На селе углубилась дифференциация доходов между работниками сельской экономики и других отраслей. В аграрной сфере, особенно в сельской периферии, произошли разрушение материально-технической базы, резкое сокращение обрабатываемых сельхозземель, поголовья животных, численности работников, ухудшение их профессионального уровня и качества жизни, падение производства всех видов сельскохозяйственной продукции [6].

Преодоление негативных тенденций на селе и в отраслях сельской экономики связано с возрастанием роли государства в управлении политикой сельского развития и разработкой эффективных механизмов ее реализации. Именно с этих позиций автор рассматривает устойчивость жизнедеятельности села и сельской экономики.

Необходимость повышения роли государства в развитии села и сельской экономики

В оценке сущности и роли рыночного механизма, форм государственного регу-

лирования экономики можно выделить три теоретических подхода и основанные на них модели социально-экономического и общественного развития: либерально-рыночную, государственно-плановую и смешанную.

Сторонники либерально-рыночной модели выступают против вмешательства государства в рыночную систему. А. Смит и другие представители классической школы (А. Маршал, Ф. Хайек, М. Фридмен и др.) считали, что рыночные механизмы автоматически формируют спрос и поддерживают равновесие на рынке. Свободная конкуренция, по их мнению, обеспечивает оптимальное распределение факторов производства между субъектами рынка.

Для государственно-плановой модели, представителями которой являются К. Маркс, Ф. Энгельс, К. Каутский, В.И. Ленин и др., характерны обобществление собственности, плановое регулирование общественного производства и распределение национального дохода. Эта модель использовалась в СССР более 70 лет, а также в других социалистических странах. В государственно-плановой экономике административное регулирование преобладало над экономическими методами управления.

Смешанная модель (планово-рыночная) основана на сочетании государственного регулирования и рыночной саморегуляции. Многие авторы называют ее конвергируемой экономикой. Сторонники конвергенции капиталистической рыночной и государственной плановой систем регулирования опираются на неизбежное сближение двух регулирующих моделей путем заимствования друг у друга положительных качеств в целях формирования постиндустриального общества, свободного от рыночных и плановых изъянов [7, с. 27–28].

Смешанная модель наиболее пригодна для России с ее специфическими природными условиями, историческими и культурными традициями, огромной территорией, значительной дифференциацией уровня развития регионов. Таковую позицию разделял А.И. Татаркин [5, с. 43].

Переход к планово-рыночной модели социально-экономического и общественного развития позволит осуществить технологический прорыв в нашей стране на базе V и VI технологических укладов, обеспечить устойчивое развитие огромных северных и нечерноземных территорий, а также села и сельской экономики.

Значительный вклад в разработку идеи участия государства в регулировании экономики внесли Дж.М. Кейнс и его последователи. Они создали концепцию экономической системы, регулируемой как рынком, так и государством. Оценивая положительные стороны рыночной системы, Дж.М. Кейнс отмечает, что рыночному механизму не удастся обеспечить полную занятость, справедливое распределение доходов и богатства [8, с. 34].

Наибольшее признание в практике государственного регулирования экономики получили теории антициклического (конъюнктурного) регулирования и экономического роста, разработанные Дж.М. Кейнсом и его последователями. Главное направление антициклической политики, по мнению кейнсианцев, – это воздействие инвестиций с помощью увеличения государственных расходов на закупки товаров и услуг в целях компенсации недостающего частного спроса; уменьшения нормы банковского процента и регулирования налоговых ставок. Важным фактором экономического роста кейнсианцы считают объем инвестиций. Из методов регулирования широкое значение придается государственным расходам. Основные цели их роста – увеличение эффективного спроса со стороны самого государства и создание благоприятных условий для частных капиталовложений.

Кейнсианские рекомендации широко использовались правительствами развитых стран в 1950–1960-х гг. и во многом способствовали смягчению циклических колебаний их экономики. Политика экономического роста стимулировала научно-техническую революцию.

Сельское хозяйство и некоторые добывающие отрасли сельской экономики являются объектами государственного регули-

рования в большинстве зарубежных стран. Социальная сфера, сельская инфраструктура, диверсификация сельской экономики, т. е. развитие предпринимательства в не-сельскохозяйственных сферах деятельности, также требуют поддержки и вмешательства государства в лице федеральных и региональных органов власти. Необходимость регулирования относится ко многим обслуживающим отраслям в сельской местности, прежде всего к системе водоснабжения. В отличие от города, в сельской местности создание нескольких организаций, занимающихся вопросами водоснабжения, потребует больших постоянных издержек. По мнению С.В. Киселева, единственная организация, занимающаяся водоснабжением населения, может с меньшими средними затратами обеспечить жителей села данным видом услуг².

Развитие сельского хозяйства, являющегося главной отраслью сельской экономики, регулируется государством. Аграрный сектор, прежде всего северных и арктических территорий, не вписывается в современную модель рыночной экономики и может развиваться при государственной поддержке.

Необходимость государственного регулирования северного села и сельского хозяйства с помощью различных методов и инструментов вызвана следующими причинами: слабым развитием транспортной, инженерной и социальной инфраструктуры; крайне низким уровнем производительности и оплаты труда в аграрной отрасли; диспаритетом цен на промышленную и сельскохозяйственную продукцию; объективной потребностью аграрного сектора в инновационной модернизации, что связано с высокой потребностью в постоянных вложениях при относительно низкой капиталоотдаче; в экстремальных условиях Севера частный капитал не заинтересован вкладывать свои средства в сохранение и развитие сельского хозяйства. Здесь особенно велика роль государства в финансировании сельских территорий и аграрной сферы.

Без государственной поддержки сельхозорганизаций и крестьянско-фермерских хозяйств будет свернуто производство биологически полноценных продуктов питания. Ликвидация сельскохозяйственного производства, зачастую являющегося единственной сферой занятости на селе, означает смену места жительства или даже образа жизни людей. Если прекратится производство сельхозпродукции, то для выплаты пособий безработным и занятости коренных этносов другими видами деятельности государству потребуется гораздо больше расходов, чем на поддержание и развитие аграрного производства.

Методы, механизмы и инструменты государственного регулирования развития села и сельской экономики

Государственное регулирование представляет систему мер воздействия на развитие села и сельской экономики по избранному пути. Методы, механизмы и инструменты госрегулирования представлены на рис. 1.

Методы регулирования подразделяются на административные и экономические. Среди мер административного регулирования следует выделить: принятие указов президента и постановлений правительства; разработку законов и постановлений на федеральном и региональном уровнях; принятие министерствами и ведомствами приказов, писем, инструкций и других правовых актов. К административным методам регулирования относятся разнообразные меры, связанные с разработкой стандартов, систем лицензирования, сертификации и квотирования, контролем над ценами, доходами, валютным курсом, учетным процентом, государство осуществляет ветеринарный, санитарный и фитосанитарный контроль.

В хозяйствующих субъектах сельской экономики в административное регулирование также входят установление квот на посевы сельхозкультур, поголовье скота, производство и сбыт продукции. Государство принимает решения об организации оптовых и розничных рынков, товарных бирж, ярмарок, опционов, лизинговых и страховых компаний и пр.

² Сельская экономика: учеб. М.: Инфра-М, 2008. С. 496.

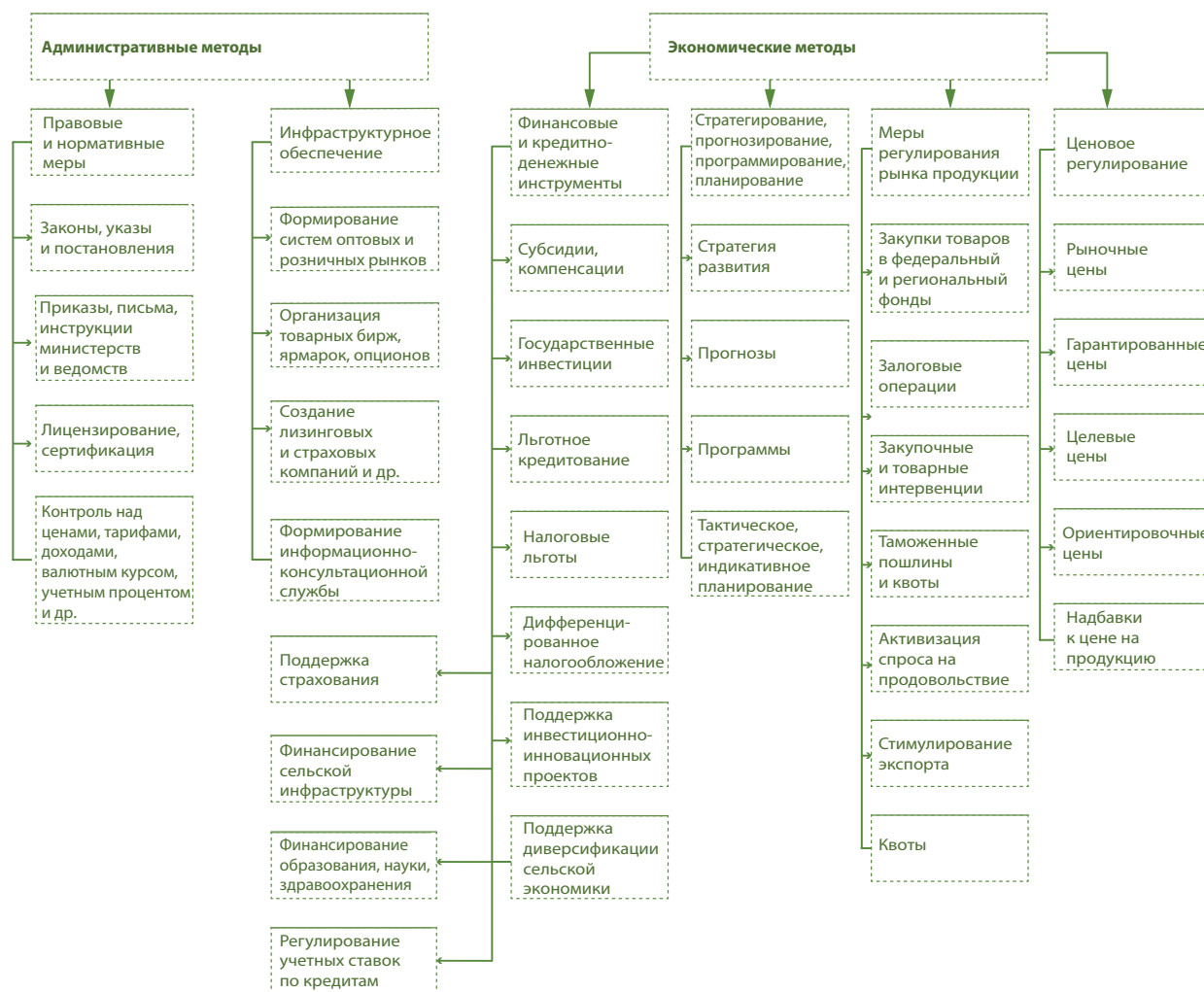

Рис. 1. Методы, механизмы и инструменты воздействия государства на развитие села и сельской экономики

Административные методы регулирования принято называть прямыми, оказывающими непосредственное воздействие на процесс производства. Экономические методы рассматриваются как косвенные с опосредованным влиянием. В рыночной экономике административные методы не влияют непосредственно на производственный процесс, государство создает правила игры.

Экономическое регулирование использует разнообразные формы, к которым относятся субсидии, компенсации, государственные инвестиции, льготное кредитование, дифференцированное налогообложение, финансовая поддержка диверсификации сельской экономики, инвестиционно-инновационных проектов, страхования, кредитно-

денежные инструменты, финансирование в человеческий капитал (образование, науку, здравоохранение), развитие сельской инфраструктуры.

В рыночных условиях важную роль играет регулирование рынка аграрной продукции. Оно осуществляется в следующих формах: закупки, залоговые операции, квоты, закупочные и товарные интервенции.

В системе регулирования рынка сельхозпродукции и продовольствия особое значение отводится ценовому механизму. Наряду с рыночными ценами, которые складываются под воздействием спроса и предложения, применяются и регулируемые цены (целевые, гарантированные, ориентировочные).

Одним из механизмов регулирования социально-экономических процессов является проектно-программный подход. Как в стране, так и в Республике Коми с 2006 года были реализованы различные проекты и программы. Их осуществление позволило добиться некоторого улучшения ситуации на селе и в аграрной сфере. Однако ситуация остается сложной, что связано с несовершенством государственного регулирования.

Регулирование также подразделяется по отраслям сельской экономики, в сферах производства и потребления. Поддержка потребления населения с низким уровнем доходов достаточно широко применяется в США и Канаде. В США за 1990–2013 гг. расходы финансирования бедных слоев населения увеличились на 81,6 млрд долл.³ Программа продовольственной помощи населению с низкими доходами особенно актуальна для нашей страны.

Меры регулирования подразделяются на производство и торговлю. Всемирная торговая организация в зависимости от степени искажающего воздействия на производство и торговлю объединила виды господдержки в три корзины: «зеленая», «желтая» и «голубая».

В качестве инструмента регулирования рынка важное значение принадлежит планированию. Планы базируются на стратегиях, прогнозах, концепциях и программах. Взаимосвязь этих категорий выглядит следующим образом: Стратегия → Прогноз → Программа → План.

В ряде стран применяется государственное планирование экономики, получившее название «индикативного». При этом в каждой стране концепция отличалась определенным своеобразием, отражающим особенности исторических, социально-экономических, культурных и других условий данного государства. После Второй мировой войны концепция индикативного плани-

рования экономики претворялась в жизнь в 12 странах Европы и в Японии⁴.

В настоящее время успешный опыт соединения рыночных форм и государственного планирования применяется в Китае. Государственное вмешательство в форме так называемого селективного регулирования и индикативного планирования способствовало выводу исходно рыночной экономики из сложного положения на траекторию здорового роста, а во многих странах такое управление прижилось и работает уже десятки лет [9, с. 16].

В рыночной экономике планирование является необходимой предпосылкой эффективного развития предпринимательства. Без планирования невозможно сформулировать цель развития, способы и средства ее достижения. В России при переходе к рыночным отношениям практически отказались от накопленного десятилетнего опыта планирования, который был признан положительным во многих странах. Даже сам термин народнохозяйственное планирование не использовался в научных дискуссиях. Запрет на его применение снял принятый в 2014 году Федеральный закон «О стратегическом планировании в Российской Федерации»⁵.

Необходимость планирования в рыночной экономике отмечал В.В. Леонтьев [10, с. 238]. Идеи соединения плана и рынка для экономики нашей страны признают многие отечественные ученые [9; 11–14].

Организация планирования потребует решить проблему кадров. Сейчас в стране экономическое образование не готовит экономистов для государственного управления, по отраслям народного хозяйства. По мнению В. Житкова, кадровая проблема профессионалов государственного управления не менее значима, чем институциональное устройство власти. Экономическому образованию нужен свой Физтех и свой МГИМО

³ Сельская экономика: учеб. М.: Инфра М., 2008. С. 506; USDA Budget Summary and Annual Performaceplan. 2013. P. 54.

⁴ Государственное регулирование рыночной экономики: учеб. / под. общ. ред. В.И. Кушлина. 2-е изд., перераб. и доп. М.: Издательство РАГС, 2002. С. 79-80.

⁵ О стратегическом планировании в Российской Федерации: Федеральный закон от 28 июня 2014 г. № 172-ФЗ // Собрание законодательства РФ. 2014. № 26 (ч. 1). Ст. 3378.

[9, с. 27]. Подготовка экономистов для отраслей сельской экономики должна производиться и в субъектах Российской Федерации.

Зарубежный опыт сельского развития и финансовой поддержки фермерских хозяйств

Для формирования системы государственного регулирования развития села и аграрной сферы полезен опыт зарубежных стран. Наиболее полную и целостную картину моделей и концепций развития сельских территорий в Западной Европе, реализации этой политики с помощью инструментов государственной поддержки за период 1970–2013 гг. выполнил Ф. Мантино. Он выделил три концепции сельского развития. Первая идентифицирует сельское развитие с модернизацией сельского хозяйства и агропродовольственного комплекса, вторая связывает сельское развитие исключительно с сокращением различий между наиболее отсталыми сельскими районами и остальными отраслями экономики (концепция сближения). Третья концепция идентифицирует сельское развитие с развитием сельских районов в целом путем использования всех ресурсов, имеющихся в данном районе (человеческих, физических, природных, ландшафтных и пр.), и интеграции между всеми компонентами и отраслями на местном уровне [15, с. 15]. Она не исходит из отраслевых интересов, не рассматривает аграрный сектор в качестве единственного и основного в сельском развитии.

Сейчас в передовых странах устойчивое развитие сельской местности является одной из главных целей региональной политики, тесно связано и согласуется с пространственным развитием. В Европе накоплен многолетний опыт подготовки национальных и региональных программ сельского развития. В качестве мер поддержки сельских территорий предусмотрено развитие образования, транспортной и информационно-коммуникационной инфраструктуры и улучшение доступа к социальным услугам. Значительные финансовые средства направляются на повышение пло-

дородия почв, строительство сельских дорог, линий электропередач.

В конце 1980-х – начале 1990-х гг. в Европе начался переход к новой сельской политике, в основе которой лежит не отраслевой, а территориальный принцип развития. Основные ее цели – это повышение конкурентоспособности сельского и лесного хозяйства с помощью мер реструктуризации и использования инноваций; улучшение состояния окружающей среды в сельской местности; рост качества жизни сельского населения и диверсификация сельской экономики.

Одним из инструментов сельского развития стала разработанная Евросоюзом программа «ЛИДЕР», ориентирующая сельское развитие с экзогенного на эндогенный подход в целях активизации скрытых возможностей сельской местности и наращивания инвестиций в местный социальный капитал. Развитие сельских территорий сочетает отраслевой и территориальный подходы, которые дополняют друг друга.

Во всех странах ЕС разрабатываемые национальные программы сельского развития реализуются через четыре основные подпрограммы (оси):

1. Повышение конкурентоспособности сельскохозяйственной и лесной отраслей.
2. Улучшение окружающей среды.
3. Качество жизни на селе и диверсификация сельской экономики.
4. ЛИДЕР [16].

В период 2014–2020 гг. бюджет ЕС на развитие сельских территорий составит 95,3 млрд евро. Ежегодный объем бюджета останется стабильным на уровне 13,6 млрд евро. Доля бюджетных средств на развитие сельских районов прогнозируется в размере 20% от всей суммы поддержки сельскому хозяйству и селу [17].

Крупнейшими получателями поддержки являются Польша (11,5%), Италия (10,9%), Франция (10,4%), за ними следуют Испания (8,7%), Германия (8,6%) и Румыния (8,4%) (рис. 2).

Для зоны Севера России весьма ценен опыт управления устойчивым развитием

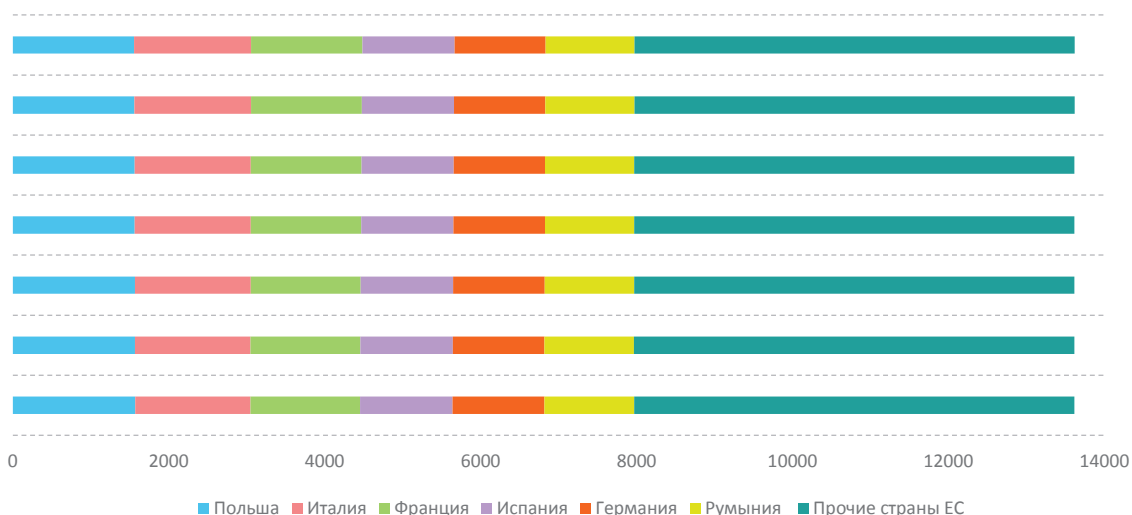

Рис. 2. Объемы бюджетных средств на развитие сельских районов государств – членов Европейского Союза за 2014–2020 гг., млн евро

Источник: Fact Sheets on the European Union – 2019. URL: <http://www.europarl.europa.eu/factsheets/en>

сельских территорий Финляндии. Существующая сегодня в Финляндии сельская политика начала формироваться в 1960–1970 гг. В эти годы разработаны программы развития, создано Общество сельского планирования и стали поощряться низовые инициативы в деревнях. В период 1988–1990 гг. в стране была реализована первая Программа сельской политики, вторая – в 1996 году, третья – в 2000 году, четвертая – в 2004 году, пятая – в 2009–2013 гг.

Приоритеты финской сельской политики сводятся к следующему: профессиональная подготовка и переподготовка кадров для сел; максимальная диверсификация агроэкономики; принятие решений, особенно для малонаселенных периферийных районов. Сельская политика Финляндии ориентирована на укрепление взаимного функционирования всех заинтересованных сторон в согласовании общих целей и разработке оптимальных и приемлемых для всех способов решения проблем. основополагающими механизмами достижения этой стратегической цели являются социальное взаимодействие, социальное доверие, коллективная и экспертная оценка.

Необходимость поддержки сельского хозяйства в зарубежных странах обосновы-

вается относительно низкой доходностью вложенного в сельское хозяйство труда по отношению к другим отраслям народного хозяйства, а также сохранением ножиц цен на сельскохозяйственную продукцию и покупные средства производства. За последние годы растет уровень государственной поддержки органической продукции сельского хозяйства.

За весьма длительный период, в особенности за последние 80 лет, государственная система поддержки сельского хозяйства прошла несколько стадий, но в целом она сохраняет свою преемственность и служит основой для стабильного сельскохозяйственного производства. Основную роль во всей системе государственного регулирования сельского хозяйства в зарубежных странах играют прямые субсидии, стимулирующие рост производства сельскохозяйственной продукции. Бюджетом на 2014–2020 гг. предусмотрено выделить на прямую поддержку сельского хозяйства 71%, рыночных мер – 4% и мер по развитию села – 24% [17].

Анализ зарубежного опыта государственной поддержки сельского хозяйства показывает, что ее уровень остается высоким. В отчете ОЭСР «Мониторинг и оценка сельскохозяйственной политики 2018» гово-

рится, что в 51 исследованной стране для поддержки сельского хозяйства в период 2015–2017 гг. ежегодно выделялось 620 млрд долл. США (551 млрд евро). Около 78% этой суммы передавалось фермерам для поддержания их доходов. Доля финансовой поддержки в валовой выручке фермерских хозяйств составляла 15%. В 2017 году доля бюджетной поддержки к стоимости валового внутреннего продукта в Китае составила 1,96%, Турции – 1,93, Корею – 1,79, Японии – 1,06, Исландии – 1,05, Швейцарии – 1,01, Норвегии – 0,8, России – 0,72%. Существенно ниже в нашей стране уровень поддержки в валовых доходах сельхозпроизводителей (рис. 3, 4). Такая малая бюджетная поддержка сельского хозяйства России с его низким биоклима-

тическим потенциалом, слабой технической оснащённостью, отсталыми технологиями сдерживает модернизацию и инновационное развитие отечественного сельского хозяйства и не позволяет преодолеть существенное отставание по уровню производительности труда от высокоразвитых стран.

Для формирования системы господдержки аграрной сферы Севера особенно полезен опыт Финляндии. Финансовая поддержка сельского хозяйства Финляндии основана на общей сельскохозяйственной политике (CAP) ЕС и на национальной помощи. Помощь в рамках ЕС включает прямые платежи и совместно финансируемые платежи в менее благоприятные территории. В Финляндии они дополняются национальной

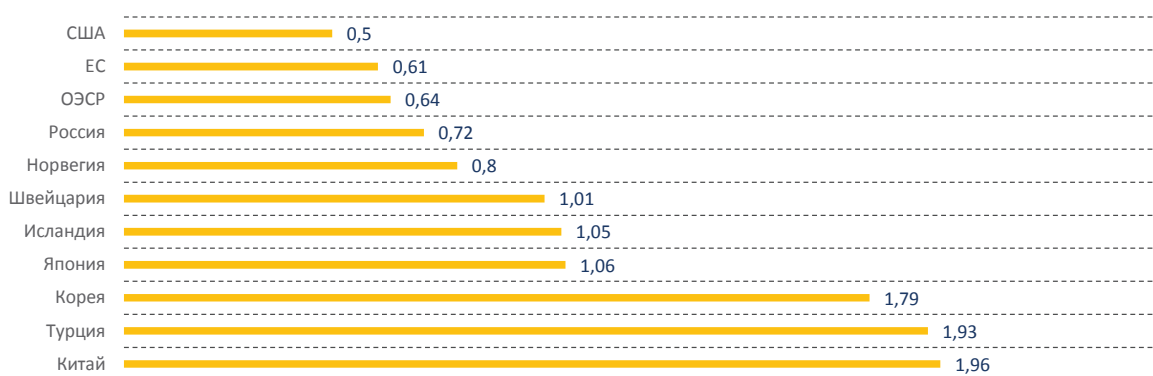

Рис. 3. Доля поддержки фермеров в валовом внутреннем продукте в 2017 году, %

Источник: Agricultural Policy Monitoring and Evaluation 2018. OECD Publishing, Paris. URL: http://doi.org/10.1787/agr_pol-2018-en

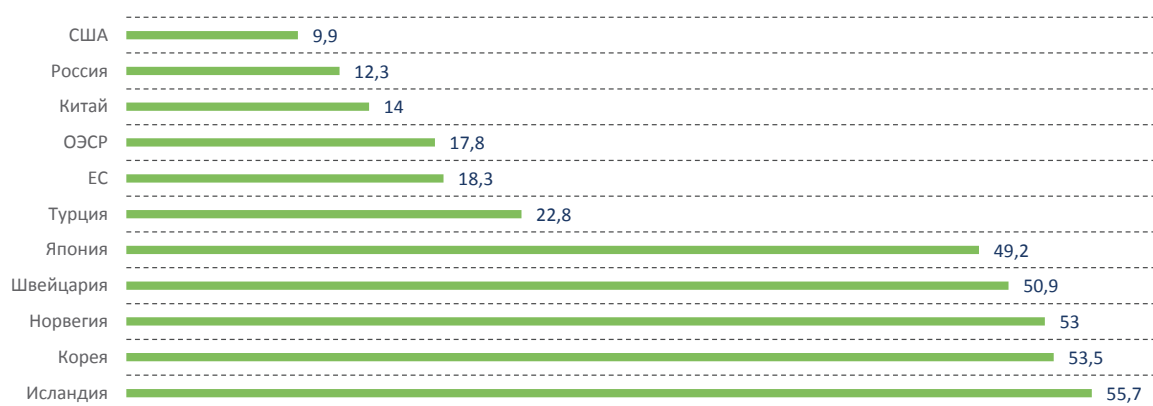

Рис. 4. Доля поддержки в валовых доходах фермеров в 2017 году, %

Источник: Agricultural Policy Monitoring and Evaluation 2018. OECD Publishing, Paris. URL: http://doi.org/10.1787/agr_pol-2018-en

помощью: северная помощь, национальная помощь для южной части страны и некоторые другие платежи⁶.

Национальная помощь для фермеров Южной Финляндии выплачивается в области разведения свиней, птицы и садоводства. За 2012–2017 гг. помощь для юга Финляндии сократилась в 3 раза, тогда как северная помощь – лишь на 9%.

Северная помощь, оказываемая фермерским хозяйствам, находящимся севернее 62° широты, охватывает более половины (56%) обрабатываемой площади страны. Она состоит из программ по производству молока и программ помощи, основанных на количестве животных и посевных площадей, а также включает помощь для тепличного производства, помощь в хранении продукции садоводства, лесных ягод и грибов и выплаты, связанные с поголовьем оленей.

Важное значение в Финляндии имеет структурная поддержка фермеров, включающая субсидирование процентных ставок, субсидии в инвестиции и государственные гарантии. В 2018 году максимальная помощь субсидированных процентных займов составила 250 млн евро. Они предоставляются главным образом для финансирования производственных зданий и для начинающих молодых фермеров, для приобретения недвижимости и инвентаря. В 2018 году на оказание помощи молодым фермерам и поддержку инвестиций было намечено выделить 67,5 млн евро.

Финские фермеры получают инвестиционную поддержку на приобретение техники, строительство в размере 40% всех затрат [18]. Государство инвестирует в производство экологической продукции. Финансовая поддержка напрямую зависит от эффективной работы фермеров.

Анализ финансового обеспечения сельских территорий и господдержки аграрного сектора северного региона

В России сделаны практические шаги по развитию сельских территорий: приняты Концепция устойчивого развития сельских

территорий на 2014–2017 гг. и на период до 2020 года (2013 год); Стратегия устойчивого развития сельских территорий на период до 2030 года (2015 год); разрабатываются региональные программы устойчивого развития сельских территорий.

30 мая 2019 года Правительство России утвердило государственную программу «Комплексное развитие сельских территорий», которая рассчитана на 2020–2025 гг. В рамках госпрограммы намечено строительство жилья и развитие инженерной инфраструктуры, в первую очередь коммунальной, доступность и качество медицинских услуг и образования, развитие и повышение качества транспортно-логистической инфраструктуры и общественного транспорта, физическая доступность продуктов питания и бытовых товаров, покрытие территории современными средствами связи, возможность физического развития населения, доступ к системе предоставления социальных услуг, развитие рекреационной системы, экотуризма, улучшение экологической ситуации.

Общий объем финансирования госпрограммы составит 2288 млрд руб., в том числе доля бюджетных средств – 54%, из них из федерального бюджета – 46%, внебюджетных источников – 46%. Основная доля расходов должна пойти на улучшение жилищных условий (46%) и совершенствование облика сельских территорий (30%) (рис. 5).

Анализ финансового обеспечения сельских территорий Республики Коми показал, что на их развитие в 2003–2018 гг. направлено свыше 2,3 млрд руб. бюджетных средств. Это позволило реализовать ряд проектов по газо- и водоснабжению, улучшению жилищных условий молодых семей и специалистов, благоустройству сельских населенных пунктов. Только в 2018 году на селе построено 6,2 км водопроводных сетей, 7,3 тыс. кв. м жилья, реализовано 8 проектов местных инициатив.

Наибольший объем финансовых ресурсов приходится на 2014 год (рис. 6).

Основная тяжесть в сфере финансирования села ложится на региональный бюджет.

⁶ Agriculture and food sector in Finland 2018. Natural Resources Institute Finland. Helsinki, 2018. 100 p.

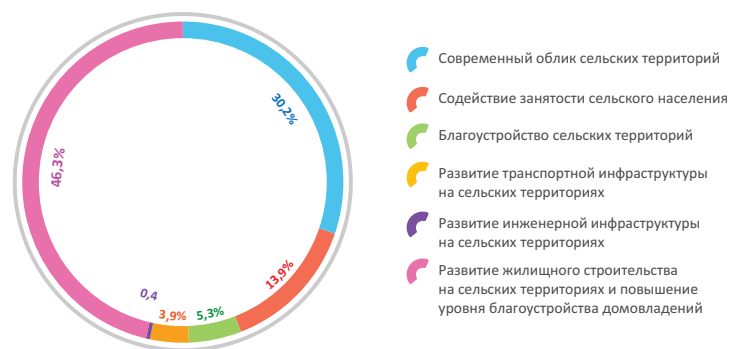

Рис. 5. Структура расходов бюджетных и внебюджетных средств на госпрограмму «Комплексное развитие сельских территорий» на период 2020–2025 гг., %

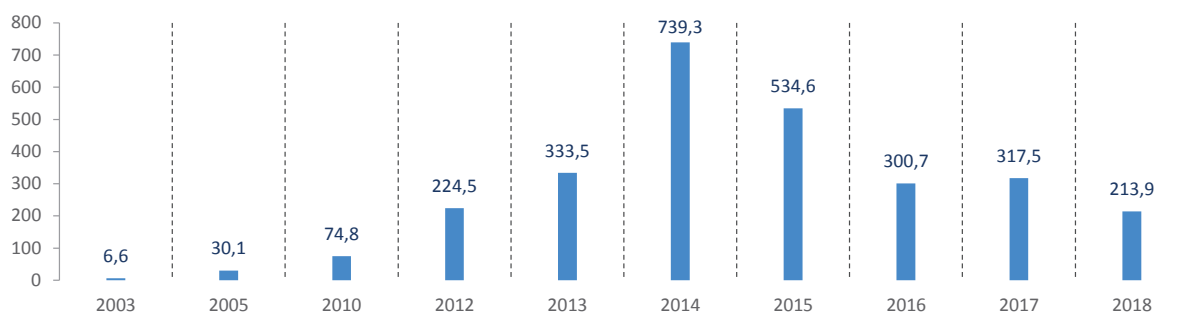

Рис. 6. Динамика привлечения средств на развитие сельских территорий Республики Коми за 2003–2018 гг., млн руб.

На его долю за рассматриваемые годы приходилось 75% расходов. Доля федерального бюджета составила 21%, местного – 4%. Из-за слабости финансовой базы местный бюджет не играет какой-либо роли в развитии села и господдержке аграрного сектора.

До 2014 года бюджетные средства направлялись на улучшение жилищных условий, газификацию села и водоснабжение. В последние годы увеличились расходы на строительство школ и учреждений культурно-досугового типа. За 15 лет на строительство дорог израсходовано лишь 1,4 млн руб., фельдшерско-акушерских пунктов – 14,5 млн руб. (табл. 1).

Из общего объема бюджетных средств, направляемых на модернизацию инфраструктуры села, 38% было выделено на улучшение

жилищных условий, 25 – на строительство общеобразовательных учреждений, 15 – на газификацию, 10% – на водоснабжение. Доля финансовых средств на строительство фельдшерско-акушерских пунктов и дорог составила, соответственно, 0,7 и 0,06% (рис. 7).

В предстоящие пять лет в госпрограмме «Комплексное развитие сельских территорий» выделяется недостаточно финансовых ресурсов на развитие инфраструктуры села. Из общего объема средств на развитие транспортной инфраструктуры села предусмотрено направить лишь 4%, а на развитие инженерной инфраструктуры – только 0,4%. Существующие в настоящее время и планируемые на 2020–2025 гг. объемы финансовых ресурсов в инфраструктуру села не соответствуют комплексному развитию сельских территорий.

Таблица 1. Объемы бюджетных средств на развитие инфраструктуры села Республики Коми, млн руб.

Направление использования средств	Год							
	2003	2005	2010	2014	2015	2016	2017	2018
Улучшение жилищных условий	-	12,6	37,1	184,9	89,1	87,3	92,4	80,2
Строительство общеобразовательных учреждений	-	-	-	125,9	266,7	8,5	12,6	13,6
Ввод фельдшерско-акушерских пунктов	-	-	-	14,5	-	-	-	-
Строительство учреждений культурно-досугового типа	-	-	-	-	-	46,5	34,1	21,5
Строительство спортивных сооружений	-	-	-	-	-	11,5	10,6	13,8
Строительство дорог	-	-	-	-	1,4	-	-	-
Газификация сел	3,6	3,6	2,1	133,3	42,1	27,3	3,5	25,1
Водоснабжение	3,0	6,1	3,1	42,6	34,0	44,8	33,8	26,4
Обустройство площадок под жилищную постройку	-	-	-	56,3	16,7	13,2	20,0	15,7
Поддержка местных инициатив граждан	-	-	-	2,2	3,5	3,0	2,6	3,1

Источник: данные Министерства сельского хозяйства и потребительского рынка Республики Коми.

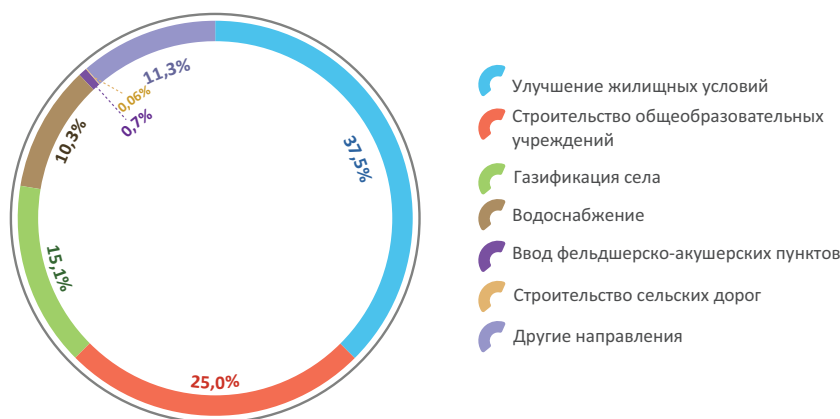

Рис. 7. Структура расходов бюджетных средств на развитие инфраструктуры села Республики Коми за 2003–2018 гг., %

В настоящее время господдержка аграрной сферы в основном реализуется через Государственную программу развития сельского хозяйства и регулирования рынков сельскохозяйственной продукции, сырья и продовольствия. Объем субсидий сельскому хозяйству Республики Коми за 2006–2018 гг. увеличился более чем в 2,4 раза. Финансовая поддержка продовольствия позитивно отразилась на отрасли.

Господдержка аграрного сектора осуществляется в первую очередь из регионального бюджета. Сейчас из бюджета республики

в отрасль направляется 90% субсидий, из федерального – 10,8%, причем объем федеральных субсидий за 2013–2018 гг. снизился на 23%, а за последние три года – на 35% (рис. 8).

Данные об объемах субсидий по направлениям поддержки сельхозтоваропроизводителям республики в среднем за 2016–2018 гг. приведены в табл. 2.

В структуре господдержки наблюдается снижение объемов и доли расходов на текущую деятельность и увеличение их на инвестицию. Если в 2013 году доля финансовой поддержки производственной деятельности

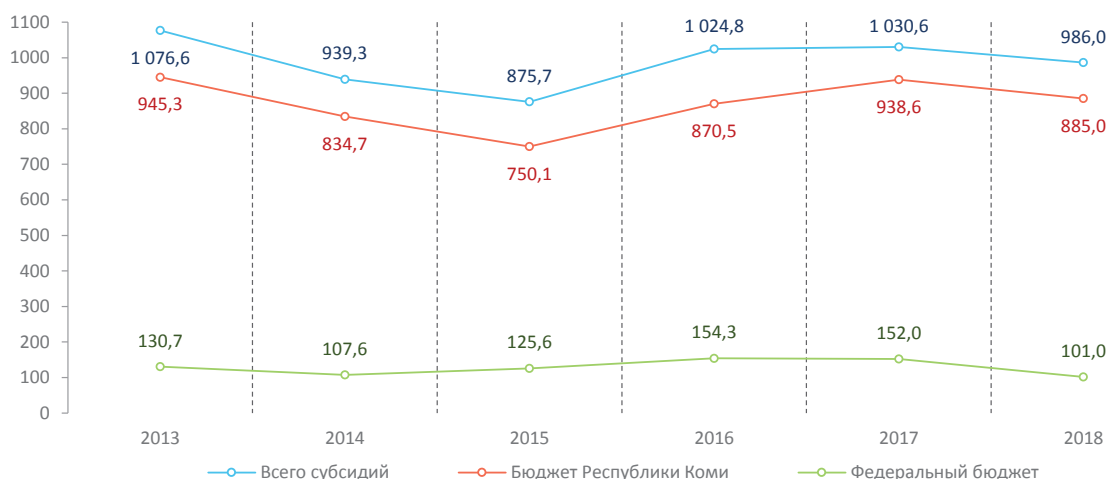

Рис. 8. Объемы господдержки сельского хозяйства Республики Коми в 2013–2018 гг., млн руб.

Таблица 2. Объемы поддержки сельского хозяйства Республики Коми в среднем за 2016–2018 гг., млн руб.

Направление поддержки	Всего	В том числе из бюджета	
		федерального	регионального
Субсидии на поддержку программ и мероприятий по развитию растениеводства	54,6	7,8	46,8
В том числе распределено на поддержку:			
– посевов сельхозкультур	20,1	7,7	12,4
– продукции	15,4	0,1	15,3
Оказание несвязанной поддержки в области растениеводства	19,3	8,1	11,2
Субсидии на поддержку программ и мероприятий по развитию животноводства	531,2	33,4	497,8
В том числе распределено на поддержку:			
– поголовья крупного рогатого скота	238,9	22,6	216,3
– поголовья оленей	34,1	11,5	22,6
– производство молока	247,9	-	247,9
– производство мяса	2,6	-	2,6
– производство яиц	33,4	-	33,4
– повышение продуктивности молочного скотоводства	28,7	13,6	15,1
Субсидии на возмещение затрат на модернизацию объектов	80,8	55,2	25,6
Субсидии на возмещение части процентной ставки по инвестиционным кредитам (займам)	23,8	16,1	20,5
Гранты малым формам хозяйствования	31,8	11,3	20,5
Из них фермерским хозяйством	30,5	11,1	19,4
Всего господдержка	110,1	153,5	947,6
Источник: годовые отчеты.			

составляла 76% (822,9 млн руб.), то в 2017 году – 63% (691,6 млн руб.). Субсидии инвестиционной направленности за эти годы увеличились с 253,7 до 399,1 млн руб., а доля расходов – с 24 до 37%. Рост субсидий на модернизацию животноводческих помещений позволил за 2011–2018 гг. ввести 7,3 тыс. скотомест для крупного рогатого скота, в том числе 6,6 тыс. для коров. Строительство и реконструкция ферм коснулась в основном Сыктывдинского, Корткеросского, Сысольского и Прилузского районов. На их долю пришлось 77% общего количества введенных скотомест.

За 2013–2017 гг. в структуре финансовой поддержки наблюдалось увеличение расходов на животноводство (на 16%) и снижение – на растениеводство (на 42%). Доля господдержки животноводства возросла с 77% в 2013 году до 88% в 2017 году, растениеводства – сократилась, соответственно, с 14 до 8%.

Анализ финансовой поддержки товарной продукции показал, что основные ее объемы приходятся на производство молока. За 2013–2017 гг. субсидии на молоко увеличились на 7%, а их доля в общих объемах на продукцию животноводства составила 93%. Резко сократилась господдержка производства мяса скота и птицы (рис. 9).

С учетом субсидий производство молока за последние 5 лет было прибыльным, а мяса крупного рогатого скота – убыточным. Так, в 2017 году убыточность производства говядины составила 47,7%. Это отразилось на убыточности молочного скотоводства в целом.

Увеличение субсидий на производство молока и снижение – на говядину позволяют развивать молочное скотоводство в пригородной зоне и районах с хорошей транспортной доступностью и сдерживать его развитие в сельской периферии.

Аграрный сектор удаленных сельских районов располагает предпосылками для развития скотоводства (наличие крупных массивов пойменных лугов, трудовых ресурсов). Для реализации имеющихся возможностей требуется увеличить субсидии на производство говядины и молока, а также на выращивание крупного рогатого скота. Поддержка производителей молока, осуществляемая сейчас в республике в зависимости от объемов продуктивности не ниже 3000 кг, ставит в очень сложное положение сельхозорганизации и крестьянско-фермерские хозяйства периферийных территорий, имеющие низкие удои на корову. Для них потребуется определенное время для выработки мер по повышению продуктивности молочного скотоводства.

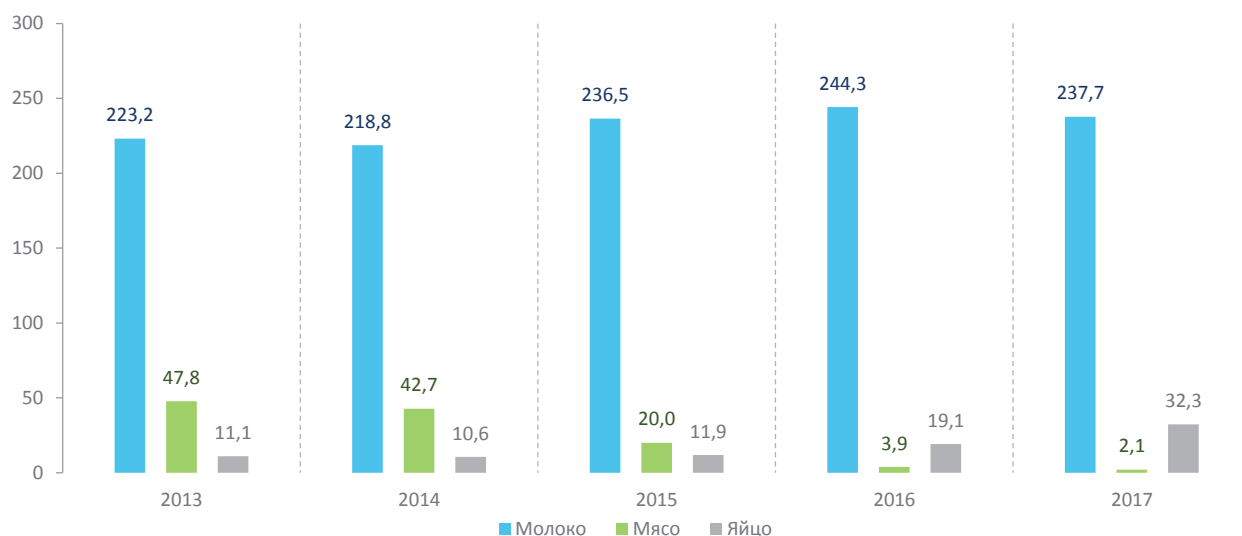

Рис. 9. Субсидии на товарную продукцию животноводства Республики Коми за 2013–2017 гг., млн руб.

Министерство сельского хозяйства и потребительского рынка Республики Коми также предлагает заменить субсидирование условного поголовья на товарное молоко, что будет выгодно для организаций с удоем свыше 5 тыс. кг. Для большинства сельхозорганизаций господдержка условного поголовья приведет к увеличению субсидий.

С 2015 года происходит снижение господдержки личных подсобных хозяйств населения. Ее размер за три последних года сократился более чем на 3 млн руб. Сейчас хозяйства населения производят 26% валовой продукции, а их доля в общей сумме финансовой поддержки составляет лишь 4%. Личные подсобные хозяйства обеспечивают сельское хозяйство рабочей силой, закупают молодняк скота у сельхозорганизаций, пользуются их услугами и служат основой для формирования крестьянских (фермерских) хозяйств. Полагаем, что этот уклад должен всесторонне поддерживаться государством.

Концептуальные основы совершенствования государственного регулирования развития сельских территорий и аграрной сферы

Государственная политика устойчивого развития северных сельских территорий должна сводиться к следующему: диверсификации сельской экономики в рамках сельскохозяйственных и несельскохозяйственных видов деятельности с целью повышения уровня занятости и доходов сельского населения; активизации инновационной деятельности в сельском предпринимательстве; максимальному использованию их ресурсного потенциала; строительству сельских дорог, образовательных, медицинских и культурно-спортивных объектов; развитию инженерной инфраструктуры; профессиональной подготовке и переподготовке кадров; оказанию приоритетной государственной поддержки сельским территориям с высоким уровнем бедности, естественной и миграционной убыли населения; учету интересов коренных этносов; выполнению селом многочисленных народнохозяйствен-

ных функций; согласованности федеральных, региональных и муниципальных органов власти в достижении стратегических целей.

В качестве инструментов сельского развития выступают Стратегия и Программа устойчивого развития сельских территорий. Достижение целей стратегии и программы обеспечивается с помощью нормативно-правового, организационного и финансового механизмов. Правовой механизм предусматривает подготовку федеральными и региональными органами власти предложений по совершенствованию, изменению и разработке новых нормативно-правовых документов по социально-экономическому развитию сельских территорий.

Организационный механизм обеспечивает методическую, консультационную и информационную поддержку, реализацию и мониторинг стратегии и программы устойчивого сельского развития. Важными направлениями организационного механизма являются отбор, господдержка и реализация социально значимых инвестиционных и инфраструктурных проектов.

В качестве основных финансовых инструментов реализации устойчивого социально-экономического развития сельских территорий выступают: финансовые средства федерального и республиканского бюджетов; укрепление и участие муниципальных бюджетов в господдержке развития села; целевое софинансирование приоритетных инфраструктурных и инвестиционных проектов за счет средств федерального бюджета; финансовые ресурсы промышленных предприятий региона; собственные средства субъектов хозяйствования сельской экономики; доступные льготные кредиты банков. Активная роль в реализации социально значимых инвестиционных проектов отводится государственно-частному партнерству.

Особое значение в устойчивом социально-экономическом развитии сельских территорий принадлежит стратегическому планированию, обеспечивающему достижение целевых показателей улучшения жизни

сельского населения. Стратегическое планирование обеспечивает связь концепций, стратегий и программ устойчивого развития сельских территорий.

Совершенствование государственного регулирования аграрного сектора предлагается осуществлять по следующим направлениям:

1. Существующие размеры господдержки аграрной сферы Республики Коми не позволяют не только развивать ее на инновационной основе, но и сдерживать падение производства в удаленных сельских районах. Объемы бюджетной поддержки не учитывают вклад сельских северных и арктических территорий в производство биологически полноценных продуктов питания, специфику специализации сельского хозяйства, уровень развития транспортной, инженерной и социальной инфраструктуры. Основная тяжесть финансовой поддержки сельхозпроизводителей ложится на региональный бюджет. Для подъема рентабельности и увеличения возможностей модернизации аграрного производства необходимо увеличить объем прямой государственной поддержки в два раза. Ускорение модернизации отрасли и инфраструктуры сельской местности потребует также государственных капитальных вложений.

2. Для скорейшего перевода аграрной экономики на новую технико-технологическую основу предлагается увеличить субсидии не только из регионального, но и из федерального бюджета. Из федерального бюджета целесообразно осуществлять господдержку на увеличение поголовья крупного рогатого скота и оленей, объемов производства говядины, оленины и молока; компенсировать часть стоимости приобретаемой современной техники и высокопроизводительного оборудования, минеральных удобрений, горючего, запасных частей, комбикормов, а также тарифы в размере 50% при транспортировке железнодорожным и водным транспортом материально-технических ресурсов; субсидировать процентные ставки по кредитам; выделять субсидии на ликвидацию бедности среди сельского населения и возме-

щение районных коэффициентов и северных надбавок к зарплате.

3. Потребуется дифференцированный подход к механизмам и инструментам развития сельского хозяйства пригородных и периферийных сельских территорий. Для развития аграрного производства сельской периферии необходимо увеличить бюджетные субсидии как на прямую финансовую поддержку, так и на технико-технологическое перевооружение. Перераспределение субсидий в пользу сельского хозяйства удаленных территорий может быть осуществлено за счет их уменьшения сельхозорганизациям, осуществляющим самокупаемость и самофинансирование.

4. Проводимый на оптимизацию господдержки курс ориентирован на повышение ее экономической эффективности в ущерб социальной направленности. Сельское хозяйство в районах с неблагоприятными условиями в силу его специфики и особенностей рыночных отношений выполняет социальную роль, связанную с социальной защищенностью сельского населения. Поэтому финансовая поддержка хозяйств населения, малых форм хозяйствования в периферийных районах должна быть главным приоритетом. Считаем, что намечаемая Министерством сельского хозяйства и потребительского рынка Республики Коми отмена субсидий личным подсобным и низкотоварным фермерским хозяйствам недостаточно обоснована.

5. Решение вопроса о предоставлении льготного кредита на строительство животноводческих помещений на срок до 20–25 лет, приобретение техники и оборудования – на 6–8 лет. Целесообразно освободить крестьян на пять лет от налогов.

6. В целях снижения колебаний цен на аграрную продукцию потребуются переход к закупкам сельхозпродукции по заранее объявленным гарантированным ценам. Особенно актуально государственное регулирование цен на материальные ресурсы и тарифы на электроэнергию, которые для сельхозтоваропроизводителей значительно выше, чем в промышленности.

Заключение

Изучение необходимости усиления роли государства в развитии села и сельской экономики позволяет сделать следующие выводы и дать рекомендации.

1. В рамках существующей либерально-монетаристской модели невозможно обеспечить устойчивое социально-экономическое развитие сельских территорий и отраслей сельской экономики. Село и сельская экономика устойчиво могут развиваться при всемерной помощи государства. Для этого потребуется заменить либеральную модель управления экономикой на планово-рыночную модель.

2. Обоснован организационно-экономический механизм регулирования села и сельской экономики, включающий правовые и нормативные меры; формирование рыночной, инженерной, информационной и социальной инфраструктуры; предложены финансовые инструменты сельского развития, включающие субсидии, бюджетное финансирование, государственные инвестиции, льготное кредитование и налогообложение, стимулирование диверсификации сельской экономики; меры регулирования рынка продукции (госзаказ, залоговые операции, закупочные и товарные интервенции, квотирование); ценовое регулирование. В качестве инструмента регулирования обосновано применение системы планирования, базирующейся на стратегиях, прогнозах и программах сельского развития.

3. В передовых экономиках государственная политика сельского развития отвечает двум функциям – отраслевой и территориальной, которые дополняют друг друга. Эволюция политики развития сельских районов связана с использованием всех имеющихся на ее территории ресурсов, приводящих к устойчивому сельскому развитию. Устойчивое развитие села тесно связано и согласуется с пространственным развитием. Инструментом сельского развития являются национальные и региональные программы. Особую актуальность для северных и нечерноземных территорий России представляет успешная финансовая политика сельского

развития Финляндии, основанная на сочетании аграрной экономики и несельскохозяйственных видов деятельности, особенно в малонаселенной сельской глубинке, на использовании инноваций в отраслях сельской экономики, применении эффективных механизмов господдержки аграрного производства. Оценка государственной поддержки за рубежом свидетельствует, что ее уровень остается весьма высоким и оказывает существенное влияние на доходы фермерских хозяйств. Основную роль в финансовой поддержке отрасли играют прямые субсидии, стимулирующие рост производства аграрной продукции.

4. Анализ существующей финансовой поддержки развития сельских территорий и аграрного сектора Республики Коми свидетельствует, что основная тяжесть ложится на республиканский бюджет. Негативно на ситуацию в отрасли влияет существенное снижение объемов федеральных субсидий. В настоящее время господдержка ориентирована на развитие крупного аграрного производства индустриального типа в ущерб финансовой поддержке хозяйств населения, малых форм хозяйствования и сельхозорганизаций удаленных территорий. Размеры бюджетной поддержки не позволяют развивать сельское хозяйство периферии на инновационной основе, не учитывают вклад ее в производство биологически полноценных продуктов питания, уровень развития инженерной и социальной инфраструктуры.

5. Совершенствование государственного регулирования развития села и аграрной сферы связано не только с увеличением объемов финансовой поддержки, но и сочетанием отраслевого и территориального принципа, дополняющих друг друга. Государственное регулирование села и важнейшей отрасли сельской экономики (сельского хозяйства) целесообразно реализовать через два приоритетных проекта – Государственную программу развития сельского хозяйства и регулирования рынков сельскохозяйственной продукции, сырья и продовольствия и Государственную программу устойчивого развития сельских территорий.

Необходимо, чтобы госпрограммы были стабильны на весь период их действия, в них не вносились изменения и корректировки объемов финансовой поддержки в сторону снижения.

6. Теоретические положения по усилению роли государства могут быть использо-

ваны при корректировке действующей социально-экономической модели развития страны. Предложенный организационно-экономический механизм регулирования может найти применение при разработке госпрограмм развития аграрного сектора и сельских территорий северного региона.

ЛИТЕРАТУРА

1. Лившиц В.Н. О необходимости изменения действующей парадигмы государственного управления экономикой России // Экономическая наука современной России. 2015. № 1 (68). С. 18–27.
2. Микульский К. Россия в поисках модели экономического роста // Общество и экономика. 2017. № 3–4. С. 5–15.
3. Орленко Л. От либерально-монетаристской к планово-рыночной модели // Экономист. 2018. № 8. С. 40–43.
4. Сухарев О.С. Вопросы стратегии развития России // Федерализм. 2016. № 1. С. 133–154.
5. Татаркин А.И. Теоретико-методологические предпосылки формирования смешанной экономики Российской Федерации // Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз. 2016. № 1 (43). С. 39–62.
6. Иванов В.А., Иванова Е.В., Мальцева И.С. Аграрный сектор северного региона в условиях рыночной трансформации. Сыктывкар, 2019. 250 с.
7. Гэлбрейт Дж.К. Третий кризис в экономической науке // Мир перемен. 2013. № 1. С. 24–28.
8. Кейнс Дж.М. Общая теория занятости, процента и денег. М.: Гелиос АРВ, 1999. 352 с.
9. Житков В. Методологические и институциональные контуры системы государственного планирования // Экономист. 2018. № 1. С. 14–28.
10. Леонтьев В.В. Экономические эссе: теории, исследования, факты и политика / пер. с англ. М.: Политиздат, 1990. 384 с.
11. Бузгалин А.В., Колганов А.И. Планирование: потенциал и роль в рыночной экономике XXI века // Вопросы экономики. 2016. № 1. С. 63–80.
12. Бухвальд Е.М. Стратегическое планирование – институциональная основа перехода к устойчивому развитию российской экономики // Федерализм. 2016. № 1. С. 19–30.
13. Князев Ю. О народнохозяйственном планировании в российской рыночной экономике // Экономист. 2018. № 6. С. 76–90.
14. Тамбовцев В.Л. Программно-целевое планирование: вчера, сегодня... Завтра? // Вопросы экономики. 2016. № 6. С. 76–90.
15. Мантино Ф. Сельское развитие в Европе. Политика, институты и действующие лица на местах с 1970-х годов до наших дней / пер. с итал. И. Храмовой. Совм. изд. Продовольственной и сельскохозяйственной организации ООН и Business Media of the Sole 24 Ore. Milano, 2010. 272 с.
16. Nuutilainen T. Governance of local empowerment in Finnish rural policy: Collaboration between policy, development and research It Employment Policy Research Center. EPRC. Hirosaki University, Japan. *Discussion Paper*, 2010, no. 4, pp. 81–94.
17. *Fact Sheets on the European Union – 2019*. Available at: <http://www.europarl.europa.eu/factsheets/en> (accessed 25.08.2015).
18. Нефедова Т.Г. Сельская местность Финляндии в сравнении с российским Ближним Севером: роль природных, этно-социокультурных факторов // Экологическое планирование и управление. 2011. № 1. С. 97–108.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Валентин Александрович Иванов – доктор экономических наук, профессор, главный научный сотрудник, Федеральное государственное бюджетное учреждение науки Институт социально-экономических и энергетических проблем Севера Коми научного центра Уральского отделения Российской академии наук. Российская Федерация, 167982, г. Сыктывкар, ул. Коммунистическая, д. 26; e-mail: ivanova@iespn.komisc.ru

Ivanov V.A.

STATE'S ROLE IN THE DEVELOPMENT OF RURAL TERRITORIES AND RURAL ECONOMY OF THE NORTH

Negative processes are observed in rural areas and rural economy sectors of the North. The number of rural population is decreasing, the process of its aging is going on, the infrastructure is deteriorating. The agricultural sector, especially in the rural periphery, is characterized by the destruction of production potential, the reduction of agricultural production of all types. Overcoming negative processes in rural areas and in the agricultural sector is associated with the increasing role of the state. The purpose of this article is to substantiate theoretical and methodological approaches to the development of a state regulation system for sustainable rural development, methods and mechanisms of support for the leading branch of the rural economy – the agricultural sector in relation to the Northern region. Based on theoretical approaches about the state's nature, place and role in the economy regulation, the models of socio-economic and social development are considered. The author proves that it is impossible to ensure sustainable socio-economic development of rural territories and rural economy under the existing liberal-monetarist model of economic development of Russia. The objective necessity of state's intervention in this sphere is proved, methods, mechanisms and tools of the state regulation of the village and rural economy are offered. Foreign experience of state regulation of rural territories and agrarian branch development are considered and the possibility of its rational elements use in the conditions of this country is shown. The analysis of rural development financial support is given. The main trends of agriculture support are revealed, the volumes, directions and shortcomings of financial support of the branch are identified. The influence of state support on the level of agricultural organizations' profit and profitability is shown. The program-target approach is proposed as a tool of state regulation of agricultural and agrarian development. The results of the study can be used to improve state support for the agri-food sector, as well as to develop of a long-term program of integrated development of the Northern region's rural territories.

Village, rural economy, state regulation, forms, methods and mechanisms of regulation, foreign experience, financial support, the Republic of Komi.

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Valentin A. Ivanov – Doctor of Economics, Professor, Chief Research Associate, Federal State Budgetary Institution of Science “Institute of Socio-Economic and Energy Problems of the North of the Komi Research Center of the Ural Branch of the Russian Academy of Sciences”. 26, Kommunisticheskaya Street, Syktyvkar, 167982, Russian Federation; e-mail: ivanova@iespn.komisc.ru

DOI: 10.15838/ptd.2019.6.104.3

УДК 314.9 | ББК 60.7

© Барбарук А.В.

КРАЙНИЙ СЕВЕР РОССИИ КАК МНОГОМЕРНОЕ ПРОСТРАНСТВО: РЕЗУЛЬТАТЫ КЛАСТЕРНОГО АНАЛИЗА СТАТИСТИЧЕСКИХ ПОКАЗАТЕЛЕЙ, ХАРАКТЕРИЗУЮЩИХ НАСЕЛЕНИЕ СЕВЕРНЫХ ТЕРРИТОРИЙ

АННА ВЛАДИМИРОВНА БАРБАРУК

Северо-Восточный государственный университет

Российская Федерация, 685000, г. Магадан, ул. Портовая, д. 13

E-mail: anna.barbaruk@mail.ru

ORCID: 0000-0002-2001-8465; ResearcherID: G-6117-2019

Статья посвящена типологизации территорий Крайнего Севера РФ на основе статистических данных по социально-демографической структуре населения и процессов, связанных с его движением. Построенная автором модель является базовой в том аспекте, что ее содержание представляет собой «остов», который может быть положен в основу дальнейшей работы по анализу северных территорий. Основным методом, использованный в работе, – кластерный анализ. В качестве объектов наблюдения в рамках кластерного анализа были выбраны муниципальные образования (городские округа, муниципальные районы), отнесенные к территориям Крайнего Севера, что являлось спецификой подхода, использованного в нашем исследовании. В то же время кластерный анализ позволил уйти от субъективизма в выделении значимых критериев при классификации районов и сформировал основу для типологии, базирующейся на сочетании множества параметров в оценке северных территорий. Мы обнаружили четыре кластера, подтвердивших гипотезу, согласно которой Крайний Север не представляет собой единое социальное пространство, дифференцированное по выраженности лишь какого-то одного или несколь-

Для цитирования: Барбарук А.В. Крайний Север России как многомерное пространство: результаты кластерного анализа статистических показателей, характеризующих население северных территорий // Проблемы развития территории. 2019. № 6 (104). С. 40–51. DOI: 10.15838/ptd.2019.6.104.3

For citation: Barbaruk A.V. The Far North of Russia as a multidimensional space: results of cluster analysis of statistical indicators characterizing the Northern territories' population. *Problems of Territory's Development*, 2019, no. 6 (104), pp. 40–51. DOI: 10.15838/ptd.2019.6.104.3

ких показателей (или же комбинации этих показателей). Для каждой группы районов Крайнего Севера, выявленной в исследовании, характерна особая конфигурация факторов. Первая группа северных территорий характеризуется естественной убылью населения. Вторая группа выделяется на фоне остальных высокой концентрацией жителей в отдельных населенных пунктах. Для третьей группы свойственны преобладание сельского населения, отсутствие доминанты русского этноса, положительные значения внешней миграции. Четвертая группа территорий характеризуется малочисленностью населения и наличием в его составе значимой доли коренных малочисленных народов Севера. Выявленные группы территорий получили следующие условные названия: «пустеющий Север» (первая группа, характеризующаяся низкими показателями естественного прироста населения), «северные мегаполисы» (вторая группа, характеризующаяся наличием больших по численности населенных пунктов), «северные села» (третья группа, включающая высокий процент сельского населения), «северные микроцивилизации» (четвертая группа, где высока доля коренных народов Севера).

Кластерный анализ, типология, многомерное социальное пространство, население, северные территории, муниципальные образования, Крайний Север.

Постановка проблемы исследования

Тема типологизации районов в зарубежной литературе поднимается, как правило, в контексте изучения проблем регионального неравенства в масштабе отдельных стран, макрорегионов, системы международных отношений. В этом плане процедура классификации позволяет ученым определить основные тенденции регионального развития, найти базовые индикаторы, влияющие на положение различных «территориальных систем». Важно и то, что исследователи подходят к анализу территорий комплексно, учитывая множество различных показателей: социальные или социально-демографические, экономические, природно-климатические и т. д. [1, с. 26–34; 2, с. 1–34; 3, с. 140].

Для рассмотрения комплекса показателей и типологизации территорий сегодня широко используется метод кластерного анализа, который получил распространение, в частности, в экономике и экономической географии, где важной задачей являлось определение специфики социально-экономического развития локальных сообществ, стран и макрорегионов мира. Причем именно в экономической науке кластерный анализ зазвучал по-особенному. Так, М. Портер, активно использовавший данный метод в своих работах, определял кластер как некий организационный комплекс, включающий в себя коммерческие и некоммерческие пред-

приятия, которые при наличии внутренней конкуренции преследуют общие цели ввиду своей пространственной близости. Таким образом, кластеры в интерпретации М. Портера не имели какого-либо математического, статистического смысла. Такое понимание, включая так называемый кластерный подход к определению траекторий регионального развития, продолжает успешно развиваться в рамках отечественного и зарубежного экономического дискурса. Например, Ю.В. Вертакова, Ю.С. Положенцева разработали алгоритм кластерного анализа территорий на основании сравнения эталонных значений для конкретного региона с фактическими показателями его социально-экономического развития [4, с. 75–85].

Сегодня можно наблюдать также формирование комплексного подхода к анализу социально-экономических процессов, протекающих на различных территориях, включающего как элементы экономической науки, так и возможности статистической обработки данных с помощью специализированных программ. Интересная, на наш взгляд, модель кластерного анализа с помощью статистического пакета STATISTIC6.1. была предложена коллективом авторов под руководством О.А. Доничева. Исследователи осуществили кластерный анализ на основании статистических данных Южного федерального округа РФ и разработали механизм

многоуровневого изучения каждого субъекта ЮФО, попавшего в тот или иной кластер [5, с. 39–45].

Одновременно российские ученые уже довольно давно предпринимают попытки найти наиболее рациональный способ типологии районов Крайнего Севера, выявить закономерности в их существовании и развитии. В 2000-х гг. В.Н. Харитонова и И.А. Вижина на основании биоклиматических индексов, определяющих суровость метеорежима, и степени инфраструктурной освоенности вывели интегративные показатели удорожания стоимости жизни на северных территориях (стоимости рабочей силы, капитала) [6, с. 176–194]. Приблизительно в это же время подходы к районированию Севера по степени дискомфорта были обобщены группой ученых под руководством М.П. Рощевского. В их работах для обоснования дискомфорта северных территорий выделены четыре фактора: природно-климатический, экономико-географический, социально-экономический и риск проживания (пригодность территории для проживания пришлого населения) [7, с. 114].

В.Н. Хаснулин с группой исследователей положил в основу районирования северных территорий фактор «экологического стресса», испытываемого человеком на Севере. При этом степень дискомфорта региона выражается в финансовых и социальных затратах на компенсацию потерь физического, психического, репродуктивного здоровья, а также в расходах на создание системы жизнеобеспечения, необходимой для нормального труда, быта, отдыха, восстановления работоспособности, здоровья и максимальной продолжительности активной жизни. Ученые пришли к выводу, что основным измерителем и критерием неблагоприятного влияния экологических факторов окружающей среды должны стать состояние здоровья человека и повозрастные показатели смертности населения в трудоспособном возрасте [7, с. 109].

Е.И. Болотин и В.А. Лубова за основу районирования северных территорий в своих работах взяли более 30 параметров при-

родной среды обитания человека и оценку ключевых патологий у различных групп населения [8, с. 20]. При этом ученые не выявили определенных закономерностей в уровне заболеваемости, ухудшении медицинских показателей и т. д. при продвижении, например, с севера на юг в границах Дальневосточного федерального округа. Кроме того, авторами отмечаются существенные колебания по естественному движению, показателям смертности и рождаемости в пределах как ДВФО, так и районов Крайнего Севера.

Проанализировав подходы к типологизации северных территорий РФ, мы обнаружили наличие, по крайней мере, трех важных методологических и методических проблем.

1. Большинство научных исследований «страдает» своеобразным природно-климатическим детерминизмом, когда биологическая составляющая рассматривается в качестве значимого фактора при определении как экономических, так и социально-медицинских показателей жизни людей. При этом, на наш взгляд, В.В. Фаузер верно замечает, что социально-экономические критерии районирования Севера до сих пор остаются слабо изученными [9, с. 104–109].

2. В исследованиях всегда анализируются показатели, которые характеризуют ситуацию в пределах субъектов РФ, что не отражает внутреннюю специфику районов, относящихся к территориям Крайнего Севера. В работе О.М. Благодетелевой доказано, что в связи с объективными и вполне прогнозируемыми процессами на северных территориях сложилась ситуация, когда судьбы людей напрямую зависят от местных властей и представителей бизнеса. А это, в свою очередь, порождает ярко выраженное неравномерное социально-экономическое и экологическое состояние северных регионов на локальном уровне, который тоже очень важно учитывать [10, с. 25].

3. Зачастую при районировании территорий Крайнего Севера ученые оставляют без внимания демографические и социальные факторы. За рамками обсуждения остаются вопросы, связанные с разным стажем жизни людей на Севере, условиями пребы-

вания, возможностями для географической мобильности, качеством и образом жизни и т. д. Поэтому важно рассмотреть не только экономику и медицину, экологию и транспортную инфраструктуру, но и население Крайнего Севера, его социально-культурный и социально-демографический потенциал. Приблизилась к разработке модели районирования северных территорий по социально значимым показателям представители экономической науки, однако и они опираются, по большей части, на модель целерационального поведения (например, траты на приобретение товаров в тех или иных районах Севера сравниваются с некоторыми эталонными значениями – показателями, характерными для Московской области, или с идеальными физиологическими нормами потребления). На наш взгляд, это является ограничением, поскольку жизнь на Крайнем Севере не укладывается в рамки строго заданной нормы в силу разнообразия процессов, протекающих внутри каждого отдельного региона.

Методология исследования

Мы считаем, что обозначенные выше проблемы позволяет разрешить использование кластерного анализа. По сравнению с другими методами типологизации, основанными преимущественно на теоретических выводах ученых о распределении того или иного признака или их конфигурации в некоторой генеральной совокупности, он имеет следующие достоинства.

1. В анализе могут участвовать совершенно любые объекты, представляющие научный интерес. Соответственно, у ученых появляется больше возможностей для свободы действий в плане выбора рабочих гипотез и их доказательств.

2. Можно сравнивать объекты, которые никак функционально и территориально не связаны, но могут быть схожи по ряду признаков.

3. Появляется возможность проводить сравнение наблюдений одновременно по нескольким признакам, что расширяет границы для типологизации и, более того,

позволяет работать с кластеризируемым пространством как пространством многомерным.

4. Кластерный анализ, проводимый с помощью специализированных программ, позволяет запускать несколько циклов классификации для быстрого получения наиболее оптимальной модели.

5. Позволяет увидеть исследуемые объекты в их целостности. Конечно, как и в процессе применения любого вида статистического анализа, часть информации теряется, но можно исследовать другую конфигурацию связей между изучаемыми элементами, которая изначально не предполагалась ученым.

6. В кластерном анализе может принимать участие довольно большое число объектов, образующих генеральную совокупность, соответственно, нет ограничений по числу наблюдений.

7. Не предполагает проверки статистических гипотез на характер распределения, поскольку это не считается значимым при проведении данного вида математической операции [11].

Как и любой метод, кластерный анализ имеет определенные ограничения: выбранные наблюдения в разной конфигурации дают разные результаты кластеризации; количество и содержание кластеров во многом зависит от выбранного метода, в этом смысле важно корректно его подобрать; требуется тщательное обоснование выбора критериев для проведения кластеризации; кластерный анализ носит преимущественно дескриптивный, а не объясняющий характер.

Однако, несмотря на недостатки, возможности кластерного анализа довольно широки, поэтому ученые продолжают использовать его в различных целях, в частности для изучения диспаритета в развитии территорий [12, с. 86–91; 13, с. 77–86]. Социологи, экономисты, статистики активно подключаются к его применению в исследовании феноменов, сложных с точки зрения содержательной структуры, например качества и уровня жизни населения. Одновременно в научной литературе все чаще встречаются выражения, которые подчеркивают

значимость кластерного анализа не только в рамках фундаментального научного поиска, но и в прикладной сфере: «кластерный подход», «кластерная теория», «кластерная политика» [14, с. 111–115; 15, с. 43–46].

Новизна нашей работы заключается в том, что по отношению к северным территориям РФ кластерный анализ ранее не использовался, а типология районов, правильнее сказать районирование, осуществлялась на основании схожести субъектов РФ, близости их расположения в физическом пространстве, которая детерминирует гомогенность ряда социально-экономических, демографических, социально-медицинских показателей.

Стоит также отметить, что ученые еще не проводили кластерный анализ на уровне муниципальных образований (городских округов, муниципальных районов). Если кластеризация и осуществлялась, то охватывала обычно более крупные территориальные единицы, соответствующие границам субъектов РФ. Как представляется, именно в рамках муниципальных образований наблюдается наибольшая социально-демографическая, экономическая, культурная, политическая однородность случаев.

Для построения выборочной совокупности нами был использован перечень территорий районов Крайнего Севера, которые определены и закреплены в соответствующем нормативном документе¹. Всего в исследовании проанализировано более 120 муниципальных образований, входящих в состав районов Крайнего Севера.

Для проведения кластеризации мы взяли показатели, характеризующие население северных территорий, так как на данном этапе статистических обследований в РФ получить достоверную статистическую информацию

¹ Перечень районов Крайнего Севера и местностей, приравненных к районам Крайнего Севера, на которые распространяется действие указов Президиума Верховного Совета СССР от 10 февраля 1960 года и от 26 сентября 1967 года. О льготах для лиц, работающих в этих районах и местностях (с изменениями, внесенными Постановлением Правительства РФ от 27 февраля 2018 г. № 201). URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_403/6b62003cddb7056e4456256deb5643fe7358625 (дата обращения 11.11.2018).

по всем важным социально-экономическим показателям на уровне районов и округов невозможно. Поэтому наша модель не является завершенной, в ней намечены лишь тренды, и их целесообразно учитывать в дальнейших научных исследованиях.

Статистическая информация, с которой мы работали, размещена в свободном доступе в Базе данных муниципальных образований². При этом дополнительно рассчитывались некоторые усредненные показатели, чтобы нивелировать погрешности в статистическом измерении по отдельным годам наблюдений.

Итак, для анализа нами была взята статистика по численности населения, соотношению городского и сельского населения, соотношению мужчин и женщин, естественному движению населения, миграционным процессам, национальному составу населения, доле трудоспособного населения, среднесписочному составу работников предприятий и основным сферам занятости (табл. 1).

Статистический анализ проводился на основании использования программы Excel, программы для статистической обработки и представления данных SPSS 21.0.

Сам кластерный анализ осуществлялся в два этапа. На первом этапе на основании статистического описания всех величин, характеризующих распределение социально-демографических характеристик в общем массиве данных, были выбраны ключевые параметры для кластеризации. В результате исключались те параметры населения районов Крайнего Севера, по которым наблюдался наименьший разброс признака («доля мужчин/женщин в структуре населения», «доля людей трудоспособного возраста»). Второй этап исследования заключался непосредственно в проведении процедуры кластерного анализа. Классификация наблюдений осуществлялась иерархическим методом. Расстояние между кластерами определялось методом Варда, используемым в том случае, когда не-

² База данных показателей муниципальных образований. URL: <http://www.gks.ru/dbscripts/munst> (дата обращения 11.11.2018).

обходимо учесть различия в дисперсиях между объектами. Подсчет расстояний осуществлялся методом Чебышева, учитывающим при определении дистанции между единицами кластерного анализа максимальные различия по исследуемым параметрам.

В итоге все муниципальные образования Крайнего Севера разделились на четыре группы. Самый большой кластер, четвертый, включил в себя 46, первый – 28, третий – 16, второй – 9 муниципальных образований. 26 муниципальных образований (наблюдений) не удалось проанализировать по причине отсутствия по ним достоверной статистической информации.

Характеристика полученных кластеров

I кластер

По данным исследования, только в Мурманской области находится около трети всех муниципальных образований первого кластера. В целом, они небольшие по численности (менее 3000 человек). Средние значения коэффициентов миграционного прироста (внутренней и внешней миграции) имеют отрицательные величины. Средний коэффициент естественного прироста также от-

рицательный. Для первого кластера характерно отсутствие коренных малочисленных народов Севера (далее – КМНС) в составе жителей, доля русского населения находится на уровне 80%. По такому показателю, как среднесписочный состав работников организаций, однородности достичь не удалось. Основными отраслями, где занята большая часть среднесписочного состава работников предприятий, являются добыча полезных ископаемых, сфера транспорта и связи. Как показало дальнейшее исследование, именно отрицательный естественный прирост отличает первый кластер от всех остальных.

II кластер

Второй кластер – самый малочисленный. В большинстве случаев в него вошли областные центры. Средняя численность населения в них находится на отметке 127624 человека. Средний коэффициент миграционного прироста (для внутренней миграции) имеет нулевое значение, что говорит о некотором динамическом балансе притока и оттока населения внутри районов. В то же время по внешней миграции наблюдается отток. Здесь необходимо учесть и тот факт, что распределение по данным параметрам не подчиняется закону Гаусса. Более 70% жителей муниципальных

Таблица 1. Основные количественные социально-демографические показатели, использованные в исследовании

Численность населения, чел., данные за 2018 год
Усредненный показатель численности населения, чел., данные за 2010–2018 гг.
Коэффициент миграционного прироста (внутренняя миграция), %, данные за 2017 год
Коэффициент миграционного прироста (внешняя миграция), %, данные за 2017 год
Коэффициент естественного прироста, %, данные за 2017 год
Доля русского населения по отношению ко всему населению МО, %, данные за 2010 год
Доля КМНС ко всему населению МО, %, данные за 2010 год
Доля людей трудоспособного возраста в общей численности населения МО, данные за 2018 год
Доля женщин/мужчин в общей численности населения МО, данные за 2018 год
Доля городского населения в общей численности населения МО, данные за 2018 год
Среднесписочный состав работников всех организаций, % от общей численности населения МО, данные за 2016 год
Среднесписочный состав работников всех организаций, средний абсолютный прирост, чел., данные за 2013–2016 гг.
Усредненный показатель численности населения, чел., данные за 2010–2018 гг.
Доля русского населения по отношению ко всему населению МО, %, данные за 2010 год
Основная сфера занятости населения (определяемая по наибольшей доле занятых из среднесписочного состава работников предприятий)

образований составляют русские. В национальном составе населения практически отсутствуют представители коренных народов Севера. Здесь так же, как и в первом кластере, преобладает городское население, а по среднесписочному составу работников организаций наблюдается отрицательная динамика. Доля людей, числящихся на предприятиях, составляет около 40% по данным медианного и среднего арифметического значения. Коэффициент вариации не превышает 33%, что говорит об однородности второго кластера по рассматриваемому показателю. В районах преобладают следующие сферы занятости: добыча полезных ископаемых, транспорт и связь. Самое важное отличие данного кластера от остальных заключается в том, что здесь наблюдаются относительно оптимистичные показатели внутренней миграции, а также довольно высокая численность населения.

III кластер

В третий кластер попали 16 муниципальных образований, преимущественно расположенные в границах Республики Саха (Якутия). Его главное отличие заключается в «безлюдности» районов. Фактически численность населения во многих из них не превышает и 20 тысяч человек. Коэффициент миграционного прироста по показателю внутренней миграции в среднем имеет высокое отрицательное значение, что говорит об ощутимой убыли населения внутри районов. А вот коэффициент внешней миграции для муниципальных образований, входящих в третий кластер, имеет значение, близкое к нулевой отметке. Коэффициент естественного прироста при этом положительный и достаточно высокий. Ситуация по естественному движению населения здесь схожа с той, что сложилась во втором кластере. Динамика среднесписочного состава, так же как в первом и во втором кластерах, имеет отрицательные величины, при этом доля среднесписочного состава работников организаций не превышает и четверти от всего населения. Основной сферой деятельности является образование, что, вполне вероятно, связано с отсутствием рабочих мест и высокой степенью вовлеченности жителей дан-

ных территорий в неформальную экономику. Еще одна важная черта кластера – практически отсутствие горожан. Модальное и медианное значения здесь приближаются к нулевой отметке. Доля русских и КМНС сравнительно с другими группами районов также невелика.

Итак, третий кластер характеризуется преимущественно сельским составом жителей, наличием притока человеческих ресурсов из других регионов страны, низкой долей русских в этническом составе населения.

IV кластер

Четвертый кластер, самый многочисленный, включает в себя 46 муниципальных образований (городских округов, муниципальных районов и т. д.). Средняя численность населения в них наименьшая среди всех проанализированных кластеров (11711 человек), при этом мода не превышает и 1000 человек. Коэффициент миграционного прироста для внутренней миграции имеет отрицательное значение, для внешней – положительное. Коэффициент естественного прироста выше нуля. Однако по всем коэффициентам, характеризующим движение населения, велико среднее квадратическое отклонение, что указывает на существенный разброс признаков. Главная особенность четвертого кластера заключается в относительно высокой доле людей, принадлежащих к коренным малочисленным народам Севера (в среднем около 20%). Медианное значение равно 10%. По среднесписочному составу кластер неоднороден, однако доля людей, официально работающих в организациях, больше 56%. Городское население, если судить по среднему арифметическому значению, не превышает и трети жителей, хотя и здесь не наблюдается однородности. В данный кластер преимущественно попали районы Якутии, Камчатского края, Ямало-Ненецкого автономного округа, а также шесть из девяти муниципальных образований Магаданской области. Как и в третьем кластере, большая часть населения по среднесписочному составу работников занята в сфере образования, на втором месте – добыча полезных ископаемых. Таким образом,

в четвертый кластер вошли преимущественно малочисленные по составу муниципальные образования Крайнего Севера и, как правило, районы, в которых проживают северные народности.

Основные статистические показатели, характеризующие выявленные кластеры, размещены в *табл. 2–3*.

Таким образом, исходя из районирования северных территорий по социально-демографическим признакам, мы можем говорить о существовании ряда характеристик, которые необходимо учитывать при осуществлении региональной политики в отношении районов Крайнего Севера.

1. Малочисленность муниципальных образований и наличие КМНС в составе населения, что характеризует четвертый кластер. Хотя численность коренных народов сегодня мала, а их этническая идентичность постепенно размывается под воздействием процессов ассимиляции, важно учитывать особый национальный колорит, сохраняющийся в отдельно взятых районах Крайнего Севера.

2. Естественная убыль населения (более важна для характеристики первого кластера).

3. Преобладание сельского населения, отсутствие доминанты русского этноса, положительные значения внешней миграции как индикатор принадлежности к третьему кластеру.

4. Высокая концентрация населения в отдельных населенных пунктах как главный фактор отнесения ко второму кластеру.

В соответствии с этими характеристиками выделенные кластеры получили соответствующие названия: «пустеющий Север» (первый кластер, с низкими показателями естественного прироста населения), «северные мегаполисы» (второй кластер, характеризующийся наличием больших по численности населенных пунктов), «северные села» (третий кластер, включающий высокий процент сельских жителей), «северные микроцивилизации» (четвертый кластер, где высока доля КМНС) (*табл. 4*).

Данные характеристики, выявленные при кластеризации муниципальных образований, дают основание утверждать, что единое социальное пространство Крайнего Севера существует скорее как номинальное. Территории, разделенные многими тысячами километров, в то же время могут быть схожи в плане социально-демографической ситуации. И, наоборот, внутри субъектов РФ могут параллельно сосуществовать муниципальные образования, имеющие разное демографическое и социально-экономическое положение. Не существует единого критерия для типологизации территорий Крайнего Севера. В исследовании мы установили наличие, по крайней мере, четырех параметров, которые важно учитывать при ее проведении.

Наличие нескольких кластеров на территории Крайнего Севера предполагает осуществление в отношении них особой социально-экономической политики. Если речь идет, например, о «северных мегаполисах», то необходимо учитывать, что сюда включены города, где сложилась иная, по сравнению с северной глубинкой, социокультурная, политическая, экономическая среда. Интенсивнее выражены урбанистические процессы в формах занятости населения (в основном сфера обслуживания), в образе и качестве жизни, характеризующихся, в частности, большей разнообразностью и доступностью различных потребительских товаров, услуг. Вероятнее всего, в данном кластере социально-экономическая ситуация будет выглядеть более благополучно по сравнению с другими районами Крайнего Севера. Наличие таких «мегаполисов» означает, что северные территории структурированы вертикально, а неравенство воплощено в пространственной сегрегации.

В «пустеющих районах» первого кластера наблюдается естественная убыль населения. Таким образом, и политика здесь должна быть комплексной, направленной на улучшение социально-демографических показателей, в первую очередь на регулирование процессов рождаемости и смертности, сглаживание негативных последствий убыли

Таблица 2. Характеристика кластеров по социально-демографическим показателям, по которым наблюдаются наибольшие различия (в таблице для сравнения приведены средние арифметические значения)

Показатель	I кластер	II кластер	III кластер	IV кластер
Численность населения, чел., данные за 2018 год	25086	127624	18375	11711
Коэффициент миграционного прироста (внутренняя миграция), %, данные за 2017 год	-2	0	-8	-11
Доля КМНС по отношению ко всему населению МО*, %, данные за 2010 год	2	1	3	22
Доля сельского населения в общей численности населения МО, %, данные за 2018 год	18	2	85	60
Среднесписочный состав работников всех организаций, % от общей численности населения МО, данные за 2016 год	34	42	25	57
Доля русского населения по отношению ко всему населению МО, %, данные за 2010 год	78	77	9	55
* Муниципальное образование.				

Таблица 3. Распределение субъектов РФ, входящих в состав районов Крайнего Севера, по кластерам

Субъекты РФ, входящие в состав районов Крайнего Севера	Кластеры				Итого
	I	II	III	IV	
Иркутская область	0	0	0	1	1
Камчатский край	1	1	0	11	13
Красноярский край	0	1	0	4	5
Магаданская область	2	1	0	6	9
Мурманская область	10	2	0	0	12
Республика Карелия	5	0	0	0	5
Республика Коми	3	1	1	1	6
Республика Якутия	3	0	15	10	28
Сахалинская область	3	0	0	2	5
Ямало-Ненецкий автономный округ (Тюменская область)	1	3	0	11	15
Итого	28	9	16	46	99

населения. Прежде всего, если принимать во внимание результаты кластерного анализа, эта проблема касается Мурманской области [16, с. 140–159; 17, с. 14–26].

Крайний Север не ограничивается исключительно городским населением, хотя, как часто пишут в научной литературе, урбанизированность является его своеобразной «визитной карточкой» [18, с. 110–156]. Как показало исследование, сельская жизнь определяет специфику муниципальных образований третьего кластера. Закономерно, что сельские проблемы на северных территориях качественно отличаются от

проблем сформированных городских пространств. Изоляция, неудовлетворительная транспортная инфраструктура, дороговизна товаров и услуг, недоступность условий для поддержания определенных стандартов качества жизни, более выраженная социальная интеграция и общинный образ жизни – вот некоторые черты «северных сел», которые усиливаются еще большим воздействием, чем в городах, природно-климатических факторов.

Места компактного проживания коренных малочисленных народов Севера также воспроизводят особый этнический

Таблица 4. Распределение муниципальных образований, входящих в состав районов Крайнего Севера, по кластерам

Кластер I «Пустеющий Север»	Алданский район, Апатиты, Беломорский район, Верхнеколымский район, Елизовский район, Инта, Калевальский район, Кандалакшский район, Кемский район, Ковдорский район, Кольский район, Костомукшский городской округ, Лабытнанги, Ловозерский район, Мончегорск, Ногликский район, Оймяконский улус (район), Оленегорск, Ольский городской округ, Охинский район, Печенгский район, Печорский район, Полярные Зори, Северо-Курильский район, Терский район, Усинский район, Хасынский городской округ
Кластер II «Северные мегаполисы»	Воркута, Кировск, Магадан, Мурманск, Надымский район, Новый Уренгой, Норильск, Ноябрьск, Петропавловск-Камчатский
Кластер III «Северные села»	Абыйский район, Амгинский район, Верхневилуйский район, Верхоянский район, Вилюйский район, Горный улус, Ижемский район, Кобяйский улус (район), Мегино-Кангаласский улус, Момский район, Намский улус, Сунтарский улус (район), Таттинский улус, Усть-Алданский улус (район), Хангаласский улус, Чурапчинский улус (район), Лоухский район
Кластер IV «Северные микроцивилизации»	Муравленко, Алеутский район, Аллаиховский район, Анабарский район, Белоярский район, Березовский район, Булунский район, Быстринский район, Губкинский район, Долгано-Ненецкий район, Жиганский улус, Карагинский район, Катангский район, Красноселькупский район, Курильский район, Мильковский район, Олекминский район, Оленекский (эвенкийский) район, Олюторский район, Омсукчанский городской округ, Пенжинский район, пгт Палана, Приуральский район, Пуровский район, Салехард, Северо-Енисейский район, Северо-Эвенский городской округ, Соболевский район, Среднеканский городской округ, Сусуманский городской округ, Тазовский район, Тенькинский городской округ, Тигильский район, Томпонский район, Туруханский район, Усть-Большерецкий район, Усть-Камчатский район, Усть-Майский улус (район), Усть-Цилемский район, Усть-Янский улус (район), Шурышкарский район, Эвенкийский район, Эвено-Бытантайский национальный район, Южно-Курильский район, Ягоднинский городской округ, Ямальский район

колорит в отдельно взятых северных районах, вошедших в четвертый кластер [19, с. 354–365]. Он связан с еще сохранившимся самосознанием коренных народов, элементами национальной культуры,

а также стереотипами, структурирующими отношения и коммуникации местного населения и приезжих, что требует в большей степени регулирования на уровне национальной политики.

ЛИТЕРАТУРА

1. Ancuța C. Aspects Regarding the Socio-Economic Indicators Used in Approaching the Territorial Disparities. *Geographica Pannonica*, 2012, vol. 16, iss. 1, pp. 26–34.
2. Özaslan M., Dincer B., Özgür H. *Regional Disparities and Territorial Indicators in Turkey: Socio-Economic Development Index (SEDI)*. Available at: https://www.econstor.eu/bitstream/10419/118537/1/ERSA2006_8 (accessed 20.04.2019).
3. Ibrahim I., Abu Samah A., Asmawi A. Reviews on the socio-economic indicators for spatial urban scale. *Planning Malaysia: Journal of the Malaysian Institute of Planners*, 2017, vol. 15, iss. 4, pp. 139–150.
4. Вертакова Ю.В., Положенцева Ю.С. Алгоритм кластеризации регионального экономического пространства // Науч.-технич. ведомости СПбГПУ. Экон. науки. 2016. № 1. С. 75–85. DOI: 10.5862/JE.235.7
5. Доничев О.А., Красюкова Н.Л., Фраймович Д.Ю. Кластерный анализ как инструмент оценки социально-экономического развития регионов // Экономический анализ: теория и практика. 2011. № 47. С. 39–45.
6. Харитоновна В.Н., Вижина И.А. Экономические оценки условий жизнедеятельности населения на Севере России // Регион: экономика и социология. 2005. № 3. С. 176–194.

7. Подходы к районированию территорий России по условиям дискомфорта окружающей среды для жизнедеятельности человека / В.И. Хаснулин [и др.] // Бюл. СО РАН. 2005. № 3. С. 106–111.
8. Болотин Е.И., Лубова В.А. Новые подходы к оценке комфортности территории российского Дальнего Востока для жизнедеятельности населения // Экология человека. 2014. № 1. С. 20–26.
9. Фаузер В.В. Теоретические и концептуальные подходы к развитию Севера России // Вестн. Науч.-иссл. центра корпорат. права, управления и венчурного инвестирования Сыкт. гос. ун-та. 2008. № 4. С. 90–120.
10. Благодетелева О.М. Российский Север как пространство биосферосовместимого развития // Биосферная совместимость: человек, регион, технологии. 2017. № 4. С. 19–33.
11. Марков Л.С. Теоретико-методологические основы кластерного подхода. Новосибирск: ИЭОПП СО РАН, 2015. 380 с.
12. Аникина Н.В., Катень А.В. Анализ дифференциации регионов Российской Федерации по уровню и качеству жизни населения // Экономика и социум. 2014. № 1. С. 86–91.
13. Родионова И.А., Лиманская Е.М. Дифференциация районов Крайнего Севера России по уровню и качеству жизни населения // Региональная экономика: теория и практика. 2010. № 3. С. 77–86.
14. Орлова И.В., Филонова Е.С. Кластерный анализ регионов Центрального федерального округа по социально-экономическим и демографическим показателям // Статистика и математические методы в экономике. 2015. № 5. С. 111–115.
15. Согачева О.В. Кластерный анализ как инструмент управления социально-экономическим развитием региона (на примере Центрального федерального округа) // Теория и практика сервиса: экономика, социальная сфера, технологии. 2016. № 1. С. 43–46.
16. Ефремов И.А. Современные миграционные процессы на Крайнем Севере России // Регионоведение. 2016. № 4. С. 140–159.
17. Осипова О.В., Маклашова Е.Г. Миграционные намерения молодежи Арктики в контексте субъективных оценок социального самочувствия // Арктика и Север. 2016. № 24. С. 14–26.
18. Север как объект комплексных региональных исследований / отв. ред. В.Н. Лажинцев. Сыктывкар, 2005. 270 с.
19. Кефели И.Ф. Циркумполярная цивилизация в гецивилизационной структуре глобального мира // Партнерство цивилизаций. 2013. № 4. С. 354–365.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Анна Владимировна Барбарук – кандидат социологических наук, доцент, Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Северо-Восточный государственный университет». Российская Федерация, 685000, г. Магадан, ул. Портовая, д. 13; e-mail: anna.barbaruk@mail.ru

Barbaruk A.V.

THE FAR NORTH OF RUSSIA AS A MULTIDIMENSIONAL SPACE: RESULTS OF CLUSTER ANALYSIS OF STATISTICAL INDICATORS CHARACTERIZING THE NORTHERN TERRITORIES' POPULATION

The article is devoted to the typologization of the Far North territories of the Russian Federation on the basis of the statistical data on the population's socio-demographic structure and the processes

associated with its movement. The model constructed by the author is basic in the aspect that its content is a “skeleton” which can be the basis for further work on the Northern territories’ analysis. The main method used in the work is cluster analysis. Municipalities (urban districts, municipal districts) referred to the Far North territories were selected as objects of observation in the framework of the cluster analysis, which made up the specificity of the approach used in the study. At the same time the cluster analysis allowed to avoid subjectivity when allocating significant criteria for the classification of areas and formed the basis for a typology based on combination of many parameters when assessing the Northern territories. We found four clusters that confirmed the hypothesis that the Far North is not a single social space differentiated by the manifestation of only one or more indicators (or a combination of these indicators). For each group of the Far North regions identified in the research a special configuration of factors is characteristic. The first group of Northern territories is characterized by natural population decline. The second group stands out from the rest of the high concentration of residents in individual settlements. The third group is characterized by the predominance of the rural population, the absence of the Russian ethnic group dominant, positive values of external migration. The fourth group of territories is characterized by a small population and a significant proportion of indigenous small-numbered peoples of the North in its composition. The identified groups of territories received the following conventional names: “the emptying North” (the first group characterized by low rates of natural population growth), “Northern megacities” (the second group characterized by large settlements), “Northern villages” (the third group including a high percentage of rural population), “Northern microcivilizations” (the fourth group where the share of indigenous peoples of the North is high).

Cluster analysis, typology, multidimensional social space, population, Northern territories, municipal formations, the Far North.

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Anna V. Barbaruk – Ph.D. in Sociology, Associate Professor, Federal State Budgetary Educational Institution of Higher Education “North-Eastern State University”. 13, Portovaya Street, Magadan, 685000, Russian Federation; e-mail: anna.barbaruk@mail.ru

DOI: 10.15838/ptd.2019.6.104.4

УДК 338.23(470.12) | ББК 65.441 (2Рос-4Вол)

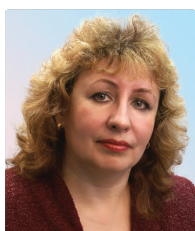
© Плотникова И.А., Сорокина И.В.

ПРОБЛЕМЫ РАЗВИТИЯ СОВРЕМЕННОГО ЖИЛИЩНО-КОММУНАЛЬНОГО ХОЗЯЙСТВА

ИРИНА АЛЕКСАНДРОВНА ПЛОТНИКОВА

Вологодский государственный университет
Российская Федерация, 160000, г. Вологда, ул. Мальцева, д. 2
E-mail: piaira@yandex.ru
ORCID: 0000-0003-4807-1679

ИРИНА ВАСИЛЬЕВНА СОРОКИНА

Вологодский государственный университет
Российская Федерация, 160000, г. Вологда, ул. Мальцева, д. 2
E-mail: 306stroi@mail.ru
ORCID: 0000-0001-6892-9308

Современная стратегия развития Российской Федерации базируется на принципах обеспечения национальных и государственных интересов в долгосрочной перспективе. Жилищно-коммунальное хозяйство является одной из базовых отраслей экономики, предоставляющей населению жизненно важные услуги. Способность поддерживать нормальные условия жизнедеятельности населения, устойчиво обеспечивать ресурсами народное хозяйство определяет одну из важнейших качественных характеристик экономической системы – экономическую безопасность. Следовательно, необходимость совершенствования организационно-экономического инструментария реализации государственной и региональной политики в жилищно-коммунальной сфере обуславливает актуальность исследования. Цель работы состоит в анализе проблем развития отрасли с выявлением тенденций и причинно-следственных связей. Несмотря на достаточно активные теоретические и практические исследования проблем развития ЖКХ, сохраняют свою значимость многочисленные неблагоприятные аспекты функционирования отрасли.

Для цитирования: Плотникова И.А., Сорокина И.В. Проблемы развития современного жилищно-коммунального хозяйства // Проблемы развития территории. 2019. № 6 (104). С. 52–68. DOI: 10.15838/ptd.2019.6.104.4

For citation: Plotnikova I.A., Sorokina I.V. Modern housing and communal services development problems. *Problems of Territory's Development*, 2019, no. 6 (104), pp. 52–68. DOI: 10.15838/ptd.2019.6.104.4

Следует отметить несовершенство тарифной политики, связанное, в том числе, с адекватностью оценки платежеспособности населения – приемлемостью величины расходов и возможностью оплачивать жилищно-коммунальные услуги. Не соответствует современным требованиям уровень профессионализма специалистов в управляющих организациях, администрациях субъектов федерации, муниципальных образований. Собственники помещений в многоквартирных домах практически не могут контролировать деятельность управляющих организаций. Громоздкость, высокая динамичность, в некоторых случаях декларативность, жилищного законодательства вызывает сложность его понимания и отслеживания. Комплекс проблем определяет низкую эффективность управления жилищно-коммунальным хозяйством на современном этапе, способствует распространённости коррупции и мошенничества. В статье на основе системного, комплексного анализа научной литературы, официальных статистических данных, юридической практики авторы доказывают усиление негативных тенденций, связанных с названными выше проблемами. Систематизация рисков и угроз позволила авторам выработать и предложить ряд практических мер по их минимизации, предотвращению возможных негативных перспектив развития отрасли. Информационной базой исследования явились федеральные и региональные нормативно-правовые акты; данные Росстата, Минстроя России, Аналитического центра при Правительстве РФ, пресс-службы ПАО Сбербанк России; материалы, опубликованные на официальных сайтах.

Жилищно-коммунальные услуги, тарифы, реальные располагаемые доходы населения, содержание жилья, многоквартирный дом, собственники жилья.

Проблемы и состояние жилищно-коммунального хозяйства России вызывают серьезные опасения, что обуславливает необходимость активных исследований в области выявления и предотвращения рисков и угроз, ставящих в сложное положение жизнеобеспечение населения страны.

Производственная структура жилищно-коммунального хозяйства (ЖКХ) – это многопрофильная динамически развивающаяся экономическая система, традиционно рассматриваемая как единая отрасль, состоящая из двух основных, организационно, экономически и технически взаимосвязанных, но в то же время имеющих свою специфику, подсистем (подотраслей): коммунального и жилищного секторов. Годовой оборот в сфере жилищно-коммунального хозяйства образует более 5,4% валового внутреннего продукта России, что превышает 4,7 трлн рублей. По данным Федеральной службы государственной статистики, объем жилищного фонда в Российской Федерации составляет 3,6 млрд кв. м, в том числе многоквартирных домов (МКД) – более 2,5 млрд кв. м (72% от общего объема жилищного фонда)¹.

Рост качества жизни населения путем повышения качества и надежности жилищно-коммунальных услуг, а также обеспечение их доступности для населения основные цели государственной политики в сфере жилищно-коммунального хозяйства в соответствии с Указом Президента Российской Федерации от 7 мая 2012 года № 600 «О мерах по обеспечению граждан Российской Федерации доступным и комфортным жильем и повышению качества жилищно-коммунальных услуг».

Услуги ЖКХ подразделяются на два вида: жилищные и коммунальные. К коммунальным услугам относятся:

- подача электроэнергии;
- обеспечение холодной и горячей водой;
- снабжение газом;
- подача тепловой энергии;
- отведение сточных вод.

Плата за коммунальные услуги рассчитывается путем перемножения тарифа на соответствующую коммунальную услугу и объема ее потребления, определяемого исходя из показаний приборов учета коммунальных ресурсов либо в соответствии с ут-

¹ Стратегия развития: ЖКХ и городская среда – Национальный приоритет развития / Минстрой России. URL: http://gov.cap.ru/UserFiles/orgs/GrvId_132/10_30_minstroy_strategy_presentation.pdf

вержденными нормативами потребления коммунальных услуг.

Плата за жилое помещение (за жилищные услуги) складывается из платы за услуги и работы по управлению многоквартирным домом, платы за содержание и текущий ремонт общего имущества в многоквартирном доме, а также платы за капитальный ремонт имущества в доме (для нанимателей жилого помещения по договору социального найма – платы за наем). С 2019 года в состав жилищных услуг включена услуга «обращение с твердыми коммунальными отходами».

Оказание жилищных услуг – это тот вид деятельности, где предполагается конкуренция, возможность выбора управляющей компании, условий и перечня оказываемых услуг, их стоимости. В договоре с управляющей компанией условия могут быть пересмотрены, поэтому плата за жилищные услуги не регулируется государством.

Качество и надежность жилищно-коммунальных услуг (ЖКУ) включают в себя безопасные и благоприятные условия проживания граждан в многоквартирных домах и жилых домах, бесперебойное предоставление услуг по отоплению, горячему и холодному водоснабжению, водоотведению, электроснабжению и газоснабжению, обращению с твердыми коммунальными отходами в соответствии с санитарными нормами и правилами и другими обязательными требованиями, установленными законодательством Российской Федерации.

Поскольку все население страны является потребителем жилищно-коммунальных услуг, его можно назвать ключевым объектом социально-экономической оценки. Оценка приемлемости и готовности платить важна с инвестиционной точки зрения. Если потребители не хотят или не в состоянии оплачивать любую предлагаемую инвестиционную программу, затраты на которую часто отражены в повышенных тарифах, она не может быть реализована [1; 2].

Согласно статистическим данным, россияне тратят на оплату коммунальных услуг в среднем 11,4% своего дохода (средние числовые данные разных исследований от-

личаются² [3]). Этот показатель существенно варьируется по регионам. Если более 22% совокупного семейного дохода направляется в счет оплаты ЖКУ, то граждане могут воспользоваться субсидией, предоставляемой государством. В среднем такой поддержкой пользуется каждая десятая российская семья. Расходы по оплате услуг ЖКУ являются одной из значительных статей расходов семейного бюджета граждан РФ. Стоимость и качество жилищно-коммунальных услуг по-прежнему остаются одной из важных тем, волнующих граждан РФ.

Официальная статистика по доходам дает информацию о средних доходах семьи, ее расходах и средних зарплатах. Статистическая информация – это совокупность статистических данных, отображающих социально-экономические процессы, используемых в управлении экономикой и общественной жизнью. Имеющиеся сведения не отображают точную картину всей ситуации. Только статистика может давать систематизированную и полную информацию о происходящем в государстве. Соответственно, лишь на ее основе можно адекватно оценить положение страны, готовить решения и выявлять последствия действий.

Между тем искажение статистических показателей, в том числе в пропагандистских целях, опасно не только потому, что уничтожает доверие к государству, но и потому, что искажает все решения, принимаемые с их учетом, как органами государственного управления, так и хозяйствующими субъектами. Систематическое приукрашивание данных о росте реальных доходов населения порождает неадекватную социальную политику, доходящую до монетизации льгот и обвинения людей, лишенных средств к нормальному существованию, в иждивенчестве.

Любые изъяны в статистической информации способны причинить ущерб не только экономическим интересам, но и внутренней и внешней безопасности, привести

² Динамика доходов населения // Бюллетень о текущих тенденциях российской экономики. 2019. № 46. URL: <http://ac.gov.ru/files/publication/a/20946.pdf>; Регионы России. Социально-экономические показатели – 2018: стат. сб. / Росстат. М., 2018. 1162 с.

к снижению авторитета государства, защищенности его населения. В условиях формирования рыночной экономики сужение сферы безопасного существования российского общества способно оказать негативное воздействие на развитие и функционирование отдельных граждан, семей, организаций, государства и общества в целом, усугубляя кризисные элементы в экономике.

Согласно данным официальной статистики (табл. 1), в 2018 году реальная заработная плата увеличилась на 6,8%, это наибольший прирост с 2013 года. Однако ускорившиеся

в 2018 году темпы роста реальной заработной платы оказались недостаточными для повышения реальных располагаемых доходов населения. Ускорение потребительской инфляции во второй половине года привело к снижению темпов прироста заработной платы и отрицательной динамике доходов в реальном выражении.

По оперативным данным Росстата, в январе 2019 года реальные располагаемые доходы населения снизились на 1,3% в годовом выражении на фоне стагнации реальных заработных плат (+0,2%) и ускорения

Таблица 1. Динамика денежных доходов населения

Показатель	Год					
	2013	2014	2015	2016	2017	2018
1. Среднемесячная номинальная начисленная заработная плата работников организаций, руб.						
- Российская Федерация	29792	32495	34030	36709	39167	43045
- рост по РФ, % г/г	111,9	109,1	107,9	107,9	106,7	109,9
- Вологодская область	25127	26749	27445	29303	31651	35545*
- рост по Вологодской области, % г/г	-	106,5	102,6	106,8	108,0	112,3
2. Рост (снижение) реальной начисленной заработной платы работников организаций, % к предыдущему году						
- Российская Федерация	104,8	101,2	91,0	100,8	102,9	106,8
- Вологодская область	104,4	98,3	89,0	99,8	104,9	н. д.**
3. Динамика размера реальных назначенных пенсий, % (на 1 января; к соответствующему периоду предыдущего года)						
- Российская Федерация	103,3	103,3	97,5	101,1	97,9***	104,9***
- Вологодская область	103,9	102,8	96,7	102,5	98,4***	105,6***
4. Средний размер назначенных пенсий, руб. (на 1 января)						
- Российская Федерация	9154	10030	10889	12081	12426***	13323
- Вологодская область	9414	10309	11169	12408	12772***	13755
5. Реальные располагаемые денежные доходы населения, % к предыдущему году						
- Российская Федерация	4,0	-0,7	-3,2	-5,8	-1,6	0,1
- Вологодская область	5,6	2,4	-2,9	-0,3	-6,4	н. д.
6. Численность населения с денежными доходами ниже величины прожиточного минимума, % от общей численности населения						
- Российская Федерация	10,8	11,2	13,3	13,3	13,2	н. д.
- Вологодская область	13,0	12,9	14,2	13,4	13,6	н. д.
7. ИПЦ, % (декабрь к декабрю предыдущего года****)						
	6,5	11,4	12,9	5,4	2,5	4,3
8. ИПЦ, % в среднем за январь – декабрь к предыдущему году*****						
	6,8	7,8	15,5	7,1	3,7	2,9
* Источник: Вологдастат.						
** Нет данных.						
*** Не включая единовременную выплату пенсионерам в 2017 году.						
**** Динамика потребительских цен: итоги 2018 года // Бюллетень о текущих тенденциях российской экономики. 2019. № 45. URL: http://ac.gov.ru/files/publication/a/20469.pdf						

инфляции (+5,0%). В I квартале 2019 года по сравнению с соответствующим периодом предыдущего года реальные денежные доходы снизились на 2,0%. При этом реальные располагаемые денежные доходы (доходы за вычетом обязательных платежей, скорректированные на индекс потребительских цен) в I квартале 2019 года уменьшились на 2,3%, то есть наметившаяся тенденция снижения сохраняется³.

Помимо инфляционного фактора практически нулевая динамика реальных располагаемых доходов в значительной степени обусловлена увеличением обязательных выплат и сокращением доходов от собственности. Рост обязательных платежей и взносов в 2018 году связан с увеличением налоговой и неналоговой нагрузки на население.

По данным за 2018 год реальные денежные доходы населения, которые в отличие от реальных располагаемых денежных доходов рассчитываются без вычета обязательных платежей и взносов, снизились в годовом выражении в 54 регионах без учета единовременной денежной выплаты пенсионерам, произведенной в январе 2017 года, и в 62 регионах с учетом данной выплаты⁴.

Продолжающееся снижение реальных располагаемых доходов населения стало самым затяжным в новейшей российской истории. Оценка динамики этого показателя позволяет констатировать его сокращение пятый год подряд (с учетом единовременной денежной выплаты пенсионерам, произведенной в январе 2017 года). В целом за 5 лет реальное падение доходов составило 10,8% от уровня 2013 года с учетом единовременной выплаты и 10,7% без ее учета⁵.

Согласно проводимому Росстатом исследованию мнения населения о текущем материальном положении, во второй поло-

вине 2018 года оценки материального положения населения ухудшились: совокупная доля негативных оценок («плохое» и «очень плохое» материальное положение) увеличилась, достигнув отметки 26,3% в IV квартале. Итоги социологических опросов, проведенных ФГБУН ВолНИЦ РАН, свидетельствуют о том, что за период с декабря 2018 года по февраль 2019 года социальное самочувствие жителей Вологодской области характеризовалось ухудшением показателей социального настроения; менее благоприятными стали оценки запаса терпения; существенно не изменились оценки материального положения семьи [4].

Ситуация с коммунальными услугами в РФ очень изменчивая. Рост платы за услуги зачастую превышает рост пенсий и зарплат, снижая тем самым финансовые возможности граждан. В табл. 2 представлена информация о динамике расходов домашних хозяйств на ЖКУ и продукты питания⁶.

В среднем доля расходов домашних хозяйств на услуги ЖКХ в Вологодской области составляет около 11%, что выше чем по Северо-Западному федеральному округу и Российской Федерации. При этом доля расходов на продукты питания варьируется в пределах около 38%. По данным Росстата, с 2014 по 2017 год затраты россиян на оплату услуг выросли на 21%.

Последнее подорожание услуг ЖКХ в Вологодской области наблюдалось в июле 2018 года. Согласно информации Росстата, она вошла в ТОП-5 регионов России по темпам роста тарифов ЖКХ. С 1 января 2019 года в Вологодской области действуют новые повышенные тарифы на коммунальные услуги, что связано с повышением в 2019 году ставки НДС с 18 до 20%. Увеличение ставки НДС неизбежно приведет к подорожанию товаров и услуг, в том числе коммунальных, и к росту инфляции (по прогнозу Банка России, она может достичь 5,5%⁷).

³ Динамика доходов населения // Бюллетень о текущих тенденциях российской экономики. 2019. № 46. URL: <http://ac.gov.ru/files/publication/a/20946.pdf>

⁴ Динамика доходов населения // Бюллетень о текущих тенденциях российской экономики. 2019. № 46. С. 11. URL: <http://ac.gov.ru/files/publication/a/20946.pdf>

⁵ Динамика доходов населения // Бюллетень о текущих тенденциях российской экономики. 2019. № 46. С. 4. URL: <http://ac.gov.ru/files/publication/a/20946.pdf>

⁶ Регионы России. Социально-экономические показатели – 2018: стат. сб. / Росстат. М., 2018. 1162 с.

⁷ Динамика потребительских цен: итоги 2018 года // Бюллетень о текущих тенденциях российской экономики. 2019. № 45. URL: <http://ac.gov.ru/files/publication/a/20469.pdf>

Таблица 2. Динамика удельных весов расходов домашних хозяйств, %
(по итогам выборочного обследования бюджетов домашних хозяйств)

Показатель	Год					
	2013	2014	2015	2016	2017	2018
1. Удельный вес расходов домашних хозяйств на оплату ЖКУ						
- Российская Федерация	8,8	8,9	9,5	10,1	9,7	11,4*
- Северо-Западный федеральный округ	10,0	9,0	9,2	10,0	9,9	н. д.
- Вологодская область	11,5	10,8	11,1	10,9	10,5	9,85**
2. Удельный вес расходов домашних хозяйств на покупку продуктов питания в структуре потребительских расходов						
- Российская Федерация	31,2	31,9	35,4	35,5	34,3	н. д.
- Северо-Западный федеральный округ	32,3	31,3	36,2	35,2	33,6	н. д.
- Вологодская область	37,0	35,4	41,8	38,5	37,2	н. д.
3. Прирост потребительских цен на жилищно-коммунальные услуги населению, в среднем за год, в том числе:						
- жилищные услуги		8,8	11,2	7,4	5,0	4,3**
- коммунальные услуги		9,7	19,5	7,7	5,1	4,1**
		7,9	7,5	7,2	5,0	4,4**
* По данным пресс-службы ПАО Сбербанк России, по итогам 9 месяцев 2018 года.						
** 1 квартал 2018 года (Инфляционные ожидания и потребительские настроения населения // Банк России. 2018. № 12. URL: https://www.cbr.ru/Collection/Collection/File/9379/Infl_exp_18-10.pdf).						

Также причина повышения коммунальных тарифов – рост цен на издержки поставщиков услуг. В связи с увеличением тарифов на воду и электроэнергию увеличивается и величина расходов на соответствующие коммунальные ресурсы (водоснабжение и электроэнергия), входящие в состав тарифа на содержание жилья. Минфин РФ поддержал предложение Министерства экономического развития индексировать тарифы в ЖКХ в 2019 году в два этапа: на 1,7% с 1 января и на 2,45% с 1 июля, то есть за 2019 год Правительство планирует повысить тарифы на услуги ЖКХ на 4%.

Значительный «удар» по семейному бюджету семей, имеющих двух и более детей, с денежными доходами ниже величины прожиточного минимума (13,6% от численности населения области) в 2019 году оказал переход на новую систему вывоза и утилизации коммунальных отходов. С 1 января оплата услуги «обращение с ТКО» для городов Вологодской области составила 140,28 руб. с человека.

По данным исследований Сбербанка РФ и информации Росстата, по итогам 9 месяцев 2018 года средние расходы семьи на

оплату услуг ЖКХ в России составили 5038 руб., с 2014 по 2017 год они выросли с 1511,6 до 1834,7 руб. на одного члена семьи. Если исходить из среднего чека на оплату ЖКУ по стране, только введение оплаты за обращение с ТКО увеличивает расходы вологодской семьи, имеющей двух детей, более чем на 11% ($140,28 \times 4 / 5038$).

Доля затрат на жилищно-коммунальное обслуживание в расходах семьи снижается в среднем на 5–9 п. п. при переходе в следующий более богатый квинтиль: у наиболее бедных слоев населения оплата услуг ЖКХ в 2012–2017 гг. составляла 50–60% всех расходов на платные услуги, в то время как у домохозяйств пятого квинтиля – 20–34%⁸.

Рост жилищных тарифов, происшедший одновременно с длительным снижением доходов населения, привел к резкому росту задолженности по жилищно-коммунальным услугам и взыскания недоимок по суду, особенно у малообеспеченных слоев населения. Долги населения за услуги ЖКХ выросли с 2015 года более чем в 5 раз. Как

⁸ Особенности потребления платных услуг // Бюллетень о текущих тенденциях российской экономики. 2018. № 36. URL: <http://ac.gov.ru/files/publication/a/16746.pdf>

свидетельствуют данные Минстроя, долги населения, в отличие от юридических лиц, стремительно растут год за годом (рис.).

В 2017 году в российские суды поступило в 3 раза больше исков в категории «О взыскании платы за жилую площадь и коммунальные платежи, тепло и электроэнергию» по сравнению с 2010 годом, о чем свидетельствуют данные Верховного Суда. Если в 2016 году количество таких дел составляло 4,2 млн, то в 2017 году выросло до 5,4 млн. Рост задолженности населения за коммунальные услуги может быть связан как с повышением их стоимости, так и с падением уровня доходов граждан (а также нередко с низкой финансовой дисциплиной потребителей, которая, однако, не поддается статистической оценке).

Низкая платежеспособность работающих бедных не только ограничивает спрос с их стороны, что косвенно является сдерживающим фактором для экономической динамики, но и порождает необходимость предоставления им социальной поддержки с учетом нуждаемости. Бедность работающих порождает ряд негативных экономических и социальных последствий, затрагивающих производительность и качество труда, проблему дефицита кадров в производственной сфере, особенно рабочих, состояние здоровья населения, возможности получения образования⁹.

Уровень бедности работающих в государственных и муниципальных организациях в

разы выше, чем в негосударственных. В динамике этот разрыв возрастает, что чревато вероятным дальнейшим обострением кадровых проблем в отраслях, финансируемых за счет бюджетных средств. В связи с этим целесообразно совершенствовать существующие подходы к организации оплаты труда в государственных (муниципальных) учреждениях с целью повышения их эффективности.

Численность населения с денежными доходами ниже величины прожиточного минимума в целом по Российской Федерации составила 19 млн человек, уровень бедности (отношение количества россиян с доходами ниже прожиточного минимума к общей численности населения) – 12,9%. Однако структура социально-экономического неравенства российского общества, и особенно доходное неравенство, характеризуется прогрессивным развитием расслоения населения с момента перехода к рыночной системе хозяйствования. Расслоение общества по доходам усиливается территориальными диспропорциями развития экономики и социальной сферы, связанными с комплексом индивидуальных региональных факторов.

Изменения тарифов являются одним из наиболее болезненных решений, которые приходится принимать органам власти, но вместе с тем ключевым компонентом для любого планирования на будущее, так как они определяют доходы и, следовательно, инвестиционные возможности [5].

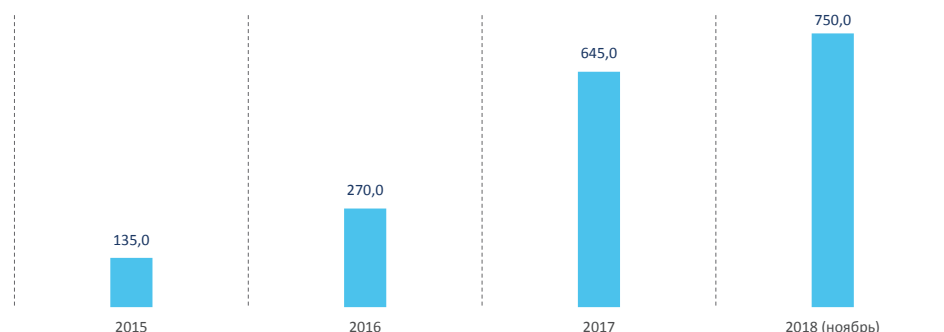

Рис. Динамика задолженности населения за услуги ЖКХ, млрд руб.

Источники: URL: <http://www.minstroyrf.ru/press/19-07-2017-intervyu-glavy-minstroya-rossii-mikhaila-menyarossiyskoy-gazete>; ЖКХ портал. URL: <https://gkh-rf.ru/kvartplata/prostyat-li-rossiyanam-dolgi-za-zhkh>

Несмотря на возрастание величины среднедушевых денежных доходов населения, социально-экономическая напряженность не только не идет на убыль, а, наоборот, возрастает. Это связано, прежде всего, с ростом доходов высокодоходного населения, что влечет за собой все более значительный разрыв с теми, чьи доходы ниже прожиточного минимума [6].

К проблеме высоких тарифов и низкого качества услуг в настоящее время добавилась экологическая проблема, связанная с размещением и эксплуатацией полигонов по захоронению твердых коммунальных отходов.

В ЖКК накопился комплекс технологических, организационных и финансовых вопросов, не позволяющих в сжатые сроки реализовать план по созданию эффективного и качественного снабжения населения и других потребителей коммунальными услугами (ресурсами). Основными проблемами в технико-технологической сфере являются высокий и продолжающийся увеличиваться уровень физического и морально-го износа коммунальной инфраструктуры и хроническая нехватка финансирования – как инвестиций в новые объекты инженерной инфраструктуры, так и средств на текущий и капитальный ремонт существующих.

Нормативный срок отслужили около 60% основных фондов. По данным технической инвентаризации, в Российской Федерации физический износ основных фондов котельных составил 55%, тепловых сетей – 63%. Требуют срочной замены около 16% теплопроводов и 30% сетей водоснабжения и канализации. В целом ряде муниципальных образований износ коммунальной инфраструктуры достиг критического уровня [3; 7].

В связи с вышесказанным отмечают две противоречивые задачи: с политической точки зрения важно не допускать дальнейшего роста стоимости жилищно-коммунальных услуг, с финансово-экономической – нужны серьезные инвестиции в модернизацию и обновление как существующего жилищного фонда, так и коммунальной инфраструктуры, необходимо фор-

мирование привлекательных условий для развития бизнеса.

Жилищный кодекс РФ вовлек в процесс управления жилищным фондом и его содержания собственников помещений в многоквартирных домах (МКД). Правительство Российской Федерации устанавливает стандарты и правила деятельности по управлению многоквартирными домами. Недостаточная информированность потребителей, широко распространенная в ЖКХ России, способствует росту социальной напряженности между потребителями, поставщиками коммунальных услуг и управляющими организациями [8].

В ежемесячно получаемой собственниками жилья в многоквартирных домах квитанции отражена услуга «содержание жилья», однако не все знают, что скрывает за собой такая формулировка и за что они должны платить.

Часть 1 статьи 36 ЖК РФ устанавливает: «Собственникам помещений в многоквартирном доме принадлежит на праве общей долевой собственности общее имущество в многоквартирном доме». Статьи 37 «Определение долей в праве общей собственности на общее имущество в многоквартирном доме» и 158 «Расходы собственников помещений в многоквартирном доме» ЖК РФ регламентируют обязанность собственников помещений в МКД нести расходы на содержание принадлежащего им помещения, а также участвовать в расходах на содержание общего имущества в МКД пропорционально своей доле в праве общей собственности на это имущество, внося плату за содержание жилого помещения, взносы на капитальный ремонт.

К общему имуществу дома относятся не только помещения общего пользования, но и земельный участок, крыши, различные конструкции, трубы, электропроводка, иное оборудование. То есть общее имущество не может быть измерено в каких-то универсальных единицах измерения.

В основной список услуг¹⁰, которые входят в содержание многоквартирного дома, включены:

¹⁰ Методическое пособие по содержанию и ремонту жилищного фонда. МКД 2-04.2004 (утв. Госстроем РФ). URL: <https://legalacts.ru/doc/metodicheskoe-posobie-po-soderzhaniuu-i-remontu-zhilishchnogo>

1. Работы, выполняемые в целях надлежащего содержания конструктивных элементов здания.

2. Проведение ремонтных работ различного оборудования, размещаемого внутри МКД, и систем инженерно-технического обеспечения МКД (вентиляционного, механического, электрического, санитарно-технического и др.).

3. Работы по содержанию помещений, входящих в состав общего имущества в многоквартирном доме.

4. Уход (покраска заборов, озеленение, уборка листьев, снега и т. д.) за придомовой территорией и уборка помещений общего пользования.

5. Своевременная утилизация мусора.

6. Текущий ремонт крыш, водосточков, козырьков над входом в подъезд, замена дверей и окон, укрепление перил и лестниц и т. д.

Перечисленные пункты объединяют довольно большое количество работ. За наиболее очевидными (уборкой подъезда и двора, вывозом мусора, наличием горячей и холодной воды, отоплением, работой лифта) следить относительно несложно. Но это лишь малая доля из перечня работ на содержание и ремонт общедомового имущества, а выполнение каждой услуги имеет свою цену. Конечно, все эти работы выполняются с разной периодичностью: некоторые – один-два раза в год, а какие-то вообще «по необходимости». Но все они учтены при формировании тарифа. Также предусмотрено много контрольных и осмотровых работ, которые жильцам отследить почти нереально. А это примерно половина перечня всех услуг, и за них тоже берутся деньги.

Постановлением Правительства РФ от 3 апреля 2013 года № 290 утвержден минимальный перечень услуг и работ, необходимых для обеспечения надлежащего содержания общего имущества в многоквартирном доме. Работы и услуги, включенные в минимальный перечень, нужно обязательно указать в договоре управления многоквартирным домом вместе с их стоимостью.

Предоставление услуг по содержанию жилых помещений, в отличие от коммунальных услуг, не является регулируемым

видом деятельности. То есть ни стоимость таких услуг, ни окончательный их перечень не утверждаются государственными органами. Перечень мероприятий по содержанию жилья отличается для домов с разным уровнем благоустройства, тем не менее, жилищное законодательство РФ устанавливает общие требования к содержанию жилья.

Комплекс предоставляемых услуг и работ, изначально направленных на обслуживание МКД и относящихся к нему устройств, коммуникаций и имущества, помогает сохранить надлежащее техническое, а также санитарное состояние дома, конкретный перечень таких услуг и работ утверждается не управляющими организациями или органами власти, а самими собственниками помещений в многоквартирных домах.

Согласно законодательству, собственники помещений в многоквартирном доме обязаны выбрать один из способов управления многоквартирным домом:

1) непосредственное управление собственниками помещений в МКД, количество квартир в котором составляет не более чем тридцать;

2) управление товариществом собственников жилья (ТСЖ) либо жилищным кооперативом или иным специализированным потребительским кооперативом;

3) управление управляющей организацией (УК).

ТСЖ – это юридически оформленное некоммерческое объединение обладателей жилой недвижимости. Оно организуется для совместного решения всех проблем, связанных с управлением всей собственностью многоквартирного дома. У ТСЖ нет цели получения прибыли. В этих организациях штат меньше, чем у УК, поэтому меньше траты на зарплату. Если в ТСЖ грамотный управляющий, то вполне реально сократить размер коммунальных платежей.

Управляющая компания – это коммерческая организация, которая должна действовать на основании лицензии. УК нацелена на получение прибыли за счет оказания услуг, то есть она не столько управляет, сколько зарабатывает, и ее деятельность непрозрачна.

У собственников жилья отсутствует прямой контроль за результатами деятельности УК, а также результатами работ и услуг, оказываемых ею.

По данным ГИС ЖКХ на 4 мая 2019 года, в России 43,6% домов обслуживаются управляющими организациями, а на ТСЖ, ЖСК, ЖК и другие виды кооперативов приходится всего 3,6%. При этом на странице системы указывается, что всего в базе данных системы числится 1365702 объекта, о способе управления¹¹ более чем в 594 тыс. из них нет данных.

В случае если домом управляет УО, состав услуг и работ по содержанию жилых помещений, условия их выполнения и размер финансирования утверждаются собственниками помещений на общем собрании собственников (очное, проходящее, как правило, на улице у подъездов [9]) и включаются в договор управления МКД. Проведение общего собрания вменено в ежегодную обязанность собственников помещений. Общее собрание собственников помещений в МКД может проводиться в форме очного, заочного и очно-заочного голосования¹².

При управлении домом ТСЖ состав услуг и работ устанавливается теми собственниками, которые являются его членами, на общем собрании. Перечень работ прописывается в договоре собственников с ТСЖ или УК. В то же время его можно расширять с согласия собственников и с соответствующим увеличением тарифа.

Управляющие организации должны предоставлять собственникам предложения о перечне, объемах и качестве услуг и работ, учитывающие состав, конструктивные особенности, степень физического износа и технического состояния общего имущества. Первичным является предложение управляющей организации, вторичным – проведение общего собрания собственников помещений и утверждение необходимых условий на основании информации, полученной от

управляющей организации. Тариф на содержание и текущий ремонт должен быть обоснован УК для собственников жилья. Но если в первом случае экономическое обоснование оценивают специалисты, то во втором – обычные граждане, которые могут не иметь для этого специальных знаний и условий. А непонимание – уже повод для недоверия в отношении управляющей компании [10]. На практике такое установление обычно происходит в виде утверждения тарифов, предлагаемых УК. Они, в свою очередь, базируются на установленных местной властью. Также такой уровень тарифа будет применяться в том случае, если при собрании собственников квартир не было принято решения о другом размере оплаты.

Размер платы за пользование жилым помещением (за найм), за содержание жилого помещения для нанимателей жилых помещений по договорам социального найма и договорам найма жилых помещений государственного или муниципального жилищного фонда и размер платы за содержание жилого помещения для собственников жилых помещений, которые не приняли решение о выборе способа управления многоквартирным домом, устанавливаются органами местного самоуправления (в соответствии с законом соответствующего субъекта РФ).

Подготавливая список работ и услуг для многоквартирного дома, управляющая компания рассчитывает смету. Именно сметная стоимость услуг и работ по содержанию, текущему и капитальному ремонту, рассчитанная управляющей организацией, а также договорные цены со специализированными организациями в части обслуживания лифтов, внутридомового газового оборудования, вывоза твердых бытовых отходов и т. д., позволяют определить размер платы за содержание и ремонт жилого помещения для конкретного многоквартирного дома. На региональном уровне действуют определенные тарифы на оказание тех или иных работ и услуг, на которые должны ориентироваться управляющие компании. На их основе формируется объем стоимости этих работ. Нередки случаи, когда управля-

¹¹ Государственная информационная система ЖКХ. URL: <https://dom.gosuslugi.ru>

¹² Терлецкая К. Выбор и правовой статус совета МКД // Собственники. 2016. РосКвартал. URL: <https://roskvartal.ru/sobstvenniki/6377/vybor-i-pravovoy-status-soveta-mkd>

ющие организации выходят к собственникам помещений в многоквартирном доме с предложением размера платы за содержание жилого помещения, ориентируясь на средний размер платы по муниципальному образованию или по дому, отдельные свойства и характеристики которого схожи с подведомственным им многоквартирным домом [11]. При этом у управляющей компании нет информации о стоимости по каждому виду работ и услуг, связанных с содержанием и ремонтом общего имущества в МКД. В связи с этим впоследствии они не могут предоставить собственникам полноценный отчет: соответствуют ли выполненные работы и оказанные услуги утвержденной стоимости.

Минстрой РФ в письме от 17 марта 2016 года № 7513-ОЛ/04 отмечает, что для определения размера платы обязательны индивидуальный подход к каждому многоквартирному дому. Вторым критерий – размер платы должен быть рассчитан профессионалами и документально подтвержден. Расчет выполняется в отношении каждого МКД по результатам осмотров состояния общего имущества такого дома.

С 1 января 2017 года расходы на оплату коммунальных услуг на общедомовые нужды (ОДН) перенесены из разряда коммунальных услуг в жилищные. Плата за объем коммунальных ресурсов ограничивается нормативом коммунальных услуг на ОДН, который установлен для каждой категории жилых домов. Нормативные правовые акты, касающиеся общедомовых нужд, устанавливаются властями региона, соответственно, в разных регионах могут быть разные нормы. Но в любом случае жильцы должны оплачивать только существующие нормативы.

Таким образом, платеж по строке «Содержание жилого помещения» будет складываться¹⁵ из затрат на содержание и затрат на ОДН:

$$\text{Размер платы} = (T_{\text{уст}} \times S_{\text{кв}}) + P_{\text{ОДН}} \quad (1)$$

где:

размер платы (как указано в квитанции УК), руб.;

$T_{\text{уст}}$ – установленная ставка, руб. за 1 м² общей площади квартиры;

$S_{\text{кв}}$ – общая площадь квартиры, м²;

$P_{\text{ОДН}}$ – оплата коммунальных ресурсов на ОДН, руб.

Расходы коммунальных ресурсов на ОДН рассчитываются по формуле:

$$(N_{\text{в/с}} \times S_{\text{мон(в/с)}} \times S_{\text{кв}}/S_{\text{общ}}) + (N_{\text{э}} \times S_{\text{мон(э/с)}} \times S_{\text{кв}}/S_{\text{общ}}), \quad (2)$$

где:

$N_{\text{в/с}}$, $N_{\text{э}}$ – установленный муниципалитетом норматив потребления в месяц, м³ (холодной и горячей воды) и кВт/ч (электрической энергии) на 1 м² мест общего пользования, соответственно;

$S_{\text{мон(в/с)}}$, $S_{\text{мон(э/с)}}$ – площадь мест общего пользования, связанных с водоснабжением и электроснабжением, соответственно, м²;

$S_{\text{общ}}$ – общая площадь помещений многоквартирного дома, м².

Приказом Департамента топливно-энергетического комплекса и тарифного регулирования Вологодской области от 30 мая 2017 года № 47-р утверждены нормативы потребления холодной воды, горячей воды, приказом от 30 мая 2017 № 48-р – нормативы потребления электрической энергии в целях содержания общего имущества в многоквартирном доме на территории Вологодской области. Расчеты за потребленные на содержание общего имущества ресурсы не могут превышать установленные в области нормативы. Предельно допустимый минимум для расчета платы за содержание и ремонт жилья на федеральном уровне не устанавливается, минимальное значение тарифа формируют региональные власти.

¹⁵ Письмо Министерства строительства и ЖКХ РФ от 30 декабря 2016 г. № 45099-АЧ/04 «Об отдельных вопросах, возникающих в связи с включением с 1 января 2017 года расходов на приобретение коммунальных ресурсов, используемых в целях содержания общего имущества в многоквартирном доме, в размер платы за содержание жилого помещения». URL: <https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/71481482>

Для того чтобы обеспечить возможность определения объема потребления коммунальных ресурсов на содержание общего имущества исходя из показаний коллективного (общедомового) прибора учета, необходимо принять соответствующее решение на общем собрании собственников помещений многоквартирного дома.

Если МКД оснащен общедомовым прибором учета (ОДПУ), расчет проводится по нормативу, а затем раз в год лицом, управляющим МКД: управляющей организацией, ТСЖ, ТСН или ЖК, делается перерасчет с учетом показаний ОДПУ. Для этого нужно из показаний ОДПУ за год отнять норматив, полученную разницу умножить на долю помещения потребителя в общем имуществе МКД. Если результат нулевой или положительный, то корректировка будет нулевой. Это значит, что, если по ОДПУ жильцы целый год потребляли коммунальный ресурс больше, а по нормативу им выставляли меньшие суммы, корректировка будет равна нулю, доначислять никто не имеет права.

Перерасчет можно сделать только в том случае, если фактически жильцы дома в течение года потребляли меньше коммунальных ресурсов, чем по нормативу¹⁴.

В МКД сосуществует большое количество собственников. С точки зрения деятельного сообщества, это трудно организационно-контактирующее сообщество, которое должно принять на себя управление и ответственность не только за свою собственность, но и за площади общего пользования жилого дома, а также инженерное оборудование, кровлю, придомовую территорию [12]. Возникновение спорных ситуаций между собственниками – довольно частое явление. Основная масса трудностей в процессе эксплуатации и управления МКД скрыта. В частности, важнейшей составной частью МКД являются общедомовые системы: водоснабжения и водоотведения, теплоснабжения,

электроснабжения. Их ремонт и техническое обслуживание – сложная инженерно-техническая задача, требующая специальных знаний, навыков и умений. Собственники жилья, как правило, не обладают достаточной квалификацией и инженерной подготовкой. Чтобы разобраться с вопросами и обязанностями, которые возложены на общее собрание собственников, необходимо немалое количество свободного времени и знаний. Совет МКД (в случае его выбора общим собранием собственников МКД, находящегося в управлении УК) представляет собой орган, защищающий и отстаивающий интересы собственников помещений в доме, то есть заранее закладывается возможность обмана жильцов. Контролировать и выявлять проблемы в работе общедомовых систем, составлять сметы на их ремонт и добросовестно их исполнять должны профессионалы [13–15]. Проверка законности деятельности управляющих компаний, товариществ собственников жилья, коммунальных и иных организаций, занимающихся обслуживанием жилищного фонда, возложена на жилищные инспекции. Они имеют право проведения проверок, в том числе по выполнению управляющими многоквартирными домами работ и услуг по содержанию и ремонту общего имущества дома, установлению платы за содержание и ремонт жилья, деятельности специализированных некоммерческих организаций по финансированию капитального ремонта домов.

В последнее время борьба с преступлениями в сфере ЖКХ является приоритетным направлением деятельности правоохранительных органов, в частности следственного комитета РФ [16]. Нарушения в сфере ЖКХ, допускаемые управляющими компаниями, ресурсоснабжающими организациями, органами государственной власти и местного самоуправления, носят распространенный характер [9; 17]. Коррупционный риск во взаимоотношениях граждан с системой ЖКХ составляет 32%, то есть ему подвергается почти треть россиян [18]. Из всех способов обмана жильцов можно выделить наиболее типичные:

¹⁴ Терлецкая К. Как рассчитать плату за коммунальный ресурс на содержание общего имущества // Коммунальные услуги. 2017. РосКвартал. URL: <https://roskvartal.ru/kommunalnye-uslugi/8121/kak-rasschitat-platu-za-kommunalnyy-resurs-na-soderzhanie-obshego-imuschestva>

1. Управляющая компания заключает с подрядчиком договор на выполнение ремонтных работ или оказание услуг с завышенной сметой. Работы могут вообще не выполняться, тогда составляются фиктивные акты выполненных работ. Имеют место факты завышения объема фактически выполненных работ и стоимости использованных материалов при ремонте многоквартирных домов. Данное нарушение, как правило, выявляется только при проверке внутренних документов, касающихся финансово-хозяйственной деятельности организации.

2. Управляющая компания нарушает порядок начисления платы за капитальный ремонт [19]. Как правило, это выражается в отсутствии утвержденного общим собранием перечня работ по капремонту с указанием их стоимости, сроков проведения.

3. Управляющая компания нарушает порядок начисления платы за содержание и ремонт жилья. Например, это может выражаться в отсутствии структуры такой платы (управляющая компания не проводит перерасчет оплаты за коммунальные услуги при их временном отсутствии или некачественном предоставлении).

4. Управляющие компании нарушают стандарты раскрытия информации (постановление Правительства РФ от 23 сентября 2010 г. № 731 «Об утверждении стандарта раскрытия информации организациями, осуществляющими деятельность в сфере управления многоквартирными домами»).

Нарушения в сфере оказания жилищно-коммунальных услуг жителям имеют зачастую признаки уголовно-наказуемых деяний. Прокуратура выявляет большое количество нарушений законов органами местного самоуправления, товариществами собственников жилья, управляющими компаниями, строительными организациями. В 2018 году отмечено почти 150 тысяч нарушений. «К сожалению, результаты прокурорских проверок свидетельствуют о том, что в целом состояние законности в сфере капитального ремонта далеко и очень далеко от хотя бы удовлетворительного», – сказал заместитель начальника управления

по надзору за исполнением законодательства в сфере экономики Генпрокуратуры РФ М. Умрихин.

Главной проблемой в жилищно-коммунальной сфере В.В. Путин назвал необоснованное завышение тарифов. «Еще один ключевой вопрос – это ситуация на местах с ценообразованием на жилищно-коммунальные услуги, за которыми часто стоят откровенно мошеннические схемы или организации, называющие себя управляющими компаниями», – подчеркнул президент.

По оценкам Генпрокуратуры, случаи расстраты, а то и откровенного хищения финансовых ресурсов, криминальных банкротств коммунальных организаций, умышленных действий по ухудшению финансовой ситуации компании с целью личного обогащения и прочие наказуемые эпизоды носят распространенный характер. Как правило, основным объектом махинаций становится плата за содержание жилья, в первую очередь буксует система мониторинга технического состояния домов.

Жилищное законодательство России объемно, громоздко и постоянно дополняется и изменяется, что существенно затрудняет его понимание, отслеживание и изучение. При этом специалисты органов государственной власти, отвечающих за его качество, зачастую сами недостаточно разбираются в нормах Закона [20], а в отдельных случаях принимают решения в соответствии с политической конъюнктурой.

На заседании Совета по вопросам жилищного строительства и содействия развитию жилищно-коммунального комплекса при Совете Федерации на тему «Модернизация систем и объектов жилищно-коммунального хозяйства: законодательные и правоприменительные аспекты» 4 июля 2018 года аудитор Счетной палаты Ю.В. Росляк заявил о том, что приоритеты государственной политики, конкретные цели и задачи в сфере ЖКХ Минстроем фактически не установлены. Следовательно, у Минстроя практически нет системного подхода к ре-

шению имеющихся проблем модернизации коммунальной инфраструктуры.

Таким образом, авторами систематизированы наиболее острые проблемы развития отрасли ЖКХ с выявлением причинно-следственных связей, заключающихся в следующем.

Во-первых, жилищно-коммунальный комплекс России находится в состоянии перманентных реформ уже на протяжении практически 25 лет. И пока трудно сказать, как скоро закончится этот процесс. Внутри системы ЖКХ существует огромное количество проблем, самая главная из них – повысить эффективность работы в рамках ресурсов, которыми этот комплекс на сегодня обладает. Однако остается ряд сложных проблем, их не удастся эффективно решить уже многие годы.

Во-вторых, сфера ЖКХ требует непрерывного и тщательного изучения со стороны как государственных властей всех уровней, так и профильных научных институтов. Достижение положительного результата во многом зависит от качественной подготовки специалистов-руководителей в сфере коммунальной инфраструктуры. Именно профессионально подготовленные кадры позволят обеспечить высокий уровень функционирования отрасли ЖКХ.

В-третьих, значительная доля объектов из систем коммунальной инфраструктуры сильно изношена, в результате в сфере ЖКХ сохраняется высокий уровень расходования топливно-энергетических ресурсов и нарастает объем аварийного жилищного фонда. На наш взгляд, возложение столь высокой ответственности по контролю за содержанием МКД на собственников жилья, требующей профес-

сиональных знаний, и постоянное обвинение всего населения в пассивности неправомерны.

В-четвертых, деятельность именно коммерческих организаций, главной целью которых является получение прибыли, а не рост качества жизни населения в результате повышения качества и надежности жилищно-коммунальных услуг, в сфере ЖКХ себя не оправдывает и не является эффективной.

В-пятых, эффективное управление тарифной системой в ЖКХ решает многие проблемы социального взаимодействия государства и населения, именно тарифная система – наиболее реальный канал для коррупции и мошенничества. Сфера ЖКХ является источником социальных проблем. Это связано, в том числе, и с неадекватной оценкой платежеспособности населения как социально-экономической угрозой безопасности ЖКХ, чрезмерной ориентацией на саморегулирование рынка.

По нашему мнению, необходимы меры государственного экономического регулирования и поддержки процессов в сфере ЖКХ. Задача органов государственной и муниципальной власти – создавать нормативную правовую базу, взаимовыгодные и честные условия взаимодействия заказчиков – собственников жилья и представителей бизнеса, которые готовы оказывать им жилищно-коммунальные услуги. При этом задача государства – обеспечить доступность платы домохозяйств за жилищно-коммунальное обслуживание и мер социальной поддержки тех, для кого эта плата слишком обременительна. Решать проблемы ЖКХ, тем более без модернизации коммунальной инфраструктуры, особенно в малых городах, без участия государства невозможно.

ЛИТЕРАТУРА

1. Плотникова И.А. Формирование инвестиционной и тарифной политики в системе регионального водоснабжения: дис. ... канд. экон. наук: 08.00.05. Вологда, 2003. 185 с.
2. Прокофьев А.В., Прокофьева Е.Н. Средства населения в системе жилищно-коммунального хозяйства: роль, особенности формирования и перераспределения // Изв. УрГЭУ. 2018. Т. 19. № 6. С. 76–88.
3. Сиваев С.В. Жилищно-коммунальный комплекс: между политикой и экономикой: экспертно-аналит. докл. / под ред. Н.А. Труновой. М., 2018. 120 с. URL: <https://www.csr.ru/wp-content/uploads/2018/10/Report-ZH-KH-N-internet-fin-1.pdf>
4. Морев М.В., Дементьева И.Н., Леонидова Е.Э. Основные тенденции социального самочувствия населения Вологодской области в феврале 2019 года // Проблемы развития территории. 2019. № 2 (100). С. 127–133.
5. Пирогов Н.Л., Решетов К.Ю. Экономика российского ЖКХ: проблемы управления и инновации // Бизнес в законе. 2017. № 5. С. 277–282.
6. Шеремет Н.Г., Коротков А.В. Сравнительный статистический анализ доходов и расходов потребителей по субъектам Российской Федерации // Молодой ученый. 2016. № 5. С. 452–457. URL: <https://moluch.ru/archive/109/26374>
7. Федоровых Е.Р., Мазница Е.М. Методические подходы к проблеме реконструкции и восстановления основных фондов ЖКХ // Фундаментальные исследования. 2017. № 4-1. С. 214–219. URL: <http://fundamental-research.ru/ru/article/view?id=41464> (дата обращения 26.05.2019).
8. Ускова Т.В., Барабанов А.С. Жилищно-коммунальное хозяйство муниципалитета: состояние, проблемы, тарифное регулирование. Вологда: ИСЭРТ РАН, 2013. 88 с.
9. Плотникова И.А., Сорокина И.В. Жилищно-коммунальное хозяйство: проблемы, факты, тенденции // Управление социально-экономическими системами: мат-лы междунар. науч.-практ. конф.: в 2 т. / М-во образ. и науки РФ; ВоГУ, 2017. Т. 1. С. 369–372.
10. Сизых Е.А. Детерминанты преступности в сфере жилищно-коммунального хозяйства крупных городов России // Актуальные проблемы экономики и права. 2016. Т. 10. № 2. С. 236–246.
11. Соколова С.А., Борисова К.В. Проблемы жилищно-коммунального хозяйства как индикатор состояния общества // Фундаментальные исследования. 2016. № 11-4. С. 870–874. URL: <http://fundamental-research.ru/ru/article/view?id=41271> (дата обращения 17.05.2019).
12. Суставова Н.П. Особенности функционирования многоквартирного дома // Молодой ученый. 2017. № 15. С. 478–479. URL: <https://moluch.ru/archive/149/42094>
13. Жбанов П.А. Кадровое обеспечение сферы жилищно-коммунального хозяйства // Дополнительное профессиональное образование в стране и мире. 2015. № 6–7 (20–21). С. 5–10.
14. Горбачевская Е.Ю., Антонова П.Г. Современные подходы к управлению жилыми объектами недвижимости // Жилищные стратегии. 2016. Т. 3. № 2. С. 83–94. DOI: 10.18334/zhs.3.2.36151
15. Попова О.С. Обеспечение социально-экономической безопасности жилищно-коммунального хозяйства страны: дис. ... канд. экон. наук: 08.00.05. М., 2014. 169 с.
16. Клевцов К.К., Алехин Д.В., Новиков А.М. Преступления в сфере ЖКХ: квалификация и возмещение вреда // Уголовный процесс. 2018. № 12. С. 72–77. URL: <https://e.ugpr.ru/article.aspx?aid=686153>
17. Дронов С.Е. Направления совершенствования региональной политики в сфере жилищно-коммунального хозяйства: автореф. дис. ... канд. экон. наук: 08.00.05. Тамбов, 2015. 21 с.

18. Рябов К.И. Коррупция в системе жилищно-коммунального хозяйства: проблемы и пути профилактики на основе Национального стандарта качества обслуживания населения // Власть. 2016. № 12. С. 108–113.
19. Хованская Г. Капремонт, возможное увеличение пени за ЖКУ, работа управляющих организаций и другие проблемы ЖКХ // Местное самоуправление: организация, экономика и учет. 2015. № 9. С. 53–55. URL: <https://www.garant.ru/ia/opinion/author/hovanskaya/628735>
20. Шилкина О.А. Проблемы финансирования модернизации объектов коммунальной инфраструктуры // Финансы и кредит. 2015. Т. 21. Вып. 13. С. 15–20.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ

Ирина Александровна Плотникова – кандидат экономических наук, доцент, Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Вологодский государственный университет». Российская Федерация, 160000, г. Вологда, ул. Мальцева, д. 2; e-mail: piaira@yandex.ru

Ирина Васильевна Сорокина – кандидат экономических наук, доцент, Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Вологодский государственный университет». Российская Федерация, 160000, г. Вологда, ул. Мальцева, д. 2; e-mail: 306stroi@mail.ru

Plotnikova I.A., Sorokina I.V.

MODERN HOUSING AND COMMUNAL SERVICES DEVELOPMENT PROBLEMS

The modern development strategy of the Russian Federation is based on the principles of ensuring national and state interests in the long term. Housing and communal services is one of the basic sectors of the economy providing vital services to the population. The ability to maintain the population's normal living conditions, to provide resources to the national economy sustainably determines one of the most important qualitative characteristics of the economic system – economic security. Therefore, the need to improve the organizational and economic tools for the implementation of state and regional policy in the housing and communal sector determines the study's relevance. The purpose of the work is to analyze the problems of industry development with the identification of trends and cause-and-effect relationships. Despite rather active theoretical and practical researches of housing and communal services development problems, there are still lots of numerous adverse aspects in the sector. The tariff policy imperfection should be noted which is associated, inter alia, with the adequacy of the population's paying capacity assessment, i.e. the acceptability of costs and the ability to pay for housing and communal services. The professional level of specialists in management organizations, federal subjects' administrations, municipalities does not meet modern requirements. The living quarters owners in apartment buildings practically cannot control the activities of management organizations. Cumbersome, highly dynamic, declarative in some cases, housing legislation makes it difficult to understand and track it. The complex of problems determines low efficiency of housing and communal services management at the present stage, contributes to the prevalence of corruption and fraud. On the basis of a systematic, comprehensive analysis of scientific literature, official statistics, legal practice, the article authors prove the strengthening of negative trends associated with the above problems. Systematization of risks and threats allowed the authors

to develop and propose a number of practical measures to minimize them, prevent possible negative prospects for the development of the industry. The information base of the study were Federal and regional regulations; the data from Rosstat, the Ministry of Construction of Russia, the Analytical Center under the government of the Russian Federation, the press service of Sberbank of Russia; materials published on official websites.

Housing and communal services, tariffs, real disposable income, housing maintenance, apartment building, homeowners.

INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

Irina A. Plotnikova – Ph.D. in Economics, Associate Professor, Federal State Budgetary Educational Institution of Higher Education “Vologda State University”. 2, Maltseva Street, Vologda, 160000, Russian Federation; e-mail: piaira@yandex.ru

Irina V. Sorokina – Ph.D. in Economics, Associate Professor, Federal State Budgetary Educational Institution of Higher Education “Vologda State University”. 2, Maltseva Street, Vologda, 160000, Russian Federation; e-mail: 306stroi@mail.ru

DOI: 10.15838/ptd.2019.6.104.5

УДК 330.15 | ББК 65.04

© Лебедева М.А.

ВОДНЫЕ РЕСУРСЫ ЕВРОПЕЙСКОГО СЕВЕРА РОССИИ: СПЕЦИФИКА И УПРАВЛЕНИЕ ИСПОЛЬЗОВАНИЕМ В ХОЗЯЙСТВЕННОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ¹

МАРИНА АНАТОЛЬЕВНА ЛЕБЕДЕВА

Вологодский научный центр Российской академии наук
Российская Федерация, 160014, г. Вологда, ул. Горького, д. 56а
e-mail: lebedevamarina1@mail.ru
ORCID: [0000-0002-7310-6143](https://orcid.org/0000-0002-7310-6143); ResearcherID: [R-8097-2018](https://orcid.org/R-8097-2018)

Развитие водного хозяйства и повышение рациональности использования водных ресурсов можно назвать одними из приоритетных направлений стратегического развития страны и ее регионов, в частности Европейского Севера России. Цель данной работы – выявление специфики и ключевых особенностей управления водными ресурсами в хозяйственной деятельности Европейского Севера России. В работе был установлен ряд проблем развития водного хозяйства: низкое качество природных вод, снижение эффективности использования внутренних водных транспортных путей, снижение объема вылова пресноводных биоресурсов, слабое вовлечение водных объектов в хозяйственную деятельность, не влекущую негативного воздействия на окружающую среду. Государственные органы осуществляют экономическое стимулирование повышения рационального использования природных ресурсов преимущественно для промышленности, в отношении других отраслей оно практически не применяется. В результате изучения отечественного и зарубежного опыта управления водными ресурсами для решения выявленных проблем были предложены такие инструменты, как региональный экологический фонд для регламентирования платы за НВОС и софинансирования внедрения ресурсосберегающих технологий;

Для цитирования: Лебедева М.А. Водные ресурсы Европейского Севера России: специфика и управление использованием в хозяйственной деятельности // Проблемы развития территории. 2019. № 6 (104). С. 69–86. DOI: 10.15838/ptd.2019.6.104.5

For citation: Lebedeva M.A. Water resources of the Russian European North: specifics and management in economic activity. *Problems of Territory's Development*, 2019, no. 6 (104), pp. 69–86. DOI: 10.15838/ptd.2019.6.104.5

¹ Статья подготовлена в соответствии с государственным заданием для ФГБУН ВолНЦ РАН по теме НИР № 0168-2019-0004 «Совершенствование механизмов развития и эффективного использования потенциала социально-экономических систем».

развитие малой гидроэнергетики для вовлечения водных объектов в энергоснабжение удаленных территорий; реконструкция водопроводной сети и разработка системы ее регулярного мониторинга для снижения потерь и улучшения качества воды централизованного водоснабжения; создание системы мониторинга речных судов для выявления нелегального улова и его продажи; проведение регулярных дноуглубительных работ для поддержания водных внутренних путей в функциональном состоянии. В ходе изучения не рассматривались подземные воды по причине отсутствия данных учета их запаса во всех субъектах исследуемой территории, а также особенностей использования из-за различий в химическом составе. В дальнейших работах будет проведена оценка эффективности использования подземных вод как гидроминерального сырья.

Водные ресурсы, Европейский Север России, рациональное водопользование, водоемкость ВРП, управление водными ресурсами.

Природные ресурсы, в том числе и водные, занимают особое место в национальном богатстве любой страны мира. Вода имеет огромное значение как для страны, региона, так и для отдельного человека, что нашло отражение в ряде документов, среди которых Повестка дня на XXI век, Программа действий Международной конференции по народонаселению и развитию 1994 года, а также в итоговых документах Конференции ООН по населенным пунктам, принятых в 1996 году. Данными документами подтверждается право людей на воду, при этом обеспечение водой каждого человека должно быть достаточным и непрерывным, доступным физически и экономически, а ее использование для личных и бытовых нужд – безопасным и приемлемым [1–3]. Соблюдение права на обеспеченность человека водой в определенном количестве и надлежащего качества возможно только при условии устойчивого функционирования водного хозяйства.

Современное водное хозяйство представляет собой совокупность отраслей сферы услуг и важнейшую часть инфраструктуры экономики территорий, определяющую особенности производства и условия жизнедеятельности человека. Это один из главных факторов устойчивого социально-экономического развития [4; 5].

Основными субъектами водного хозяйства региона являются водопотребители – отрасли, хозяйственная деятельность которых требует изъятия ресурсов из водного объекта (сельское хозяйство, промышленность и коммунальное хозяйство), и водопользова-

тели – отрасли, хозяйственная деятельность которых основана на использовании водных объектов как инфраструктуры или среды обитания (водный транспорт, гидроэлектроэнергетика, рыбоводство и рыболовство).

При управлении водными ресурсами решаются задачи их распределения и охраны с учетом тех или иных интересов в конкретных территориальных условиях с использованием регламентирующих методов. Они предполагают активные действия для изменения гидрологической обстановки (режимов, качества и количества вод) в интересах улучшения экологических и социальных условий жизни населения, полноценного функционирования всех отраслей хозяйства. Эти задачи обязательно приобретают комплексный характер и требуют системного подхода для их решения [6].

Теоретические и практические аспекты управления водными ресурсами, а также проблемы в сфере создания инструментов для повышения эффективности функционирования водного хозяйства страны и ее регионов представлены в работах R. Duarte, V. Pinilla, A. Serrano, G. Bonnies, Л.Г. Матвеевой, О.А. Черновой, А.А. Фридман, Н.И. Коронкевича, И.С. Зайцевой, В.Ф. Фоминой, В.М. Кумзерова. В работах зарубежных и отечественных авторов основное внимание уделено какому-либо одному направлению водного хозяйства [7–15]. В то же время увеличению рациональности комплексного использования водных ресурсов уделено недостаточно внимания, что обусловило актуальность данной работы.

Цель исследования – выявление специфики и ключевых особенностей управления

водными ресурсами в хозяйственной деятельности Европейского Севера России.

Достижение цели предполагает постановку и решение следующих задач:

1. Изучение отечественного и зарубежного опыта управления водными ресурсами.

2. Анализ использования водных ресурсов в различных отраслях экономики и текущего состояния системы управления использованием водных ресурсов и объектов в регионе.

3. Обоснование инструментов, способствующих повышению рациональности использования водных ресурсов.

При рассмотрении зарубежного опыта становится очевидным, что повышение рациональности использования воды осуществляется через научно обоснованное организационное и институциональное обеспечение (табл. 1).

Практически во всех представленных примерах (за исключением Канады) сокращение потребления воды с учетом возможности обеспечения существующих потребностей было достигнуто через сотрудничество органов власти с научным сообществом. На-

пример, город Валенсия выбран для апробации метода повышения блочных тарифов в рамках исследования США и Великобритании. Размер тарифа определяется следующим образом: для первого ценового блока (использование воды до 12 м³) использовали текущий официальный курс в Валенсии: 0,44 евро за м³. На основе моделирования с предположением спроса и хранения были установлены четыре различные цены для второго блока ценообразования. Цена второго блока повышается по мере снижения доступности воды, причем каждое повышение цены призвано обеспечить достижение определенной цели по сокращению годового спроса на воду².

Интересен опыт сокращения потребления водных ресурсов в Великобритании. В 2015 году город Бристоль являлся «зеленой столицей Европы», в частности по причине рационального водопользования. Здесь удалось добиться одного из самых низких уровней потребления воды за последние 20 лет, и это при том, что за последнее десятилетие население города растет. За счет бесплатного водосберегающего оборудования,

Таблица 1. Зарубежный опыт повышения рациональности использования водных ресурсов

Страна	Инструмент	Эффект
Испания (Валенсия)	Использование блочных тарифов, заключающихся в дифференцированности цен на воду в зависимости от объема используемой воды и объема резервуарного хранения	Сокращение потребления воды на 18%
Великобритания (Бристоль)	Мониторинг водопроводной сети, позволяющий отслеживать исправность водопровода и применять своевременные меры Бесплатное оборудование для домохозяйств, продвигаемое через рекламу, общественные мероприятия и предоставляемое по запросу	Экономия 800 тысяч литров воды в год за счет сокращения потерь
Тайвань	«Зеленые» здания. Сертифицированные здания, отвечающие требованиям энерго- и ресурсосбережения	Экономия 37,6% воды по сравнению с обычными строениями
Канада	Закон о воде от 30.09.1970 № С-11, регламентирующий основные правила водопользования Федеральная стратегия устойчивого развития Канады на 2016–2019 гг., устанавливающая цели рационального водопользования и сохранения экосистем водных объектов	Повышение соответствия промышленных стоков санитарным требованиям. Стоки металлургической промышленности в 98–100% случаев соответствовали санитарным требованиям, стоки целлюлозно-бумажной промышленности – в 97% случаев*

* Latest environmental Indicators. URL: <https://www.canada.ca/en/environment-climate-change/services/environmental-indicators/latest.html>

² New water billing system could cut usage whilst being fair and profitable. URL: https://ec.europa.eu/environment/integration/research/newsalert/pdf/new_water_billing_system_could_cut_usage_fair_profitable_510na1_en.pdf

предоставляемого Публичным обществом с ограниченной ответственностью Bristol Water, Бристолу удалось сэкономить 800 тысяч м³ воды. Эта компания проводит в городе непрерывный мониторинг разводящих сетей, позволяющий находить места утечек, а также устанавливать их причины³.

На Тайване проблема дефицита пресных водных ресурсов существует достаточно давно. Она заключается в неравномерном распределении ливневых осадков, коротких реках и трудностях, связанных со строительством водохранилищ. Поэтому экономия воды является одной из важных целей водной политики страны. Научно-исследовательский институт архитектуры и строительства Министерства внутренних дел Тайваня предложил концепцию «зеленого» строительства и внедрил систему оценки «зеленых» зданий. Исследовательской группой были обследованы здания, прошедшие «зеленую» сертификацию, и без нее. Согласно результатам, средняя норма экономии воды для 1320 случаев с сертификацией «зеленого» строительства в 2000–2013 гг. составила приблизительно 37,6% [16].

В Канаде нет дефицита водных ресурсов, однако здесь вопрос рациональности использования водных ресурсов также остается актуальным. В стране один из наиболее низких тарифов на воду для населения среди стран ОЭСР. По мнению ученых Института окружающей среды Университета Оттавы, низкие цены приводят к неэффективному водопользованию и часто создают дефицит финансирования для муниципальных органов власти, потому что сумма, выплачиваемая пользователями, обычно не покрывает полную стоимость водоснабжения⁴.

В ходе реализации Федеральной стратегии устойчивого развития Канады, суть которой заключается в достижении 13 целей устойчивого развития (одна из них – «чистые

и здоровые озера и реки, способствующие экономическому процветанию и благосостоянию канадцев»⁵), государству удалось добиться улучшений, в частности соответствия сбросов санитарным требованиям, однако проблема качества воды остается одной из наиболее острых. Например, Robert J. Patrick отмечает, что в канадских сельских территориях, особенно тех, где проживает коренное население, контроль за качеством воды слабее по сравнению с городскими населенными пунктами [3; 17].

В Европе главными инструментами управления водными ресурсами являются плата за сбросы и пользование водными объектами. Однако их применение должно сопровождаться необходимыми институциональными изменениями и стратегией преодоления многих барьеров. Другими словами, изменение выплат – это только часть решения. Общества становятся зависимыми от институтов и технологий, с которыми они знакомы. Социальная и экономическая инерция может быть настолько сильной, что даже довольно большие изменения в выплатах не изменят поведение. Также практически в каждой стране – члене ЕС существует один или несколько фондов, поддерживающих проекты для сохранения и рационального использования ресурсов водных объектов [9; 18].

Развитие российского водного хозяйства в значительной мере связано с достижением таких стратегических целей, как конкурентоспособность, высокотехнологичность, сбалансированность социально-экономического развития территорий и повышение качества жизни. Российская Федерация принадлежит к числу государств, наиболее обеспеченных водными ресурсами. Среднемноголетние возобновляемые водные ресурсы России составляют 10% мирового речного стока и оцениваются в 4,3 тыс. км³ в год. В целом по стране обеспеченность

³ European Green Capital Award 2015 – Bristol UK Technical Bid Section 8 Water Consumption. URL: https://ec.europa.eu/environment/europeangreencapital/wp-content/uploads/2013/06/Indicator-8-Water-Consumption_BRISTOL.pdf

⁴ Economic Instruments for Water Management in Canada. Smart Prosperity Institute. URL: <https://institute.smart-prosperity.ca/library/publications/economic-instruments-water-management-canada>

⁵ A Federal Sustainable Development strategy for Canada 2016–2019. URL: http://2016-2019.fsds-sfdd.ca/downloads/FSDS_2016-2019_Final.pdf

водными ресурсами составляет 30,2 тыс. м³ на человека в год⁶.

По мнению директора Института водных проблем РАН В.И. Данилова-Данильяна, в существующем российском водном хозяйстве выделяются следующие проблемы:

- неудовлетворительное качество воды в большинстве используемых водных объектов;
- физический износ систем хозяйственно-питьевого водоснабжения, что влечет потери воды и несоответствие питьевой воды гигиеническим нормативам;
- ухудшение физического состояния гидротехнических сооружений;
- слабая защищенность населения и хозяйственных объектов от негативного воздействия вод;
- недостаточная эффективность государственного управления водными ресурсами и водохозяйственными системами [10; 11].

Законодательно закрепленное действующее управление водными ресурсами не позволяет в полной мере решать вопросы охраны водных ресурсов и экономики водопользования. Так, например, статьями 121–128 Водного кодекса РФ № 167-ФЗ от 1995 года для экономического регулирования различных аспектов водопользования предусматривалось создание систем платежей за пользование водными объектами; финансирование восстановления и охраны водных объектов, а также системы экономического стимулирования рационального использования, восстановления и охраны водных объектов.

Система финансирования восстановления и охраны водных объектов формировалась за счет платы за:

- изъятие воды из водных объектов (в пределах установленного лимита и сверх него);
- пользование водными объектами без изъятия воды, в соответствии с условиями лицензии на водопользование;
- сброс сточных вод в водные объекты (в пределах установленных лимитов и сверх них).

⁶ Водная стратегия Российской Федерации на период до 2020 года: утв. Распоряж. Правительства РФ от 27 августа 2009 г. № 1235-р.

Платежи за использование водных объектов поступали в региональные бюджеты Российской Федерации и направлялись на финансовое обеспечение мероприятий по рациональному использованию водных ресурсов, а плата за сбросы должна была поступать в федеральный целевой экологический фонд и использоваться не менее чем на 80% для финансирования мероприятий по восстановлению и охране водных объектов.

В настоящее время федеральный экологический фонд упразднен, плата за негативное воздействие на окружающую среду (НВОС), в частности за сбросы, подлежит зачислению в бюджеты различных уровней бюджетной системы Российской Федерации, а ее дальнейшее использование не регламентировано. Факт, что плата за НВОС главным образом выполняет фискальную функцию, подтверждается в исследованиях [12], где отмечено, что такой платой облагаются не все виды негативного воздействия. Также следует отметить, что экономическое стимулирование имеет место только в отношении негативного воздействия на окружающую среду. Так, в ФЗ «Об охране окружающей среды» № 7 от 10 января 2002 года предусмотрен «нулевой» коэффициент за объем или массу сбросов загрязняющих веществ в пределах технологических нормативов после внедрения наилучших доступных технологий на объекте, оказывающем негативное воздействие на окружающую среду.

Водным кодексом в редакции от 1995 года (статья 128) устанавливалось экономическое стимулирование рационального использования, восстановления и охраны водных объектов через применение таких инструментов, как налоговые, кредитные и иные льготы, предоставляемые водопользователям, гражданам и юридическим лицам, осуществляющим мероприятия по восстановлению и охране водных объектов, предупреждению и ликвидации вредного воздействия вод. В современной редакции данного кодекса информация об экономическом стимулировании рационального ис-

пользования водных объектов отсутствует, хотя его важность была многократно подтверждена исследователями [10–12].

В ближайшей перспективе планируется ряд мероприятий в рамках национального проекта «Экология» (утвержден президентом Совета при Президенте Российской Федерации по стратегическому развитию и национальным проектам (протокол от 24 декабря 2018 года № 16), направленных на повышение уровня обеспеченности населения, главным образом городского, качественной питьевой водой, а также улучшение состояния некоторых водных экосистем. Особенное внимание уделено реке Волге и озерам Телецкому и Байкалу, для чего планируется восстановить их и снизить количество сбрасываемых в них сточных вод. Восстановление других водных объектов планируется на площади 23 тыс. га, что составляет около 0,08% водного фонда России. К тому же для восстановления реки Волги и озер Телецкого и Байкала нужно воздействовать и на водные объекты их водосборных бассейнов. Таким образом, водные объекты северных территорий при реализации данного нацпроекта будут задействованы незначительно⁷.

Одна из важных характеристик территории России заключается в дифференцированности регионов по ресурсной базе, в том числе водным ресурсам. Так, европейская часть России отличается от азиатской меньшими площадью и запасами природных ресурсов, но при этом большими численностью населения, сельскохозяйственной освоенностью и подверженностью неблагоприятному антропогенному и техногенному воздействию [8; 13; 14].

Особый интерес представляет северная часть европейской территории России (Европейский Север России, далее – ЕСП). Запас водных ресурсов здесь весьма значителен, а обеспеченность населения более чем в 20 раз выше, чем в среднем по европейской части России (200 тыс. м³ / чел. по ЕСП

и 7–9 тыс. м³ / чел. по европейской территории России). Но в силу климатических и гидрохимических особенностей водные объекты ЕСП обладают пониженной самоочищающей способностью и подвержены аккумулярованию негативного воздействия. Тем не менее Европейский Север России играет важную роль в обеспечении населения и промышленности водными ресурсами (табл. 2)⁸.

Анализ показал хорошую обеспеченность водными ресурсами, а также их значительный прирост, обусловленный метеорологическими условиями и усилением речного стока данного региона.

Но следует отметить, что в 2017 году в среднем по Европейскому Северу России вода из поверхностных источников только в 74% случаев соответствовала гигиеническим требованиям по санитарно-химическому показателю и 92% случаев – по микробиологическому показателю (табл. 3).

В отношении качественной характеристики воды из поверхностных источников наиболее неблагоприятная ситуация наблюдается в Архангельской области, где только в 35% случаев вода соответствует гигиеническим требованиям по санитарно-химическим показателям и в 75% случаев – по микробиологическим. Столь низкие показатели могут быть обусловлены плохой работой предприятий по виду деятельности «сбор и обработка сточных вод». Сброс загрязненных сточных вод от них возрос в 2 раза и во столько же превышает количество сбросов нормативно-чистой (без очистки) воды. Неблагоприятное воздействие оказали предприятия и по виду деятельности «водоснабжение, водоотведение, организация сбора и утилизации отходов, деятельность по ликвидации загрязнений», где также имеет место большой объем сброса загрязненных сточных вод и очень низкая доля использования оборотной воды (0,13% от всего объема использованной воды)⁹.

⁷ Национальные проекты 2019–2024 гг.: анализ и ключевые риски их реализации. Экономический блок: науч.-аналит. изд. / В.А. Ильин [и др.]. Вологда: ВолНЦ РАН, 2019. 93 с.

⁸ О состоянии и использовании водных ресурсов Российской Федерации в 2017 году: гос. докл. М.: НИА-Природа, 2018. С. 31–32.

⁹ Состояние и охрана окружающей среды в Архангельской области: гос. докл. С. 286.

Таблица 2. Водные ресурсы Европейского Севера России

Территория	Среднее многолетнее количество водных ресурсов, км ³ /год*	Водные ресурсы 2009 года, км ³ /год	Водные ресурсы 2012 года, км ³ /год	Водные ресурсы 2015 года, км ³ /год	Водные ресурсы 2017 года, км ³ /год	Отклонение значения 2017 года от средних многолетних, %	Водообеспеченность, тыс. м ³ на душу населения
ЕСР	721,4	765,7	820,4	810,8	900,6	24,8	200,6
Ненецкий автономный округ	212,1	220	232,2	272	243,8	14,9	5540,9
Архангельская область	175,1	184,5	192,7	143,7	228,2	30,3	205,4
Республика Коми	164,8	173,5	188,6	211,7	206,1	25,1	245,1
Мурманская область	65,7	80,1	74,8	72,7	81,9	24,7	108,6
Вологодская область	47,7	54,5	63,5	44	70,7	48,2	63,3
Республика Карелия	56	53,1	68,6	66,7	69,9	24,8	112,4

* Средние многолетние значения водных ресурсов рассчитаны за период 1930–1980 гг.
Источники:
О состоянии и использовании водных ресурсов Российской Федерации в 2009 году: гос. докл. М.: НИИ-Природа, 2010. С. 27;
О состоянии и использовании водных ресурсов Российской Федерации в 2013 году: гос. докл. М.: НИИ-Природа, 2014. С. 23;
О состоянии и использовании водных ресурсов Российской Федерации в 2015 году: гос. докл. М.: НИИ-Природа, 2016. С. 29;
О состоянии и использовании водных ресурсов Российской Федерации в 2017 году: гос. докл. М.: НИИ-Природа, 2018. С. 31–32.

Таблица 3. Доля проб воды из поверхностных источников, не соответствующих гигиеническим требованиям, в 2017 году, %

Территория	По санитарно-химическим требованиям	По микробиологическим требованиям
ЕСР	26,1	8,1
Архангельская область	65,3	25,1
Республика Коми	44,6	6,3
Республика Карелия	25	3,3
Вологодская область	22,3	12,3
Ненецкий автономный округ	20	16,7
Мурманская область	9	1,8

Источник: Единая межведомственная информационно-статистическая система (ЕМИСС).

Рассмотренные водные ресурсы – основополагающая составляющая водного хозяйства региона. Как было отмечено ранее, ключевыми субъектами водного хозяйства региона являются водопотребители – отрасли, для хозяйственной деятельности которых необходимо изъятие ресурсов из водного объекта. Характеристика водопотребления на территории ЕСР в 2017 году представлена в табл. 4.

Как видно из таблицы 4, основным водопотребителем на территории ЕСР является промышленное производство. Меньше всего воды изымается для водоснабжения сельского хозяйства. В Карелии и Архангельской области в 2017 году увеличилось количество воды, используемой на нужды прудов рыбного хозяйства. В Республике Коми, помимо водозатрат, отраженных в таблице 4, порядка 31 млн м³ используется для поддержания пластового давления в горных выработках.

Некоторые исследователи [19–21] полагают, что одним из основных критериев оценки эффективного использования воды промышленностью региона является показатель водоемкости ВРП, который позволяет охарактеризовать тип и уровень эколого-экономического развития вовлеченных территорий.

Водоемкость как частный случай показателя природоемкости отражает количество затраченных водных ресурсов на единицу ВВП или ВРП. В России в 2007 году величина водоемкости составляла 2,4 м³/тыс. руб. – весьма высокий показатель в сравнении с рядом других экономически развитых стран (в 2007 году водоемкость по водозбору

Таблица 4. Водопотребление свежей воды в субъектах ЕСР в 2017 году, млн м³

Территория	Всего	Из них				
		на производственные нужды	на хозяйственно-бытовые и питьевые нужды	на сельскохозяйственное водоснабжение	на нужды прудов рыбного хозяйства	на другие нужды
ЕСР	2848,65	2466,47 (86,6%)	239,24 (8,8%)	5,07 (0,2%)	15,76 (0,6%)	90,62 (3,2%)
Мурманская область	1412,06	1317,54 (93,3%)	55,41 (3,9%)	0,05 (0,004%)	–	39,04 (2,8%)
Архангельская область	556,83	497,26 (89,3%)	44,04 (7,9%)	0,48 (0,1%)	2,32 (0,4%)	12,74 (2,3%)
Республика Коми	484,71	381,45 (78,7%)	50,58 (10,4%)	0,53 (0,1%)	–	20,63 (4,3%)
Вологодская область	226,55	156,14 (68,9%)	59,75 (26,4%)	2,93 (1,3%)	–	7,73 (2,8%)
Республика Карелия	168,5	114,08 (67,7%)	29,46 (17,5%)	1,08 (0,6%)	13,44 (8,0%)	10,48 (6,2%)
Ненецкий автономный округ	н/д	н/д	н/д	н/д	н/д	н/д

Источник: Доклад о состоянии и охране окружающей среды Вологодской области в 2017 году. С. 41; Доклад о состоянии и охране окружающей среды Архангельской области в 2017 году. С. 37; Доклад о состоянии и охране окружающей среды Республики Коми в 2017 году. С. 27; Доклад о состоянии и охране окружающей среды Мурманской области в 2017 году. С. 37–38; Доклад о состоянии и охране окружающей среды Республики Коми в 2017 году. С. 27.

в США составила 1,4 м³/тыс. руб., в Норвегии – 0,4 м³/тыс. руб., в Швейцарии – 0,15 м³/тыс. руб.) [22]. Водной стратегией РФ на период до 2020 года предусматривается, что к 2020 году величина водоемкости будет снижена до 1,4 м³/тыс. руб.

При анализе показателей водоемкости необходимо различать общую водоемкость, отражающую отношение всего объема использованной воды (в том числе и оборотной) к значению ВРП, и водоемкость по свежей воде, характеризующую отношение объема воды, забранной из природного объекта и использованной в хозяйственной деятельности, к величине ВРП.

В ходе анализа было установлено, что на территории Европейского Севера России и его субъектов показатели общей водоемкости и водоемкости по свежей воде¹⁰ в 2010–2017 гг. снизились (табл. 5).

Показатели водоемкости по использованию свежей воды составляют менее половины от общей водоемкости по ЕСР в большинстве субъектов (кроме Мурманской области), что указывает на повышение доли использования

оборотной воды, не изымаемой и не сбрасываемой в водные объекты. Это является положительным моментом относительно повышения эффективности использования воды. Снижение общей водоемкости может быть трактовано двояко: как эффект от внедрения водосберегающих технологий, так и результат сокращения промышленного производства. Сравнение с водоемкостью по свежей воде показывает, что в целом по региону хозяйственная деятельность требует большого количества воды, тем не менее необходимый экономический эффект достигается за счет воды замкнутого цикла. Это позволяет предприятиям снизить водозабор, общий объем сброса и, соответственно, плату за них. Следует отметить, что и общая водоемкость ВРП ЕСР отличается тенденцией к снижению, хотя и не постоянной.

Также для оценки рациональности использования водных ресурсов в коммунальном хозяйстве были проанализированы потери воды при транспортировке. Данный показатель отражает количество потерянной воды, как правило, по причине износа разводящих сетей (табл. 6).

Таблица 5. Водоемкость ВРП Европейского Севера России, м³ / тыс. руб.

Территория	Показатель	Год							2017 год к 2010 году, %
		2010	2012	2013	2014	2015	2016	2017	
Европейский Север РФ	Водоемкость по свежей воде	1,41	1,30	1,35	1,33	1,20	1,18	1,14	80,7
	Водоемкость общая	4,55	4,48	4,49	4,51	4,43	4,48	4,19	92,2
Мурманская область	Водоемкость по свежей воде	3,58	3,49	3,75	3,62	3,15	3,18	3,18	88,9
	Водоемкость общая	5,77	6,11	5,97	5,72	5,49	5,51	5,50	95,3
Архангельская область	Водоемкость по свежей воде	1,50	1,42	1,34	1,32	1,26	1,25	1,19	79,6
	Водоемкость общая	3,39	3,32	3,18	3,19	3,08	3,08	3,09	91,2
Республика Коми	Водоемкость по свежей воде	0,77	0,73	0,71	0,75	0,80	0,82	0,84	109,5
	Водоемкость общая	2,88	2,78	2,96	3,17	3,22	3,21	2,32	80,5
Республика Карелия	Водоемкость по свежей воде	0,83	0,76	0,76	0,77	0,67	0,64	0,67	80,5
	Водоемкость общая	5,36	4,86	4,33	4,68	4,51	4,94	4,81	89,7
Вологодская область	Водоемкость по свежей воде	1,25	0,92	0,99	0,97	0,78	0,70	0,45	35,8
	Водоемкость общая	8,58	8,16	8,59	8,37	8,38	8,53	8,09	94,3
Ненецкий автономный округ	Водоемкость по свежей воде	0,12	0,13	0,14	0,04	0,05	0,05	0,05	43,8
	Водоемкость общая	0,16	0,17	0,21	0,06	0,11	0,12	0,14	85,5

Рассчитано по: Регионы России. Основные социально-экономические показатели. 2017: стат. сб. / Росстат. М., 2018. С. 452–458.

В России в 2007 году потери воды составили 10% от водозабора, к 2020 году ставится цель сократить их в 2 раза (5%). В целом по Европейскому Северу России потери воды при транспортировке снизились и составили 2,2%, что почти в 2 раза ниже целевого показателя в 5%, обозначенного Водной стратегией Российской Федерации на период до 2020 года. Увеличение потерь воды наблюдается в двух субъектах: Вологодской области и Ненецком автономном округе. В Вологодской области самая большая протяженность ветхих водопроводных сетей, подлежащих замене (1418,8 км из 4431,3 км (32%)). Увеличение потерь воды в разводящих сетях может привести к повышению водозабора и росту тарифов, а, так как причиной потерь является неудовлетворительное состояние разводящих сетей, это отразится на качестве питьевой воды, что, в свою очередь, скажется на здоровье населения.

В ЕСР насчитывается более 500 тысяч водоемов и водотоков, ресурсы которых можно также использовать для внутреннего водного транспорта, работы мини-гидроэлектростанций, рыболовства и рыбоводства.

Внутренний водный транспорт имеет большое значение для северных районов, где плотность железных и автомобильных дорог недостаточна или они совсем отсутствуют, а сеть внутренних водных путей достаточно хорошо развита. Важные преимущества водного транспорта – это низкая себестоимость перевозок и существенно меньшие капитальные вложения, чем в создание автомобильных или железных дорог. Недостатками являются сезонный характер, низкая скорость движения [23].

На территории ЕСР находятся три крупных водных пути: Северо-Двинский путь, соединяющий реку Волгу с Белым морем, Волго-Балтийский водный путь, связывающий бас-

Таблица 6. Потери воды при транспортировке

Территория	Показатель	Год						2017 год к 2010 году, % (п. п.)
		2010	2012	2014	2015	2016	2017	
Европейский Север РФ	Потери воды, млн м ³	85,2	85,7	89,3	82,7	79,0	63,9	75,0
	Использовано воды, млн м ³	3386,9	3205,7	3198,3	2921,0	2965,1	2858,3	84,4
	%	2,5	2,7	2,8	2,8	2,7	2,2	-0,3
Архангельская область	Потери воды, млн м ³	32,6	34,3	41,5	39,9	39,6	26,7	82,0
	Использовано воды, млн м ³	553,1	544,4	503,9	490,9	557,3	552,7	99,9
	%	5,9	6,3	8,2	8,1	7,1	4,8	-1,1
Вологодская область	Потери воды, млн м ³	11,7	14,0	13,1	12,2	13,3	11,4	97,5
	Использовано воды, млн м ³	602,2	497,3	481,5	399,3	354,9	226,5	37,6
	%	1,9	2,8	2,7	3,0	3,8	5,0	3,1
Мурманская область	Потери воды, млн м ³	18,5	18,7	19,5	15,9	14,1	11,0	59,8
	Использовано воды, млн м ³	1493,0	1461,6	1550,0	1364,5	1387,4	1412,1	94,6
	%	1,2	1,3	1,3	1,2	1,0	0,8	-0,5
Республика Коми	Потери воды, млн м ³	14,0	10,7	7,2	9,1	7,3	9,2	65,6
	Использовано воды, млн м ³	506,4	485,9	462,8	485,7	491,1	484,8	95,7
	%	2,8	2,2	1,5	1,9	1,5	1,9	-0,9
Республика Карелия	Потери воды, млн м ³	8,3	7,9	8,0	5,5	4,5	5,2	62,5
	Использовано воды, млн м ³	203,2	188,1	192,8	167,9	162,0	168,6	83,0
	%	4,1	4,2	4,1	3,3	2,8	3,1	-1,0
Ненецкий автономный округ	Потери воды, млн м ³	0,2	0,1	0,1	0,2	0,2	0,3	212,5
	Использовано воды, млн м ³	29,0	28,3	7,4	12,7	12,5	13,7	47,2
	%	0,69	0,35	1,35	1,57	1,60	2,19	1,50

Источник: Единая межведомственная информационно-статистическая система (ЕМИСС).

сейны Каспийского и Балтийского морей, Беломорско-Балтийский канал, обеспечивающий связь Белого и Балтийского морей.

Северо-Двинский канал, построенный еще в XIX веке, служил важным торговым путем сообщения между Санкт-Петербургом и Архангельском. Во время Великой Отечественной войны он стал необходимым для жизнеобеспечения. После того как был построен Беломорско-Балтийский канал, значение Северо-Двинской системы стало снижаться.

Беломорско-Балтийский канал должен был стать осью транспортной системы, позволявшей установить бесперебойные хозяйственные связи между Северо-Западным промышленным районом и Сибирью, послужить базой для освоения Ухто-Печорского нефтеносного и Кольского горнорудно-

го районов. В 1933 году Беломорский канал позволил создать защиту северных рубежей государства. До этого времени североарктическое побережье практически никем не охранялось и не было защищено от возможного вторжения. Во время войны сообщение по каналу прекратилось, но впоследствии он был восстановлен, сооружены несколько ГЭС, а в 1970 году его углубили и реконструировали. Роль Беломорско-Балтийского канала значительно возросла после строительства в 1964 году Волго-Балтийского водного пути¹¹.

В 1965 году по Волго-Балтийскому водному пути протяженностью 361 км могли ходить суда грузоподъемностью 2700–5000 т. В Карелию, Мурманскую область ввозились продовольствие, уголь, промышленное сырье и другие грузы, в обратном направлении – с Кольского полуострова, из северных

¹¹ История открытия и освоения Северного морского пути. Т. III. Л., 1959. С. 31–33.

Таблица 7. Протяженность внутренних водных путей в субъектах ЕСР, км

Регион	Год								2017 год к 2012 году, %	
	2012		2014		2016		2017		общая протяженность	в т. ч. с гарантированными габаритами судовых ходов
	общая протяженность	в т. ч. с гарантированными габаритами судовых ходов	общая протяженность	в т. ч. с гарантированными габаритами судовых ходов	общая протяженность	в т. ч. с гарантированными габаритами судовых ходов	общая протяженность	в т. ч. с гарантированными габаритами судовых ходов		
ЕСР	13752	6679	13772	6782	13565	6765	13582	6780	98,8	101,5
Республика Коми	4085	1220	4092	1283	3893	1283	3893	1283	95,3	105,2
Республика Карелия	3740,5	1910,5	3760,5	1901,5	3752,5	1900,5	3752,5	1900,5	100,3	99,5
Архангельская область	3443	2058	3443	2058	3443	2058	3443	2058	100,0	100,0
Вологодская область	2093,5	1369,5	2093,5	1425,5	2093,5	1409,5	2110,5	1424,5	100,8	104,0
Ненецкий автономный округ	390	121	383	114	383	114	383	114	98,2	94,2

Источник: Единая межведомственная информационно-статистическая система (ЕМИСС).

районов Вологодчины – вывозились апатиты, железная руда, лес¹². В настоящее время все водные пути функционируют, Волго-Балт и Беломорканал включены в Единую глубоководную систему европейской части РФ, а Северо-Двинский путь используется незначительно, в основном для туристического сообщения и перевоза леса на баржах.

Наибольшее сокращение протяженности водных внутренних путей (ВВП) наблюдалось в 2000 году. Тогда протяженность ВВП составила 11169 км (в 1995 году – 12259 км, в 2005 году – 13695 км). На 2017 год длина ВВП в ЕСР – 13582 км (табл. 7).

Протяженность внутренних водных путей ЕСР с гарантированными габаритами судовых ходов увеличилась на 2%, а протяженность внутренних водных путей в целом сократилась на 1%. Только на территории Архангельской области оба показателя в период 2012–2017 гг. остались неизменными.

По мнению исследователей [23], с помощью увеличения внутренних водных путей с гарантированными габаритами судовых ходов

будет обеспечена стабильность работы и реализация конкурентных преимуществ водного транспорта. Они отмечают, что на территории ЕСР в отрасли внутреннего водного транспорта накопилось много проблем, от решения которых зависят перспективы развития экономики региона в целом. Одна из них – значительное сокращение объема и интенсивности грузоперевозок. Так, в Карелии количество шлюзований снизилось за 1986–1996 гг. в 8,8 раза. В Архангельской области и Республике Коми обмеление рек из-за увеличения количества наносов ограничивает использование водотоков для перевозок, а объем проводимых дноуглубительных работ недостаточен. В Волго-Балтийском водном пути наблюдается сильная физическая и моральная изношенность гидротехнических сооружений [23].

Проблемы внутреннего водного транспорта также в определенной степени могли отразиться и на рыбном хозяйстве, в частности на промышленном рыболовстве. Так, в 2018 году во всех субъектах наблюдалось снижение вылова пресноводной рыбы (табл. 8).

¹² Волго-Балт: сб. ст. 1965. С. 359.

Таблица 8. Вылов пресноводной рыбы в субъектах ЕСР, т

Территория	Год					2018 год к 2014 году, %
	2014	2015	2016	2017	2018	
Европейский Север РФ	3245,2	3083,2	3562,6	2122,7	1895,8	58,4
Вологодская область	1508,7	1145,4	1365,6	701,1	889,7	58,9
Республика Карелия	961,8	1152,8	1468,4	941,8	762,5	79,3
Ненецкий авт. округ	229	188,4	260,6	256,3	94,4	41,2
Архангельская область	168,2	160,3	175,6	55,6	70,9	42,1
Республика Коми	336,2	382,5	241,7	146,5	64,4	19,2
Мурманская область	41,2	53,9	50,9	21,4	13,8	33,6

Источник: Информация об освоении квот на добычу (вылов) водных биологических ресурсов российскими пользователями. Вылов водных биоресурсов, для которых не устанавливается общий допустимый улов (Росрыболовство).

Для сравнения: в граничащей с ЕСР Финляндии вылов пресноводной рыбы в 2016 году составил 5,8 млн кг (в 1,6 раза больше, чем во внутренних водах ЕСР), а в 2017 году – 6,5 млн кг (в 3 раза больше, чем во внутренних водоемах ЕСР). Общая стоимость вылова в 2017 году – 15,3 млн евро, в 2016 году – 14,9 млн евро¹³. Следует отметить, что на территории Финляндии насчитывается около 2000 рек и 190 тыс. озер, а на территории Европейского Севера России – 198,5 тыс. рек и более 362,5 тыс. озер¹⁴.

По данным Северо-Западного территориального управления Федерального агентства по рыболовству, во внутреннем региональном рыболовстве имеет место нелегальный вылов рыбы. Так, только за период 6–12 мая 2019 года в Вологодской области выявлено 48 административных правонарушений, изъято 112 кг водных биоресурсов и 86 незаконных орудий лова. В это же время в Архангельской области выявлено 111 административных правонарушений, изъято 732,8 кг водных биоресурсов, 280 незаконных орудий лова и 35 транспортных средств¹⁵.

Что касается использования водных ресурсов в целях рыбоводства, то здесь, напротив, в большинстве субъектов (за исключением Республики Коми) наблюда-

ется рост производства водных биоресурсов (табл. 9).

Как было отмечено ранее, в Архангельской области и Карелии имеет место прудовое рыбное хозяйство, и, судя по тому, что количество используемой воды на этот вид деятельности в данных субъектах увеличивается, а также растет производство продукции, можно сделать вывод о том, что данная отрасль постепенно развивается. В Вологодской области наиболее показательным примером рыбоводства является аквакультурное осетроводческое предприятие ООО «РФ «Диана» (п. Кадуи). В технологии выращивания используется теплая вода пруда охладителя Череповецкой ГРЭС, что позволяет фирме получать икру круглогодично¹⁶.

Большое количество водных объектов ЕСР частично могут быть использованы для малой гидроэнергетики (МГЭС, табл. 10).

Основное достоинство малой гидроэнергетики заключается в ее экологической безопасности. Современные малые ГЭС (МГЭС) имеют простую конструкцию и полностью автоматизированы. Эксплуатационный ресурс таких станций не менее 40 лет, они могут работать как самостоятельно, так и в качестве составной части электросети [23].

В плане использования водных объектов для гидроэнергетики на территории

¹³ Commercial marine fishery. Luke: Natural resources institute Finland. 2018. URL: https://stat.luke.fi/en/commercial-marine-fishery-2017_en

¹⁴ Вода России: науч.-попул. энцикл. URL: <https://water-ru.ru>

¹⁵ Показатели работы Северо-Западного территориального управления Росрыболовства за прошедшую неделю 6–12 мая. URL: <http://sztufar.ru/news/2019-05-13/pokazateli-raboty-severo-zapadnogo-terupravleniya-rosrybolovstva-za-proshedsuyu>

¹⁶ ООО «РФ «Диана»: офиц. сайт. URL: <http://rtf-diana.ru/ru/compani>

Таблица 9. Производство аквакультуры в субъектах ЕСР, тыс. т

Субъект	Год					2017 год к 2014 году, %
	2014	2015	2016	2016	2017	
ЕСР	41,72	29,31	35,19	38,69	48,98	117,4
Республика Карелия	22,31	17,98	21,21	24,79	27,24	122,1
Мурманская область	18,91	11,04	13,67	13,54	21,43	113,3
Вологодская область	0,15	0,13	0,11	0,15	0,17	113,3
Архангельская область	0,12	0,09	0,1	0,11	0,13	108,3
Республика Коми	0,23	0,07	0,1	0,1	0,01	4,4

Источник: Динамика производства продукции товарной аквакультуры в Российской Федерации в 2014–2018 гг. URL: http://www.fish.gov.ru/files/documents/otraslevaya_deyatelnost/akvakultura/proizvodstvo_akvakultury/statistika/dinamika_proizvodstva_produkcii.pdf

Таблица 10. Альтернативная гидроэнергетика ЕСР

Территория	Водотоки, ед.	Водоемы, ед.	Всего	МГЭС	
				Количество, ед.	Мощность, МВт
ЕСР	198591	362500	561091	19	182,69
Республика Коми	58676	94500	153176	–	–
Архангельская область	71776	74000	145776	–	–
Мурманская область	20616	117000	137616	4	63,7
Республика Карелия	27600	73000	100600	13	116,23
Вологодская область	19923	4000	23923	2	2,76
Ненецкий автономный округ	н/д	н/д	н/д	–	–

Источники: ГИС Возобновляемые источники энергии России. URL: <http://gisre.ru/>; Вода России: науч.-попул. энцикл. URL: <https://water-rf.ru>

ЕСР имеется огромный нереализованный потенциал. Во многих странах с меньшим количеством водоемов и водотоков функционирует большее количество объектов малой гидроэнергетики. Например, в Финляндии насчитывается около 2 тысяч рек и 190 тысяч озер и функционируют 204 МГЭС, в Швеции – около 90 тысяч озер и рек и действуют 1615 МГЭС. Стоит отметить, что зарубежные МГЭС отличаются меньшей мощностью (в Финляндии общая мощность МГЭС составляет 204 МВт, в Швеции 1050 МВт), что объясняется различными критериями классификации размеров объектов гидроэнергетики. Так, в Швеции МГЭС считается гидроэлектростанция мощностью до 2 МВт, в СССР по СНиП 2.06.01-86 к объектам малой гидроэнергетики относились ГЭС мощностью до 30 МВт. Если рассматривать крупные гидроэлектростанции,

то можно увидеть, что их большее количество сосредоточено в Мурманской области (порядка 16 ГЭС), но они, как правило, являются частью каскада ГЭС, расположенного на одном-двух водных объектах. Так, на территории Мурманской области находятся шесть таких каскадов, то есть водные объекты, задействованные в традиционной гидроэнергетике области, используются достаточно рационально.

Региональных экономических инструментов стимулирования малой гидроэнергетики в ЕСР практически нет. Наиболее развито в этом направлении АО «НордГидро» (Республика Карелия). В 2019 году компания закончила строительство инфраструктуры для малых Белопорожских ГЭС при поддержке Российского фонда прямых инвестиций совместно с партнерами из Китая и Ближнего Востока.

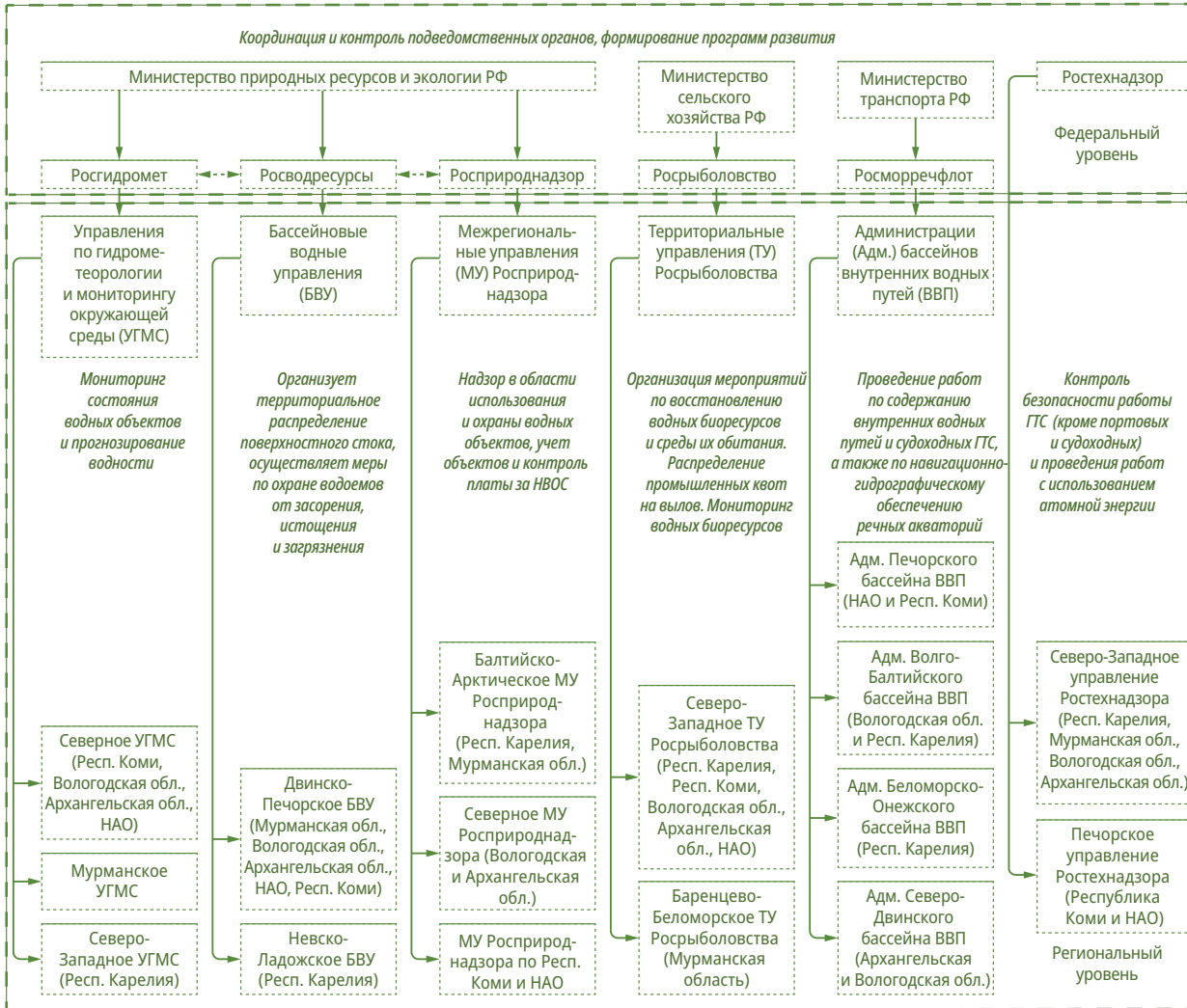

Рис. Основные субъекты управления использованием водных ресурсов ЕСР

Управление использованием водных объектов с изъятием водных ресурсов на территории ЕСР осуществляется территориальными органами Агентства водных ресурсов (Росводресурсы), Федеральной службы по гидрометеорологии и мониторингу окружающей среды (Росгидромет) и Федеральной службы по надзору в сфере природопользования (Росприроднадзор), чьи функции направлены на сохранение количества и качества водных ресурсов в водных объектах. Управление использованием водных объектов без изъятия воды, в частности в целях рыбоводства и рыболовства, транспорта и малой гидроэнергетики, обеспечения работы гидротехнических сооружений (ГТС), осуществляется территориальными органами Федеральной службы по экологическому,

технологическому и атомному надзору (Ростехнадзор), Федерального агентства по рыболовству (Росрыbolовство) и Федерального агентства морского и речного транспорта (Росморречфлот), чья деятельность касается контроля безопасности, в том числе и экологической, функционирования хозяйственных субъектов – водопользователей (*рис.*).

Количество объектов, находящихся в ведении одного субъекта, не всегда одинаково, что усложняет процесс управления. Распределение территории по бассейнам произведено исходя не только из природных условий, но и из целей использования водных объектов. Другими словами, один административно-территориальный субъект может быть подотчетен сразу нескольким управляющим органам по разным водным объектам

даже относительно одного вида водопользования, поэтому согласованное комплексное управление ими является весьма сложным.

На территории ЕСР все субъекты водного хозяйства должны быть включены в реестр водопользователей через заключение договора водопользования или решение о предоставлении права пользования водным объектом. При заключении договора водопользования водопользователь может использовать водный объект только в трех целях: забор водных ресурсов из поверхностных водных объектов; использование акватории водных объектов, в том числе для рекреационных целей; использование водных объектов без забора (изъятия) водных ресурсов для производства электрической энергии.

Решение о предоставлении права пользования водным объектом значительно расширяет возможности водопользователя. Кроме вышеуказанных видов деятельности, водный объект им может быть использован для:

- сброса сточных, в том числе дренажных, вод;
- строительства искусственных островов и плавучих платформ, причалов, судоподъемных, судоремонтных и гидротехнических сооружений, мостов, трубопроводов, подводных линий связи (если строительство подразумевает изменение дна или берега);
- разведки и добычи полезных ископаемых;
- проведения дноуглубительных, взрывных, буровых и других работ, связанных с изменением дна и берегов водных объектов;
- подъема затонувших судов;
- сплава древесины в плотках и с применением кошелей;
- забора (изъятия) водных ресурсов из поверхностных водных объектов и их сброса при осуществлении рыбоводства.

Таким образом, можно сделать вывод, что Европейский Север России – регион с большим запасом водных ресурсов, однако их использование отличается некомплексностью и в ряде случаев нерациональностью. К положительным моментам использования водных ресурсов можно отнести снизившуюся

водоемкость по свежей воде, увеличение производства аквакультуры, достаточно рациональное использование водных объектов для традиционной гидроэнергетики, относительно невысокие потери воды при транспортировке в целом по ЕСР. Однако основными проблемами использования водных ресурсов и объектов на рассматриваемой территории являются:

- низкая эффективность использования внутренних водных путей по причине износа ГТС и недостаточности дноуглубительных работ;
- низкая вовлеченность водных объектов в малую гидронергетику как хозяйственную деятельность, позволяющую обеспечить тепло- и электроэнергией удаленные территории и не влекущую негативное влияние на природу;
- высокие потери воды в некоторых субъектах ЕСР (Вологодская и Архангельская области) из-за физического износа разводящих сетей;
- большой объем нелегального изъятия водных биоресурсов по причине недостаточной охраны.

Для решения вышеуказанных проблем, на наш взгляд, могут быть эффективны следующие меры, представленные в *табл. 11*.

Реализация предложенных мер позволит увеличить эффективность использования водных ресурсов и управления финансированием для охраны и восстановления водных объектов.

Научная новизна исследования заключается в комплексном учете всех аспектов водопользования в регионе, что позволило доказать: нерациональное использование водных ресурсов влияет как на экологическую, так и на экономическую сферу региона. На основе анализа лучшей мировой практики с учетом существующих проблем эколого-экономического развития исследуемой территории были предложены инструменты рационализации водопользования в субъектах ЕСР. Сделанные автором выводы вносят вклад в развитие представлений о повышении рациональности использования региональных водных ресурсов и объ-

Таблица 11. Предлагаемые для решения выявленных проблем меры

Инструмент	Содержание
Региональный экологический фонд	Целенаправленное распределение платы за негативное воздействие на окружающую среду
	Финансовая поддержка предприятий, осуществляющих мероприятия по повышению эффективности использования воды
	Стимулирование восстановления водных объектов
Развитие малой гидроэнергетики	Вовлечение водных объектов в хозяйственную деятельность, не влекущую негативное влияние на природу
	Децентрализованное электроснабжение отдаленных территорий
Реконструкция водопроводной сети и разработка системы ее регулярного мониторинга	Поддержание водопровода в удовлетворительном состоянии
	Снижение потерь воды при транспортировке
	Улучшение качества воды хозяйственно-бытового назначения
	Уменьшение водозабора
Система мониторинга речных судов	Выявление позиции потенциальной незаконной деятельности и привлечение к ответственности правонарушителей
	Повышение точности и своевременности информации об уловах
Проведение регулярных дноуглубительных работ	Поддержание водных внутренних путей в функциональном состоянии
Источник: составлено автором.	

ектов. Результаты исследования могут быть использованы в сфере государственного регулирования регионального природо-

пользования при разработке мероприятий, направленных на рациональное использование водных ресурсов.

ЛИТЕРАТУРА

1. Козырин А.Н. Водные ресурсы как часть казны // Публич.-прав. исслед. 2014. № 1. С. 29–48.
2. McGregor D. Traditional knowledge: Considerations for protecting water in Ontario. *International Indigenous Policy Journal*, 2012, vol. 3. Available at: <https://ir.lib.uwo.ca/iipj/vol3/iss3/11>. DOI: 10.18584/iipj.2012.3.3.11
3. Patrick R.J. Uneven access to safe drinking water for First Nations in Canada: Connecting health and place through source water protection. *Health&Place*, 2011, vol. 17, pp. 386–389.
4. Прохорова Н.Б. Водосбережение как фактор экономического и социального развития // Водосбережение и эффективность использования водных ресурсов: мат-лы междунар. конф. Сети водохозяйств. орг. Вост. Европы, Кавказа, Центр. Азии. Ташкент: НИЦ МКВК, 2015. С. 46–51.
5. Проблемы экономического роста территории: монография / Т.В. Ускова [и др.]. Вологда: ИСЭРТ РАН, 2013. 170 с.
6. Эльпинер Л.И., Шаповалов А.Е. Предупреждение негативных последствий для здоровья населения при принятии водохозяйственных управленческих решений // Научное обеспечение реализации «Водной стратегии Российской Федерации на период до 2020 года»: сб. науч. тр. М.: ФГБУН Ин-т водных проблем Рос. акад. наук, 2015. С. 149–156.
7. Duarte R., Pinilla V., Serrano A. Income, Economic Structure and Trade: Impacts on Recent Water Use Trends in the European Union. *Natural Resources Economics*, 2018, vol. 10. Available at: <https://www.mdpi.com/2071-1050/10/1/205/htm>
8. Matveeva L.G., Chernova O.A., Kosolapova N.A., Kosolapov A.E. Assessment of water resources use efficiency based on the Russian Federation's gross regional product water intensity indicator. *Regional Statistics*, 2017, no. 6, pp. 154–169.

9. Bonnis G., Maestu J., Gomez C. M. Economic instruments as tools for water management in the transition towards a green economy. *Water in the green economy in practice: toward to RIO+20*. Available at: https://www.un.org/waterforlifedecade/green_economy_2011/pdf/session_1_economic_instruments.pdf
10. Данилов-Данильян В.И., Лосев К.С. Потребление воды: экологический, экономический, социальный и политический аспекты. М.: Наука, 2006. 221 с.
11. Данилов-Данильян В.И. Управление водным хозяйством и водными ресурсами: современное состояние и экономические проблемы // Водные ресурсы: новые вызовы и пути решения: сб. науч. тр. Новочеркасск: Лик, 2017. С. 14–19.
12. Фридман А.А. Модели экономического управления водными ресурсами. М.: Изд. дом Высшей школы экономики, 2012. 284 с.
13. Коронкевич Н.И., Барабанова Е.А., Зайцева И.С. Сравнение состояния водных ресурсов и антропогенного воздействия на них в Европейской и Азиатской частях России // Изв. Рус. географ. о-ва. 2017. Т. 149. № 4. С. 1–12.
14. Водно-ресурсный потенциал и его использование в Европейской и Азиатской частях России / Н.И. Коронкевич [и др.] // Запад и Восток: пространственное развитие природных и социальных систем: мат-лы междунар. науч.-практ. конф. Улан-Удэ, 2016. С. 191–195.
15. Водообеспеченность и антропогенная нагрузка на водные ресурсы России в сравнении с другими странами / Н.И. Коронкевич [и др.] // Вестн. РФФИ. 2013. № 2 (78). С. 64–73.
16. Cheng C.L., Peng J.J., Ho M.C., Liao W.J., Chern S.J. Evaluation of Water Efficiency in Green Building in Taiwan. *Water*, 2016, vol. 8. Available at: <https://www.mdpi.com/2073-4441/8/6/236>
17. Masina S., Shirley J., Allen J., Sargeant J.M., Guy R.A., Wallis P.M., Weese J.S., Cunsolo A., Bunce A., Harper S.L. Weather, environmental conditions, and waterborne Giardia and Cryptosporidium in Iqaluit, Nunavut. *Journal of Water and Health*. 2019, no. 1, pp. 84–97.
18. Howard G. *Domestic Water Quantity, Service, Level and Health*. Geneva World Health Organization, 2003. 39 p.
19. Фомина В.Ф. Эффективность использования водных ресурсов в регионах Северо-Западного федерального округа в свете Водной стратегии // Экономические и социальные перемены: факты тенденции, прогноз. 2010. № 3. С. 75–89.
20. Крупина Н.Н. Водоемкость общественного продукта как целевой ориентир Водной стратегии России (региональный аспект) // Региональная экономика: теория и практика. 2017. № 6. С. 1016–1033.
21. Кумзеров В.М. Водная стратегия России и проблемы водохозяйственного комплекса регионов Северо-Западного федерального округа // Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз. 2009. № 4 (8). С. 61–72.
22. Демин А.П. Современная водоемкость экономик стран мира // Изв. Рос. акад. наук. Сер. географическая. 2012. № 5. С. 71–81.
23. Водный транспорт и энергетика севера европейской части России (обзор) / Н.Н. Филатов [и др.] // Арктика: экология и экономика. 2017. № 1 (25). С. 75–85.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Марина Анатольевна Лебедева – инженер-исследователь, Федеральное государственное бюджетное учреждение науки «Вологодский научный центр Российской академии наук». Российская Федерация, 160014, г. Вологда, ул. Горького, д. 56а; e-mail: lebedevamarina1@mail.ru

Lebedeva M.A.

WATER RESOURCES OF THE RUSSIAN EUROPEAN NORTH: SPECIFICS AND MANAGEMENT IN ECONOMIC ACTIVITY

Water management development and improvement of water resources rational use can be called one of the priorities of the strategic development of the country and its regions particularly the European North of Russia. The purpose of this article is to identify the specifics and key features of water resources management in the economic activity of the Russian European North. The paper identified a number of problems in water management development: natural waters low quality, reduction of inland waterways efficiency, reduction of freshwater bioresources, weak involvement of water bodies in ecologically friendly economic activities. State bodies provide economic incentives to improve the rational use of natural resources mainly for industry, in relation to other industries, it is practically not applied. As a result of studying domestic and foreign experience of water resources management the following tools addressing the identified problems were proposed, the regional environmental Fund for the regulation of fees for negative impact on the environment and co-financing the implementation of resource-saving technologies; small hydropower development for water bodies involvement in the supply of energy to remote areas; water supply network reconstruction and development of its regular monitoring system to reduce losses and improve the water quality of centralized water supply; establishment of a monitoring system for river vessels to detect illegal catch and its sale; regular dredging to maintain inland waterways in functional condition. The study did not consider groundwater due to the lack of data accounting for their reserves in all subjects of the area being studied, as well as the features of use due to differences in chemical composition. Further research will assess the effectiveness of the groundwater use as hydromineral raw materials.

Water resources, European North of Russia, rational water use, water capacity of GRP, water resources management.

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Marina A. Lebedeva – Research Engineer, Federal State Budgetary Institution of Science “Vologda Research Center of the Russian Academy of Sciences”. 56A, Gorky Street, Vologda, 160014, Russian Federation. E-mail: lebedevamarina1@mail.ru

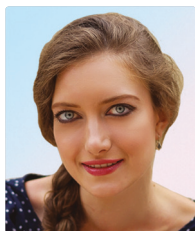
ТЕРРИТОРИАЛЬНЫЕ ФИНАНСЫ

DOI: 10.15838/ptd.2019.6.104.6

УДК 336.143 | ББК 65.012.3

© Печенская М.А.

ВОПРОСЫ КАЧЕСТВА УПРАВЛЕНИЯ БЮДЖЕТОМ РЕГИОНАЛЬНОГО ЦЕНТРА¹

МАРИЯ АЛЕКСАНДРОВНА ПЕЧЕНСКАЯ

Вологодский научный центр Российской академии наук

Российская Федерация, 160014, г. Вологда, ул. Горького, д. 56а

E-mail: marileen@bk.ru

ORCID: [0000-0002-6067-2103](https://orcid.org/0000-0002-6067-2103); ResearcherID: [I-6618-2016](https://orcid.org/I-6618-2016)

Статья продолжает цикл исследования разных аспектов состояния бюджетных систем городов – региональных центров. В условиях трансформации российской экономики, нестабильности экономической конъюнктуры и финансовой системы данные вопросы изучения бюджетного потенциала территорий приобретают важнейшее значение. Целями работы стали определение качества управления бюджетом и выявление проблемных мест, которые тормозят развитие бюджетной системы региональных центров. В статье посредством анализа статистических данных и системного подхода рассмотрены результаты бюджетного планирования, оценена доля капитальных бюджетных вложений, исследованы степень ритмичности исполнения бюджета и уровень освоения бюджетных ассигнований на примере Северо-Западного федерального округа за период с 2011 по 2018 год. Научная новизна статьи раскрывается в следующих результатах. Определены точки несоответствия бюджетного планирования и бюджетного исполнения. Показано невыполнение уточненных сумм по доходам бюджетов региональных центров Северо-Западного федерального округа и исполнение фактических расходов бюджетов

Для цитирования: Печенская М.А. Вопросы качества управления бюджетом регионального центра // Проблемы развития территории. 2019. № 6 (104). С. 87–101. DOI: 10.15838/ptd.2019.6.104.6

For citation: Pechenskaya M.A. Issues of regional center budget management quality. *Problems of Territory's Development*, 2019, no. 6 (104), pp. 87–101. DOI: 10.15838/ptd.2019.6.104.6

¹ Статья подготовлена в соответствии с государственным заданием для ФГБУН ВолНЦ РАН по теме НИР № 0168-2019-0005 «Исследование факторов и методов устойчивого развития территориальных систем в изменяющихся геополитических и геоэкономических условиях».

ниже установленных ассигнований. Выявлено, что в исследуемом периоде региональные центры Северо-Западного федерального округа не освоили порядка 17% выделенных бюджетных ассигнований при среднем значении по Российской Федерации 7,5%. Обоснован характер и раскрыты причины неритмичности поступления доходов и финансирования расходов бюджетов в региональных центрах. Определено, что возможности формирования в региональных центрах бюджетов развития фактически сузились. Это подтверждает сокращение капитальных бюджетных расходов административных центров Северо-Западного федерального округа с 2011 по 2018 год на 18% при среднероссийском показателе 9,4%. На следующих этапах исследования особое внимание будет уделено трендам и особенностям формирования и использования привлеченных бюджетных ресурсов региональных центров, в частности возмездной и безвозмездной финансовой помощи, а также заемных средств. Материалы статьи могут быть использованы в процессе обучения преподавателями высших учебных заведений, научными сотрудниками в качестве исследовательской базы и учитываться при реализации бюджетного процесса на муниципальном уровне.

Городской округ, местный бюджет, региональный центр, инвестиции, эффективность, местное самоуправление, управление, бюджетное планирование.

Введение в проблематику

Бюджетная политика играет ключевую роль при создании условий для устойчивого экономического роста территориальных систем, особенно в период трансформации геополитической и геоэкономической ситуации. Поэтому в настоящее время проблема формирования бюджета и управления бюджетным процессом на муниципальном уровне особенно актуальна. На протяжении последних лет реализация бюджетного процесса в России происходила в условиях кризиса и преодоления посткризисных последствий. В связи с этим обеспечение финансовой устойчивости и стабильности доходной базы бюджета, укрепление и наращивание налогового потенциала, оптимизация расходной части бюджета выступают в качестве основных задач органов местного самоуправления. Как отметила доктор экономических наук, профессор Л.Н. Лыкова [1], опыт выхода из мирового финансово-экономического кризиса 2008–2009 гг. и кризиса 2014–2016 гг. доказывает, что российская экономика в принципе достаточно волатильна под действием бюджетно-налоговых инструментов.

Практика формирования бюджета вне системы управления качеством приводит к необоснованным перекосам в финансировании различных направлений расходов на потребительские нужды и реализацию инвестиционных программ. Такая ситуация усугубляется еще и тем, что часть местных бюджетов направляется на покрытие дефицита бюджетов муниципальных образований и погашение муниципальных долгов. Имеющийся в настоящее время в распоряжении местных органов управления объем собственных бюджетных ресурсов не обеспечивает полное покрытие размера расходных обязательств. Все это приводит к простому воспроизводству сложившейся местной инфраструктуры вместо инвестиционно-инновационного развития территорий.

В зарубежной науке и практике города, в особенности центры регионов, рассматриваются в качестве драйверов национального роста и элементов структуризации территории, общества и экономики [2–8]. О необходимости создания такой движущей силы для страны упомянул Президент России В.В. Путин в Послании Федеральному Собранию². Экономическая наука последних лет значительное внимание уделяет вопросам реформирования системы местного самоуправления [9; 10], обеспечения финансового развития и саморазвития муниципальных образований [11; 12], создания и развития инструментов «зонального» стимулирования местной экономики [13], стратегического планирования на муниципальном уровне [14; 15]. Территориальная повестка Европейского союза до 2020 года обозначи-

вается еще и тем, что часть местных бюджетов направляется на покрытие дефицита бюджетов муниципальных образований и погашение муниципальных долгов. Имеющийся в настоящее время в распоряжении местных органов управления объем собственных бюджетных ресурсов не обеспечивает полное покрытие размера расходных обязательств. Все это приводит к простому воспроизводству сложившейся местной инфраструктуры вместо инвестиционно-инновационного развития территорий.

² Послание Президента Федеральному Собранию. URL: <http://kremlin.ru/events/president/news/56957>

ла одним из приоритетов обеспечение конкурентоспособности регионов с помощью усиления муниципальной экономики [16]. В рамках данного исследования основная гипотеза складывается из предположения о том, что текущее качество управления бюджетом регионального центра препятствует формированию в городских округах бюджетов развития и росту бюджетного потенциала территорий.

В силу особенностей муниципальной статистики и значительного объема фактологического материала объектом данного исследования стали региональные центры Северо-Западного федерального округа, являющегося четвертым по площади в России, занимающего порядка 10% территории страны. В нем проживает 10% населения государства и образуется 10% суммарного объема ВРП России. Главным образом, это промышленно ориентированная территория с развитой инфраструктурой и значительной минерально-сырьевой базой, что определяет его важное конкурентное преимущество. Система муниципальных образований субъектов СЗФО включает в себя 11 региональных центров, где проживает 36% населения округа, сосредоточено 30% промышленного производства, 33% розничного товарооборота,

27% прибыли организаций, 23% капитальных инвестиций, занято 30% работающих в экономике. Уточним, что в целях более объективной сопоставимости данных в анализ не включены город федерального значения Санкт-Петербург, Ленинградская область (органы власти которой находятся в Санкт-Петербурге) и региональный центр Ненецкого автономного округа.

Цель исследования – определить качество управления бюджетом и выявить проблемные места, которые тормозят развитие бюджетной системы региональных центров. При подготовке работы были использованы нормативно-правовая и законодательная база органов местного самоуправления СЗФО и Российской Федерации, методические и статистические материалы Министерства финансов РФ, Федерального казначейства России, Федеральной налоговой службы России, материалы периодических изданий по кругу изучаемых вопросов, труды отечественных и зарубежных ученых по рассматриваемой проблематике и другие источники.

Проводя исследование бюджетных систем региональных центров, мы придерживались подхода к городской типологии, предложенного доктором экономических наук, профессором Н.В. Зубаревич (рис. 1).

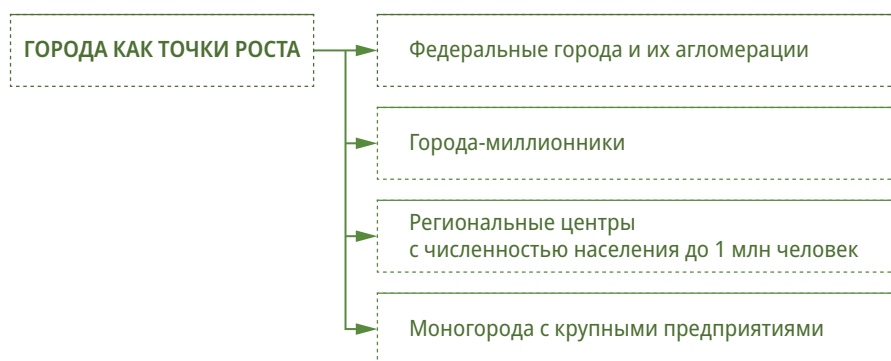

Рис. 1. Типы городов – центров роста современной России
Составлено по: [17].

По методологии такого подхода все города Российской Федерации можно разделить на четыре типа, которые сформированы и продолжают развиваться под воздействием институциональных, экономико-социальных и иных факторов. Так, на фоне федеральных столиц и городов-миллионников города – административные столицы регионов с населением до 1 млн человек получают свое развитие в большей степени благодаря влиянию статусного фактора, а также концентрации на своей территории экономических и человеческих ресурсов. Однако не все административные центры после проводимых в России муниципальных и межбюджетных реформ оказались готовы к конкуренции за человеческие и экономические ресурсы и потому не смогли нарастить ни человеческий капитал, ни финансово-экономический потенциал [18]. Модель межбюджетных отношений в России построена так, что предполагаемые объективные преимущества развития административных центров сузили для них не только инструментарий получения финансовой поддержки, но и сократили налоговые источники для выравнивания муниципальных районов [18–20].

В связи с этим в последнее время повышенное внимание широких научных кругов привлекает исследование факторов развития так называемых городов с «административным ресурсом», но не являющихся городами федерального значения и имею-

щих численность населения до миллиона человек. Наряду с этим в настоящее время существует важная методологическая и практическая проблема, заключающаяся в необходимости повышать эффективность и качество управления бюджетом городов в целях укрепления их бюджетной обеспеченности и роста бюджетного потенциала.

Теоретико-методологический аспект управления бюджетом

Термин «управление» в экономике и общей теории управления применяется в двух аспектах. В первом случае он относится к системе управления как его функция и во втором – как процесс. В связи с этим качество управления бюджетным процессом существенным образом будет зависеть от управляющего воздействия. Оно должно быть представлено в виде экономического механизма и алгоритма в управлении бюджетным процессом региона. С системной позиции управление бюджетом – это система, обеспечивающая целенаправленное воздействие бюджетного аппарата на бюджетную систему (совокупность бюджетных отношений) посредством функционирования бюджетного механизма, реализующего достижение целей бюджетной политики.

Используемая в российской практике система управления бюджетом в упрощенном виде может быть представлена следующим образом (рис. 2).

Рис. 2. Обобщенная система управления бюджетом

Составлено по: [20–23].

Представленная схема управления бюджетом предполагает в качестве субъекта управления аппарат, который управляет бюджетной системой и межбюджетными отношениями посредством определенного бюджетного механизма с целью реализации бюджетной политики. При этом субъект управления бюджетом включает в себя совокупность различных организационных структур: федеральные и территориальные органы исполнительной и законодательной власти, министерство финансов и его территориальные финансовые органы, федеральную налоговую службу и ее территориальные управления и др. Важнейшим инструментом бюджетного аппарата по управлению бюджетом является механизм, представляющий собой совокупность видов и форм организации бюджетных отношений, методов мобилизации и использования средств, принципов планирования и финансирования, условий и методов осуществления финансового контроля. Следует отметить, что применяемый в российской практике бюджетный механизм отражает конкретную нацеленность бюджетных отношений на решение экономических и социальных задач каждого этапа развития страны и включает в себя три основные составляющие.

1. Доходный механизм (управление доходами) включает разработку концепции развития региональной налоговой базы; анализ объема и структуры недоимки по налоговым платежам; оценку уровня потерь бюджета в результате предоставления налоговых льгот; повышение эффективности работы региональной администрации с крупными предприятиями, за счет которых формируется значительная часть налоговых поступлений в региональные бюджеты.

2. Расходный механизм (управление расходами) предполагает своевременное и эффективное принятие решений по вопросам использования бюджетных средств и включает в себя следующие этапы: определение целей бюджетного финансирования на основе разработанных направлений бюджетной политики, а также необходимого объема

финансовых ресурсов для их достижения; распределение финансовых ресурсов; осуществление контроля за эффективным исполнением поставленных задач.

3. Механизм регулирования межбюджетного взаимодействия включает в себя два компонента. Во-первых, организационный механизм, который можно представить как процесс взаимодействия и взаимосвязи планирования, прогнозирования, учета, оценки и контроля системы межбюджетных отношений. Во-вторых, экономический механизм как совокупность экономических рычагов (инструментов межбюджетного регулирования), воздействующих на формирование системы межбюджетных отношений [24]. Бюджет субъекта федерации неразрывно связан с движением и перераспределением валового внутреннего продукта и национального дохода, создаваемого в секторе материального производства. Совокупный объем бюджета (без федеральной финансовой помощи) взаимозависим от уровня развития общественного производства в регионе. От эффективности работы хозяйствующего сектора экономики региона зависят объемы производства, реализации и прибыли, а следовательно и уровень поступлений налогов и платежей в централизованные денежные фонды всех уровней бюджетной системы. Кроме того, чем выше собираемость доходов, тем рациональнее органы региональной власти смогут направлять бюджетные денежные потоки в развитие проблемных, но необходимых отраслей народного хозяйства, выполнять целевые программы по развитию экономики.

Исходя из этого можно отметить, что в случае нестабильного положения хозяйствующих субъектов даже экономически благополучный муниципалитет фактически может испытывать недостаток бюджетных ресурсов и не сумеет в полной мере обеспечить поддержку важных отраслей экономики и поднять уровень жизни населения. Система управления бюджетными ресурсами субъекта РФ требует разработки действенных механизмов для реализации функций управления. Организация бюджет-

ного менеджмента муниципальных образований в современных условиях должна решить задачу рационального и оперативного управления бюджетными ресурсами, их мобилизации и эффективно способствовать укреплению социально-экономического положения.

В целом, эффективность управления бюджетом субъекта РФ заключается в достижении цели управления им при условии максимальной экономии ресурсов. Эффективность процесса управления бюджетными ресурсами зависит от развитости политической системы региона, компетентности и желания депутатов представительных органов повысить публичность своей деятельности по рассмотрению и утверждению регионального бюджета, полноты нормативно-правовой базы в бюджетной сфере.

Качество управления бюджетом регионального центра

Оценка качества управления бюджетом прежде всего подразумевает анализ результатов бюджетного планирования. Судя по данным *табл. 1*, в региональных центрах Северо-Западного федерального округа наблюдалось преимущественное невыполнение уточненных сумм по доходам бюджета. При этом во всех городах, кроме Пскова, оно не превысило 10%.

Исполнение расходной части городских бюджетов СЗФО характеризовалось проти-

воположной динамикой, то есть фактические расходы оказывались ниже установленных ассигнований. Поэтому результаты исполнения расходов за 2011–2018 гг. снизили оценку качества управления бюджетом в большинстве региональных центров, за исключением Архангельска и Мурманска (*табл. 2*).

Результаты анализа исполнения плановых параметров расходной части бюджетов позволили определить сумму ассигнований, не использованных городскими округами (*табл. 3*). Как видно, в региональных центрах неполное освоение бюджетных ассигнований с 2011 года за шесть лет составило 2–11,5 млрд руб. Например, в Калининграде и Пскове не использовано 13–17% выделенных ассигнований. В других городах данный показатель находился в диапазоне 5–7,5%. В то же время в Мурманске и Архангельске бюджетные расходы финансировались практически в полном объеме, что указывает на соответствующее качество планирования и исполнения бюджета.

Следует отметить, что основным фактором неосвоения бюджетных ресурсов являлся неритмичный характер финансирования расходов. Данные отчетности Федерального казначейства России указывают на то, что уровень доходов местных бюджетов в первом квартале был ниже, чем в последующих. Связано это, в первую очередь, с ориентировочным характером формирования плановых

Таблица 1 . Результат исполнения бюджетов региональных центров Северо-Западного федерального округа по доходам в 2011–2018 гг., % к плану

Городской округ	Год							
	2011	2012	2013	2014	2015	2016	2017	2018
Сыктывкар	98,3	105,9	95,7	97,8	98,3	99,4	99,8	99,6
Мурманск	н. д.	97,8	98,5	99,1	100,7	103,7	104,1	103,9
Калининград	99,0	94,8	93,5	96,6	97,7	96,4	97,0	97,2
Петрозаводск	99,4	99,4	91,7	94,5	96,7	96,3	96,8	96,1
Великий Новгород	99,8	98,0	95,8	100	91,4	94,8	93,9	94,0
Вологда	97,5	95,2	94,9	97,0	95,2	94,6	95,7	96,3
Архангельск	111,5	102,6	96,1	96,2	100,0	100,0	100,5	100,1
Псков	н. д.	77,9	74,2	89,1	84,7	93,1	94,1	94,6

Рассчитано по: данные отчетов об исполнении бюджетов городских округов, отчетности Федерального казначейства России, Росстата.

Таблица 2. Результат исполнения бюджетов региональных центров Северо-Западного федерального округа по расходам в 2011–2018 гг., % к плану

Городской округ	Год							
	2011	2012	2013	2014	2015	2016	2017	2018
Архангельск	111,9	101,0	95,2	100,0	100,0	100,0	100,0	100,0
Мурманск	н. д.	97,5	103,5	98,8	98,7	99,8	99,7	99,8
Сыктывкар	94,7	90,9	89,8	91,4	93,0	97,6	97,0	96,9
Петрозаводск	91,1	89,6	89,2	93,5	96,0	96,7	97,3	96,9
Калининград	83,8	84,6	85,0	83,6	94,4	95,2	95,6	96,3
Великий Новгород	89,8	94,4	94,3	98,5	91,3	93,9	95,1	96,9
Вологда	96,8	96,7	94,6	92,5	95,4	93,9	94,6	95,8
Псков	н. д.	78,4	74,5	87,0	82,4	90,5	92,3	91,9

Рассчитано по: данные отчетов об исполнении бюджетов городских округов, отчетности Федерального казначейства России, Росстата.

Таблица 3. Общий объем неиспользованных ассигнований бюджетов региональных центров Северо-Западного федерального округа

Городской округ	Неиспользованные ассигнования, млн руб.	К общему объему выделенных ассигнований, %
Псков	3827	17,2
Калининград	11505	12,6
Петрозаводск	2654	7,5
Сыктывкар	2803	7,0
Великий Новгород	1935	6,3
Вологда	2191	5,1
Мурманск	521	1,0
Архангельск	416	0,9

Рассчитано по: данные отчетов об исполнении бюджетов городских округов, отчетности Федерального казначейства России, Росстата.

показателей бюджета, поскольку налогоплательщики не имеют полного представления о размере налогооблагаемой прибыли, фонда оплаты труда, стоимости основных фондов и т. п. Поскольку платежеспособность муниципальных образований в определенной степени обуславливается трансфертами как источниками доходов местных бюджетов, особенно важным видится вопрос своевременности их перечисления. Величина межбюджетных трансфертов в процессе взаимодействия с региональными органами

власти и федеральным центром в течение финансового года постоянно корректируется, поэтому наибольший объем доходов поступает во втором полугодии, когда более четко определяются размеры налогооблагаемой базы и федеральных трансфертов.

Более того, почти половина безвозмездных поступлений из других бюджетов направляется муниципалитетам в четвертом квартале. Это подтверждают данные *табл. 4*, где представлена поквартальная динамика перечисления субсидий в бюд-

жеты городских округов СЗФО в 2018 году. По этой причине органы местного самоуправления не всегда могут обеспечить оперативное распределение полученных трансфертов между главными администраторами расходов.

Неритмичность поступления финансовой помощи в муниципальные образования складывается, в том числе, из-за схожей ситуации на региональном уровне. Так, в целом ряде случаев наибольшая часть годовых трансфертов попадает в регионы в IV квартале (табл. 5), что серьезно затрудняет эффективное расходование выделенных средств – из-за необходимости потратить деньги не позже конца календарного года, из-за менее благоприятных для строительных и ремонтных работ погодных условий и других подобных причин [25].

Показатели исполнения доходов и расходов бюджета важны не только для того, чтобы отслеживать выполнение плановых назначений. Они также служат основанием для проектирования бюджета на очередной финансовый год. Точное прогнозирование поступлений из внутренних источников является одним из решающих факторов, определяющих качество бюджета, поскольку на этих прогнозах основан расчет запланированных в бюджет расходов. В связи с этим не совсем правильно рассматривать результаты исполнения основных бюджетных параметров, сравнивая их фактическое значение с уточненными плановыми значениями.

Поскольку качество планирования бюджета во многом определяет степень его сбалансированности, необходимо проана-

Таблица 4. Динамика перечисления субсидий в бюджеты городских округов в 2018 году, млн руб.

Период	Российская Федерация		Северо-Западный федеральный округ		Вологодская область	
	млн руб.	% к годовому значению	млн руб.	% к годовому значению	млн руб.	% к годовому значению
I квартал	19 554	3	1 062	4	230	4
II квартал	72 345	12	3 370	13	819	15
III квартал	156 061	26	7 205	27	1 368	25
IV квартал	347 913	58	15 114	57	3 129	56

Рассчитано по: данные отчетов об исполнении бюджетов городских округов, отчетности Федерального казначейства России, Росстата.

Таблица 5. Доля межбюджетных трансфертов, выделяемых в IV квартале (на примере субъектов Северо-Западного федерального округа), % годовых

Субъект СЗФО	Год					
	2000	2005	2010	2014	2016	2018
г. Санкт-Петербург	38,5	43,8	20,0	26,8	26,0	47,1
Ленинградская область	43,1	47,3	20,9	62,7	63,1	43,6
Мурманская область	30,6	37,6	37,6	46,5	48,0	37,6
Республика Коми	31,0	24,0	17,8	37,6	32,9	36,5
Новгородская область	23,7	31,8	18,6	24,1	26,8	29,4
Вологодская область	23,6	30,0	24,3	22,1	26,5	23,1
Республика Карелия	30,0	37,1	26,5	33,3	35,0	22,8
Псковская область	23,8	19,5	17,1	26,0	27,7	21,6
Калининградская область	46,2	45,7	27,5	23,1	24,2	15,9
Архангельская область	32,6	33,7	27,5	25,0	24,9	14,7

Рассчитано по: данные отчетов об исполнении бюджетов городских округов, отчетности Федерального казначейства России, Росстата.

лизировать изменение объемов доходов и расходов бюджета по сравнению с показателями, утвержденными в первой редакции закона о бюджете регионального центра.

Как правило, в течение года городские власти неоднократно пересматривают бюджетные показатели. Так, например, решение Вологодской городской Думы о бюджете города Вологды претерпевает 8–9 корректировок ежегодно. Требования финансовой дисциплины предполагают коррекцию плана расходов в зависимости от фактического исполнения плана по доходам. При этом имеются исследования, доказывающие, что эффективность бюджетного планирования выше при росте или снижении плановых показателей не более чем на 15% [26; 27].

В табл. 6 и 7 представлены результаты исполнения доходов и расходов бюджетов городских округов к показателям, утвержденным в первой редакции законов о бюджете на очередной финансовый год. Как видно, в 2018 году среднее отклонение фактических результатов исполнения по доходам от первоначальных плановых показателей составляло от 5,4% в Архангельске до 32% в Вологде.

Не лучшим образом сложилась ситуация и с корректировками бюджетных расходов. Так, в 2018 году незначительные изменения первоначально утвержденных объемов расходной части бюджета фиксировались в Сыктывкаре, Архангельске и Мурманске (см. табл. 7).

Оценивая качество управления бюджетом, невозможно не затронуть вопрос реа-

Таблица 6. Изменение объемов доходов бюджетов региональных центров Северо-Западного федерального округа по сравнению с первоначальным планом в 2011–2018 гг., % годовых

Городской округ	Год							
	2011	2012	2013	2014	2015	2016	2017	2018
Вологда	107,9	102,1	106,7	124,9	111,6	102,4	121,9	131,8
Псков	н. д.	111,1	126,2	130,9	106,4	131,6	115,5	121,9
Калининград	130,7	151,3	142,8	157,5	123,2	107,0	110,1	112,7
Петрозаводск	177,7	123,7	114,4	106,5	101,6	112,0	106,8	110,3
Мурманск	111,1	104,4	107,9	101,0	107,0	108,8	107,9	109,3
Великий Новгород	117,4	106,3	103,9	108,2	94,0	110,2	108,1	109,1
Сыктывкар	98,3	106,6	131,3	99,2	100,0	111,7	105,4	106,6
Архангельск	119,0	105,0	105,7	101,3	103,6	107,8	106,9	105,4

Рассчитано по: данные отчетов об исполнении бюджетов городских округов, отчетности Федерального казначейства России, Росстата.

Таблица 7. Изменение объемов расходов бюджетов региональных центров Северо-Западного федерального округа по сравнению с первоначальным планом в 2011–2018 гг., % годовых

Городской округ	Год							
	2011	2012	2013	2014	2015	2016	2017	2018
Вологда	106,4	102,7	102,7	120,1	116,5	103,3	121,7	127,8
Калининград	145,9	155,0	155,0	148,8	145,3	111,2	120,8	116,4
Псков	н. д.	109,8	109,8	126,9	103,5	126,4	115,9	119,4
Великий Новгород	107,0	112,1	112,1	110,1	94,3	111,9	108,9	107,3
Петрозаводск	172,6	115,0	115,0	107,5	102,4	114,1	108,4	105,9
Мурманск	105,2	102,7	102,7	101,3	105,2	104,9	103,2	105,0
Архангельск	118,9	103,2	103,2	100,9	99,2	105,8	102,3	103,0
Сыктывкар	94,7	91,4	91,4	97,8	99,1	113,8	99,7	100,5

Рассчитано по: данные отчетов об исполнении бюджетов городских округов, отчетности Федерального казначейства России, Росстата.

лизации в региональных центрах бюджета развития, который, главным образом, проявляется в своей инвестиционной составляющей. Несомненно, наполняемость любого территориального бюджета не может быть устойчивой без позитивной динамики инвестиций. За анализируемый период в большинстве региональных центров СЗФО и в целом по регионам СЗФО происходил существенный спад капиталовложений (табл. 8).

Обращает на себя внимание значительный отрыв Мурманска и Великого Новгорода по темпам роста инвестиций, что обусловлено рядом факторов. Так, в Мурманске интенсификации инвестиционных процессов способствовала реализация проектов, приуроченных к 100-летию города. В Великом Новгороде драйвером капитальных инвестиций послужила модернизация крупнейших предприятий по производству минеральных удобрений группы «Акрон», а также строительство объектов туристической инфраструктуры.

Сильнейшее падение инвестиционного спроса, составившее более 30%, отмечалось в столицах Архангельской, Псковской и Вологодской областей. В Архангельске данный тренд связан с уменьшением вложений в ведущие отрасли экономики города: трехкратным – в строительство и двукратным – в транспорт. Отчетность муниципальных

органов власти в двух других административных центрах не позволила выяснить причины сокращения инвестиций.

По объему инвестиций на одного жителя абсолютным лидером являлся Мурманск, в котором данный показатель составил в среднем 114 тыс. руб., в два раза превысив средний уровень по российским городским округам. Еще в двух городах – Великом Новгороде и Калининграде – объем инвестиций сложился выше среднего значения. В остальных городских округах подушевая обеспеченность капиталовложениями оказалась в разы ниже и варьировалась в диапазоне 34–45 тыс. руб. (табл. 9).

Одним из негативных факторов сокращения инвестиций в основной капитал стала низкая деловая активность бизнеса. За 2011–2016 гг. на фоне 60% роста прибыли в реальном измерении в среднем по организациям, действующим на территории городов, капиталовложения уменьшились на 2%. Контрастная динамика прослеживалась во всех городах, кроме Великого Новгорода, в котором при падении прибыли на 30% капиталовложения увеличились на 44% (рис. 3).

Можно сказать, что хозяйствующие субъекты отдавали предпочтение сбережениям, а не вложениям полученных доходов в развитие. Кроме того, высокая социализация расходов в бюджетах городских

Таблица 8. Динамика инвестиций в основной капитал региональных центров Северо-Западного федерального округа в 2011–2016 гг. (цены 2016 года), млн руб.

Городской округ	Год						2016 год к 2011 году, %
	2011	2012	2013	2014	2015	2016	
Мурманск	27491	26398	35602	54303	61106	42437	154,4
Великий Новгород	14829	23113	27337	26406	24058	21401	144,3
Петрозаводск	12174	14748	12519	11704	10929	12300	101,0
Калининград	46979	31547	30239	43157	42135	42460	90,4
Сыктывкар	13406	13745	16276	15469	11122	11089	82,7
Вологда	18351	15708	13499	15181	10282	12580	68,6
Псков	11737	10441	8009	8565	7078	7854	66,9
Архангельск	25710	24158	18853	19226	15504	17025	66,2
Итого по ГО	170677	159858	162334	194011	182214	167146	97,9
СЗФО	892920	1028332	827497	863712	694025	731343	81,9

Рассчитано по: данные отчетов об исполнении бюджетов городских округов, отчетности Федерального казначейства России, Росстата.

Таблица 9. Инвестиции в основной капитал региональных центров Северо-Западного федерального округа в 2011–2016 гг., тыс. руб. на душу населения

Городской округ	Год						В среднем за 2011–2016 гг.
	2011	2012	2013	2014	2015	2016	
Мурманск	64	64	91	144	179	142	114
Великий Новгород	47	77	95	96	96	96	85
Калининград	74	51	50	75	82	91	70
Архангельск	50	49	40	43	38	47	45
Сыктывкар	37	39	48	48	38	43	42
Петрозаводск	33	40	35	34	35	44	37
Вологда	41	36	32	38	29	39	36
Псков	39	36	29	33	30	37	34
В среднем по ГО	51	49	52	65	67	69	59
В среднем по СЗФО	89	108	91	101	90	108	98

Рассчитано по: данные отчетов об исполнении бюджетов городских округов, отчетности Федерального казначейства России, Росстата.

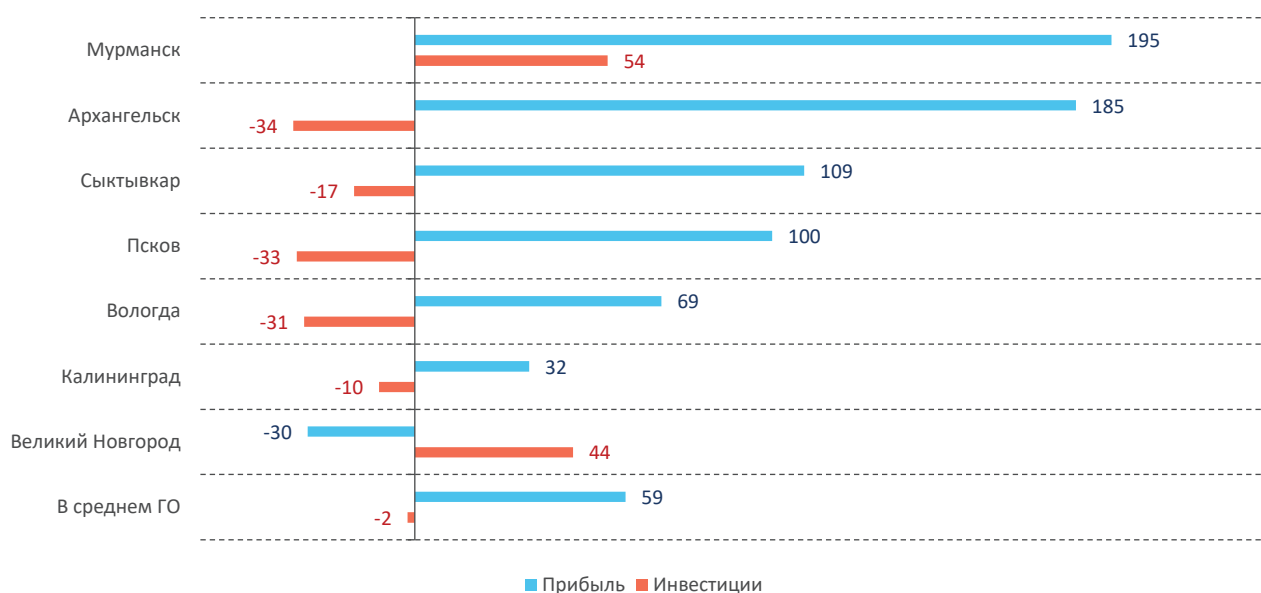

Рис. 3. Темпы прироста прибыли организаций и инвестиций в основной капитал в городских округах СЗФО, 2016 год к 2011 году (цены 2016 года), %

Рассчитано по: данные отчетов об исполнении бюджетов городских округов, отчетности Федерального казначейства России, Росстата.

округов (в среднем более 60%) не позволяла направлять необходимые ресурсы на формирование бюджета развития. В целом капиталовложения в городских округах СЗФО уменьшились на 18% при среднероссийском показателе 9,4% (табл. 10).

В разрезе административных центров динамика бюджетных инвестиций носила

контрастный характер. Если в половине городов инвестиции в основной капитал выросли в 2–9 раз, то в другой половине произошел глубокий инвестиционный спад, составивший 2–8 раз. Однако для более объективного анализа инвестиционных расходов принято оценивать их долю в совокупных расходах бюджета (табл. 11).

Таблица 10. Динамика капитальных вложений бюджетов региональных центров Северо-Западного федерального округа в 2011–2018 гг., млн руб.

Городской округ	Год								2018 год к 2011 году, %
	2011	2012	2013	2014	2015	2016	2017	2018	
Псков	267,9	445,1	461,4	801,2	529,0	1331,8	901,4	890,4	332,4
Сыктывкар	289,5	449,1	950,0	856,7	603,6	770,9	805,9	800,7	276,6
Великий Новгород	121,8	493,3	223,7	245,2	128,6	1047,4	250,6	300,9	247,0
Мурманск	564,0	674,5	809,9	518,6	895,0	1333,0	912,5	1078,3	191,2
Калининград	4328,9	3597,1	3877,4	3851,0	4875,7	1276,6	3056,2	3596,0	83,1
Вологда	1185,7	724,3	909,2	1306,0	838,3	679,6	799,4	785,1	66,2
Петрозаводск	495,6	353,4	247,4	297,9	163,3	74,4	202,5	90,6	18,3
Архангельск	768,0	953,3	399,8	169,1	115,7	98,2	97,6	96,9	12,6
Итого по РЦ СЗФО	8021,4	7690,1	7878,8	8045,7	8149,2	6611,9	7026,1	7638,9	95,2
Всего по ГО РФ	211258	193723	219425	225749	212790	191444	189456	187193	88,6

Рассчитано по: данные отчетов об исполнении бюджетов городских округов, отчетности Федерального казначейства России, Росстата.

Таблица 11. Доля капитальных расходов в расходах бюджетов региональных центров Северо-Западного федерального округа в 2011–2018 гг.

Городской округ	Год							
	2011	2012	2013	2014	2015	2016	2017	2018
Калининград	32,7	28,1	29,0	27,2	32,7	11,1	11,6	26,4
Псков	7,0	14,2	13,9	19,3	15,3	30,5	5,3	19,2
Сыктывкар	6,0	8,5	15,8	12,5	9,3	10,2	1,7	10,4
Вологда	19,3	11,9	12,7	17,2	11,4	10,7	1,2	9,8
Мурманск	6,7	7,7	8,5	5,1	7,9	11,7	28,1	7,6
Великий Новгород	2,8	10,5	4,6	5,0	2,7	19,5	9,0	5,3
Петрозаводск	7,6	6,9	4,4	5,7	3,4	1,4	12,4	1,6
Архангельск	9,7	13,0	4,8	2,2	1,5	1,2	11,5	1,1
Итого по ГО СЗФО	14,5	14,4	13,6	13,2	13,4	11,0	23,0	11,1
Всего по ГО РФ	14,2	12,6	13,2	13,1	12,3	10,9	13,5	11,0

Рассчитано по: данные отчетов об исполнении бюджетов городских округов, отчетности Федерального казначейства России, Росстата.

Из всех городских округов Северо-Запада РФ по доле затрат, направляемых на расходы капитального характера, выделился Калининград: в среднем за 2011–2015 гг. на инвестиции использована треть бюджета, однако в 2016–2017 гг. произошло их снижение. В остальных городах динамика доли капитальных расходов была весьма неустойчивой. Необходимо от-

метить, что на динамику капиталовложений местных бюджетов сильное влияние оказывают межбюджетные трансферты, поскольку основная часть затрат финансируется именно за счет безвозмездной финансовой помощи из вышестоящих бюджетов, а ее объем, как правило, заметно дифференцирован между муниципалитетами.

Выводы

Заключая, отметим полученные результаты исследования бюджетных систем в региональных центрах Северо-Западного федерального округа.

Во-первых, анализ результатов бюджетного планирования выявил преимущественное недовыполнение уточненных сумм бюджетных ассигнований как по доходам, так и по расходам бюджетов региональных центров.

Во-вторых, оценены объемы неосвоенных бюджетных ассигнований региональных центров СЗФО, которые за шесть лет с 2011 года составили 2–11,5 млрд руб. Так, в Калининграде и Пскове остались не использованы 13–17% выделенных ассигнований. В других городах данный показатель находился в диапазоне 5–7,5%.

В-третьих, исследована проблема неритмичного характера поступления доходов и финансирования расходов как одного из факторов неполного освоения бюджетных средств. Определено, что почти половина безвозмездных поступлений из других бюджетов направляется в региональные центры в четвертом квартале текущего финансового года. Обоснованы причины возникновения данной ситуации не только на муниципальном, но и на региональном уровне.

В-четвертых, определено отклонение фактических результатов исполнения по до-

ходам от первоначальных плановых показателей, которое, например, по итогам 2018 года варьировалось от 5,4% в Архангельске до 32% в Вологде.

В-пятых, выявлен существенный спад капиталовложений в большинстве региональных центров СЗФО и в целом по регионам СЗФО за 2011–2018 гг. Сильнейшее падение инвестиционного спроса, составившее более 30%, отмечалось в центрах Архангельской, Псковской и Вологодской областей. Определено, что по объему инвестиций на одного жителя абсолютным лидером являлся Мурманск, в нем данный показатель составил в среднем 114 тыс. руб., в два раза превысив средний уровень по российским городским округам.

В-шестых, исследовано, что одним из негативных факторов сокращения инвестиций в основной капитал стала низкая деловая активность бизнеса. За 2011–2016 гг. на фоне 60% роста прибыли в реальном измерении в среднем по организациям, действующим на территории городов, капиталовложения уменьшились на 2%.

Результаты проведенного исследования позволяют аргументировать вывод о невысоком уровне качества управления бюджетом регионального центра, что не позволит в ближайшей, а следовательно и долгосрочной, перспективе достичь сбалансированности бюджетов и повысить уровень бюджетной обеспеченности территорий.

ЛИТЕРАТУРА

1. Лыкова Л.Н. Региональная составляющая налоговой политики: возможности поддержки экономического роста // Проблемы развития территории. 2018. № 2 (94). С. 71–86. DOI: 10.15838/ptd/2018.2.94.5
2. Friedmann J. Where we stand: A decade of world city research. *World Cities in a World-System*. Cambridge, 1995. P. 21–47.
3. Feagin J., Smith M. Cities and the New International Divisions of Location: An Overview. *The Capitalist City: Global Restructuring and Community Politics*. Oxford, 1987. P. 3–34.
4. Taylor P. Specification of the world city network. *Geographical Analysis*, 2001, no. 33, pp. 181–194.
5. Taylor P., Walker D., Catalano G., Hoyler M. Diversity and power in the world city network. *Cities*, 2002, no. 19, pp. 231–241.
6. Azoulay A., Côté J.-G. *Les clés du développement économique local Analyse des stratégies de six villes nord-américaines*. Note de Recherche, 2017, Mai. Available at: http://www.institutduquebec.ca/docs/default-source/recherche/8842_les-cles-du-developpement_idq_br_fr.pdf?sfvrsn=2

7. Krätke S. Die globale Vernetzung von Medienzentren. Zur Diversity von Geographien der Globalisierung. *Geographische Zeitschrift*, 2002, no. 90, pp. 103–123.
8. Бондарская О.В. Систематизация зарубежного опыта развития малых территорий // Социально-экономические явления и процессы. 2015. Т. 10. № 5. С. 15–19.
9. Lockner A.O. *Steps to Local Government Reform: A Guide to Tailoring Local Government Reforms to Fit Regional Governance Communities in Democracies*. Bloomington: iUniverse, 2013. 621 p.
10. Silem A., Fontanel J., Pecqueur B., Bensahel-Perrin L. *L'économie territoriale en questions*. Paris: l'Harmattan, 2014. 324 p.
11. Татаркин А.И., Татаркин Д.А. Саморазвивающиеся территориальные экономические системы: диалектика формирования и функционирования // Экономика. Налоги. Право. 2009. № 5. С. 3–12.
12. Печенская М.А. Бюджеты региональных центров Северо-Запада: инструменты модернизации или выживания? // Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз. 2019. Т. 12. № 3. С. 77–90. DOI: 10.15838/esc.2019.3.63.5
13. Татаркин А.И. Скрытый потенциал российских городов: от агломерационных объединений к программно-проектным стратегиям развития территорий // Экономическая наука современной России. 2014. № 2 (65). С. 7–25.
14. Одинцова А.В. Проблемы институционализации стратегического планирования муниципальных образований // Проблемы развития территории. 2018. № 5 (97). С. 99–109.
15. Одинцова А.В., Валентик О.Н. Становление системы стратегического планирования в муниципальном звене управления. М.: Институт экономики, 2018. 40 с.
16. *Territorial Agenda of the European Union 2020. Towards an Inclusive, Smart and Sustainable Europe of Diverse Regions*. Available at: http://ec.europa.eu/regional_policy/sources/policy/what/territorial-cohesion/territorial_agenda_2020.pdf
17. Зубаревич Н.В. Города как центры модернизации экономики и человеческого капитала // Общественные науки и современность. 2010. № 5. С. 5–19.
18. Зубаревич Н.В. Российские города как центры роста // Управленческое консультирование. 2006. № 2 (22). С. 113–118.
19. Десять лет муниципальной реформы в России: итоги и перспективы: монография / Е.М. Бухвальд [и др.]. М.: Институт экономики РАН, 2014. 302 с.
20. Ворошилов Н.В. Оценка эффективности региональной политики по развитию муниципальных образований // Вестн. Череп. гос. ун-та. 2014. № 7 (60). С. 54–59.
21. Валентей С.Д., Глигич-Золотарева М.В., Лыкова Л.Н. Старые и новые проблемы российского федерализма // Федерализм. 2012. № 4. С. 7–38.
22. Гайнанов Д.А., Тажитдинов И.А., Закиров И.Д. Методические аспекты стратегического управления развитием муниципального образования // Изв. Уфим. науч. центра РАН. 2011. № 2. С. 76–82.
23. Гуляк О.В. Стратегическое планирование как ключевой фактор успешного развития муниципального образования // Национальные интересы: приоритеты и безопасность. 2014. № 1. С. 18–23.
24. Печенская М.А. Межбюджетные отношения: состояние, регулирование, оценка результативности: монография. Вологда: ИСЭРТ РАН, 2015. 164 с.
25. Печенская М.А. Развитие межбюджетных отношений в России в 2000–2015 гг. // Проблемы прогнозирования. 2017. № 2. С. 117–130.
26. Поварова А.И. Почему не растет самообеспеченность бюджетов городских округов // Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз. 2016. № 1 (43). С. 108–121.
27. Поварова А.И. Проблемы формирования бюджета городского округа // Проблемы развития территории. 2017. № 2 (88). С. 177–191.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Мария Александровна Печенская – кандидат экономических наук, старший научный сотрудник, заведующий лабораторией, Федеральное государственное бюджетное учреждение науки «Вологодский научный центр Российской академии наук». Российская Федерация, 160014, г. Вологда, ул. Горького, д. 56а; e-mail: marileen@bk.ru

Pechenskaya M.A.

ISSUES OF REGIONAL CENTER BUDGET MANAGEMENT QUALITY

The article continues the research cycle of different aspects of the state of cities-regional centers' budgetary systems. In the conditions of the Russian economy transformation, instability of economic conjuncture and financial system the issues of studying territories' budgetary potential are becoming of significant importance. The objectives of the work are to determine the quality of budget management and identify the problem areas hindering the regional centers budget system development. By means of the statistical data analysis and a systematic approach the article examines the results of budget planning, estimates the share of capital budget funds, investigates the degree of the budget execution regularity and the level of budget allocations development in the North-West Federal District for the period from 2011 to 2018. The scientific novelty of the article is revealed in the following results. The discrepancy of budget planning and budget execution is defined. The under-fulfillment of the specified amounts on the incomes of regional centers budgets of the North-Western Federal District and execution of actual expenses of budgets below the established appropriations is shown. It is revealed that in the studied period the regional centers of the North-Western Federal District did not draw about 17% of the allocated budgetary funds at the average value for the Russian Federation of 7.5%. The nature and reasons of irregularity of revenues and budget expenditures financing in the regional centers are substantiated. It is determined that the possibilities of forming development budgets in regional centers have actually narrowed. This confirms the reduction of capital budget expenditures of North-Western Federal District administrative centers the from 2011 to 2018 by 18% at the national average of 9.4%. In the next stages of the study, special attention will be paid to the trends and features of the regional centers attracted budgetary resources formation and use, in particular, to the paid and gratuitous financial assistance, as well as borrowed funds. The materials of the article can be used as a research base by university teachers and researchers, as well as they can be taken into account by the authorities when implementing the budget process at the municipal level.

City district, local budget, regional center, investment, efficiency, local government, management, budget planning.

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Maria A. Pechenskaya – Ph.D. in Economics, Senior Researcher, Head of Laboratory, Federal State Budgetary Institution of Science “Vologda Research Center of the Russian Academy of Sciences”. 56A, Gorky Street, Vologda, 160014, Russian Federation; e-mail: marileen@bk.ru

КАЧЕСТВО ЖИЗНИ И ЧЕЛОВЕЧЕСКИЙ ПОТЕНЦИАЛ ТЕРРИТОРИЙ

DOI: 10.15838/ptd.2019.6.104.7

УДК 304 | ББК 60.56

© Устинова К.А.

СТИМУЛЫ И БАРЬЕРЫ УЧАСТИЯ НАСЕЛЕНИЯ В СОЦИАЛЬНЫХ ПРАКТИКАХ¹

КСЕНИЯ АЛЕКСАНДРОВНА УСТИНОВА

Вологодский научный центр Российской академии наук
Российская Федерация, 160014, г. Вологда, ул. Горького, д. 56а
E-mail: ustinova-kseniya@yandex.ru
ORCID: [0000-0002-6198-6462](https://orcid.org/0000-0002-6198-6462); ResearcherID: [I-8164-2016](https://orcid.org/I-8164-2016)

Показана актуальность изучения социальных практик, обусловленная не только необходимостью перехода к инновационному типу развития, в т. ч. создания социальных проектов инновационной направленности, но и отсутствием однозначного толкования данного понятия. Цель работы заключалась в исследовании участия населения в социальных практиках, выявлении стимулов и барьеров. Информационная база включала данные мониторинга качества трудового потенциала населения, социологического исследования «Социальное здоровье» (ФГБУН ВолНЦ РАН), а также мониторинга состояния гражданского общества (НИУ ВШЭ). Приведены различные подходы к трактовке социальных практик, выделены их составляющие. Вовлеченность населения в социальные практики анализировалась в разрезе мотивационной, нормативной составляющих и составляющей, связанной со способностями, как в разрезе социально-демографических групп (принимались во внимание половозрастные характеристики опрошенных), так и в территориальном. В ходе исследования определены барьеры и стимулы вовлеченности населения в социальные практики. Среди первых – отсутствие желания и заинтересованности в таких инициативах, занятость и нехватка времени. Среди вторых – уверенность в реальной пользе от подобной деятельности, опыт участия в практиках, готовность заниматься творческой трудовой активностью на рабочем месте и трудоустройство по творческой профессии. Показано, что стимулирование сотрудников к вовлеченности в социальные практики должно

Для цитирования: Устинова К.А. Стимулы и барьеры участия населения в социальных практиках // Проблемы развития территории. 2019. № 6 (104). С. 102–119. DOI: 10.15838/ptd.2019.6.104.7

For citation: Ustinova K.A. Public participation in social practices: incentives and barriers. *Problems of Territory's Development*, 2019, no. 6 (104), pp. 102–119. DOI: 10.15838/ptd.2019.6.104.7

¹ Исследование выполнено за счет гранта РФФИ № 18-010-00717 «Экосистемный подход к развитию социальных инноваций в современной России: теория и практика».

основываться на комплексном подходе, позволяющем сочетать материальные и нематериальные аспекты. Важная роль должна отводиться партисипативному управлению, предполагающему вовлечение талантливых и креативных сотрудников в управление организацией на основе их карьерного продвижения и участия в инновационных проектах.

Социальные практики, типы социальных практик, стимулы и барьеры участия в социальных практиках, готовность к участию в социальных проектах, готовность объединяться с другими людьми для каких-либо совместных действий, ответственность за состояние дел, возможность повлиять на происходящие события.

Разрешение большей части экономических проблем в значительной степени сопряжено с учетом институциональных аспектов в управлении, в связи с тем что качество институциональной среды влияет на направления, формы, условия и саму возможность модернизационных процессов в экономике. Учитывая это, первостепенной задачей органов власти является создание действенной и эффективной системы институтов [1, с. 9]. «Экономическое чудо» небольшой группы стран, связанное с быстрым экономическим ростом (более 7% годовых) на протяжении 15–30 лет, по словам В.М. Полтеровича, стало возможным благодаря проведению институциональных реформ по единым принципам, формированию институциональных траекторий, содержащих ряд аналогичных промежуточных институтов [2, с. 35]. Если обратиться к более раннему периоду, например 1970–1990-е гг., то рядом исследователей (Д. Эйсмоглу, С. Джонсон, Дж. Робинсон, Ю. Тэйчерэн [3]) обосновывается, что экономический рост в значительной степени определялся параметрами, отражающими сложившуюся институциональную структуру. Содержательно это проявлялось в том, что в странах с более «сильной» институциональной структурой влияние дестабилизирующей макроэкономической политики оказывалось менее существенным, в то время как страны со «слабыми» институтами подвержены кризисам в большей мере.

Своего рода источником институтов выступают социальные практики. Они, с одной стороны, позволяют гибко реагировать на социальные изменения, открываться новому опыту, с другой – дают ощущение стабильности жизненного мира, поскольку определяют набор действий и осво-

буждают индивида от необходимости постоянного решения одних и тех же вопросов. Это происходит за счет того, что повторяющиеся социальные действия и образцы поведения становятся привычными, затем превращаются в социальную практику и в последствии институционализируются. Социальные практики в ходе институционализации могут стать устойчивыми и оказывать как организующее влияние на социальную жизнь, так и дестабилизирующее из-за девиантных форм проявления социальной активности. Тем самым в повседневной жизни людей они могут влиять на изменение социальных институтов и социальной структуры общества в целом, способствуя преодолению «разрыва» между микро- и макроуровнями [4].

Социальные практики связывают с осознанным участием индивидов и социальных групп в жизни гражданского общества на основе баланса личных и общественных интересов. Причем эта активность, предполагающая участие в разного рода инициативах, основывается на познавательной компоненте (знание о правах, обязанностях, информированность о гражданских инициативах и др.), мотивационной (межличностное и институциональное доверие, сплоченность, ответственность) и нормативной составляющих. Доверие является одним из важнейших факторов, способствующих поддержанию устойчивости и интегрированности общества, определяющих характер социальных отношений [5, с. 7], возможность участия населения в социальных практиках. Без преодоления «кризиса доверия» органам власти не может быть эффективным процесс консолидации социума [6, с. 23]. В настоящее время доверие невысоко как по отношению к обществу в целом, так и к его институтам [7].

Его уровень различается в зависимости от типа стран. В прогрессивных культурах «радиус» доверия и общественной идентификации выходит за пределы семьи и объемлет более широкое социальное целое, в то время как в традиционных, напротив, ограничивается семейными рамками [8, с. 25–26]. Помимо межличностного и институционального доверия, информированности населения о гражданских инициативах существуют и другие факторы, которые оказывают влияние на вовлеченность в социальные практики. Учитывая обозначенное выше, цель статьи состоит в исследовании участия населения в социальных практиках, выявлении стимулов и барьеров данного процесса.

«Исследовательская линия» была связана с рассмотрением теоретических аспектов, в частности подходов к определению социальных практик, выявлением составляющих социальных практик, анализом участия населения в социальных практиках через призму мотивационной, нормативной составляющих и составляющей, связанной со способностями населения, при этом принимались во внимание социально-демографические и территориальные аспекты. Стимулы и барьеры участия населения в социальных практиках рассматривались с позиции способствующих и препятствующих факторов для осуществления подобных инициатив. Использовались косвенные² и прямые³ вопросы.

Социальные практики: к определению понятия

Исследование феномена социальных практик как социального явления началось со второй половины XX века [9], а в социологической науке – с 70-х годов XX века с работ П. Бурдьё «Набросок теории практики» и К. Гирца «Интерпретация культур». Развитие теории социальных практик связывают с такими именами, как П. Бурдьё, П. Бергер, Т. Лукман, Л. Витгенштейн, Г. Гарфинкель, Э. Гидденс, К. Гирц, И. Гофман, Т. Парсонс, А. Шюц, в Рос-

сии – с именами Т.И. Заславской, Л.Г. Ионина, Н.Н. Козловой, В.А. Лукова и др.

В научной литературе социальные практики рассматривают как минимальные единицы для интерпретации социальной реальности (П. Бурдьё, Э. Гидденс, М. Фуко). Их характеризуют с позиций действий [10], многократность повторения которых основывается на «мы-отношении» [11], связанном с проявлением социальной групповой идентичности. Повторяемость действий и постоянный характер использования норм позволяет говорить об их институциональном статусе [12; 13]. Последний предполагает наличие не только нормативной, но и концептуальной составляющей, связанной со знаниями носителей социальных практик [14], с возможностью их распространения и использования на регулярной основе [15]. За счет изменения отдельных составляющих социальной практики, например концептуальной, может изменяться и процесс ее институционализации в целом [16]. В свою очередь, справедливо и обратное – альтернативные способы использования институтов могут порождать новые знания, что может воздействовать и на концептуальную составляющую социальной практики. Тем самым, социальные практики способны изменяться и обновляться, в т. ч. и с опорой на новое знание [17; 18]. Процесс трансформации социальных практик обуславливается не только изменением их отдельных составляющих, но и тем обстоятельством, что в каждой конкретной ситуации соответствующие институциональные нормы могут проходить модификацию, связанную с необходимостью учета конкретных обстоятельств (либо потребностей практической деятельности, либо имеющихся компетенций участников [19]).

Выделяют несколько теорий, с опорой на которые обсуждается проблематика социальных практик: структуралистский конструктивизм П. Бурдьё, теория структуризации Э. Гидденса и этнометодология Г. Гарфин-

² Вопросы, в рамках которых обсуждалось, например, трудоустройство по творческой/нетворческой профессии, а также отдельные характеристики населения, связанные с готовностью к участию в подобного рода инициативах.

³ Вопросы, посредством которых у населения напрямую спрашивалось о стимулах и барьерах, способствующих и препятствующих участию в социальных практиках.

келя. В рамках первой из обозначенных социальные практики характеризуются с позиций соответствия поведенческих актов социальных субъектов сложившимся представлениям об окружающей действительности. В данном случае социальные практики рассматриваются в контексте взаимодействия с социальной средой: с одной стороны, ей детерминируются, с другой, воздействуют на нее, изменяя ее структуру. Структуралистский конструктивизм П. Бурдьё – концепция, в которой структуры оказывают воздействие на всех членов общества. Сами же агенты характеризуются с позиций набора качеств, позволяющих осуществлять социальные практики. П. Бурдьё в качестве одной из способностей действующего агента рассматривает творческую, изобретательную [20, с. 88]. По мнению французского социолога, «агент» осуществляет практики, заложенные в нем изначально, в ходе социализации, в результате чего у него вырабатываются определенные модели поведения⁴. В свою очередь, социальные практики агентов способствуют формированию социальных структур, так называемых «символических матриц практической деятельности, поведения, мышления».

В рамках последней из обозначенных теоретических концепций обращается внимание на повседневные действия людей, на их мышление в ходе осуществления этих действий. Анализу подвергаются практики поддержания социального порядка, представления членов общества о собственных инициативах [21, с. 15–16]. Социальный порядок задается через основанные на здравом смысле практические действия, правила осуществления которых не могут быть получены извне, без рассмотрения «внеположенной индивидами реальности». Объяснительные модели, к которым прибегают индивиды для интерпретации практик, являются следствием проанализированных ими действий [22]. В рамках данной концепции рассматриваются и ситуации намерен-

ного отклонения действий от их ожидаемого течения, в то время как в рамках структуралистского конструктивизма, напротив, акцентируется внимание на аспектах, связанных с соответствием поведенческих актов субъектов представлениям об окружающей действительности.

В рамках теории структуризации Э. Гидденса каждый член общества рассматривается с позиции конструктора, который при осуществлении взаимодействий опирается на свои знания и практический опыт. Позиция конструктора позволяет обеспечивать воспроизводство общества. При этом знания участников не рассматриваются как случайные по отношению к моделированию социальной жизни, а являются его интегральной частью⁵.

Учитывая сложившиеся при характеристике социальных практик объективную и субъективную акцентировки, можно выделить и соответствующие подходы к трактовке данного понятия. В рамках объективного подхода на первый план выходят институциональные аспекты и социальная практика трактуется как вид практики, основанный на общественных институтах, с использованием которых осуществляется воздействие на систему общественных отношений, в результате чего изменяется как человек, так и общество. Помимо этого, обращается внимание на взаимосвязанное и взаимоориентированное поведение акторов, которое укореняется в социокультурных нормах [23]. В приведенных трактовках речь идет, с одной стороны, о том, как социальные практики оказывают влияние на институциональные аспекты, с другой стороны, как те, в свою очередь, воздействуют на социальные практики.

В рамках субъективного подхода в зоне внимания оказываются характеристики участников социальных практик. Речь идет о совокупности социальных действий, в рамках которых реализуются потребности и интересы, применяются определенные умения (Бергер,

⁴ Структуралистский конструктивизм П. Бурдьё как механизм воздействия на общество. URL: file:///C:/Users/ука/Downloads/strukturalistskiy-konstruktivizm-p-burdie-kak-mehanizm-vozdeystviya-na-obschestvo.pdf (дата обращения 27.08.2019).

⁵ Современная социальная теория: Бурдьё, Гидденс, Хабермас: учебн. пособие. Новосибирск, 1995. 120 с.

Лукман, 1995). Помимо этого, учитывается, что в ней участвуют субъекты, наделенные сознанием и волей, а также установками, связанными с качественным изменением своей социальной среды, которые воплощаются в конкретных формах и моделях поведения [24].

Обобщая некоторые приведенные выше положения, характеризующие социальные практики, следует отметить, что в них акцентируется внимание, с одной стороны, на объективных аспектах способов деятельности людей, с другой – на субъективных. Делается вывод о привязке социальных практик к определенному контексту (рассмотрение их как влияющих на социальную среду, так и ей детерминированных). В действиях социальных агентов воплощается программа общества, реализация которой зависит от места, занимаемого этими агентами в общественной структуре. Акцентируется внимание как на соответствии поведенческих актов субъектов сложившимся представлениям об окружающей действительности, так и на возможных отклонениях. При характеристике субъективных аспектов речь идет о наборе качеств, позволяющих осуществлять эти практики, различных способностях, в т. ч. и творческих.

Тем самым, говоря про социальные практики, речь идет фактически об их «промежуточном» положении между конкретными действиями и институционализированными формами их проявлений. В связи с этим неудивительно наличие по меньшей мере двух типов определений исследуемого понятия, акцентирующих внимание, с одной стороны, на совокупности социальных действий, предполагающих реализацию определенных интересов и применение умений, с другой стороны, трактующих социальные практики как вид практики, опирающийся на общественные институты, с помощью которых осуществляется воздействие на систему общественных отношений. Подчеркнем, что в первом случае в большей степени обращается внимание на субъективные аспекты, мотивационные и когнитивные, во многом зависящие от агентов, вовлеченных в эти

практики. В то время как во втором случае в зоне внимания, напротив, находятся объективные аспекты, связанные с институционализацией осуществляемых действий.

Несмотря на наличие полярных подходов к трактовке социальных практик, будем исходить из необходимости фиксации через определение их функционального назначения – сервисной роли по отношению к социальным институтам (первые выступают своего рода «строительным материалом» по отношению ко вторым). Тем самым, социальные практики будем определять с позиции совокупности повторяющихся действий индивидов, групп, общностей, организаций в реальном времени и пространстве, обеспечивающих устойчивое функционирование социальных институтов [25]. Обращение в данной формулировке внимания на пространственно-временные характеристики не противоречит отдельным теоретическим положениям, например, Э. Гидденса, который, говоря о социальных практиках, подчеркивал, что социальные действия развертываются в пространстве и во времени.

Еще один важный аспект связан с институционализацией социальной практики, с ее закреплением, формализацией. Институционализация как процесс включает ряд последовательных этапов: появление социальной практики как следствие потребности в организованных, совместных действиях; ее популяризация (появление социальных норм и правил и узаконение их методом проб и ошибок); рутинизация (принятие и практическое применение (формализация) норм, правил, процедур, установление системы санкций для поддержания норм и правил); закрепление (организационное оформление возникшей институциональной структуры, ее интеграция в существующую систему общественных отношений).

В социальных практиках заложена способность к институционализации, при этом они являются гибкими и предполагают возможность трансформации. Учитывая последнее обстоятельство, социальные практики могут быть традиционными или новыми. Первые зачастую «не выделяются»

из повседневности, связаны с каждодневным человеческим существованием, в то время как вторые, напротив, способствуют открытости новому опыту, более гибкому реагированию на социальные изменения, в ряде случаев могут приводить к формированию новых идентичностей [26]. Актуальность использования практик второго типа возрастает в кризисный период, когда особенно остро ощущается необходимость разработки институциональных механизмов, стимулирующих социально-инновационную активность как отдельных индивидов, так и социальных групп. В ряде случаев может возникать необходимость создания институциональных механизмов стимулирования социальной инновационной активности и, тем самым, формирования институциональных условий для поддержания и развития социальных инновационных проектов [27, с. 58–59].

Одним из примеров социальных практик является волонтерство. Оно формирует предпосылки для успешной социализации в профессиональном плане, позволяет накопить необходимые умения и навыки, опыт самостоятельной деятельности и личной ответственности. Тем самым, участие в волонтерском движении создает условия для совершенствования мотивационной, когнитивной и нормативной составляющих социальных практик. В подобного рода инициативах могут принимать участие и молодые люди. Социальные практики с участием молодежи представляют собой совокупность определенных действий, направленных на реализацию интересов и накопленного потенциала этой группы населения.

Методические аспекты исследования

Вовлеченность населения в социальные практики анализировалась нами в разрезе различных составляющих: мотивационной, связанной со способностями и нормативной. Поскольку «запуск» социальных практик связан с мотивационной составляющей, она рассматривалась в первую очередь. Использовались следующие вопросы:

- *Ответьте, пожалуйста, чувствуете ли Вы себя ответственным за состояние дел ...?*
- *Как Вы считаете, можете ли Вы лично сегодня повлиять на состояние дел ...?*

При этом в рамках данных вопросов мотивационные аспекты характеризовались на разных уровнях (семья, работа, город, регион, страна), что создает предпосылки для выявления потенциала участия населения как в локальных инициативах, так и в проектах более охватывающего уровня.

Важную роль мотивационные аспекты приобретают в условиях участия населения в социальных практиках, связанных с реализацией инновационных проектов. В этом случае большое значение приобретает мотивационная установка – готовность к нововведениям, поиск личностного смысла в данном конкретном инновационном проекте, направленном на решение социальных задач. Она побуждает к поиску изменения устоявшихся путей, способов участия в социальных практиках.

Познавательная сторона вовлеченности населения в социальные практики связывалась нами в первую очередь со способностями, в частности с готовностью к объединению с другими, к реализации социальных проектов и проявлению себя в творческом плане. Значимым конструктом когнитивной компоненты служит креативность, проявляющаяся в творческом преобразовании социальной практики. В работе принималась во внимание степень готовности населения участвовать в реализации проектов социальной направленности. В исследовании обозначенные аспекты изучались с использованием следующих вопросов:

- *Есть люди, готовые объединяться с другими людьми для каких-либо совместных действий, если их идеи и интересы совпадают. И есть люди, не готовые объединяться. К кому бы Вы отнесли себя – к первым или ко вторым?*
- *Насколько Вы готовы ... (усваивать новые ценности, образцы поведения;*

участвовать в реализации социальных проектов; заняться творческой трудовой активностью на рабочем месте; изучать и использовать в своей работе и быту новые технологии)?

Отметим, что готовность населения к реализации отдельных планов и проектов характеризовалась в зависимости не только от профессии (творческая / нетворческая), но и от того, насколько для человека были свойственны те или иные качества и важны те или иные аспекты.

Вовлеченность населения в социальные практики с позиций нормативной составляющей анализировалась нами с использованием вопросов как о непосредственном участии населения в социально значимых мероприятиях, так и о планах относительно проявления себя в подобных инициативах в будущем.

Для этих целей использовались следующие вопросы:

- *Как часто Вы принимали участие на безвозмездной основе в мероприятиях, направленных на решение социально значимых проблем в регионе (городе, селе), за последние 12 месяцев?*
- *Допускаете или исключаете для себя участие в подобных мероприятиях в будущем?*

Подчеркнем, что обозначенные составляющие социальных практик анализировались как в разрезе социально-демографических групп населения (принимались во внимание половозрастные характеристики опрошенных), так и в территориальном. Подобный подход соотносится с позицией Т. Парсонса, который, характеризуя модель социального действия, принимал во внимание личностную подсистему (индивидуальные особенности акторов) и органическую (взаимодействие актора со средой). Подчеркивая необходимость рассмотрения изучаемого явления в территориальном разрезе, отметим, что в работе для этих целей использовались как данные социологического

исследования, проведенного на территории отдельных регионов СЗФО, так и данные общероссийского исследования состояния гражданского общества. Более детально используемая в исследовании информационная база представлена ниже.

Характеристика информационной базы исследования

В качестве информационной базы исследования выступили:

- данные мониторинга качества трудового потенциала населения, проведенного Вологодским научным центром РАН в 2018 году. Выборка – квотная с пропорциональным размещением единиц наблюдения, ее объем составляет 1500 чел. трудоспособного возраста (мужчины 16–59 лет; женщины 16–54 лет) в Вологде и Череповце и восьми районах области. Репрезентативность выборки обеспечена соблюдением пропорций между городским и сельским населением, между жителями населенных пунктов различных типов (сельские населенные пункты, малые и средние города), половозрастной структуры взрослого населения области, а также пропорций между занятым, безработным (зарегистрированы на бирже труда) и экономически неактивным населением (студенты, учащиеся, домохозяйки и другие неработающие). Величина случайной ошибки выборки – 3–4% при доверительном интервале 4–5%. Метод опроса – анкетирование по месту жительства респондентов. Обработка анкет проведена в программе SPSS (Statistical Package for the Social Sciences);
- данные социологического исследования «Социальное здоровье», проведенного в 2019 году на территории трех субъектов СЗФО (Вологодской, Псковской областей, Республики Карелии). Объем выборочной совокупности составляет 1600 чел.;
- данные мониторинга состояния гражданского общества, проведенного Центром исследований гражданского общества и некоммерческого сектора НИУ ВШЭ в 2007–2017 гг., данные всероссийского опроса городского и сельского населения России 18+

(телефонное интервью, 2018 год, N = 2058 человек). Выборочная совокупность поделена на страты. В качестве критерия стратификации использовалось принятое в РФ деление на 8 федеральных округов. Выборка распределялась по стратам пропорционально численности жителей в возрасте 18 лет и старше, проживающих на территории страты. Контрольными параметрами репрезентативности выборки в каждом округе стали половозрастная структура и образовательный уровень респондентов⁶.

Результаты исследования

Активность населения относительно участия в разного рода инициативах и социальных практиках основывается не только на нормативной составляющей и составляющей, связанной со способностями, но и на мотивационной (готовность влиять на состояние дел, ответственность за происходящее).

Зачастую высокую ответственность за происходящее и готовность к преобразовательным действиям рассматривают в качестве стимула к осуществлению социальных практик, в то время как в обратной ситуации речь идет о барьерах.

Полученные данные свидетельствуют о том, что по мере перехода от «семьи» к «работе», а затем к «городу» или «региону» ответственность за состояние дел снижается. На уровне семьи она проявляется более чем в 90% случаев, на уровне места проживания – только в половине (табл. 1). Тем самым, склонность к демонстрации социально ответственного поведения прослеживается преимущественно на «короткой дистанции», замкнута на самом человеке или близком окружении. Эта особенность характерна для россиян всех поколений с той лишь разницей, что молодежь зачастую оказывается более далекой от «общественного видения»

Таблица 1. Распределение ответов на вопрос «Чувствуете ли Вы себя ответственным за состояние дел ...?», % от числа опрошенных

	Вологодская область	Псковская область	Республика Карелия	Пол		Возраст		
				мужчины	женщины	до 30 лет	от 30 до 60 (55) лет	старше 60 (55) лет
В Вашей семье								
Да	95,3	93,3	94,3	93,8	95,1	93,4	95,3	93,9
Нет	4,7	6,7	5,7	6,2	4,9	6,6	4,7	6,1
У Вас на работе								
Да	61,8	78,4	80,7	70,6	70,7	70,5	77,5	59,1
Нет	38,2	21,6	19,3	29,4	29,3	29,5	22,5	40,9
В Вашем доме, дворе, где Вы живете								
Да	46,7	57,3	53,1	51,3	50,7	43,9	51,2	53,9
Нет	53,3	42,7	46,9	48,7	49,3	56,1	48,8	46,1
В Вашем городе, районе								
Да	18,2	26,5	15,1	18,6	20,0	17,9	20,1	19,0
Нет	81,8	73,5	84,9	81,4	80,0	82,1	79,9	81,0
В Вашем регионе								
Да	10,2	19,6	6,2	13,6	9,9	12,9	13,4	8,1
Нет	89,8	80,4	93,8	86,4	90,1	87,1	86,6	91,9
В стране в целом								
Да	10,4	19,8	5,7	13,1	10,3	12,6	13,2	8,5
Нет	89,6	80,2	94,3	86,9	89,7	87,4	86,8	91,5

Источник: данные социологического исследования «Социальное здоровье», ФГБУН ВолНЦ РАН, 2019 год.

происходящего, чем представители средних и старших возрастных групп [28]. Подобное может негативно отражаться на готовности населения к участию в крупных социальных проектах и инициативах, которые имеют значение, например, для развития города или региона в целом.

Как уже было отмечено выше, аналогичная ситуация складывается не только на региональном, но и на российском уровне. Данные всероссийского опроса городского и сельского населения, посвященного проблематике гражданского общества и некоммерческого сектора, свидетельствуют, что на самом нижнем уровне (дом, двор) наблюдается бóльшая ответственность за состояние дел. Практически каждый девятый из десяти ощущал это состояние, в то время как на уровне города и страны таких было уже существенно меньше (в 2017 году 67 и 52% соответственно; *рис. 1*).

Важным стимулом, формирующим заинтересованность населения в участии в социальных практиках, является ощущение возможности повлиять на состояние дел. Так же как и в первом случае, бóльшая часть населения может изменить ситуацию на уровне семьи (подобные ответы распространены практически у каждого девятого из десяти), в то время как на уровне города или региона таких людей меньше (например, в отдельных областях лишь каждый десятый; *табл. 2*). В территориальном разрезе бóльшую готовность к изменению состояния дел выражали жители Псковской области, в разрезе социально-демографических групп населения – мужчины и представители средних возрастов.

В целом по стране наблюдалась схожая закономерность. Население чаще выражало готовность к изменению ситуации на уровне своего ближнего окружения, реже – на уровне города и страны (*рис. 2*).

Помимо мотивационных составляющих (ответственность за состояние дел и возможность влияния на происходящие события), важная роль должна отводиться и аспектам, связанным со способностями населе-

Рис. 1. Ответственность респондентов за происходящее на разных социальных дистанциях, % от числа опрошенных

Источник: данные мониторинга состояния гражданского общества, НИУ ВШЭ.

Рис. 2. Возможность респондентов повлиять на происходящее на разных социальных дистанциях, % от числа опрошенных

Источник: данные мониторинга состояния гражданского общества, НИУ ВШЭ.

ния. Среди последних выделяют способность к объединению для решения возникающих вопросов, которая может рассматриваться в качестве одного из стимулов к участию в социальных практиках. Судя по имеющимся у нас данным, эта способность различается в разрезе социально-демографических групп населения и по территориальному признаку. Чаще ее демонстрируют женщины (70% против 64) и молодежь (73% по сравнению с 62% для представителей старших поколений), а в территориальном разрезе – жители Псковской области и Республики Карелии (*табл. 3*).

Таблица 2. Распределение ответов на вопрос «Как Вы считаете, можете ли Вы лично сегодня повлиять на состояние дел ...?», % от числа опрошенных

	Вологодская область	Псковская область	Республика Карелия	Пол		Возраст		
				мужчины	женщины	до 30 лет	от 30 до 60 (55) лет	старше 60 (55) лет
В Вашей семье								
Да	92,6	87,1	87,6	90,4	89,7	86,5	92,9	87,4
Нет	7,4	12,9	12,4	9,6	10,3	13,5	7,1	12,6
У Вас на работе								
Да	52,1	74,9	69,6	64,4	60,0	62,0	68,9	50,7
Нет	47,9	25,1	30,4	35,6	40,0	38,0	31,1	49,3
В Вашем доме, дворе, где Вы живете								
Да	40,8	60,3	50,5	50,6	46,0	44,0	49,4	47,7
Нет	59,2	39,7	49,5	49,4	54,0	56,0	50,6	52,3
В Вашем городе, районе								
Да	10,3	21,5	8,0	12,7	12,2	14,2	13,6	9,9
Нет	89,7	78,5	92,0	87,3	87,8	85,8	86,4	90,1
В Вашем регионе								
Да	5,8	11,6	2,7	7,8	5,3	8,0	7,4	4,2
Нет	94,2	88,4	97,3	92,2	94,7	92,0	92,6	95,8
В стране в целом								
Да	5,8	11,9	2,3	7,8	5,3	7,5	7,2	4,7
Нет	94,2	88,1	97,7	92,2	94,7	92,5	92,8	95,3

Источник: данные социологического исследования «Социальное здоровье», ФГБУН ВолНЦ РАН, 2019 год.

Таблица 3. Распределение ответов на вопрос «Есть люди, готовые объединиться с другими людьми для каких-либо совместных действий, если их идеи и интересы совпадают. И есть люди, не готовые объединяться. К кому бы Вы отнесли себя – к первым или ко вторым?», % от числа опрошенных

	Вологодская область	Псковская область	Республика Карелия	Пол		Возраст		
				мужчины	женщины	до 30 лет	от 30 до 60 (55) лет	старше 60 (55) лет
К тем, кто готов объединяться	15,8	39,9	27,1	22,6	26,8	30,1	23,6	24,4
Скорее к тем, кто готов объединяться	44,8	34,6	44,9	41,3	42,8	42,6	45,0	37,8
Скорее к тем, кто не готов объединяться	18,4	14,8	19,6	19,2	16,6	14,8	17,3	19,9
К тем, кто не готов объединяться	21,0	10,7	8,4	16,9	13,8	12,5	14,1	17,9

Источник: данные социологического исследования «Социальное здоровье», ФГБУН ВолНЦ РАН, 2019 год.

Способность к объединению для решения возникающих вопросов у населения может развиваться за счет осознания социального характера практик, формирования готовности к безвозмездному участию в них. Фактические данные свидетельствуют о том, что

большую активность в этом плане также демонстрировали указанные ранее социально-демографические группы населения (табл. 4).

Кроме того, представители этих групп чаще, чем в остальных случаях, были склонны к участию в социально-ориентирован-

Таблица 4. Распределение ответов на вопрос «Как часто Вы принимали участие на безвозмездной основе в мероприятиях, направленных на решение социально значимых проблем в регионе (городе, селе) за последние 12 месяцев?», % от числа опрошенных

	Вологодская область	Псковская область	Республика Карелия	Пол		Возраст		
				мужчины	женщины	до 30 лет	от 30 до 60 (55) лет	старше 60 (55) лет
Регулярно	5,3	10,4	5,8	5,7	7,7	5,3	6,7	7,6
Время от времени	24,0	27,3	28,3	20,7	30,2	29,6	26,8	23,3
Один раз	14,8	18,1	12,9	16,1	14,5	19,6	14,8	13,9
Никогда	55,9	44,2	52,9	57,5	47,6	45,5	51,7	55,2

Источник: данные социологического исследования «Социальное здоровье», ФГБУН ВолНЦ РАН, 2019 год.

Таблица 5. Распределение ответов на вопрос «Вы допускаете или исключаете для себя участие в подобных мероприятиях в будущем?», % от числа опрошенных

	Вологодская область	Псковская область	Республика Карелия	Пол		Возраст		
				мужчины	женщины	до 30 лет	от 30 до 60 (55) лет	старше 60 (55) лет
Допускаю	47,2	57,5	63,3	45,6	60,9	66,5	55,4	47,1
Исключаю	52,8	42,5	36,7	54,4	39,1	33,5	44,6	52,9

Источник: данные социологического исследования «Социальное здоровье», ФГБУН ВолНЦ РАН, 2019 год.

ных мероприятиях и в будущем (женщины – в 61% случаев против 46% у мужчин, молодежь – в 67% случаев против 47% у представителей старшего поколения), что может выступать косвенным свидетельством устойчивости их установок в этом направлении (табл. 5).

В исследовании показано, что на вовлеченность в социальные практики наряду с аспектами, которые зависят непосредственно от населения (ответственность, установки на участие в социальных практиках), могут влиять и обстоятельства, связанные с характеристиками рабочих мест. В качестве стимула для участия в социальных практиках может выступать готовность заниматься творческой трудовой активностью на рабочем месте. Судя по имеющимся данным, люди, готовые к проявлению творческой трудовой активности на рабочем месте, легче по сравнению с остальными сходятся с окружающими, реже испытывают неловкое состояние при общении даже с новыми людьми, чаще выражают готовность прислушиваться к мнению других, соблюдать рабочие обязанности и в целом демонстрировать законопослушное поведение

(табл. 6). Соответственно, можно говорить о том, что у готовых проявлять себя в творческом плане существует не только и не столько инновационный потенциал для этих целей, сколько склонность к взаимодействию с окружающими для понимания и принятия их позиции, для решения возникающих вопросов коллективным образом. В свою очередь, это составляет своего рода «ядро» социального, находящего проявление и в социальных практиках.

На вовлеченность населения в социальные практики может влиять и трудоустройство по творческой/нетворческой профессии. С использованием фактических данных в исследовании показано, что люди нетворческой профессии реже склонны к усвоению новых образцов поведения, соответствующих современному образу жизни, к использованию новых технологий, к участию в социальных проектах, ориентированных на решение проблем (табл. 7). Учитывая обозначенное выше, можно подчеркнуть, что барьером для участия в социальных практиках в данном случае будет являться трудоустройство по нетворческой профессии, что не способствует формированию и развитию не только твор-

Таблица 6. Готовность к реализации социальных проектов и к проявлению творческой трудовой активности в зависимости от того, насколько для человека характерны те или иные качества и важны те или иные аспекты, % от числа опрошенных

	Готовность к реализации социальных проектов, направленных на решение местных проблем		Готовность заняться творческой трудовой активностью на рабочем месте (выступать с рационализаторскими предложениями, участвовать в создании чего-то нового)	
	Готов	Не готов	Готов	Не готов
Вы всегда ведете себя так, как принято в кругу людей, среди которых Вы находитесь?				
Да, это свойственно мне	48,3	47,9	53,3	43,1
Нет, это мне не свойственно	51,7	52,1	46,7	56,9
Выступать или высказываться в присутствии большого числа людей Вам трудно?				
Да, это свойственно мне	16,8	32,2	23,0	30,7
Нет, это мне не свойственно	83,2	67,8	77,0	69,3
У Вас всегда есть четко разработанный план, который соблюдается?				
Да, это свойственно мне	30,6	20,6	32,5	18,9
Нет, это мне не свойственно	69,4	79,4	67,5	81,1
Вы часто упускаете разные возможности потому, что не в состоянии принять решение?				
Да, это свойственно мне	13,3	15,7	12,3	17,6
Нет, это мне не свойственно	86,7	84,3	87,7	82,4
Вы легко сходитесь с людьми и хорошо себя чувствуете в их обществе?				
Да, это свойственно мне	51,2	44,8	53,8	46,3
Нет, это мне не свойственно	48,8	55,2	46,2	53,7
Вам трудно поддерживать разговор с человеком, с которым Вы только что познакомились?				
Да, это свойственно мне	16,8	21,8	17,9	22,5
Нет, это мне не свойственно	83,2	78,2	82,1	77,5
Для Вас важно терпимость, уважение к взглядам и мнениям других людей?				
Важно	81,2	70,1	80,0	70,2
Не важно	18,8	29,9	20,0	29,8
Для Вас важно соблюдение законов, законопослушность?				
Важно	80,1	60,7	77,9	58,0
Не важно	19,9	39,3	22,1	42,0
Для Вас важно соблюдение рабочих обязанностей?				
Важно	88,2	83,0	90,3	82,8
Не важно	11,8	17,0	9,7	17,2
Источник: данные мониторинга качества трудового потенциала населения Вологодской области за 2018 год, ФГБУН ВолНЦ РАН.				

ческого и инновационного потенциала, но и потенциала социального взаимодействия.

Более точное представление о вовлеченности населения в социальные практики, имеющие инновационную направленность, позволяет дать анализ ответов на вопрос, в котором наряду с готовностью принимается во внимание и участие населения в подобных инициативах (табл. 8).

Судя по имеющимся у нас данным, в среднем по выборочной совокупности менее 1% опрошенных вовлечены в подобные практики. Положительным фактом можно признать то обстоятельство, что от 18 до 25% респондентов в зависимости от региона проживания выражают готовность к участию в проектах инновационной направленности, связанных с решением социальных проблем.

Таблица 7. Степень готовности к реализации отдельных планов в зависимости от творческой/нетворческой профессии, % от числа работающих (100% по строке)

Вариант ответа	Готов и уже реализую	Готов	Не готов	Затрудняюсь ответить
Усваивать новые ценности, образцы поведения, соответствующие современному образу жизни				
1. Творческая профессия	10,9	54,6	18,6	15,9
2. Нетворческая профессия	5,2	37,2	35,0	22,5
Работающие в целом	7,1	42,9	29,7	20,4
Изучать и использовать в своей работе и быту новые технологии				
1. Творческая профессия	14,6	57,6	14,9	13,0
2. Нетворческая профессия	8,4	41,7	29,4	20,5
Работающие в целом	10,4	46,8	24,7	18,1
Заняться творческой трудовой активностью на рабочем месте (рацпредложения, участие в создании чего-то нового и т. п.)				
1. Творческая профессия	11,1	41,9	29,2	17,8
2. Нетворческая профессия	3,6	23,1	52,0	21,4
Работающие в целом	6,0	29,2	44,6	20,2
Участвовать в реализации социальных проектов, направленных на решение местных проблем				
1. Творческая профессия	4,2	26,0	38,7	31,0
2. Нетворческая профессия	2,2	15,5	53,2	29,0
Работающие в целом	2,8	18,9	48,5	29,7
Источник: данные мониторинга трудового потенциала населения Вологодской области, 2018 год.				

Таблица 8. Распределение ответов на вопрос «Лично Вы готовы к участию в инновационных проектах, направленных на решение конкретных социальных задач?», % от числа опрошенных

Вариант ответа	Вологодская область	Псковская область	Республика Карелия	Среднее по опросу
Уже участвую	1,0	0,0	1,5	0,8
Готов, но не участвую	17,9	23,0	25,0	22,0
Не участвую и не готов	57,5	51,8	47,3	52,2
Затрудняюсь ответить	23,6	25,3	26,3	25,1
Источник: данные опроса «Социальное здоровье – 2019. Регионы СЗФО». ФГБУН ВолНЦ РАН, 2019 год.				

Следовательно, при создании благоприятных условий они могут перейти в разряд участвующих в таких инициативах. Соответственно, успешное решение этой задачи во многом зависит от стимулирования данной группы населения.

Стимулы и барьеры, способствующие и препятствующие вовлеченности разных групп населения в социальные практики, в исследовании выявлялись с помощью не только вопросов, позволяющих сформировать косвенное представление по данному направлению, но и вопросов, посредством которых у населения напрямую спрашивалось об этом (табл. 9).

Анализ ответов на вопрос о стимулах к участию в социальных проектах позволил не только их ранжировать, но и составить о них более содержательное представление. В частности, было выявлено, что ведущее место в полученном перечне принадлежит материальной выгоде от участия в подобно-го рода инициативах – каждый четвертый отмечал данный вариант ответа. Поскольку вопрос относился к открытым, то принимались во внимание и комментарии, которые давались респондентами. Материальная выгода сводилась ими к возможности получения либо дополнительного заработка, либо добавки к пенсии, а в общем виде рассма-

Таблица 9. Стимулы к участию в социальных проектах, % от числа ответивших

Стимул	%
1. Материальная выгода	26,3
2. Значимость и актуальность проекта, интересная тема, личная заинтересованность в теме проекта	24,4
3. Уверенность в реальной пользе проекта, нацеленность на результат	16,3
4. Больше информации о социальных проектах	8,1
5. Участие друзей, коллег, знакомых, большого количества людей, единомышленников	7,9
6. Поощрение другими способами (не деньгами): грамота, награда, льготы, отгул, дополнительный выходной	5,4
7. Больше свободного времени	4,6
8. Общение, новые знакомства и связи, получение нового опыта и знаний	3,5
9. Возможность самореализации, проявить себя	2,7
10. Финансирование проекта	1,6
11. Улучшение жизни	1,4
12. Личное приглашение	0,8
13. Ухудшение жизни	0,5
Источник: данные опроса «Социальное здоровье – 2019. Регионы СЗФО». ФГБУН ВолНЦ РАН, 2019 год.	

тривалась как материальное вознаграждение или поощрение.

Помимо этого, большая роль отводится респондентами и нематериальным аспектам, связанным с актуальностью проекта и заинтересованностью в нем (24%), уверенностью в его реальной пользе, нацеленностью на результат (16%), наличием информации о социальных проектах и участием в них ближайшего окружения (8%).

Если ключевым стимулом, положительно влияющим на склонность к подобного рода инициативам, признается материальный, то среди барьеров первые позиции занимают нематериальные аспекты. Первая «тройка» барьеров, сдерживающих общественную инициативу, связана с отсутствием времени (50%), сил и здоровья (18%), а также желания участвовать в социальных проектах (13%). Кроме этого, респонденты упоминали недостаток информации о том, что такое социальные проекты (7%), неуверенность в пользе от такой общественной деятельности (5%; табл. 10).

Обобщая полученные результаты, следует заключить, что среди побуждающих к участию в социальных практиках факторов нами рассматривались как мотивационные аспекты и аспекты, связанные со способностями, так и обусловленные характеристиками рабочих мест, населения. Относи-

тельно мотивационных аспектов и аспектов, связанных со способностями, отметим, что, например, ответственность за происходящее, готовность влиять на состояние дел, способность объединяться для решения поставленных вопросов оказывают положительное влияние на формирование потенциала социального взаимодействия, создают предпосылки для учета позиции остальных, кооперации при решении возникающих социальных задач. Помимо этого показано, что на вовлеченность населения в социальные практики влияет трудоустройство по творческой профессии, которое сопровождается не только большим участием в социальных проектах, но и использованием новых технологий, усвоением современных образцов поведения. Тем самым, за счет трудоустройства населения на рабочие места, где предъявляются требования к их творческому потенциалу, создаются предпосылки для его развития, а также участия населения в социальных практиках, которые могут иметь инновационную направленность. Как среди барьеров, так и среди стимулов, влияющих на вовлеченность населения в социальные практики, большое значение отводится материальным аспектам, что подчеркивается практически каждым четвертым опрошенным. Нематериальные же аспекты в большей

Таблица 10. Барьеры участия в социальных проектах, % от числа ответивших

Барьеры	%
1. Не хватает времени, много работаю, занят(а) – работа/учеба, семья, дети	50,4
2. Нет сил и здоровья	18,0
3. Мне это не интересно, нет желания	12,9
4. Мало информации о том, что это такое	6,6
5. Не уверен(а) в пользе общественной деятельности	4,9
6. Лень, отсутствие стимула	4,1
7. Отсутствие знаний, опыта, которые можно применить на практике	3,6
8. Отсутствие в моем населенном пункте подобных проектов	1,4
9. Отсутствие интересных проектов	1,2
10. Не знаю, куда обратиться для того, чтобы принять участие	1,2
11. Неодобрение окружающих	0,7
12. Отсутствие материальной выгоды	0,7
13. Административные барьеры	0,5

Источник: данные опроса «Социальное здоровье – 2019. Регионы СЗФО». ФГБУН ВолНЦ РАН, 2019 год.

степени связаны с заинтересованностью людей в участии в проекте, его актуальностью, осознанием его общественной значимости и реализуемости. Помимо этого, важную роль также играет наличие информации о социальном проекте, а также опыт участия в подобных инициативах ближнего окружения.

Формирование у работника побуждающего фактора к самореализации творческого мышления, креативности позволяет генерировать новые идеи и создавать новые продукты. Ряд компаний (например JTI, METRO, Норильский никель, Евросеть и т. д.) имеет корпоративные программы [29], предполагающие использование комплексного подхода к стимулированию сотрудников, сочетающего материальные и нематериальные аспекты. При этом в ряде случаев считается, что применение нематериальных форм стимулирования позволяет оказывать более действенное влияние на результаты труда. Сегодня получают распространение различного рода стажировки за счет фирмы, подчеркивание важной роли сотрудника (например, шеф здоровается с ним за руку и приглашает на закрытую вечеринку в честь своего дня рождения, советуется с ним по важным вопросам и т. д.), предоставление сотруднику большей самостоятельности в принятии решений. Одной

из наиболее действенных форм стимулирования является участие в партисипативном управлении, связанное с взаимным признанием интересов членов организации и ориентированное на вовлечение талантливых и креативных сотрудников в управление организацией на основе их карьерного продвижения и участия в инновационных проектах. Отметим, что использование обозначенных выше форм стимулирования зачастую способствует увеличению доверия к руководству организации, лучшему пониманию происходящих на организационном уровне процессов, видению своего места в коллективе и своих возможностей в ходе реализации групповых проектов, создания предпосылок не только для развития, но и для реализации накопленного потенциала, в т. ч. и через участие в социальных практиках [30, с. 205–208]. Тем не менее продолжает сохраняться ряд проблем, среди которых невысокий уровень применяемых технологий и инструментов управления человеческим капиталом работников (большая востребованность традиционных инструментов, связанных с обучением на рабочем месте, участием в конференциях, курсах и тренингах); ориентация на ситуационный, а не на системный подход к управлению; существование в общей

практике управления разрыва между знаниями и действительностью (недостаточно эффективное использование на практике методов управления) [31, с. 43].

ЛИТЕРАТУРА

1. Татаркин А.И., Котлярова С.Н. Региональные институты развития как факторы экономического роста // Экономика региона. 2013. № 3. С. 9–18.
2. Полтерович В.М. Институты догоняющего развития (к проекту новой модели экономического развития России) // Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз. 2016. № 5. С. 34–56. DOI: 10.15838/esc/2016.5.47.2
3. Acemoglu D., Johnson S., Robinson J. Institutional Causes, Macroeconomic Symptoms: Volatility, Crises and Growth. *Journal of Monetary Economics*, 2003, vol. 50, pp. 49–123.
4. Гидденс Э. Устроение общества: очерк теории структуризации. М.: Акад. проект, 2003. 525 с.
5. Шабунова А.А., Гужавина Т.А., Кожина Т.П. Доверие и общественное развитие в России // Проблемы развития территории. 2015. № 2 (76). С. 7–19.
6. Ильин В.А., Шабунова А.А. Социологическое измерение эффективности государственного управления // Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз. 2014. № 2 (32). С. 18–35.
7. Бадовский Д.В. Модернизация России: снова на развилке // Россия в глобальной политике. 2009. № 3. URL: http://www.globalaffairs.ru/number/n_13201 (дата обращения 27.08.2019).
8. Гаман-Голутвина О.В. Метафизика элитных трансформаций в России // Полис. 2012. № 4. С. 23–40.
9. Глушко И.В. Осмысление феномена социальных практик и возможностей их развития. URL: http://dom-hors.ru/rus/files/arhiv_zhurnala/fik/1-2011-1-2/glushko.pdf (дата обращения 08.07.2019).
10. Schatzki T.R. *Social practices: a Wittgensteinian approach to human activity and the social*. New York: Cambridge University Press, 1996.
11. Tuomela R. *The philosophy of social practices: a collective acceptance view*. New York: Cambridge University Press, 2002.
12. Schatzki T.R. On Organizations as they Happen. *Organization Studies*, 2006, vol. 27 (12), pp. 1863–1873.
13. Tuomela R. *The Philosophy of Sociality: the Shared Point of View*. Oxford: Oxford University Press, 2007, 327 p.
14. Reckwitz A. Toward a theory of social practices a development in culturalist theorizing. *European journal of social theory*, 2002, vol. 5 (2), pp. 243–263.
15. Giddens A. *The Constitution of Society*. Los Angeles: University of California Press, 1984.
16. Latour B. *Power, Action and Belief: a New Sociology of Knowledge?* London: Routledge & Kegan Paul, 1986.
17. Rouse J. Two concepts of practice. *The Practice Turn in Contemporary Theory*. London: Routledge, 2001, pp. 189–198.
18. Knorr-Cetina K. Objectual practice. *The Practice Turn in Contemporary Theory*. London: Routledge, 2001, pp. 175–188.
19. Carrier J. Reconciling Commodities and Personal Relations in Industrial Society. *Theory and Society*, 1990, vol. 19 (5), pp. 579–598.
20. Воронцов А.В., Громов И.А. Теоретико-методологические основания социологии П. Бурдьё // Вестн. Моск. ун-та. Сер. № 18 «Социология и политология». 2010. № 4. С. 82–102.
21. Garfinkel H. *The Origins of the Term «Ethnomethodology»*. Baltimore: Penguin, 1974.
22. Иванова А.С. Этнометодологический проект Г. Гарфинкеля и современная «этнография науки» // Вестн. РУДН. 2011. № 4.
23. Заславская Т.И. Социетальная трансформация российского общества: деятельностно-структурная концепция. М.: Дело, 2003, 568 с.
24. Резник Ю. Человек и его социальные практики. URL: http://www.intelros.ru/pdf/chelovek/2008_4/6.pdf (дата обращения 08.07.2019).
25. Шугальский С.С. Социальные практики: интерпретация понятия // Знание. Понимание. Умение. 2012. № 2. С. 276–280.

26. Глушко И.В. Осмысление феномена социальных практик и возможностей их развития. URL: http://dom-hors.ru/rus/files/arhiv_zhurnala/fik/1-2011-1-2/glushko.pdf (дата обращения 08.07.2019).
27. Попов Е.В., Веретенникова А.Ю., Омонов Ж.К. Институциональный механизм формирования социальных инноваций // Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз. 2016. № 5. С. 57–75. DOI: 10.15838/esc/2016.5.47.3
28. Горшков М.К. Российское общество в контексте новой реальности. К итогам и продолжению социологического мегапроекта. М.: Весь Мир, 2017. 104 с.
29. Akhmetshin E., Morozov I., Pavlyuk A. [et al.]. Motivation of personnel in an innovative business climate. *European Research Studies Journal*, 2018, vol. 21 (1), pp. 352–361.
30. Устинова К.А., Гордиевская А.Н. Современные формы и методы мотивации творческой трудовой активности населения // Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз. 2019. Т. 12. № 3. С. 203–219. DOI: 10.15838/esc.2019.3.63.13
31. Устинова К.А., Губанова Е.С., Леонидова Г.В. Человеческий капитал в инновационной экономике. Вологда: ИСЭРТ РАН, 2015. 195 с.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Ксения Александровна Устинова – кандидат экономических наук, старший научный сотрудник, Федеральное государственное бюджетное учреждение науки «Вологодский научный центр Российской академии наук». Российская Федерация, 160014, г. Вологда, ул. Горького, д. 56а; e-mail: ustinova-kseniya@yandex.ru

Ustinova K.A.

PUBLIC PARTICIPATION IN SOCIAL PRACTICES: INCENTIVES AND BARRIERS

The article shows the relevance of social practices study which is substantiated not only by the need of transition to an innovative development type including the creation of social projects of innovative orientation, but also by the lack of an unambiguous interpretation of this concept. The aim of the work was to study the population's participation in social practices and identify its incentives and barriers. The information base included data on monitoring the quality of the population's labor potential, sociological research "Social Health" (VolRC RAS), as well as the monitoring of civil society state (HSE). Various approaches to the interpretation of social practices are presented, their components are highlighted. Public engagement in social practice is analyzed in the context of motivational and regulatory components and a component related to abilities, both in terms of socio-demographic groups (the respondents' age and sex characteristics were taken into account) and territorial aspect. The study identified the barriers and incentives for the population's involvement in social practices. Among the first is the lack of desire and interest in such initiatives, employment and lack of time. Among the second is the confidence in the real benefits of such activities, experience of participation in practices, willingness to be engaged in creative labor activity at work and employment in the creative sphere. It is shown that the stimulation of employees to participate in social practices should be based on a comprehensive approach that allows combining material and non-material aspects. An important role should be given to participatory management involving talented and creative employees in the organization management on the basis of their career advancement and participation in innovative projects.

Social practices, types of social practices, incentives and barriers to participation in social practices, willingness to participate in social projects, willingness to unite with others for any joint action, responsibility for the state of affairs, ability to influence the events.

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Ksenia A. Ustinova – Ph.D. in Economics, Senior Research Associate, Federal State Budgetary Institution of Science “Vologda Research Center of the Russian Academy of Sciences”. 56A, Gorky Street, Vologda, 160014, Russian Federation; e-mail: ustinova-kseniya@yandex.ru

DOI: 10.15838/ptd.2019.6.104.8

УДК 316.624 | ББК 60.524.25

© Смолева Е.О.

ОТЧУЖДЕНИЕ НАСЕЛЕНИЯ РЕГИОНА В СФЕРЕ ТРУДА

ЕЛЕНА ОЛЕГОВНА СМОЛЕВА

Вологодский научный центр Российской академии наук
 Российская Федерация, 160014, г. Вологда, ул. Горького, д. 56а
 E-mail: riolenas@ramber.ru
 ORCID: [0000-0002-6452-1441](https://orcid.org/0000-0002-6452-1441); ResearcherID: [I-8343-2016](https://orcid.org/I-8343-2016)

Актуальность исследования связана с кризисными явлениями в российской экономике, сопровождающимися обесцениванием труда, превращением его в средство выживания, а также с возрастающим интересом к феномену отчуждения. Нами был поставлен исследовательский вопрос: «Насколько процессы отчуждения распространены в трудовой сфере на уровне региона?». Для ответа проведено теоретико-методологическое и эмпирическое исследование. Его предметом стали ситуации в трудовой сфере, которые несут отчуждающий характер, и отчуждение труда, которое испытывает современный работник. Анализ социально-экономической теории отчуждения К. Маркса и социологической концепции Р. Блаунера позволил выделить основные критерии отчуждения труда: разрыв связей и утрату субъектности. Уточнению показателей способствовало выделение категорий, которые можно в той или иной мере противопоставить отчуждению труда: участия, вовлечения и надролевого поведения. В качестве показателей разрыва связей «работник – работа» рассматривались отрицательные эмоции и чувства по отношению к работе, снижение ценности работы и удовлетворенности ею. Выявлено, что один из признаков отчуждения в регионе – обесценивание труда: он воспринимается как средство для удовлетворения других потребностей, ценность имеет «наличие работы». Потеря субъектности рассматривалась через призму ресурсов влияния. Получены данные о том, что ресурс влияния на организацию работы связан с уровнем образования и родом занятий респондентов. Сделан вывод о связи субъективной оценки производительности труда с негативными ситуациями, которые носят отчуждающий характер. Новизна работы заключается в создании инструментария социологического исследования отчуждения труда через систему показателей:

Для цитирования: Смолева Е.О. Отчуждение населения региона в сфере труда // Проблемы развития территории. 2019. № 6 (104). С. 120–136. DOI: 10.15838/ptd.2019.6.104.8

For citation: Smoleva E.O. Alienation of the region's population in the sphere of labor. *Problems of Territory's Development*, 2019, no. 6 (104), pp. 120–136. DOI: 10.15838/ptd.2019.6.104.8

отсутствие у работников возможности контролировать производственные процессы и проявлять индивидуальность в работе; потеря отношения к труду как к средству самовыражения; снижение ценности трудовой деятельности и важность «наличия работы». Практическая значимость связана с раскрытием проявлений отчуждения труда, что предоставляет возможности дальнейшего поиска путей для его преодоления.

Отчуждение труда, производительность труда, субъектность, тип организации, регион.

Введение

Среди негативных моментов, касающихся современных экономических отношений, можно выделить два аспекта, затрагивающих сферу труда и влияющих на социально-экономическое положение индивида: исключение из рынка труда и отчуждение труда. Исключение из рынка труда ведет к потере социальных льгот, таких как здравоохранение, пенсионное страхование и страхование на случай нетрудоспособности, ограничению возможности образования и участия в социальных сетях, что повышает угрозу долговременной эксклюзии в различных сферах. Но и доступ к работе не решает другой проблемы – отчуждения. Феномен отчуждения на современном этапе включает в себя полное отчуждение от собственности, власти, от труда и его результатов, от культуры и морали. Трансформации затронули ценностную систему общества – труд потерял значение фундаментальной общественной ценности. Последствия отчуждения труда могут быть выражены в трансформации творческого отношения к труду в обыденное, принудительном характере труда, снижении качества человеческого капитала, оппортунистическом поведении [1; 2]

К. Маркс рассматривал отчуждение труда как явление, характерное для капиталистической общественно-экономической формации, основной способ снятия которого – смена вида собственности на средства производства [3]. Однако социалистическая организация труда с авторитарной системой управления способствовала лишь возникновению новых форм отчуждения [4–7] и бегству к «потребительской свободе» [8]. Преобразования в экономической сфере страны 1990-х годов усилили негативные явления

в сфере труда, что выразилось в значительном снижении его производительности и распространении нестандартных форм занятости [9]. Преодоление социально-экономического кризиса в стране невозможно без выяснения оснований и разработки механизма снятия отчуждения. По мнению ученых, причинами современного отчуждения труда в России являются авторитарная система управления – наследие организации труда при социализме – и возрожденные рыночные отношения [10].

Актуализирует исследование отчуждения и тот факт, что в большинстве работ категория выступает лишь «как описательная характеристика различных аспектов социальной действительности» [5, с. 7].

Несмотря на актуальность проблемы, исследования процессов, происходящих в трудовой сфере, которые мы могли бы характеризовать как отчуждение, встречаются нечасто и в настоящее время проводятся на примере конкретных предприятий или отраслей [11; 12].

Цель исследования – изучение проявлений отчуждения в сфере труда на примере одного из регионов. При этом мы выделяем два направления: рассмотрение ситуаций в трудовой сфере, носящих отчуждающий характер, и отчуждение труда, которое испытывает современный работник. В качестве примера таких ситуаций можно привести работу без оформления трудового договора (только на основании устной договоренности), возникновение угрозы потерять рабочее место, негативные действия со стороны руководства (вынуждение трудиться в режиме неполного рабочего времени, брать неоплачиваемый отпуск, выполнять расширенный объем работ за ту же заработную плату). Чтобы операционализировать

категорию «отчуждение труда» для социологического исследования, мы провели теоретико-методологический анализ понятия «отчуждение труда» в социологии, политической экономии и других науках [13].

Анализ теоретико-методологических подходов к категориям «отчуждение» и «отчуждение труда»

Под отчуждением (нем. Entfremdung, англ. alienation) понимают «отношения между субъектом и какой-либо его функцией, складывающиеся в результате разрыва их изначального единства, что ведет к обеднению природы субъекта и изменению, извращению, перерождению природы отчужденной функции» [14]. Отчуждение рассматривают как действие (передачу прав собственности другому физическому или юридическому лицу), состояние человека, проявляющееся в эмоционально-психологической отстраненности по отношению окружающей действительности, или процесс – «объективацию качеств, результатов деятельности и отношений человека, которая противостоит ему как превосходящая сила и превращает его из субъекта в объект ее воздействия» [15].

Теоретико-методологической разработке проблемы отчуждения посвящено достаточно много исследований зарубежных ученых [16]. Экзистенциальный психолог С. Мадди говорит о четырех формах, в которых проявляется отчуждение:

- 1) утрата ценности воображаемой или реальной деятельности (вегетативность);
- 2) утрата веры в свою способность влиять на жизненные ситуации (бессилие);
- 3) убеждение в отсутствии смысла (нигилизм);
- 4) вовлеченность в опасные, экстремальные виды деятельности в силу переживания бессмысленности в повседневной жизни (авантюризм) [17].

В работах М. Симена в качестве основных признаков отчуждения рассматриваются утрата субъектности и восприятие себя как средства или инструмента (самоотчуждение), утрата связи с групповыми нормами, ценностями (аномия, изоляция) и целями (бесси-

лие, бессмысленность) [18]. М. Симен полагал, что «задача аналитического исследования: а) определить социальные условия различных вариантов отчуждения; б) установить их поведенческие следствия» [19, с. 783].

В результате проведенного ранее подробного анализа научной литературы по рассматриваемой проблеме было дано авторское определение отчуждения как категории, выражающей «превращение результатов деятельности человека в объективированные формы социальной действительности, обусловленное утратой субъектности в процессе деятельности – превращением человека из активного субъекта в объект – и потерей связи в социальных системах, объединяющих человека, группы, организации, институты» [13].

Рассмотрим особенности такого вида отчуждения, как отчуждение труда. По мнению К. Маркса, отчужденный труд (entfremdete Arbeit) проявляет себя многогранно: в отчуждении результатов труда (превращение результатов труда в независимую и враждебную силу); процесса труда (превращение труда на конвейере в череду бессмысленных механических операций, когда работники не видят конечного результата своей деятельности); условий труда (рабочие не являются собственниками средств производства, они отстраняются от организации и управления процессом труда). В 1960–70-х гг. отчуждение труда трактовалось социологами как «неудовлетворенность, отсутствие мотивации, утрата контроля, субъективного смысла труда, отсутствие самовыражения» [12, с. 78].

Как выделенные нами ранее признаки отчуждения (разрыв связей и потеря субъектности) проявляются в отчуждении труда? Для анализа нами были выбраны теория отчуждения К. Маркса и социологическая концепция Р. Блаунера в качестве наиболее обобщающих в исследуемой сфере.

К. Маркс так описывал отчуждение труда при капитализме: «Труд является для рабочего чем-то внешним, не принадлежащим к его сущности; в том, что он в своем труде не утверждает себя, а отрицает, чувствует себя не счастливым, а несчастным, не раз-

вивает свободно свою физическую и духовную энергию, а изнуряет свою физическую природу и разрушает свои духовные силы» [3, с. 90]. Рабочий отчужден от трудовой деятельности и от ее продукта, от своей «родовой» сущности и другого человека.

Р. Блаунер изучал отчуждение труда на конкретных предприятиях и выделил основные его признаки, которые могут служить основанием для социологических измерений [20]: отсутствие у работников возможности контролировать производственные процессы и проявлять индивидуальность в работе (powerlessness); бессмысленность как отсутствие общей цели и ощущения собственной роли в организации (meaninglessness); дезинтеграция и изоляция (isolation); потеря отношения к труду как к средству самовыражения (self-estrangement).

Сравним взгляды ученых на проявления отчуждения труда (табл. 1). У К. Маркса по-

теря субъектности прослеживается в принадлежности внешним силам и трудовой деятельности рабочего, и самого рабочего в процессе труда: «Так и деятельность рабочего не есть его самодеятельность. Она принадлежит другому...» [3, с. 91]. Мы можем провести параллель с концепцией Р. Блаунера, говорящего об одном из видов отчуждения труда – бессилии, которое испытывает личность, когда является не субъектом, а объектом, управляемым другими людьми или какой-нибудь иной внешней системой.

Согласно рассматриваемым теориям, разрыв связей затрагивает следующие области:

- ценностей и смыслов (трудовая деятельность лишается смысла и общественной значимости);
- межличностных отношений (работники не являются сплоченным коллективом, они изолированы друг от друга);

Таблица 1. Сравнение подходов к отчуждению труда в политической экономии и социологии

Признаки отчуждения	Политическая экономия (К. Маркс)	Американская социологическая школа (Р. Блаунер)
Потеря субъектности	«И, наконец, внешний характер труда проявляется для рабочего в том, что этот труд принадлежит не ему, а другому, и сам он в процессе труда принадлежит не себе, а другому. ... так и деятельность рабочего не есть его самодеятельность. Она принадлежит другому...»	Бессилие. Работник ощущает себя объектом, управляемым другими людьми или внешней системой
Разрыв связей	«Отчужденный труд человека, отчуждая от него 1) природу, 2) его самого, его собственную деятельную функцию, тем самым отчуждает от человека род: он превращает для человека родовую жизнь в средство для поддержания индивидуальной жизни»	Бессмысленность. Работник считает, что его деятельность не имеет ценности, не приводит к достижению жизненно важных целей
Разрыв связей	«Непосредственным следствием того, что человек отчужден от продукта своего труда, от своей жизнедеятельности, от своей родовой сущности, является отчуждение человека от человека. ... в условиях отчужденного труда каждый человек рассматривает другого, руководствуясь масштабом и отношением, в котором находится он сам как рабочий»	Изоляция. Происходит разрыв личных связей. Работник не чувствует себя полноценным членом коллектива
Разрыв связей	«Труд является для рабочего чем-то внешним, не принадлежащим к его сущности; в том, что он в своем труде не утверждает себя, а отрицает, чувствует себя не счастливым, а несчастным, не развивает свободно свою физическую и духовную энергию, а изнуряет свою физическую природу и разрушает свои духовные силы. Поэтому рабочий только вне труда чувствует себя самим собой, а в процессе труда он чувствует себя оторванным от самого себя. ... это – принудительный труд. Это не удовлетворение потребности в труде, а только средство для удовлетворения всяких других потребностей...»	Самоотчуждение. Трудовая деятельность не способствует проявлению индивидуальности и изобретательства, не приводит к развитию чувства собственного достоинства
Составлено по: [3; 20, с. 16–32].		

– отношения к себе как к личности, профессионалу (см. табл. 1).

Выделению индикаторов отчуждения труда также способствует рассмотрение категорий, которые ему противопоставляются. Следует оговориться, что ни в одной из работ нет строго заданного противопоставления. В той или иной мере это могут быть категории участия, вовлечения и надролевого поведения. Участие – это инструментальная активность, реализуемая субъектом деятельности. Характерному для отчуждения разрыву связей в виде бессмысленности и изоляции противопоставляется общественный интерес и объединение индивидов в сообщества различной степени формализации [21]. Вовлечение, или вовлеченность, представляет собой психологическую установку на выполнение заданий при отсутствии внешнего принуждения [22]. Таким образом, оно также характеризуется субъектностью работников, а их желание способствовать успеху организации и идентификация с работой противоположны бессмысленности и самоотчуждению. К надроловому поведению относят совершаемые добровольно действия работников, которые превышают их обязательства и желательны для организации. Надроловое поведение предполагает, что работник становится «проактивным субъектом деятельности организации» [23, с. 186], проявляет интерес к работе и ориентирован на сотрудничество, что говорит о наличии связей с социальными институтами и группами. Мы считаем, что «надроловое поведение» более соответствует статусу категории, противоположной «отчуждению труда». Кроме того, именно надроловое поведение связывают с участием работников в принятии решений по наиболее важным вопросам деятельности организации [24–26].

Итак, мы выделили группы показателей, характеризующих отчуждение труда:

- разрыв связей, затрагивающий область ценностей и смыслов трудовой деятельности, межличностных отношений на работе и отношений к себе как к профессионалу;
- потерю субъектности, проявляющуюся в снижении ресурса влияния работника на свою деятельность (см. табл. 1).

Описание исследования

Обзор теоретических и эмпирических работ позволил выдвинуть основную гипотезу исследования: предполагается, что современное отчуждение от труда проявляется в разрыве связей «работник–работа» и потере субъектности работников в трудовой деятельности.

Информационная база представлена данными государственной статистики и социологических опросов, осуществляемых ВолНЦ РАН на территории Северо-Западного федерального округа (объем выборки по СЗФО – 3000 чел., в т. ч. по Вологодской области – 1500 чел.). В СЗФО опросы проводились в Республике Карелии, Мурманской, Калининградской и Новгородской областях (по 400 чел. в каждом регионе)¹. Использовалась модель многоступенчатой районированной выборки с квотным отбором единиц наблюдения на последней ступени. Первая ступень выборки – это выделение типичных субъектов Вологодской области, которое включает города Вологду, Череповец и районы: Бабаевский, Великоустюгский, Вожегодский, Грязовецкий, Кирилловский, Никольский, Тарногский, Шекснинский. Вторая ступень представляет собой территориальное районирование внутри выбранных субъектов. На третьей ступени ведется отбор респондентов по заданным квотам по полу и возрасту.

Операционализация категории «отчуждение труда» представлена в табл. 2.

Обработка данных осуществлялась с помощью программы SPSS с применением описательных статистик и CHAID-анализа. Первоначально для выявления связи между зависимой и независимыми переменными нами использовался регрессионный анализ, но величина скорректированного

¹ Социологический опрос населения Вологодской области выполнен по авторской анкете с помощью лаборатории исследования социальных процессов и эффективности государственного управления ВолНЦ РАН (руководитель – М.В. Морев). Социологический опрос населения СЗФО выполнен при финансовой поддержке гранта РНФ № 16-18-00078 «Механизмы преодоления ментальных барьеров инклюзии социально уязвимых категорий населения для активизации процессов модернизации регионального сообщества» под рук. д-ра экон. наук В.А. Ильина.

Таблица 2. Операционализация категории «отчуждение труда»

Признак отчуждения труда	Показатель	Индикаторы
Потеря субъектности	Снижение ресурса влияния	Насколько, по правилам Вашей организации, Вы можете решать, как организовать свою повседневную работу? Насколько, по правилам Вашей организации, Вы можете влиять на принятие важных решений о деятельности организации? У Вас есть предложения по улучшению организации и качества работы? Высказываете ли Вы эти предложения начальству?
Разрыв связей	Бессмысленность	Вам интересна Ваша работа? Представляете ли Вы основные цели, направления и результаты деятельности Вашей организации? Разделяете ли Вы основные цели деятельности Вашей организации? Чувствуете ли Вы – то, что Вы делаете, ценно и нужно людям? Вы можете оценить свой вклад в результаты деятельности всей Вашей организации?
Разрыв связей	Изоляция	Чувствуете ли Вы себя полноправным членом рабочего коллектива? В помещении, где Вы работаете, есть еще рабочие места для других сотрудников? Если, кроме Вас, в рабочем помещении находятся другие сотрудники, то Вы общаетесь с ними?
Разрыв связей	Самоотчуждение	Если бы Вам не нужно было материально обеспечивать свою жизнь, жизнь членов семьи, то продолжили бы Вы работать на своей нынешней работе? Насколько сильно Вы «выкладываетесь» на работе? В какой степени используете свои качества и умения?
Разрыв связей	Эмоциональное отношение к труду (работе), удовлетворенность	Вы любите свою работу? Удовлетворены ли Вы условиями работы? Характером работы? Заработной платой? Результатами работы? Отношениями с начальством? Отношениями с коллегами?

Источник: составлено автором.

R-квadrата свидетельствовала о низкой степени надежности полученной модели, что побудило нас прибегнуть к другому виду анализа – «деревьям классификации» (CHAID-анализу). Как и регрессионный анализ, деревья решений являются методом изучения статистической взаимосвязи между одной зависимой и несколькими независимыми (предикторными) переменными. Результат анализа представляется как древовидная структура, полученная с помощью иерархической сегментации данных. Названный метод был выбран потому, что он позволяет работать с большим числом независимых переменных любого типа (количественными, порядковыми, номинальными), не требует ограничений к распределению переменных, реализует автоматический от-

бор предикторов из всего множества переменных, а также выявляет нелинейные взаимосвязи, которые трудно обнаружить в рамках стандартных статистических моделей.

Результаты исследования

Разрыв связей «работник – работа»

Отчуждение работника наглядно демонстрирует разрыв положительных эмоциональных и ценностно-мотивационных связей. Это проявляется в отсутствии любви к своей работе, ее низкой ценности и осознании того факта, что остаешься на данной работе только в силу определенных обстоятельств.

Категория «работа» имеет достаточно низкий рейтинг в ценностной системе на-

Таблица 3. Рейтинг терминальных ценностей населения СЗФО

Терминальные ценности	СЗФО	Вологодская область
Здоровье	1	1
Материальная обеспеченность	2-3	2-3
Счастливая семейная жизнь	2-3	2-3
Наличие хороших и верных друзей	4	4
Любовь	5-6	5
Уверенность в себе	5-6	6-8
Жизненная мудрость	7	6-8
Свобода	8	6-8
Познание	9-12	13-15
Продуктивная жизнь	9-12	9-11
Развитие	9-12	12
Активная деятельная жизнь	9-12	9-11
Интересная работа	13-16	9-11
Общественное признание	13-16	13-15
Красота природы и искусства	13-16	16
Счастье других	13-16	13-15
Творчество	17-18	17-18
Развлечения	17-18	17-18

Источник: мониторинг ВолНЦ РАН, 2017 год.

селения СЗФО и Вологодской области: интересная работа в рейтинге терминальных ценностей оказалась, соответственно, только на 13 и 9 местах наряду с активной и продуктивной жизнью, общественным признанием и счастьем других (табл. 3). Наиболее высокие места в рейтинге ценностей занимают семья, здоровье, материальное благополучие, любовь, друзья.

С помощью методики Е.В. Балацкого [27] мы оценили значимость трудовой сферы для населения Вологодской области и степень удовлетворения ею. Наибольшую значимость для людей имеет материальное положение (индекс значимости 76%, табл. 4). Работа с индексом значимости 67% находится на 5 месте после семейного благополучия (74%), обстановки в стране (69%), социального статуса (68%). Индекс удовлетворенности работой составляет 54% (6-е место из восьми). Удовлетворенность сферой профессиональной деятельности низкая по сравнению с такими жизненными сферами, как семья, межличностные отношения, социальное положение. Следует отметить, что удовлетворенность

населения наблюдается в тех сферах жизни, успех в которых во многом зависит от самого человека.

Если задавать прямые вопросы², то большая часть населения Вологодской области отмечает, что они любят свою работу и она им интересна (72%; табл. 5), однако только половина работающего населения области продолжила бы работать на своем нынешнем месте, если бы им не нужно было материально обеспечивать свою жизнь и жизнь членов своей семьи (53%).

Более того, респонденты не могли четко определить, какие аспекты работы им нравятся. Максимальную оценку набирает общение с коллегами (13%), далее – характер труда (9%). Около трети опрошенных затруднились с ответом (30%). Только 63% говорят о перспективах своей востребованности в профессии, 51% – о самореализации. Жителей региона привлекает возможность общения с коллегами, т. е. коммуникативные аспекты трудовой деятельности.

² Например: Вы любите свою работу? Вам интересна Ваша работа?

Таблица 4. Значимость различных жизненных сфер для населения Вологодской области и удовлетворенность ими

Фактор жизнедеятельности	Индекс удовлетворенности		Индекс значимости	
	%	место	%	место
Семейное благополучие	72	1	74	2
Межличностные отношения	61	2	66	6=7
Социальный статус	58	3	68	4
Образ жизни	56	4	56	8
Досуг	55	5	66	6=7
Работа	54	6	67	5
Материальное положение	52	7	76	1
Обстановка в стране	44	8	69	3

Источник: мониторинг ВолНЦ РАН, 2017 год.

Таблица 5. Привлекательность различных аспектов работы и удовлетворенность ими населения Вологодской области, % от числа опрошенных

Наименование аспектов работы	Привлекательность*	Удовлетворенность
Условия работы	7	73
Характер труда	9	72
Зарплата	8	45
Результаты работы	1	75
Отношения в коллективе	13	82

* Оценивалась по ответам на вопрос «Что Вам больше всего нравится в Вашей работе?».
Источник: мониторинг ВолНЦ РАН, 2018 год.

Мы пришли к выводу, что одним из признаков современного процесса отчуждения является обесценивание труда: труд воспринимается как средство для удовлетворения других потребностей, важно «наличие работы», а не сам труд. Возможно, причина этого кроется в низком уровне заработной платы и дефиците рабочих мест в регионе. Так, по данным государственной статистики³, средняя зарплата в 2016 году в Вологодской области составляла 29303 руб., что ниже общероссийского (36709 руб.) и макрорегионального (41076 руб.) уровня. По величине средней зарплаты область находится среди аутсайдеров округа, более низкие значения наблюдаются только в Псковской (22399 руб.) и Новгородской (27914 руб.) областях. При этом видна явная нехватка рабочих мест: для паритета спроса и предложения требуется

дополнительная организация 66,4 тысяч рабочих мест, что составляет 10,8% от занятых.

С помощью CHAID-анализа выявим группы, различающиеся по признакам отчуждения труда в виде разрыва эмоциональных и мотивационных связей, среди населения Вологодской области.

На негативную характеристику чувств по отношению к работе⁴ в наибольшей степени влияет место жительства респондентов: село или город. Сельские жители реже высказывают негативные оценки по отношению к работе, чем городские. Разрыву позитивной эмоциональной связи с профессиональной деятельностью у сельских жителей способствует размер дохода. При среднедушевых доходах более 9000 руб. в месяц меньше отрицательных высказываний. На отношение к работе городских жителей влияет род занятий. В меньшей степени негативная по-

³ Данные Вологдаоблстата. URL: <http://vologdatastat.gks.ru>

⁴ Позиция «Я не люблю свою работу».

зиция характерна для руководителей государственных и коммерческих структур и специалистов, в большей – для рабочих, работников сферы торговли, ИТР и сотрудников силовых структур.

Аналогичную картину мы наблюдаем в ситуации, когда человек не любит свою работу, но вынужден продолжать трудиться, чтобы обеспечивать свои нужды (рис. 1). Чаще в такой ситуации находятся жители города, чем села. Сельские жители разделяются в зависимости от уровня доходов на две группы. Население со среднедушевым доходом выше 9000 руб. в месяц реже придерживается мнения, что работа нелюбимая, но делать ее необходимо, так как она предоставляет возможность иметь необходимые вещи. А вот сельское население со среднедушевым доходом менее 9000 руб. в месяц

чаще сталкивается с подобной ситуацией, при этом чуть сильнее это касается мужчин, чем женщин. На степень необходимости заниматься нелюбимой работой у городских жителей влияет род занятий. Так, на ситуацию, когда на работе человек вынужден делать то, что не нравится, реже других указывают руководители коммерческих структур, чуть чаще – специалисты и служащие и чаще других – рабочие, работники торговли и органов управления, ИТР.

Развитие личности и проявление потребности в деятельности связаны с достижением субъектом чувства удовлетворенности от процесса и результатов деятельности, наличием стремления к преодолению трудностей и успешностью решения сложных задач, желанием проявить свои возможности в трудовом процессе [28].

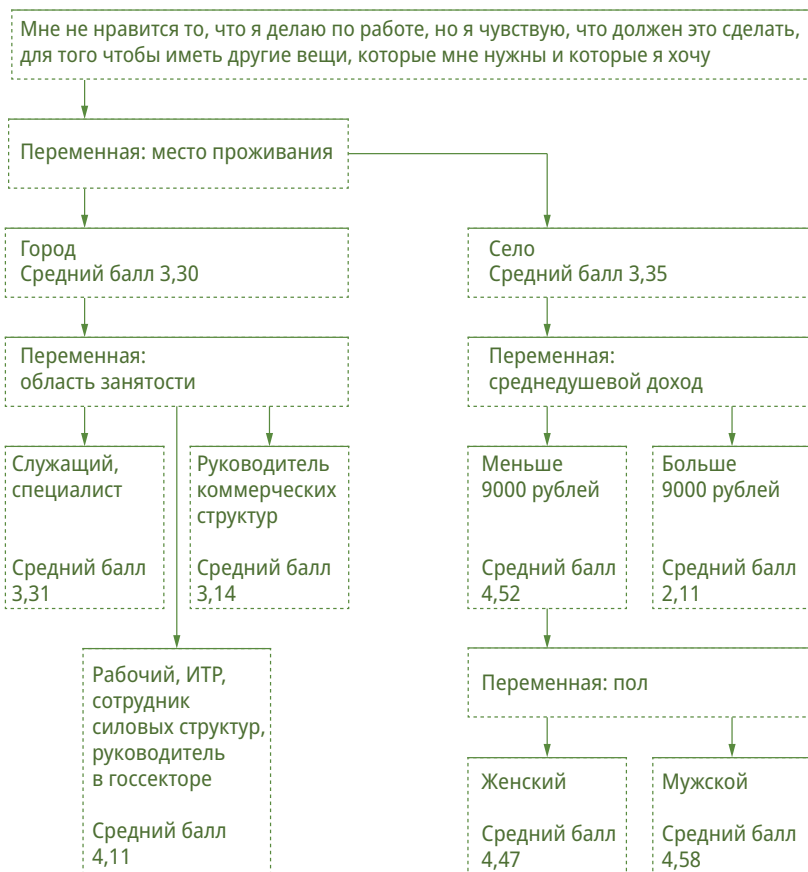

Рис. 1. Деревья классификации утверждения «Мне не нравится то, что я делаю по работе, но я должен это сделать, для того чтобы иметь другие вещи, которые мне нужны и которые я хочу» для населения Вологодской области, 2017 год

Еще один признак отчуждения труда – отсутствие стремления к саморазвитию и самосовершенствованию в профессиональной сфере. Каждый третий (31%) работающий житель Вологодской области отмечает, что использует на работе свои творческие способности, изобретательность по минимуму или мало; 37% населения региона не стремятся или практически не стремятся к повышению по службе, не проявляют инициативу и предприимчивость в процессе труда.

При этом 28% населения Вологодской области не готовы осваивать новые знания и навыки, лично и профессионально развиваться, а 32% – стать высококлассными специалистами, 35% – изучать и использовать новые технологии, 43% – заняться инновационной деятельностью.

Наличие у современных работников признаков отчуждения труда в виде изоляции, отрыва от коллектива эмпирически не выявлено.

Ресурс влияния работников

Потеря субъектности в осуществлении деятельности проявляется в отсутствии у работников возможностей представить общий порядок работы и повлиять на деятельность организации в целом или даже самостоятельно организовать свою повседневную деятельность на работе.

В качестве фактора, оказывающего наибольшее воздействие на субъектность (ресурс влияния) в рабочей деятельности, выступает уровень образования (рис. 2). Для населения с низким образовательным уровнем сильнее проявляются гендерные различия в вопросах самостоятельной организации повседневной работы. Для мужчин с высоким уровнем образования степень самостоятельного принятия решений в повседневных рабочих вопросах связана с уровнем доходов. При среднедушевых доходах менее 11700 руб. в месяц показатель степени влияния на организацию своей

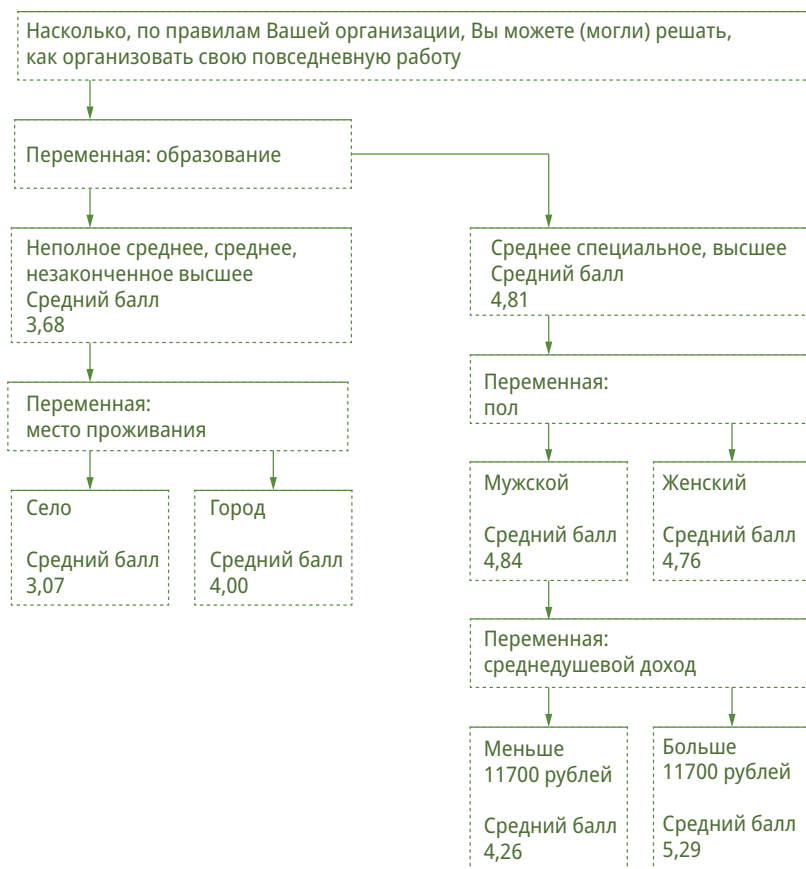

Рис. 2. Деревья классификации утверждения «Насколько, по правилам Вашей организации, Вы можете (могли) решать, как организовать Вашу повседневную работу» для населения Вологодской области, 2017 год (модель 1)

повседневной работы значительно ниже, чем при доходах свыше 11700 руб.

Аналогичную зависимость от уровня образования мы наблюдаем и при анализе возможностей респондентов влиять на принятие решений в организации (рис. 3). При этом свои возможности в сфере влияния на деятельность всей организации респонденты оценивают значительно ниже, чем в плане своей повседневной работы. Население со средним специальным и высшим образованием различается по степени влияния на деятельность организации в зависимости от рода занятий. Что предсказуемо, наиболее влиятельными в этих вопросах оказываются руководители и работники органов управления. Еще один немаловажный момент состоит в том, что руководители среднего звена на принятие решений о деятельности организации влияют практически не больше, чем рабочие. Для ИТР, служащих и специалистов, занятых не на производстве, показатель составляет 3,78 балла, для рабочих – 3,64 балла.

Построенные модели достаточно точно определяют принадлежность объектов по их субъективным оценкам к категории «работников, у которых нет никакого влияния в ор-

ганизации (на предприятии)»: доля правильных предсказаний составляет от 77 до 85%. Точность попадания объектов в категорию «работников, у которых в организации (на предприятии) все полностью зависит от них самих» несколько ниже: от 63 до 67%. Например, на селе работник с низким образовательным уровнем в 77% случаев считает, что он не может влиять на организацию своей повседневной деятельности. Напротив, четверо из пяти мужчин со средним специальным или высшим образованием с зарплатой больше 11700 руб. определяют свой ресурс влияния как значимый.

Влияние типа организации на отчуждение труда

Есть ли различия в проявлении признаков отчуждения труда в зависимости от типа организации? Наиболее ярко признаки отчуждения труда видны у работников частных компаний без государственного капитала и работающих на индивидуальных предпринимателей: только у двух третей из них работа вызывает интерес и позитивные чувства, только половина высказывает свои предложения по улучшению деятельности началь-

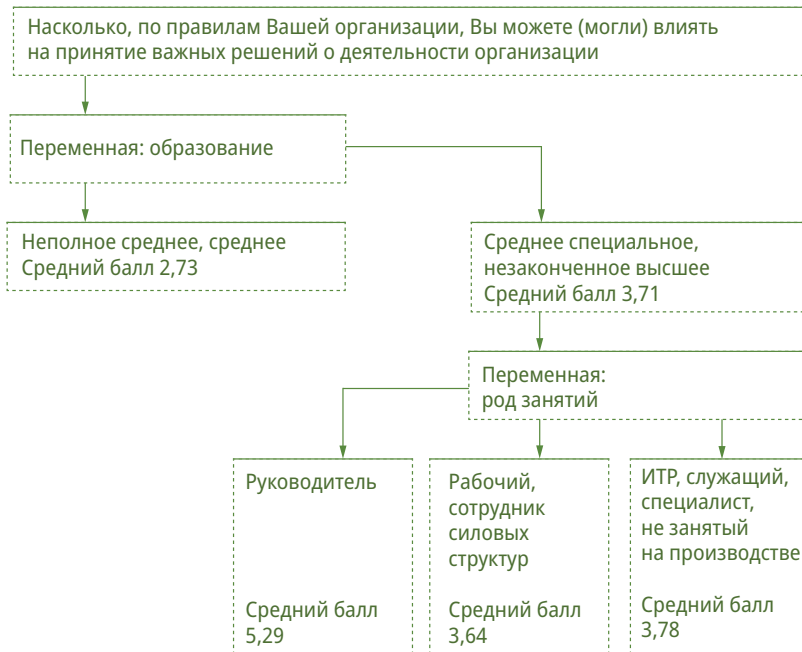

Рис. 3. Деревья классификации утверждения «Насколько, по правилам Вашей организации, Вы можете (могли) влиять на принятие важных решений о деятельности организации» для населения Вологодской области, 2017 год (модель 2)

ству (табл. 6). Данные свидетельствуют, что в регионе этот вид трудовой занятости является скорее результатом необходимости «наличия работы», чем «работой по душе».

Наибольшим ресурсом влияния на организацию своей работы обладают сотрудники органов государственной власти и местного самоуправления. При этом ресурсы влияния работника на принятие решений по важным вопросам деятельности организации практически не зависят от ее типа. Работники бюджетных организаций занимают промежуточное место между сотрудниками органов государственной власти и местного самоуправления и компаниями с частным капиталом.

Связь негативных проявлений в сфере трудовой занятости с оценкой производительности труда

Мы также рассмотрели негативные ситуации в трудовой сфере, которые носят отчуждающий характер, и их влияние на субъективную оценку производительности труда.

В СЗФО распространены следующие негативные явления в сфере трудовой занятости: выполнение расширенного объема работ при сохранении размера заработной платы (46% работающих респондентов отметили данный факт; табл. 7), уход в вынужденный неоплачиваемый отпуск (13%), выполнение работы без оформления трудового договора (6%). Каждый четвертый житель СЗФО (24%) замечает, что работа стала менее надежной, возникла угроза потерять рабочее место. Значительная часть респондентов (40%) была вынуждена делать менее интересную работу.

В регионах, где реже регистрируются подобные ситуации, выше самооценки производительности труда. В целом по федеральному округу наблюдается связь между субъективными оценками производительности труда и негативными проявлениями в сфере труда (табл. 8). При наличии негативных ситуаций субъективные оценки производительности труда снижаются (различия

Таблица 6. Проявления отчуждения труда у населения Вологодской области в зависимости от типа организации

Вопросы, отражающие признаки отчуждения труда	Органы государственной власти и местного самоуправления	Бюджетная организация	Частная компания без государственного капитала	Индивидуальный предприниматель
Вы любите свою работу? (% утвердительных ответов)	88	79	63	66
Вам интересна Ваша работа? (% утвердительных ответов)	90	80	60	69
У Вас есть предложения по повышению качества работы? (% утвердительных ответов)	74	66	57	55
Вы их высказываете начальству? (% утвердительных ответов)	70	61	51	47
Если бы Вам не нужно было материально обеспечивать свою жизнь, жизнь членов семьи, то Вы бы продолжили работать на своей нынешней работе? (% утвердительных ответов)	72	59	49	57
Насколько, по правилам Вашей организации, Вы можете решать, как организовать свою повседневную работу? (средний балл)	7,94	7,21	6,70	6,88
Вы можете влиять на принятие важных решений о деятельности организации? (средний балл)	6,67	6,69	6,56	6,80
Источник: мониторинг ВолНЦ РАН, 2018 год.				

Таблица 7. Негативные ситуации в сфере трудовой занятости в оценках населения СЗФО, % от числа опрошиваемых

Ситуация в трудовой сфере, носящая отчуждающий характер	Среднее по СЗФО	Вологодская область
Работа без оформления трудового договора (устная договоренность)	6	10
Работа в режиме неполного рабочего времени	6	6
Социальные гарантии не предоставляются	7	11
Были вынуждены делать менее интересную работу	40	44
Пришлось выполнять расширенный объем работ за ту же заработную плату	46	56
Были вынуждены взять неоплачиваемый отпуск	13	15
Работа стала менее надежной, возникла угроза потерять рабочее место	24	26
Источник: мониторинг ВолНЦ РАН, 2017 год.		

Таблица 8. Субъективные оценки производительности труда населения СЗФО в зависимости от наличия отчуждающих ситуаций

Отчуждающие ситуации в сфере труда	Наличие признака	Количество переменных	Субъективная оценка производительности труда			
			среднее значение	стандартное отклонение	среднекв. ошибка среднего	U-критерий Манна-Уитни
Работа без оформления трудового договора (устная договоренность)	да	128	8,06	1,715	0,152	U=79956 при $p \leq 0,137$
	нет	1354	8,30	1,585	0,043	
Работа в режиме неполного рабочего времени (сокращенный день / неделя)	да	211	7,39	2,008	0,138	U=120650 при $p \leq 0,000$
	нет	1498	8,22	1,697	0,044	
Были вынуждены делать менее интересную работу	да	720	7,75	1,899	0,071	U=300129,5 при $p \leq 0,000$
	нет	1001	8,33	1,643	0,052	
Пришлось выполнять расширенный объем работ за ту же заработную плату	да	892	7,97	1,828	0,061	U=357945,5 при $p \leq 0,005$
	нет	869	8,23	1,689	0,057	
Были вынуждены взять неоплачиваемый отпуск	да	240	7,35	2,038	0,132	U=134120,5 при $p \leq 0,000$
	нет	1487	8,22	1,685	0,044	
Работа стала менее надежной, возникла угроза потерять рабочее место	да	402	7,51	2,019	0,101	U=186616 при $p \leq 0,000$
	нет	1195	8,31	1,612	0,047	
Рассчитано по: результаты опроса общественного мнения, проводимого ВолНЦ РАН, 2017 год.						

статистически значимые при $p \leq 0,000$ или $p \leq 0,005$ за исключением ситуаций официального или неофициального трудоустройства), что наиболее заметно при работе в режиме неполного рабочего времени, вынужденном неоплачиваемом отпуске, угрозе потерять рабочее место (в 1,1 раза по сравнению с оценками в отсутствие перечисленных ситуаций).

Обсуждение

В современных исследованиях выделенные К. Марксом объективные формы отчуждения (отделение работника от средств производства и от продукта труда) считаются менее значимыми, что обусловлено абсолютной утратой претензий большинства работников на продукт труда. Даже миноритарные акционеры оказыва-

ют незначительное влияние на управление капиталом.

Одновременно и концепция Р. Блаунера, согласно которой основным фактором отчуждения являются производственная технология и соответствующая ей форма организации труда, требует ревизии. Британские социологи в 1960-х годах исследовали отчуждение у лиц, работающих на конвейере. Ученые пришли к выводу, что рабочие, хотя и не любят свою деятельность по причине монотонности, фрагментарности, подавления инициативы и бессмысленности, не отчуждены от труда, так как остаются на своем рабочем месте ради заработка [29; 30]. Высказано мнение, что неадекватные экономические (стоимостные) отношения именно в сфере абстрактного труда способствуют сохранению отчуждения в виде ограничения возможностей развития личности работника [31, с. 223–248].

В современных исследованиях встречается как прямое использование методики Блаунера в узких профессиональных областях [12], так и применение общего концептуального подхода, согласно которому главным индикатором отчуждения выступает субъективное состояние «неудовлетворенности работой». Полученные нами данные о восприятии работы как средства получения дохода и видоизменения ценности труда подтверждаются рядом исследований [32, с. 23; 33, с. 87]. Приводятся следующие результаты: только 17% работников выделяются «отношением ответственным и заинтересованным», более половины (55%) предпочитают «не напрягаться, но требования выполнять». Почти каждый четвертый работник отметил безразличное отношение и отсутствие заинтересованности [34, с. 49]. Проведенное нами эмпирическое исследование показало, что выделенная Блаунером в качестве показателя отчуждения труда изоляция не играет заметной роли в современном трудовом процессе.

Ряд работ затрагивал и проблему бессилия современного работника. Так, уровень ресурсов влияния на конкретных предприятиях определялся с помощью объек-

тивных показателей: статистики участия персонала и акционеров в принятии решений, наличия представителей рабочего коллектива в совете директоров и т. д. [11]. Таким образом, основной акцент в исследованиях ресурсов влияния и отчуждения труда ставится на рабочий класс. Однако отчуждение труда не является феноменом, который затрагивает только рабочие профессии. По нашему мнению, к нему необходим более широкий подход, так как сегодня оно захватывает и управленческий аппарат, и сферу интеллектуального труда [35, с. 30–31].

Заключение

К. Кенистон считал, что исследование отчуждения предполагает поиск ответов на вопросы: отчуждение от кого? чего? как проявляется? кто или что является агентом отчуждения? [36, с. 453–464]. На наш взгляд, отчуждение труда затрагивает институт трудовых отношений, его агентом выступает наемный труд. В 1960-х годах достаточно большая работа по созданию методики измерения отчуждения труда была проделана Блаунером, но с тех пор в трудовой сфере произошли значительные изменения. Нами предложен инструментарий для обнаружения отчуждения труда через систему показателей:

- бессилие: отсутствие возможности у работников контролировать производственные процессы и проявлять индивидуальность в работе;

- самоотчуждение: утрата отношения к труду как к средству самовыражения;

- бессмысленность: отсутствие интереса к работе и осознания ее ценности для других, что в целом приводит к уменьшению чувства удовлетворенности от трудовой деятельности.

Результаты проведенного при помощи этих показателей исследования позволяют сделать вывод, что для населения Вологодской области отчуждение труда проявляется в формах разрыва мотивационных и эмоциональных связей в системе «работник – работа» и потери субъектности в трудовой деятельности, проявляющейся в низком ресурсе влияния. Ценность приобретают «наличие работы»

и «коммуникация», а не возможность самореализации и востребованность в профессии.

Также в трудовой сфере региона распространены негативные ситуации, которые носят отчуждающий характер: выполнение расширенного объема работ при сохранении размера заработной платы, уход в вынужденный неоплачиваемый отпуск, работа без оформления трудового договора, угроза потерять рабочее место. Их наличие связано

с более низкими субъективными оценками производительности труда.

Новизна работы заключается в создании инструментария социологического исследования отчуждения труда через систему показателей. Практическая значимость связана с раскрытием проявлений отчуждения труда, что предоставляет возможности дальнейшего поиска путей его преодоления.

ЛИТЕРАТУРА

1. Безобразова Ю.В. Сущность оппортунизма работников и его причины // Челябин. гуманитарий. 2010. № 3. С. 10–14.
2. Устинова К.А., Попов А.В. Ментальность русского населения в контексте модернизации регионального сообщества // Проблемы развития территории. 2017. № 1 (87). С. 96–113.
3. Маркс К., Энгельс Ф. Экономическо-философские рукописи 1844 года // Сочинения. Т. 42. М.: Изд-во полит. лит-ры, 1974. С. 41–174.
4. Отчуждение труда: история и современность / Я.И. Кузьминов [и др.]. М.: Экономика, 1989. 287 с.
5. Зиновьева Д.М. Психология отчуждения: монография. Волгоград: Изд-во ГОУ ВПО «ВАГС», 2005. 172 с.
6. Катсанг И.М. Потребительная стоимость товара рабочая сила и отчуждение труда как важнейшая характеристика экономического положения наемного работника на производстве: экономико-теоретический анализ: дис. ... канд. экон. наук: 08.00.01. Иваново, 2006. 27 с.
7. Комбаров В.Ю. «Трансотчуждение» как новая форма отчуждения работников современных российских промышленных предприятий // Вестн. НГУ. Сер. «Философия». 2011. № 2. С. 65–70.
8. Радаев В.В. Социология потребления: основные подходы // Социол. исслед. 2005. № 1. С. 5–18.
9. Гимпельсон В., Капелюшников Р. Нестандартная занятость и российский рынок труда // Вопросы экономики. 2006. № 1. С. 122–143.
10. Малаховская М.В., Никулина О.М. Необходимость учета циклического характера проявлений кризиса труда в развитии организации оплаты как компонента социально-трудовых отношений // Вестн. Томск. гос. ун-та. Экономика. 2010. № 2 (10). С. 45–51.
11. Попова Т.К. Отчуждение труда как система экономических отношений на уровне предприятия: взаимосвязь политэкономического и институционального аспектов: дис. ... канд. экон. наук: 08.00.01. Иваново, 2009. 26 с.
12. Кошарная Г.Б., Мордишева Л.Н. Проблема отчуждения труда работников в современных организациях // Изв. высш. учебн. заведений. Поволж. регион. Обществ. науки. Социология. 2012. № 1. С. 78–86.
13. Смолева Е.О. Социальное отчуждение: анализ теоретических подходов // Вопросы территориального развития. 2016. № 4 (84). URL: <http://vtr.vscs.ac.ru/article/1982> (дата обращения 25.07.2019).
14. Философия. Энциклопедический словарь / под ред. А.А. Ивина. М.: Гардарики, 2004. URL: http://dic.academic.ru/dic.nsf/enc_philosophy/890 (дата обращения 25.07.2019).
15. Лапин Н.И. Отчуждение // Новая филос. энцикл.: в 4 т. Т. 3. / под ред. В.С. Степина. М.: Мысль, 2001. С. 181–182.

16. *Theories of Alienation: Critical Perspectives in Philosophy and the Social Sciences*. R. Felix Geyer (Editor). Leiden: Springer, 1976. 305 p.
17. Maddi S.R. The Story of Hardiness: Twenty Years of Theorizing, Research and Practice. *Consulting Psychology Journal: Practice and Research*, 2002, vol. 54 (3), pp. 175–185.
18. Seeman M. Empirical Alienation Studies. An Overview. In: Geyer R.F., Schweitzer D.R. (eds.). *Theories of Alienation*. Leiden, 1976. P. 265–305.
19. Seeman M. On the Meaning of Alienation. *American sociological Review*, 1959, vol. 24, pp. 783–791.
20. Blauner R. *Alienation and Freedom: The Factory Worker and his Industry*. Chicago: University of Chicago Press, 1964. 222 p.
21. Скалабан И.А. Социальное, общественное и гражданское участие: к проблеме осмысления понятий // Вестн. Томск. гос. ун-та. Сер. «Философия. Социология. Политология». 2011. № 1 (13). С. 130–139.
22. Schaufeli W.B., Bakker A.B., Van Rhenen W. How changes in job demands and resources predict burnout, work engagement, and sickness absenteeism. *Journal of Organizational Behavior*, 2009, vol. 30, pp. 893–917.
23. Балабанова Е.С., Баранова Д.А., Деминская В.Э. Надроловое поведение работника: проявления, предпосылки и последствия // Вестн. С.-Петербур. ун-та. Социология. 2017. № 2. С. 185–200.
24. Jensen J.M., Raver J.L. When self-management and surveillance collide: consequences for employees' organizational citizenship and counterproductive work behavior. *Group & Organization Management*, 2012, vol. 37 (3), pp. 308–346.
25. Ariani D.W. The Relationship between Employee Engagement, Organizational Citizenship Behavior, and Counterproductive Work Behavior. *International Journal of Business Administration*, 2013, vol. 4 (2), pp. 46–56.
26. Chan S.H.J., Lai H.Y.I. Understanding the link between communication satisfaction, perceived justice and organizational citizenship behavior. *Journal of business research*, 2017, vol. 70 (1), pp. 214–223.
27. Балацкий Е.В. Факторы удовлетворенности жизнью: измерение и оценка // Капитал страны. 2010. 15 ноября. URL: <http://kapital-rus.ru/articles/article/180043> (дата обращения 20.04.2019).
28. Устинова К.А., Губанова Е.С., Леонидова Г.В. Человеческий капитал в инновационной экономике. Вологда: ИСЭРТ РАН, 2015. 195 с.
29. Goldthorpe J.H., Lockwood D., Bechhofer F., Platt J. *The Affluent Worker: Industrial attitudes and behavior*. Cambridge, Cambridge University Press, 1968. 209 p.
30. Braverman H. *Labor and Monopoly Capital: The Degradation of Work in the Twentieth Century*. New York: Monthly Review Press, 1974. 465 p.
31. Алексеев О.А., Мухметлатыпов Ф.У. Социэкономическая модель труда и предпринимательства: монография. Уфа: РИО БашГУ, 2005. 278 с.
32. Горшков М.К. Российское общество в социологическом измерении // Социол. исслед. 2009. № 3. С. 15–26.
33. Соколов В.М. Социология морали – реальная или гипотетическая? // Социол. исслед. 2004. № 8 (244). С. 78–88.
34. Тукумцев Б.Г. Самарский мониторинг социально-трудовой сферы // Социол. исслед. 2001. № 7. С. 41–50.
35. Горшков М., Тихонова Н. Средний класс в современной России // Общество и экономика. 2014. № 6. С. 13–79.
36. Keniston K. *The Uncommitted Alienated Youth in American Society*. New York: Harcourt, Brace & World, Inc., 1965. 500 p.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Елена Олеговна Смолева – научный сотрудник, Федеральное государственное бюджетное учреждение науки «Вологодский научный центр Российской академии наук». Российская Федерация, 160014, г. Вологда, ул. Горького, д. 56а; e-mail: riolenas@ramber.ru

Smoleva E.O.

ALIENATION OF THE REGION'S POPULATION IN THE SPHERE OF LABOR

The relevance of the study is connected with the crisis phenomena in the Russian economy accompanied by the depreciation of labor, its transformation into a means of survival, as well as with the growing interest in the phenomenon of alienation. We have posed a research question, "How widespread are the processes of alienation in the labor sphere at the regional level?". To answer the question, a theoretical-methodological and empirical study was conducted. The study subject were the situations in the labor sphere alienating in their nature, and the alienation of labor which is experienced by the modern employee. The analysis of K. Marx's socio-economic alienation theory and R. Blouner's sociological concept allowed to identify the main criteria of alienation of labor: the break of ties and the loss of subjectivity. The refinement of indicators was facilitated by the identification of categories that can be more or less opposed to the alienation of labor: participation, involvement and supra-role behavior. Negative emotions and feelings related to the work, decrease in the work value and satisfaction with it were considered as indicators of the rupture of relations "employee – work". It is revealed that one of the alienation signs in the region is the depreciation of labor which is perceived as a means to meet other needs, just "having a job" is of value. The loss of subjectivity was viewed through the prism of influence resources. The obtained data showed that the resource of influence on work organization is associated with the respondents' level of education and occupation. The conclusion about the connection of subjective assessment of labor productivity with alienating negative situations is made. The novelty of the work lies in the creation of tools for sociological research of labor alienation through a system of indicators: the lack of employees' ability to control production processes and show individuality in work; loss of attitude to labor as a means of self-expression; decrease in the value of labor activity and the importance of "having a job". Practical significance is associated with the disclosure of labor alienation manifestations which provides opportunities for further search for ways to overcome it.

Labor alienation, labor productivity, subjectivity, type of organization, region.

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Elena O. Smoleva – Research Associate, Federal State Budgetary Institution of Science "Vologda Research Center of the Russian Academy of Sciences". 56A, Gorky Street, Vologda, 160014, Russian Federation; e-mail: riolenas@ramber.ru

DOI: 10.15838/ptd.2019.6.104.9

УДК 316.4 | ББК 60.524

© Мартынова Е.В.

ПРОЯВЛЕНИЕ ГЛОБАЛЬНЫХ ПРОЦЕССОВ В ЛОКАЛЬНОЙ ТЕРРИТОРИАЛЬНОЙ ОБЩНОСТИ

ЕКАТЕРИНА ВЛАДИМИРОВНА МАРТЫНОВА

Институт экономики и организации промышленного производства

Сибирского отделения Российской академии наук

Российская Федерация, 630090, г. Новосибирск, пр-т Академика Лаврентьева, д. 17

E-mail: katefrommail@gmail.com

ORCID: 0000-0002-2562-6734

В настоящее время тема глобализации обсуждается в средствах массовой информации и в научном сообществе. Большинство исследователей уделяют внимание влиянию глобальных процессов на макроуровне. Не менее актуальным представляется исследование процессов глобализации на уровне локальных территориальных общностей. С одной стороны, они могут утрачивать свою уникальность, сливаться с другими общностями, или же, напротив, члены общности могут пытаться «закрыть» свою территорию проживания от внешних воздействий. Научная новизна исследования состоит в рассмотрении влияния глобальных процессов на мезоуровне, промежуточном уровне между индивидом и обществом в целом. Изучение представлений жителей локальной территориальной общности о глобализации, о том, как глобальные процессы трансформируют их повседневную жизнь и жизнь окружающих, позволяет оценить устойчивость социальных объединений людей, которая оказывает непосредственное влияние на процесс воспроизводства локальной территориальной общности. Цель исследования – изучение влияния глобальных процессов на изменения, происходящие в процессе воспроизводства локальной территориальной общности. На основе серии проведенных слабоформализованных интервью был сделан вывод: в общности существует специфическая субкультура, отличающая ее жителей от жителей других поселений. Эта общность по-прежнему сохраняет свою обособленность и целостность. Большинство негативных последствий глобализации, по мнению участников исследования, противоречивы и имеют место на уровне общества и мира в целом. На повседневную жизнь респондентов и их работу глобальные процессы, скорее, оказывают положительное

Для цитирования: Мартынова Е.В. Проявление глобальных процессов в локальной территориальной общности // Проблемы развития территории. 2019. № 6 (104). С. 137–150. DOI: 10.15838/ptd.2019.6.104.9

For citation: Martynova E.V. Global processes manifestation in the local territorial community // *Problems of Territory's Development*, 2019, no. 6 (104), pp. 137–150. DOI: 10.15838/ptd.2019.6.104.9

влияние: упрощение сотрудничества с международными компаниями и общения с людьми из других стран. Влияние глобализации на жизнь общности в целом незначительно. Общность продолжает сохранять свои уникальные черты, обладая спецификой, которую чувствует каждый, кто здесь живет и работает.

Глобализация, глобальные процессы, локальная территориальная общность, идентичность, индивид.

Введение

В исследовании представлено влияние глобальных процессов на локальные территориальные общности. В настоящее время в научном сообществе акцент смещен в большей степени на рассмотрение глобализации на уровне обществ в целом. Не менее важным представляется изучение ее влияния на мезоуровне, уровне локальных территориальных общностей: каким образом они меняются под влиянием глобальных процессов. Цель исследования – изучение влияния глобальных процессов на изменения, происходящие в процессе социального воспроизводства локальной территориальной общности.

Теоретические подходы к исследованию глобальных процессов

Тема глобализации и влияния глобальных процессов на общество является одной из самых актуальных и обсуждаемых в последнее время. Нельзя не согласиться с В.К. Левашовым, который в статье «Общество и глобализация» подчеркивает популярность этой темы в научном сообществе, ее дискуссионность и противоречивость: «Понятие глобализации быстро и широко вошло в лексикон современных политиков, стало одним из часто употребляемых терминов в СМИ и на страницах общественно-политических изданий, учебной и научной литературы. Распространяемая о процессах глобализации информация носит противоречивый характер и отражает столкновение мнений, конфликт социальных и политических интересов, который протекает на глобальном, региональном, национальном и местном уровнях» [1, с. 16].

По мнению многих ученых, тема глобализации получила широкое распростране-

ние в конце XX века. Несмотря на это, исследователям глобальных процессов пока не удалось прийти к единому определению данного понятия и его ключевых последствий. Еще в 1999 году известный немецкий социолог У. Бек писал: «Без сомнения, глобализация является наиболее употребляемым и злоупотребляемым – и наименее проясненным, вероятно, самым непонятным, затуманенным... словом, лозунгом, орудием в споре последних лет и останется таковым в ближайшее время» [2, с. 40].

«Глобализация может рассматриваться как героический или как гибельный процесс, в зависимости от того, на какой стороне находится исследователь. Некоторые рассматривают глобализацию как поезд, который сносит все на своем пути, другие видят преимущества поездки на таком поезде навстречу экономическому росту и модернизации» [3, с. 5].

Ученые полемируют о том, что же в большей степени глобализация привносит в жизнь общества. Большинство сходится во мнении, что она приводит к возникновению единого мира с общими нормами, ценностями и правилами поведения. Кроме того, глобальные процессы оказывают существенное влияние на экономику и политику других стран, полностью трансформируя их. Д.В. Елин считает одним из последствий глобальных процессов создание единого информационного пространства. Действительно, за последние десятилетия скорость обмена информацией существенно увеличилась. Сейчас любой человек может получить нужную ему информацию за считанные секунды, общаться с другими людьми по всему миру. По мнению ученого, создание единого информационного пространства имеет ряд

преимуществ, таких как создание единого политического, правового и культурно-информационного развития, что дает мировому сообществу в целом новый вектор развития [4, с. 108].

Тем не менее развитие единого информационного пространства имеет не только положительные последствия. Новый унифицированный мир приводит к уничтожению локальных культур и небольших сообществ, и целых стран. Локальные культуры и сообщества могут противостоять влиянию глобальных процессов, закрываясь от тотального влияния глобализации и стремясь сохранить свою уникальность и отличие от других общностей и стран в целом [5, с. 111].

Большинство исследователей глобализации изучают ее влияние на общество на макроуровне, рассматривая развитие отдельных стран или регионов под влиянием глобальных процессов. Однако не менее важно рассмотреть, каким образом глобализация влияет на повседневную жизнь индивида. В первую очередь, глобальные процессы оказывают непосредственное влияние на идентичность человека.

В.Т. Михайлов и Й. Рунге определяют идентичность следующим образом: «Она <идентичность> представляет собой совокупность объективных и субъективных признаков, которые формируют и поддерживают оригинальность или уникальность индивида или группы. Это определение включает индивидуальное и коллективное, субъективное и объективное, внутреннее и внешнее, поэтому могло бы найти применение в разных научных дисциплинах» [6, с. 54]. Данное понимание является достаточно универсальным, поскольку позволяет отметить наличие идентичности не только у отдельного человека, но и у общности в целом. Тем не менее представляется возможным говорить о том, что трансформация индивидуальной идентичности влечет за собой изменения идентичности общности.

Большинство исследователей глобализации на микроуровне, в частности В.Б. Звонковский, подчеркивают, что одним из важ-

ных последствий глобальных процессов на уровне отдельного человека является утрата прежней идентичности [7, с. 314]. Если раньше человек считал себя частью определенного локального сообщества с устоявшимися нормами и правилами поведения, то теперь, когда многие локальные сообщества под влиянием глобализации трансформируются, индивид перестает воспринимать себя как прежде. Утрата идентичности – прямое следствие развития единого информационного пространства. Теперь физическое присутствие человека в определенном месте не является обязательным условием для его идентификации как части этого сообщества [8, с. 65].

Многие люди в подобной ситуации определяют свою идентичность как «человек мира», но такое самоопределение несет в себе ряд проблем, поскольку подобная система координат очень размыта, чему способствует, помимо прочего, доступ к неограниченному объему информации. По мнению З. Млинара и Я. Штебе, в этом случае индивид часто теряет возможность критически оценивать поступающую информацию и, как следствие, может иметь искаженные представления о жизни в иных городах и странах [9, с. 39].

С другой стороны, к кризису идентичности приводит неустойчивость и неопределенность норм и ценностей, которые раньше казались индивиду постоянными и неизменными. Е.Н. Песоцкая пишет: «В обществе переходного типа идеи глобальной культуры перемежаются с процессами размывания традиционных ценностей многочисленных народов, влияя на личностный модуль каждого представителя. Пребывание субъекта в ситуации постоянного личного выбора означает его ценностную деятельность. Наряду с объективной стороной, глобализационные процессы обретают субъективную составляющую, выступая «сконструированной» реальностью» [10, с. 215].

Теоретические подходы к изучению локальных территориальных общностей

В условиях утраты индивидом прежней идентичности представляется актуальным

изучение влияния глобализации на локальные территориальные общности. Локальные территориальные общности – это социальные объединения людей, сконцентрированных на одной территории проживания.

Одним из первых исследователей территориальных общностей принято считать Ф. Тенниса. Он подробно описывал противопоставление двух особых форм социальной организации – общности и общества [11, с. 344]. В его концепции в основе общности лежат доверительные личные отношения между людьми, которые строятся на личном знакомстве. В настоящее время развитие сферы телекоммуникаций и достаточно большой размер общностей делают невозможным знакомство каждого из их членов друг с другом. Для нашего исследования важна такая характеристика общности, как осознание индивидом своей принадлежности к ней, принятие ее норм и ценностей.

Другой подход развивали представители Чикагской школы (Р. Парк, Э. Берджес, Э. Хоули, Р. Мак Кинзи и т. д.). В рамках экологического направления они рассматривали общность как целостный и самодостаточный организм [12, с. 258]. Действительно, на одном из этапов своего развития локальная территориальная общность может быть относительно самодостаточной, т. е. все основные функции по ее воспроизводству и развитию протекают внутри нее. В контексте исследования данный подход позволяет оценить степень саморегуляции общности, способы, которые общность использует для противостояния влиянию глобальных процессов.

Во второй половине XX века интерес ученых сместился в сторону рассмотрения взаимодействия различных групп внутри территориальных структур. Среди представителей интеракционистского подхода можно выделить М. Стейна и Р. Уоррена. Исследование взаимодействия групп жителей общности позволит определить ключевую социальную группу, постоянное воспроизводство которой имеет определяющее значение для дальнейшего развития общности.

В это же время развивался подход к изучению территориальной общности в рамках

функционализма, когда территориальная общность рассматривалась как социальная система [13, с. 541], модель общества, в которой ключевую роль играли различные подсистемы, такие как власть, экономика, образование, семья и др. В нашей концепции эта теория может быть применима лишь отчасти, поскольку выбранный эмпирический объект исследования в настоящее время не является полностью замкнутой и самодостаточной территорией и выделение в нем подсистем в достаточной мере условно.

В отечественной социологии одними из первых территориальную общность стала изучать группа исследователей под руководством Т.И. Заславской. Ключевым аспектом стало определение места проживания как одного из важнейших факторов социальной дифференциации [14, с. 519]. Настоящая работа проведена в рамках данной концепции.

В исследовании принято следующее определение территориальной общности: «Территориальные общности с позиции социологического подхода представляют взаимосвязи и взаимозависимости людей на определенной территории, связанные устойчивыми социальными взаимодействиями, практиками, воспроизводимыми во времени и пространстве. Именно устойчивые социальные, экономические, политические, духовно-нравственные связи и отношения позволяют выделить территориальные общности в качестве относительно самостоятельной системы пространственно-временной организации жизнедеятельности людей» [15, с. 84].

Подобные общности обладают рядом характеристик, таких как:

- территориальная концентрация населения;
- пространственная обособленность и локализация большей части основных функций по воспроизводству территориальной группы населения на относительно компактной территории;
- относительная «самодостаточность» производственной и непроизводственной сфер для удовлетворения основных потребностей населения;

– социально-экономическая целостность, проявляющаяся в большей интенсивности внутренних связей по сравнению с внешними;

– однородность условий функционирования локальной общности и порождаемая их единством специфика качественного состава населения и среды его жизнедеятельности;

– осознание большинством жителей своей принадлежности к данной территориальной общности, их социальная самоидентификация;

– наличие у членов общности общих интересов, формирующих определенные типы поведения территориальной группы;

– наличие элементов самоуправления» [14, с. 736].

Социальное воспроизводство в социально-территориальной общности определяется как «процесс эволюции системы социальных связей и отношений, социальной структуры, социальных институтов и организаций, ценностей, норм и поведенческих стандартов» [16, с. 194].

Процессы воспроизводства локальной территориальной общности также базируются на социальном воспроизводстве. Нами была выдвинута гипотеза о том, что в любой общности существует социальная группа, которая является ее «ядром». Это жители общности, осознающие свою принадлежность к ней, идентифицирующие себя как ее жителей и имеющие общие интересы с другими членами данной общности. Таким образом, локальная территориальная общность может сохранять свои черты, только если данная социальная группа будет преобладать в ее социальной структуре.

Научная новизна исследования состоит в рассмотрении влияния глобальных процессов на мезоуровне, промежуточном уровне между индивидом и обществом в целом. Изучение представлений жителей локальной территориальной общности о глобализации, о том, как глобальные процессы трансформируют их повседневную жизнь и жизнь окружающих, позволяет оценить устойчивость социальных объеди-

нений людей, которая оказывает непосредственное влияние на процесс социального воспроизводства локальной территориальной общности.

В настоящее время исследователи глобализации на промежуточном между обществом и индивидом уровне уделяют основное внимание особенностям поведения относительно малочисленных этнических групп на территориях регионов и стран. В первую очередь, изучаются способы, используемые ими для сохранения своих локальных культурных норм и ценностей в условиях доминирования титульных наций и влияния на их общности глобальных процессов [17–19]. Разделение социальных групп по этническому признаку в какой-то степени имеет институциональный характер, как и преобладание на территории определенной группы по национальному признаку. В нашем исследовании основной акцент сделан на изменениях процесса социального воспроизводства локальных территориальных общностей под влиянием глобальных процессов. Проживание на территории общности различных этнических групп не имеет существенного значения и не считается критерием для выделения общности как таковой.

Существуют две точки зрения на то, как глобальные процессы влияют на общности: с одной стороны, локальные территориальные общности могут утрачивать уникальность, сливаться с другими общностями, с другой стороны, их члены способны активно противостоять влиянию глобальных процессов, пытаясь «закрыть» свою территорию проживания от внешних воздействий. «Закрытие» локальной территориальной общности связано, в первую очередь, с четким разграничением ее жителей и людей, проживающих на других территориях (причем это разграничение носит очень жесткий характер). Кроме того, «закрывая» свою территорию проживания, члены общности стараются свести к минимуму взаимодействие с населением других территорий, а также существенно снизить свои перемещения за границы общности.

Методика исследования и описание эмпирического объекта

На наш взгляд, общности могут быть выстроены в некий континуум, образованный по степени их трансформации. На одном конце этого ряда будут находиться общности, не подвергшиеся никаким внешним и внутренним трансформациям, а на другом – те, которые кардинальным образом отличаются от своего первоначального состояния.

Для формирования представления о текущем состоянии развития общности объективных показателей (таких как число международных организаций, научных проектов), по нашему мнению, недостаточно, поскольку само определение «общности» включает в себя эмоциональный аспект (осознание принадлежности к ней, разделение общих норм и ценностей). Чтобы понять, каким образом глобальные процессы могут трансформировать локальную территориальную общность, оценить степень их распространенности и влияния на жизнь людей, было решено исследовать представления о глобализации членов общности.

В качестве примера локальной территориальной общности был выбран новосибирский Академгородок, основанный в конце 50-х гг. прошлого века. Приоритетной задачей его создания стала интеграция научной и образовательной деятельности. Сотрудники научно-исследовательских институтов, расположенных в Академгородке, в большинстве своем и проживали в нем. Можно предположить, что эта специфика сохраняется до сих пор.

В 2006 году на территории Академгородка началось строительство Технопарка. В настоящее время происходит активная интеграция деятельности научных институтов и IT-компаний, функционирующих на территории Технопарка.

Полагаем обоснованным считать, что Академгородок может выступать примером локальной территориальной общности, поскольку в значительной мере отвечает ее критериям. Он изначально создавался как некое обособленное от других районов города поселение, и это ощущение изолирован-

ности сохраняется у его жителей до сих пор. Несмотря на то что Академгородок является частью одного из районов г. Новосибирска, Советского, его жители считают свое поселение отдельной территорией, лишь формально связанной с остальным городом. В настоящее время значительную часть его жителей составляют работники научных институтов и их семьи. Можно сказать, что жизнь научных сотрудников является относительно замкнутой, так как места работы и проживания в значительной мере локализованы, в связи с чем и круг общения также сосредоточен на данной территории. Среди жителей г. Новосибирска распространено мнение о том, кто такой «типичный академовец». В первую очередь, это человек с высоким уровнем интеллекта, интеллигентный, воспитанный, но в то же время не в полной мере приспособленный к повседневной жизни. Для типичного жителя общности выезд за ее пределы представляет определенные сложности, поэтому в речи жителей Академгородка есть выражение «поехать в город» (событие, которое совершается только в случае крайней необходимости).

Научная специфика Академгородка позволяет сделать предположение о том, что влияние глобальных процессов на жизнедеятельность членов данного сообщества началось значительно раньше, чем на жителей других районов города. Действительно, научные сотрудники активно сотрудничали с учеными из других стран еще во времена СССР, принимая участие в международных конференциях, работая над совместными проектами. Строительство Технопарка также существенно повлияло на включенность членов локальной территориальной общности в процессы глобализации.

В 2018 году началась работа над планом развития Академгородка. Проект развития получил название «Академгородок 2.0». Он должен стать пилотным образцом единой системы науки, технологий и инноваций¹. Данный проект утвержден на уровне руко-

¹ Академгородок 2.0. План развития Новосибирского научного центра. URL: https://www.sbras.ru/files/files/album_akademgorodok_2.pdf (дата обращения 08.07.2019).

водства страны и в настоящее время активно обсуждается на различных международных форумах и в СМИ, являясь одним из приоритетных векторов развития научной сферы в России.

Практическая значимость исследования состоит в том, что его результаты могут быть использованы для создания комфортной социальной среды для жителей локальной территориальной общности в ходе реализации проекта «Академгородок 2.0», а также для разработки способов сохранения специфики локальной территориальной общности в процессе реализации проекта развития.

Для изучения влияния глобальных процессов на развитие локальной территориальной общности (что в первую очередь привносит глобализация в Академгородок: разрушает ли она его целостность или же, напротив, укрепляет обособленность и закрытость данной территории) была использована *mix*-стратегия количественного и качественного подходов [20; 21]. На первом этапе участникам исследования предлагалось заполнить анкеты, которые включали вопросы о возрасте, времени проживания в Академгородке, характеристиках типичного жителя общности и т. д. Затем с каждым из участников проведено слабоформализованное интервью. Гайд интервью был достаточно гибким, часть вопросов добавлялась или удалялась в зависимости от ответов, полученных на предыдущем этапе.

По нашему мнению, сочетание количественного и качественного подходов помогает решить поставленные задачи исследования в отличие от количественных методов, таких как массовый опрос. Метод слабоформализованного интервью позволяет узнать глубинные причины и мотивы поведения людей, а проведение анкетирования на первом этапе – задавать каждому респонденту вопросы, согласующиеся с его опытом проживания в общности.

В качестве респондентов были выбраны представители трех разных групп: сотрудники научных институтов Академгородка, руководители ИТ-компаний, работающих в Технопарке, и преподаватели языковых

школ Академгородка. Выборка не случайна, поскольку, на наш взгляд, представители этих групп включены в глобальные процессы и осознают себя членами общности. Сфера занятости респондентов предполагает сотрудничество с международными компаниями. С Академгородком каждый из представителей этих групп связан тесным образом: места работы и проживания всех респондентов находятся в Академгородке, поэтому они в состоянии описать жизнь в общности, ее отличия от остальных районов города Новосибирска. Именно наличие четкого разграничения в их восприятии себя и жителей других районов города позволяет сделать вывод о том, что Академгородок по-прежнему сохраняет черты общности, поскольку его жители склонны делить людей по принципу «свой-чужие», определяя таким образом свою идентичность.

Вопросы для интервью были разделены на три блока.

- 1) Жизнь в Академгородке. Этот блок включал в себя описание жизненной траектории респондента, как он оказался в Академгородке, давно ли здесь живет. Кроме того, респондентам предлагалось описать типичного жителя Академгородка, отличия этого населенного пункта от г. Новосибирска. Респонденты оценивали изменения, произошедшие в Академгородке за последнее время.
- 2) Блок вопросов, связанных с работой. Респонденты рассказывали о своей сфере занятости, специфике своей работы, описывали схему сотрудничества с компаниями из других стран.
- 3) Блок вопросов о глобализации. Респондентам предлагалось определить понятие глобализации, порассуждать о ее позитивных и негативных сторонах, проявлениях глобализации в Академгородке, а также в повседневной жизни.

Несмотря на разницу в возрасте, времени проживания в локальной территориальной общности и сфере занятости участников исследования, существенных отличий в их представлениях о глобальных процессах и их воздействии на территорию проживания

ния выявлено не было. Ниже даны основные результаты исследования, полученные в ходе интервью.

Глобализация: определение и основные проявления на макроуровне в представлениях респондентов

В ходе исследования мы попросили информантов определить само понятие «глобализация». На основе анализа полученных ответов сделан вывод о том, что определение «глобализация», оценка положительных и отрицательных аспектов глобальных процессов, а также степень их влияния на локальную территориальную общность не зависят от сферы занятости информанта. Эксперты давали схожие оценки проявлений глобализации, в большинстве своем опираясь на собственный повседневный опыт, не связанный с профессиональной деятельностью.

Уже на этапе определения этого термина информанты давали ему оценку. Часть информантов отметили, что глобальные процессы меняют весь мир в целом, объединяя экономику, политику и культуру разных стран в единое пространство, что способствует развитию межкультурных и межнациональных коммуникаций, созданию единых принципов в экономике и социальной жизни. Данные явления можно коротко описать как всеобщее объединение и интеграцию. Подобная интеграция влияет и на жизнь отдельных индивидов. Как сказал один из участников исследования, *«люди в меньшей степени мыслят свою жизнь, события в рамках только своей страны, больше знают и больше готовы взаимодействовать с остальным миром».*

Термин «унификация», который использовали информанты для определения глобализации, по нашему мнению, имеет некий негативный контекст, может пониматься как установление единой глобальной культуры, экономики, что приводит к уничтожению национальных культур, разрушению национальной и локальной идентичностей.

Уничтожение локальных культур и их унификация, в первую очередь, приводит

к разрушению локальных сообществ, их слиянию с другими. Информанты уверены, что унификация происходит через насаждение единых правил государств-доминантов всем остальным странам. С такой позиции от глобализации выигрывают развитые страны. Сотрудники языковых школ видят в глобализации угрозу для русского языка, в частности отмечают большой наплыв в наш язык заимствованных слов. Это, безусловно, негативное проявление распространения глобализации в мире.

«Ее <глобализации> последствия могут справедливо оцениваться как негативные в тех случаях, когда она служит инструментом уничтожения национальной специфики и местного колорита».

Кроме того, один из информантов связал уничтожение национальных и локальных культур с изменениями, которые могут наблюдаться и в социальной сфере жизни общества.

«У отдельно взятой культуры может быть собственный аналог какого-либо распространившегося явления, но по каким-то причинам он либо совсем вытесняется чем-то другим, более популярным или востребованным в мире, либо же начинает конкурировать с этим новым явлением».

Поскольку сфера деятельности некоторых участников исследования связана с наукой, то, говоря о глобализации, они, прежде всего, имели в виду ее влияние на их работу. Так, информанты говорили о том, что глобализация позволяет создавать научные объединения с представителями из разных стран, которые сообща могут решать проблемы, существующие в обществе. Причем эти проблемы научные сотрудники из разных стран без кооперации решить не в состоянии. Отмечалась важность таких научных союзов в медицине, физике, геологии и др. Возможность решения проблем совместно с учеными из других стран – это одно из ключевых положительных проявлений глобализации на макроуровне.

«Существует множество научных проблем, которые ученые из одного города или даже страны решить просто не в состоянии: нет оборудования, финансирования, опыта и т. д. А если у нас есть возможность общаться с коллегами из других стран, обмениваться опытом, то мы сможем решить эти проблемы гораздо быстрее. Сейчас мы даже можем создавать международные научные центры для решения проблем в физике, медицине. Это очень важно и здорово, что у нас есть такая возможность».

Говоря о последствиях глобальных процессов, информанты затронули тему мигрантов. Участники исследования часто бывают за рубежом, поэтому могут оценить, насколько эта проблема актуальна для развитых стран. По их мнению, большое количество мигрантов в развитых странах – это одно из негативных последствий глобальных процессов.

«Оказываясь за рубежом в кругу афроамериканцев, невольно начинаешь думать о всеобщей глобализации, которая хлынула в Европу со страшной силой. Шлюзы открыты и никакой толерантностью уже тут не поможешь. Многие страны, всегда считавшиеся мирными, уже заплатились за свою глобальную политику – Бельгия, Норвегия, Франция. Список растет и будет продолжать расти. В Норвегии есть районы, в которые совсем не рекомендуют попадать, хотя это одна из самых социально развитых стран. Политики сами создают такое общество и потом пытаются закрутить гайки, которые бесполезно закручивать».

В целом респонденты считают глобализацию реальностью, в которой мы живем, с ее позитивными и негативными последствиями. Причем каждый из респондентов оценивал ее, исходя из специфики своей работы. Сотрудники ИТ-сферы говорили о развитии своего бизнеса, возможности коммуникации с компаниями из других стран,

обмене опытом и технологиями, преподаватели языковых школ – об утрате многими странами своей национальной специфики. Сотрудники научных институтов, с одной стороны, рассматривали глобализацию как толчок к развитию международных научных исследований, техническому прогрессу, с другой стороны, многие из них видели в ней только отрицательные стороны – эксплуатацию одних стран другими, рост экономик развитых стран за счет развивающихся.

Проявления глобализации на уровне локальной территориальной общности в представлениях респондентов

В ходе исследования большое внимание уделено влиянию глобализации на повседневную жизнь людей, проживающих в локальной территориальной общности. Действительно, тема глобализации в настоящее время очень актуальна, и большинство ученых говорит о ее влиянии на макроуровне. Нам было интересно узнать, столь же очевидны проявления глобализации на уровне локальной территориальной общности в повседневной жизни, или же актуальность этой темы несколько преувеличена.

Академгородок характеризовали как достаточно обособленное и закрытое поселение, которое отличается от других районов города Новосибирска. По словам участников исследования, эти отличия носят как пространственный (общность достаточно удалена от других районов города), так и ментальный характер (члены общности – носители некой субкультуры, которая позволяет безошибочно определить, является человек коренным жителем общности или же он приезжий).

Также можно говорить о том, что Академгородок до сих пор относительно самостоятельный район в плане предоставления рабочих мест жителям. Жители Академгородка, чья профессиональная деятельность связана с наукой, работают в научных институтах, преподают в НГУ. Строительство Технопарка дало возможность работать в Академгородке специалистам из ИТ-сферы. Тем не менее

другие специальности остаются маловостребованными, поэтому часть жителей вынуждена ездить на работу в другие районы города, осуществляя маятниковую миграцию, что не разрушает Академгородок как общность, поскольку, даже работая за его пределами, человек ощущает свою причастность к ней.

«Меня очень забавляет обозначение других районов Новосибирска словом «город». Жители Академгородка часто говорят: «Поеду в город», что означает выехать за пределы Академгородка. В этом очень четко проявляется разделение своей территории проживания и всех остальных».

Большинство участников исследования отметили, что глобальные процессы, в первую очередь, влияют на их профессиональную деятельность. В частности, научные сотрудники говорят, что взаимодействовать с международными компаниями или учеными из других стран стало гораздо проще (упростились и расширились связи с внешним миром, контракты научных институтов, гранты).

«В Академгородке глобализация проявляется в том, что проекты имеют глобальные ориентиры и результаты оцениваются по мировым стандартам».

Сотрудники IT-сферы замечают активное внедрение инноваций в их компаниях.

«Академгородок стремится к инновациям, и все новое – привлекательно. Это касается технологических процессов, умных городов SMART-city, интернета вещей».

Помимо этого, опрошенные отметили, что в Академгородке, и в частности в Новосибирском государственном университете, увеличилось число иностранных студентов.

«Глобализация положительно влияет на организацию научных исследований и культурной жизни городка, на появление

современных структур (технопарк, новые корпуса НГУ, медицинские центры, развитие транспорта, торговые компании и т. д.), в лучшую сторону изменяет его облик. Расширились возможности предоставления услуг в области образования иностранным студентам. В городке заметно выросло число молодых людей из различных стран мира».

Из-за роста числа иностранных студентов многие указатели и надписи в учебных корпусах университета и на улицах дублируются на английском языке.

Многие респонденты в ходе интервью рассказали о положительном и отрицательном влиянии глобальных процессов на развитие общности. Так, к положительным аспектам опрошенные отнесли: упрощение коммуникации с учеными и компаниями из других стран, отдых за рубежом стал более длительным, а организация поездки – более простой, возможность участия в международных проектах, получение информации из иностранных СМИ, развитие сети Интернет.

Отрицательные проявления глобальных процессов в основном свелись к двум аспектам: «утечке мозгов» (переезд наших сограждан за границу) и тяжелой экономической ситуации в нашей стране. Причем вопрос о том, когда именно высококвалифицированные кадры стали уезжать за рубеж, стал дискуссионным. Одни респонденты считают этот процесс прямым следствием глобализации, другие говорят, что он начался гораздо раньше.

Тяжелую экономическую ситуацию в России респонденты напрямую связывают с последствиями глобализации.

«Высокая зависимость от динамики валютного курса рубля. Двукратное почти одномоментное повышение цен продолжает до сих пор влиять на рост инфляции и спад покупательной способности населения. В домашних хозяйствах преобладает отложенный спрос. При сохранении уровня зарплат и пенсий это опять обнищание основной массы населе-

ния городка, впрочем, как и большинства регионов России».

Помимо двух последствий глобализации респонденты отмечали, что в последнее время в Академгородке и в целом в Новосибирске в огромном количестве появились иностранные товары и магазины, организованные по образцу европейских стран и США.

«Иностранные продукты в магазинах с этикеткой зачастую даже без перевода на русский язык, вывески магазинов на английском языке, иностранная музыка, магазины, стилизованные под западные шаблоны типа Walmart, моллы, иностранные машины, да все самое лучшее, считается из Европы и США, и это максимально внедряется во все вокруг».

Основные выводы исследования

Население Академгородка отмечает присутствие в общности специфической субкультуры, которая отличает жителей Академгородка от жителей города Новосибирска. Причем расхождения носят не только пространственный характер (удаленность от г. Новосибирска). Кардинальным образом, по мнению респондентов, отличается образ жизни «академовцев», темп жизни, внешний вид. Можно сказать, что, несмотря на изменения, происходящие в обществе, жители Академгородка по-прежнему считают свое поселение обособленным и четко видят отличия от жизни в других районах города.

Хотя постепенно в Академгородок переезжают жить люди из других районов, общность не размывается и не смешивается с другими районами города. Об этом свидетельствуют характеристики, с помощью которых респонденты описывали «типичного академовца».

По мнению опрошенных, основная сфера профессиональной деятельности жителей Академгородка по-прежнему связана с наукой или IT-технологиями. Это можно объяснить тем, что в общности в настоящее время функционируют десятки научно-исследовательских институтов, а также

один из крупнейших на территории России Технопарк, где работает большинство жителей Академгородка.

Говоря о глобализации, респонденты в первую очередь транслировали информацию, полученную о ней из СМИ. Именно поэтому большинство участников исследования говорили о негативных последствиях глобализации, проявляющихся не на индивидуальном или локальном уровнях, а на уровне общества и мира в целом (разрушение локальных культур, унификация, навязывание западных образцов и т. д.). Проблема миграции, затронутая некоторыми респондентами, безусловно, соотносится с глобализацией. С другой стороны, такое социальное явление, как миграция, в нашей стране может также быть связано с распадом СССР. Возможно, распад Советского Союза является следствием распространения глобальных процессов во всем мире, но рассмотрение этой связи не входило в задачи исследования.

Глобальные процессы в настоящее время не оказывают непосредственного влияния на бытовую жизнь респондентов, изменения, в первую очередь, коснулись работы. Для сотрудников научных институтов глобальные процессы дали серьезный толчок к развитию сотрудничества с учеными из других стран, что позволяет им создавать новые проекты, ездить в командировки за границу, получать оценки своим исследовательским проектам со стороны зарубежных коллег. Сотрудникам IT-компаний развитие глобальных процессов позволило расширить рынок сбыта для производимой продукции (игры, приложения, мобильные платформы и т. д.). Можно сказать, что в профессиональной сфере глобализация, скорее, дала респондентам возможности для развития.

Негативные последствия глобализации на индивидуальном или локальном уровне имеют противоречивый характер. Так, в качестве отрицательных аспектов глобальных процессов были названы ухудшение экономического положения и «утечка мозгов». Оба эти примера являются дискуссионными, поскольку названные про-

цессы могли начаться раньше глобальных и не иметь прямой связи с ними.

Можно сделать вывод, что глобализация в настоящее время косвенно влияет на бытовую жизнь респондентов. Большинство негативных последствий глобализации, названных участниками исследования, либо имеют место на уровне общества и мира в целом, либо имеют противоречивый характер. На повседневную жизнь респондентов глобальные процессы, скорее, оказывают положительное влияние: упрощение сотрудничества с международными компаниями, развитие телекоммуникаций и т. д.

Влияние глобализации на Академгородок в целом, по мнению информантов, незначительно. Небольшие изменения произошли в повседневной жизни его населения, изменились условия работы. Но Академгородок продолжает сохранять черты общности, обладая уникальной спецификой, которую чувствует каждый, кто здесь живет и (или) работает. Новые организации (как небольшие, так и крупные, такие как Технопарк) в настоящее время органично вписываются в общность, не разрушая ее, но видоизменяя. Эти видоизменения, по оценкам респондентов, носят положительный характер. Так, строительство Технопарка помогло жителям Академгородка найти работу в IT-сфере, не выезжая за пределы общности. Кроме того, сотрудничество научных институтов с IT-компаниями дает дополнительные возможности для развития как самим организациям, так и Академгородку в целом.

Проведенное исследование позволяет сделать вывод о том, что, несмотря на активное распространение глобальных процессов,

их влияние на членов локальной территориальной общности в настоящее время незначительно. Люди по-прежнему ассоциируют себя с общностью, считая себя ее коренными жителями, осознают свою принадлежность к данной территории и не ощущают последствий глобализации. Можно сказать, что члены данной общности сохраняют свою локальную идентичность, несмотря на изменяющиеся условия окружающего мира. Наличие локальной идентичности у жителей определенной территории является одним из основных критериев ее сохранения как общности.

В общности сохраняется социальная группа, которую можно назвать ее ядром. На основании этого представляется обоснованным предположить, что процессы социального воспроизводства общности по-прежнему актуальны и изменения, в настоящее время происходящие в ней, пока незначительны.

Тем не менее назвать относительно закрытой исследуемую общность нельзя, поскольку ее жители пользуются преимуществами глобализации в своей работе и жизни (путешествия в другие страны, участие в международных проектах, сотрудничество с учеными из других стран). Исследуемая общность в настоящее время находится на новом этапе своего развития, пытаясь адаптироваться к глобальным процессам, при этом сохраняя свою уникальность.

Научный подход, используемый в данном исследовании, показал свою эффективность. Были получены обоснованные выводы о текущем состоянии локальной территориальной общности и возможных путях ее развития.

ЛИТЕРАТУРА

1. Левашов В.К. Общество и глобализация // Социологические исследования. 2005. № 4. С. 14–24.
2. Бек У. Что такое глобализация? Ошибки глобализма – ответы на глобализацию / пер. с нем. М., 2001. 304 с.
3. Habibul Naque Khondker. Glocalization as Globalization: Evolution of a Sociological Concept. *Bangladesh e-Journal of Sociology*, 2004, vol. 1, no. 2, pp. 1–9.
4. Елин Д. Глобальное и локальное в контексте современности. Локализация и глокализация // Историческая и социально-образовательная мысль. М., 2010. С. 106–111.

5. Жукоцкая З.Р., Ковалева Л.Е. Глобализация и ее влияние на культурные процессы // Успехи современного естествознания. 2011. № 1. С. 110–112.
6. Михайлов В.Т., Рунге Й. Идентификации человека. Территориальные общности и социальное пространство: опыт концептуализации // Социологические исследования. 2019. № 1. С. 52–62.
7. Звоновский В.Б. Глобализация и кризис социокультурной идентичности // Вестн. ОмГУ. 2011. № 3. С. 314–319.
8. Лапшин А.О. Глобализация и цифровое общество: заметки на полях // Власть. 2019. Т. 27. № 1. С. 63–68.
9. Млинар З., Штебе Я. Мобильность и идентификация в условиях открытости мира: теоретическая интерпретация и опыт Словении // Социол. исслед. 2005. № 4. С. 33–42.
10. Песоцкая Е.Н. Социально-философский анализ особенностей формирования личности и уровневая концепция глобализации // Регионоведение. 2014. № 3. С. 211–217.
11. Теннис Ф. Общность и общество / пер. с нем. А.Н. Малинкина // Социол. журн. 1998. № 3–4. С. 333–357.
12. Burgess E.W. *The Urban Community*. Chicago, 1926, pp. 1–268.
13. Pahl R.E. Patterns of Urban Life. New York. *Selected Issues in Community Theory, Rural Sociology*, 1972, vol. 37, no. 4. pp. 534–552.
14. Горяченко Е.Е. Территориальная общность в изменяющемся обществе // Социальная траектория реформируемой России: исслед. Новосиб. экон.-социол. школы / отв. ред. Т.И. Заславская, З.И. Калугина. Новосибирск: Наука. Сиб. отд-ние, 1999. 736 с.
15. Дроздова Ю.А. Ресурсный подход в исследовании территориальных общностей // Вестн. Ин-та социологии. 2019. № 28. С. 82–103.
16. Социология / Г.В. Осипов [и др.]. М.: Мысль, 1990. 447 с.
17. Рубцова Н.А. Баренц-регион в условиях глобализации и регионализации // Вестн. Северн. (Аркт.) фед. ун-та. Сер. «Гуманитарные и социальные науки». 2009. № 5. С. 60–64.
18. Агафонов А.Г., Каштанова Е.Ю. Финно-угорская общность в условиях глобализации // Огарев-Online. 2013. № 1 (1). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/finno-ugorskaya-obschnost-v-usloviyah-globalizatsii> (дата обращения 08.07.2019).
19. Шахов В.А. Проблемы идентичности рособалтов на перекрестке культур Юго-Восточной Балтии // Культурная жизнь Юга России. 2018. № 1. С. 29–34.
20. Концептуальные представления о стратегиях «смешивания методов» (mixed methods research): этапы развития и современные дискуссии / О.Б. Савинская [и др.] // Социол. исслед. 2016. № 8. С. 21–29.
21. Семенова В.В. Стратегии комбинации качественного и количественного подходов при изучении поколений // Интер: интеракция, интервью, интерпретация. 2014. № 8. С. 5–15.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Екатерина Владимировна Мартынова – инженер, Федеральное государственное бюджетное учреждение науки «Институт экономики и организации промышленного производства Сибирского отделения Российской академии наук». Российская Федерация, 630090, г. Новосибирск, пр-т Академика Лаврентьева, д. 17; e-mail: katefrommail@gmail.com

Martynova E.V.

GLOBAL PROCESSES MANIFESTATION IN THE LOCAL TERRITORIAL COMMUNITY

The topic of globalization is currently being discussed in the media and in the scientific community. Most researchers pay attention to the impact of global processes at the macro level. No less relevant is the study of globalization processes at the level of local territorial communities. On the one hand, they may lose their uniqueness, merge with other communities, or, on the contrary, the community members may try to “close” their residence territory from external influences. The scientific novelty of the study is to consider the impact of global processes at the meso-level, an intermediate level between the individual and society as a whole. Studying the local territorial community inhabitants’ representations about globalization, how global processes transform their daily life and life of people around, allows to estimate the stability of people’s social associations which influences directly on the process of reproduction of a local territorial community. The aim of the research is to study the influence of global processes on the changes occurring in the process of local territorial community reproduction. Based on a series of poorly formalized interviews, it was concluded that there is a specific subculture in the community that distinguishes its inhabitants from the inhabitants of other settlements. This community still retains its isolation and integrity. Most of the negative consequences of globalization, according to the study participants, are contradictory and take place at the level of society and the world as a whole. Global processes rather have a positive impact on respondents’ daily lives and work: facilitating cooperation with international companies and communication with people from other countries. The impact of globalization on the life of the community as a whole is insignificant. The community is retaining its unique features, having a specificity that is felt by everyone who lives and works here.

Globalization, global processes, local territorial community, identity, individual.

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Ekaterina V. Martynova – Engineer, Federal State Budgetary Institution of Science “Institute of Economics and Organization of Industrial Production of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences”. 17, Akademician Lavrent’eva Avenue, Novosibirsk, 630090, Russian Federation; e-mail: katefrommail@gmail.com

DOI: 10.15838/ptd.2019.6.104.10

УДК 331 | ББК 65.24

© Михалкина Е.В., Скачкова Л.С.

О ВЫБОРЕ КАРЬЕРНЫХ СТРАТЕГИЙ АСПИРАНТАМИ ФЕДЕРАЛЬНЫХ УНИВЕРСИТЕТОВ¹

ЕЛЕНА ВЛАДИМИРОВНА МИХАЛКИНА

Южный федеральный университет
Российская Федерация, 344007, г. Ростов-на-Дону, ул. М. Горького, д. 88
E-mail: evmihalkina@sfedu.ru
ORCID: [0000-0002-0028-0239](https://orcid.org/0000-0002-0028-0239); ResearcherID: [L-9961-2013](https://orcid.org/L-9961-2013)

ЛЮДМИЛА СЕРГЕЕВНА СКАЧКОВА

Южный федеральный университет
Российская Федерация, 344007, г. Ростов-на-Дону, ул. М. Горького, д. 88
E-mail: lskachkova@gmail.com
ORCID: [0000-0003-4108-8419](https://orcid.org/0000-0003-4108-8419); ResearcherID: [M-1057-2013](https://orcid.org/M-1057-2013)

Неоднозначные показатели развития программ подготовки кадров высшей квалификации в РФ, трудности и институциональные барьеры, препятствующие выходу на академический и неакадемический рынки труда выпускников аспирантур, а также новые тренды в области научно-технологического развития обусловили исследовательский интерес авторов к изучению выбора аспирантами будущих карьерных стратегий. От направленности и содержательности карьерных стратегий аспирантов, по мнению авторов, зависит формирование человеческого капитала в сфере производства и передачи знаний. Основываясь на результатах экспертного опроса, организованного в рамках реализации первого этапа исследовательского проекта «Выбор карьерных стратегий аспирантами», поддержанного Российским фондом фундаменталь-

Для цитирования: Михалкина Е.В., Скачкова Л.С. О выборе карьерных стратегий аспирантами федеральных университетов // Проблемы развития территории. 2019. № 6 (104). С. 151–172. DOI: 10.15838/ptd.2019.6.104.10

For citation: Mikhalkina E.V., Skachkova L.S. Career strategies chosen by postgraduate students of Federal universities. *Problems of Territory's Development*, 2019, no. 6 (104), pp. 151–172. DOI: 10.15838/ptd.2019.6.104.10

¹ Исследование проведено при поддержке Российского фонда фундаментальных исследований, грант 18-010-00591 «Выбор карьерных стратегий аспирантами».

ных исследований (грант 18-010-00591), авторы подвергают проверке гипотезу о существовании четырех типичных карьерных стратегий, которые могут быть выбраны аспирантами на академическом и неакадемическом рынках труда: стратегия «исследователя» (развитие преимущественно в научно-исследовательской сфере), стратегия «научно-педагогического работника-фрилансера» (ориентация на мобильность, работу в других университетах, в сфере научных исследований и преподавания), стратегия «типичного преподавателя» (типичный поступательный алгоритм развития выпускника аспирантуры: от ассистента до доцента и профессора), а также стратегия «неопределившихся». Выводы о профессиональном выборе выпускников аспирантур формируются на основе опроса 1429 респондентов из 5 федеральных университетов (Казанский (Приволжский) федеральный университет, Северный (Арктический) федеральный университет им. М.В. Ломоносова, Северо-Кавказский федеральный университет, Сибирский федеральный университет, Южный федеральный университет).

Воспроизводство человеческого капитала, аспирантура, научные кадры, кадровое обеспечение регионов, рынок труда аспирантов, карьерные стратегии аспирантов, академический рынок труда.

Формирование исследовательской проблематики

По данным Федеральной службы государственной статистики, по сравнению с 2010 годом базисный прирост российских организаций, ведущих подготовку кадров высшей квалификации², в 2018 году имел отрицательную динамику (-22,1%). Несомненно, этот факт оказал влияние на численность аспирантов. С 2010 по 2018 год произошло ее сокращение на 42,31% (2010 год – 157437 чел., 2018 год – 90823 чел.). Более быстрыми темпами снижался и показатель выпуска из аспирантуры. Так, в 2018 году прием в аспирантуру составил 27008 чел., а выпуск – 17729 чел., при этом только 12,4% аспирантов закончили программы подготовки кадров высшей квалификации с защитой диссертации (рис. 1), а по сравнению с 2010 годом базисный прирост выпускников, закончивших аспирантуру с защитой диссертации, составил -77,13%.

Негативная динамика численности аспирантов, закончивших подготовку по программам аспирантуры с защитой диссертации, в некотором смысле обусловлена относительной доступностью сферы подготовки кадров высшей квалификации. По мнению авторов, в большинстве случаев практически отсутствуют входные барьеры при поступлении в

аспирантуру: экзаменационные процедуры проводятся не в целях отбора лучших аспирантов, а в целях приема на программу подготовки. Формальный подход и отсутствие академической мотивации на входе обнаруживают несоответствие способностей поступивших требованиям, предъявляемым образовательной организацией и выражающимся в конечном итоге в необходимости проведения и защиты диссертационного исследования. Так, по мнению экспертов южно-российских университетов, у поступающих в аспирантуру в достаточной мере присутствует мотивация, связанная с формированием дополнительных конкурентных преимуществ, которые могут быть использованы на неакадемическом рынке труда в коммерческих и государственных организациях [1]. В связи с этим возникает, с одной стороны, традиционный вопрос о неэффективности инвестиций в сферу производства знаний, а с другой – более актуальный вопрос о дефиците человеческих ресурсов в сфере исследований и разработок. Но есть ли дефицит в этой сфере? Если посмотреть в целом на статистику численности исследователей, то ситуация представляется весьма стабильной. Например, в 2010 году численность исследователей по всем областям наук составила 368915 чел., в 2016 году – 370379 чел., в 2017 году – 359793 чел. На рис. 2 представлена относи-

² Научно-исследовательские институты, высшие учебные заведения, организации дополнительного профессионального образования.

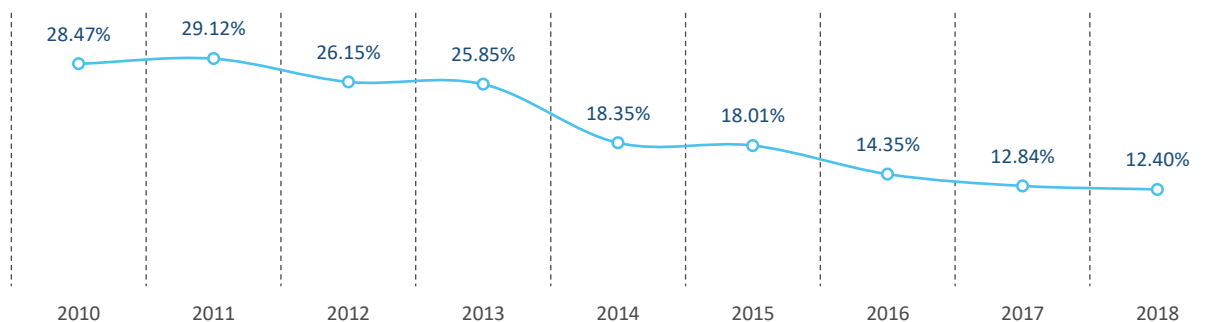

Рис. 1. Динамика численности аспирантов, защитивших диссертации, 2010–2018 гг.

Рассчитано по: данные Федеральной службы государственной статистики. Раздел «Наука и инновации». URL: http://www.gks.ru/wps/wcm/connect/rosstat_main/rosstat/ru/statistics/science_and_innovations/science

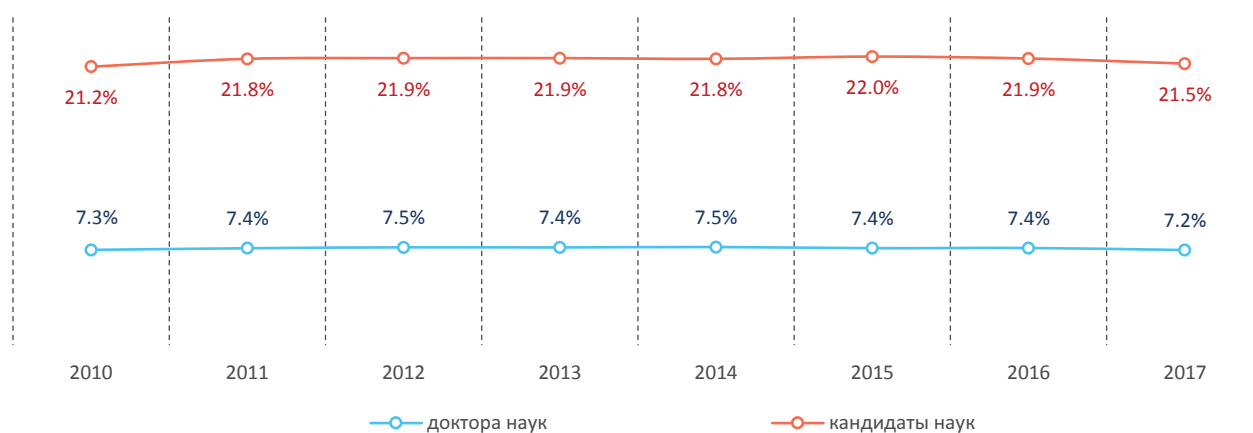

Рис. 2. Численность кадров высшей квалификации со степенью в РФ, 2010–2017 гг.

Рассчитано по: данные Федеральной службы государственной статистики. Раздел «Наука и инновации». URL: http://www.gks.ru/wps/wcm/connect/rosstat_main/rosstat/ru/statistics/science_and_innovations/science

тельная динамика численности кадров высшей квалификации со степенью, безусловно, демонстрирующая ситуацию стабильности в структуре кадров высшей квалификации в целом в стране. Для сравнения, в 1981–1985 гг. аспирантуру окончили 123 тыс. чел., 16% из них защитили диссертации. Следовательно, дефицита нет.

Если проанализировать возрастную структуру кандидатов и докторов наук, то можно утверждать, что и отмечаемый многими экспертами тренд относительно «старения» кадров высшей квалификации не соответствует действительности. По сравнению с 2010 годом количество исследователей в возрасте

от 30 до 39 лет увеличилось на 52,6%, от 50 до 59 лет – сократилось на 32,2% (рис. 3). Уменьшается численность возрастной группы до 29 лет (в 2017 году падение составило 6,8%), что обусловлено общими трендами снижения показателей численности, приема и выпуска молодых специалистов, закончивших обучение по программам подготовки кадров высшей квалификации.

Вместе с тем число организаций, предъявляющих спрос на выпускников программ подготовки кадров высшей квалификации³, начиная с 2014 года увеличивалось (рис. 4) и достигло уровня 2000 года. При этом коэффициент текучести персонала в них за по-

³ К организациям, предъявляющим спрос на выпускников аспирантур, относят организации государственного, предпринимательского и некоммерческого секторов, сектора высшего образования, выполняющие научные исследования и разработки (научно-исследовательские организации, конструкторские организации, организации высшего образования, проектные и проектно-исследовательские организации, опытные заводы, организации промышленности, имеющие научно-исследовательские и проектно-конструкторские подразделения, и др.).

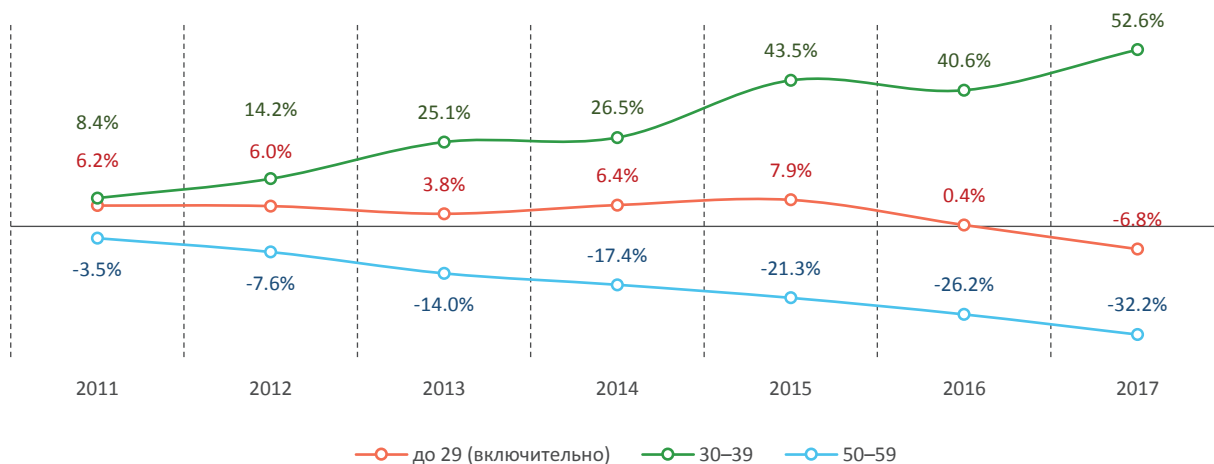

Рис. 3. Изменение численности исследователей высшей квалификации по возрастам по сравнению с 2010 годом, %

Рассчитано по: данные Федеральной службы государственной статистики. Раздел «Наука и инновации». URL: http://www.gks.ru/wps/wcm/connect/rosstat_main/rosstat/ru/statistics/science_and_innovations/science

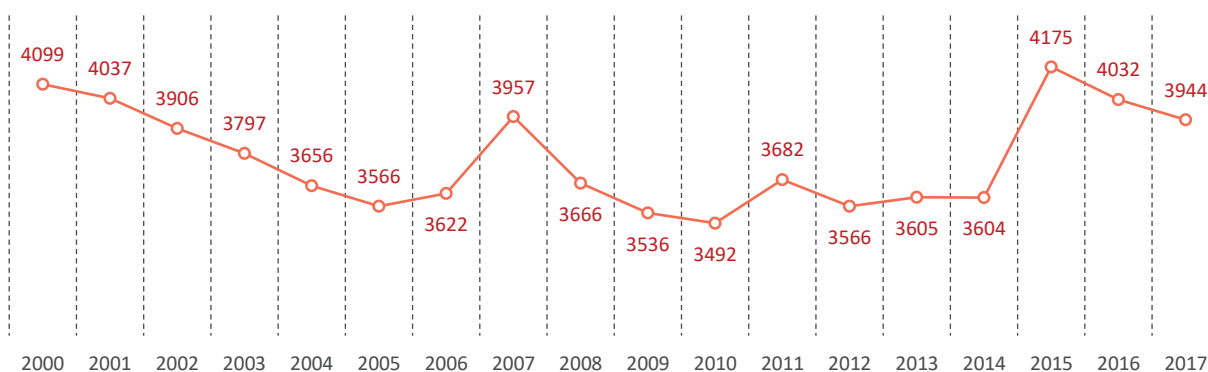

Рис. 4. Число организаций, выполняющих научные исследования и разработки

Источник: данные Федеральной службы государственной статистики. Раздел «Наука и инновации». URL: http://www.gks.ru/wps/wcm/connect/rosstat_main/rosstat/ru/statistics/science_and_innovations/science

следние 16 лет практически не изменился: 2001 год – 10,54%, 2017 год – 8,15% (рис. 5).

Возможно, такая динамика коэффициентов движения персонала связана с низкими темпами прироста вакансий в научно-исследовательской сфере и обусловлена нерегулярностью инвестиций в новые исследовательские проекты. Кроме того, высокий уровень инбридинга⁴ в российских вузах (особенно региональных) делает систему управления человеческими ресурсами уни-

верситетов закрытой и негибкой. Ситуация имитирования стабильности в сфере исследований и разработок в перспективе будет меняться в связи с реализацией Стратегии научно-технологического развития России⁵, направленной на развитие национального интеллектуального капитала. Согласно приоритетам научно-технологического развития России, до 2035 года необходимо обеспечить присутствие РФ в числе ведущих стран мира, опережающее увеличение

⁴ Инбридинг – наем выпускников, которые закончили аспирантуру, начали и продолжают работать в одном и том же университете.

⁵ Указ Президента РФ от 1 дек. 2016 г. № 242 «О Стратегии научно-технологического развития Российской Федерации». URL: <http://www.consultant.ru/law/hotdocs/48053.html> (дата обращения 20.06.2019).

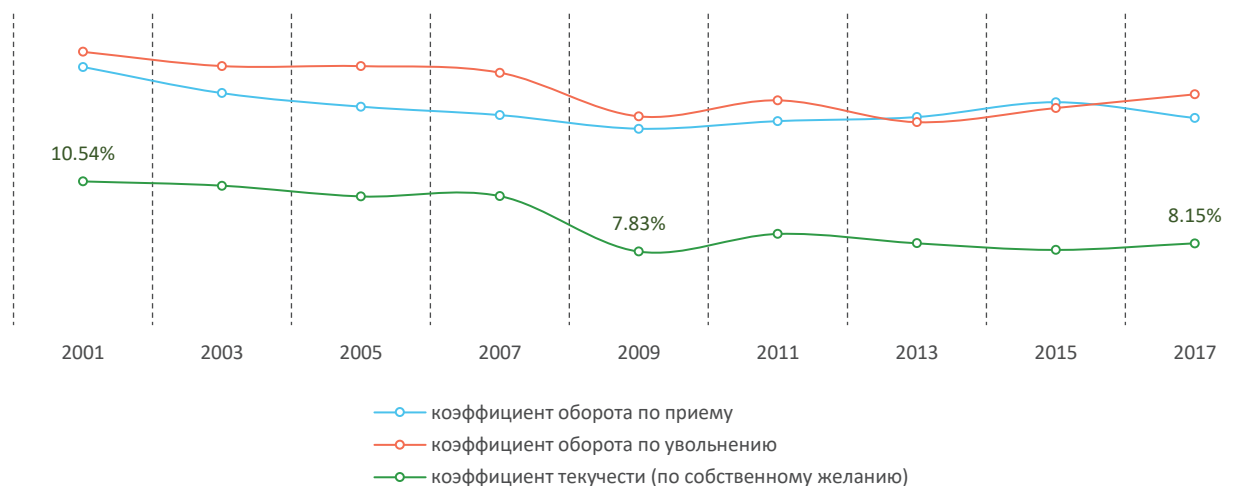

Рис. 5. Динамика коэффициента движения персонала, занятого научными исследованиями и разработками, %

Рассчитано по: данные Федеральной службы государственной статистики. Раздел «Наука и инновации». URL: http://www.gks.ru/wps/wcm/connect/rosstat_main/rosstat/ru/statistics/science_and_innovations/science

внутренних затрат на научные исследования и разработки, создание возможностей для выявления талантливой молодежи и построения успешной карьеры в сфере производства и передачи знаний.

Таким образом, неоднозначные показатели развития программ подготовки кадров высшей квалификации в РФ, трудности и институциональные барьеры, препятствующие выходу на академический и неакадемический рынки труда выпускников аспирантур, а также новые тренды в области научно-технологического развития сформировали исследовательский интерес к изучению формирования и реализации карьерных стратегий выпускников аспирантуры. Понимание причин решений, принятых аспирантами относительно своего профессионального развития, выяснение факторов, препятствующих и способствующих закреплению трудовых ресурсов в сфере исследований и разработок, передачи знаний в высшей школе, ожиданий этой категории человеческих ресурсов на рынке труда позволит понять, определить и разработать новые институциональные формы и условия для удержания талантливых молодых исследователей и преподавателей.

Обзор исследований в области проблематики карьерных стратегий аспирантов

Общая методология и конструкт исследования карьерных стратегий аспирантов формировались авторами под влиянием уже существующих многочисленных подходов, концепций и дискуссий относительно воспроизводства человеческого капитала в высшей школе, присутствующих в публикациях российских и зарубежных ученых.

В основе исследований воспроизводства человеческого капитала в высшей школе авторы опирались на классическую теорию человеческого капитала. Первоначально теория человеческого капитала развивается в 50–90-х годах XX века в работах Т. Шульца [2; 3], Г. Беккера [4], Дж. Минцера [5], Й. Бен-Пората [6], Дж. Кендрика [7], Ф. Махлупа [8], Л. Турроу [9] и др. Основатель теории Т. Шульц на первый план выдвинул роль образования в дискуссиях об источниках экономического роста. По его мнению [2], средства на образование равны инвестициям в технический прогресс, так как через повышение качества рабочей силы растет, соответственно, производительность и доходность производства. Достаточно большую роль

исследователь отводил роли человеческого капитала в наукоемких отраслях деятельности. По мнению Г. Беккера [4], человеческий капитал представляет собой совокупность врожденных способностей и приобретенных знаний, навыков и мотиваций. Теория человеческого капитала побудила использовать в управленческой практике на макро- и микроуровнях различные инструменты социально-мотивационной политики и повысить, тем самым, социальные расходы. Инвестиции в образование, здравоохранение, культуру, социальное обеспечение представляются в настоящий момент высокоэффективными. Но современное развитие теории человеческого капитала толкает ученых к созданию новых объектов для исследования. В частности, достаточно большую когорту представляют исследователи процесса воспроизводства человеческого капитала в высшей школе. Высшая школа испытывает ряд серьезных проблем в области воспроизводства человеческого капитала научно-педагогических работников на всех его стадиях: формирование (система привлечения, подготовки и развития кадров), распределение (социально-трудовые отношения), обмен (трудова́я мобильность, в том числе выпускников аспирантуры) и потребление (эффективность функционирования академического рынка труда). Человеческий капитал в высшей школе, по мнению авторов, имеет двойственную природу: с одной стороны, используется для формирования как индивидуального человеческого капитала, так и совокупного человеческого национального капитала, с другой – человеческий капитал в высшей школе также нуждается в источниках своего воспроизводства, среди которых, безусловно, ведущая роль принадлежит системе подготовки кадров высшей квалификации – аспирантуре. Аспирантура является институциональным механизмом, позволяющим высшим учебным заведениям, научно-исследовательским организациям осуществлять подготовку научно-педагогических кадров именно для реализации задач формирования челове-

ского капитала в высшей школе (удовлетворение потребностей государства в профессиональной подготовке по программам высшего образования) и в целях глобального социально-экономического развития (удовлетворение потребностей в новациях, новых знаниях).

Достаточно большое количество исследований посвящено поиску и изучению внутренних характеристик (мотивов, ценностей, установок и др.), которые существенно влияют на решения индивидов относительно своего профессионального развития в сфере производства и передачи знаний. Применительно к развитию человеческого ресурса организаций, занимающихся научной деятельностью, ряд ученых полагают, что есть некие неотъемлемые свойства личности, которые определяют предпочтения в области научно-исследовательской деятельности. С. Штерн выдвигает идею о наличии у ученых «вкуса к науке». Чем выше «вкус к науке», тем выше предпочтения развиваться в научно-исследовательской сфере [10]. Х. Черчилль и Т. Сандерс также среди мотивов поступления в аспирантуру выделяют «интерес к исследованиям» [11]. Д. Леонард, Р. Беккер и К. Коут объясняют устремленность профессионального развития в научно-исследовательской сфере мотивами «личного роста» [12]. Т. Джил и У. Хоуп отмечают среди ключевых мотивов «продвинутый вход» (профессиональное развитие), «непрерывное развитие» (профессиональное продвижение, повышение квалификации), «самореализацию» (самосовершенствование) [13]. Я. Брейлсфорд считает, что движущими силами при поступлении в аспирантуру являются, с одной стороны, интерес к самому исследованию («твердая приверженность самой теме диссертации»), с другой стороны, признание научных достижений («желание достичь вершины академической карьеры») [14]. Анализ вышеуказанных концепций и подходов позволил авторам сформировать важную идею для разработки методологии собственного исследования, а именно включение в исследовательский дискурс необходимости тщательного изучения ценностно-мотива-

ционных оснований карьерных траекторий аспирантов как существенных условий при формировании стратегий профессионального развития⁶.

Изучению специфики сферы производства и передачи знаний, которая, собственно, и привлекает определенных индивидов, нацеленных на преимущества этой профессиональной области, посвящено большое количество публикаций. Именно в этой области, по мнению ряда ученых, формируется наиболее сильная профессиональная идентичность по сравнению с другими профессиональными сферами. Вопрос о профессиональной идентичности исследуется в работах Дж.А. Акерлофа и Р.И. Крэнтона. Они говорят о высокой самоидентификации работников и, самое главное, о высокой зависимости самоидентификации (гордости за принадлежность к профессии) и вовлеченности в трудовой процесс [15]. Ю.В. Филоненко, Е.А. Яковлева обращают внимание на проявление высокой профессиональной приверженности в сфере научно-педагогических работников, что, безусловно, априори притягивает индивидов с определенной мотивацией [16]. Таким образом, специфичность выбора профессии в сфере научных исследований и передачи знаний в высшей школе определяет и отличительные характеристики возможных стратегий развития в данной области. Б.И. Бедный, А.А. Миронос, Н.В. Рыбаков отмечают, что при поступлении в аспирантуру молодые люди чаще всего ориентированы на развитие карьеры в рамках академических профессий, но реальная ситуация на рынке интеллектуального труда приводит к тому, что выпускники наряду с академическими карьерами реализуют и иные востребованные рынком профессиональные траектории в наукоемком бизнесе, государственном и муниципальном управлении, в сфере услуг [17, с. 41]. В связи с этим

авторам представилось важным в процессе разработки методологии исследования обратить внимание на выбор аспирантами карьерных стратегий как внутри, так и вне сферы производства и передачи знаний: насколько в среде аспирантов присутствуют стратегии иных профессиональных сфер, других рынков труда, не связанных с научными исследованиями и передачей знаний?

В большинстве работ значительное внимание уделяется исследованию факторов спроса на аспирантов и институтов, влияющих на его формирование. Традиционно ученые обращают внимание на то, что вакансии в научно-исследовательской сфере и сфере передачи знаний формируются за счет прямых инвестиций университетов, научно-исследовательских организаций в новые проекты; за счет грантов; субсидий на финансирование образовательных программ и программ подготовки кадров высшей квалификации; естественного выбытия научно-педагогических работников (уход на пенсию). В настоящее время существенного прироста новых рабочих мест не наблюдается [18–20]. О чем, собственно, и свидетельствуют статистические данные относительно стабильной динамики показателей движения персонала в организациях, занимающихся исследованиями, разработками и передачей знаний. Особого внимания заслуживают российские исследования, посвященные изучению инбридинга в современных университетах. Инбридинг представляется на сегодняшний момент российской традицией найма для большинства российских вузов и подразумевает наем своих же собственных выпускников [19; 21–23]. По мнению М.М. Юдкевич, Ф.Дж. Альтбаха, Л. Рамбли, академический инбридинг формирует барьеры для привлечения лучших кандидатов как на национальном, так и на международном рынках труда, препятствует любым инно-

⁶ Здесь и далее: выводы, которые были сделаны авторами на основе существующих исследований, не означают, что они полностью будут использованы при разработке и реализации непосредственно исследования (в данном случае проведения опроса аспирантов федеральных университетов). Например, если авторы сделали вывод о необходимости исследования ценностно-мотивационных оснований, то это не означает, что все приведенные в тексте мотивы будут использоваться. Авторами признается важность учета данной категории в общей структуре исследования, но содержательное наполнение мотивации разрабатывалось с использованием инструментария экспертного опроса, который будет упомянут далее в данной статье.

вациям, новым идеям, укрепляет университетскую иерархию, снижает общую научную производительность [21, с. 31]. Действительно, сформировавшийся институт инбридинга превратился в некую норму, которая часто вступает в противоречие с ценностно-мотивационными установками тех, кто принимает решение развиваться в профессиональной сфере с высокой степенью свободы. Российские и зарубежные университеты к практике инбридинга относятся по-разному. Например, в Китае широко внедряются антиинбридинговые правила, то есть предпочтение при найме в университеты отдается преподавателям, имеющим опыт работы за границей. Университеты России, Словении, Аргентины, Испании предпочитают нанимать своих выпускников [21]. Данную тенденцию можно объяснить отсутствием национального академического рынка труда, бытовыми проблемами, культурными традициями и семейными ценностями. Идея изучения уровня предпочтений аспирантов относительно развития в собственном вузе либо выбора стратегии мобильности, выхода на конкурентные рынки труда сферы производства и передачи знаний также использовалась авторами при разработке методологии исследования.

Достаточно сходным по тематике является исследование НИУ ВШЭ, проведенное С.К. Бековой, И.А. Груздевым, З.И. Джафаровой, Н.Г. Малошонок, Е.А. Терентьевым [24] весной 2016 года в 14 российских университетах, имеющих особый статус (вузы – участники Проекта «5–100», федеральные университеты)⁷. В рамках исследования был представлен портрет современного российского аспиранта, некий собирательный среднестатистический образ (типичные социально-демографические характеристики, типичная мотивация, карьерные планы, оценка условий обучения в аспирантуре и др.). Но, по мнению авторов, важно не только продолжать поиски общих типичных характеристик молодых исследователей, но и пытаться изучать дифференциацию внутри группы аспирантов, так как выбор, который

делают многие выпускники аспирантур, не всегда коррелирует с ожидаемой отдачей от инвестиций в их обучение. Большая часть инвестиций в подготовку кадров высшей квалификации представляется, по объективным статистическим показателям, неэффективной. Имеет смысл заниматься поисками способов и методов диагностики характеристик и поведенческих паттернов потенциально неэффективных групп аспирантов. Также в исследовании НИУ ВШЭ представлено только 4 из 10 федеральных университетов (г. Москва и г. Санкт-Петербург), что безусловно, побудило авторов расширить географию.

Методология и конструкт исследования

Цель и задачи

Опираясь на существующую проблематику в сфере производства и передачи знаний, а также на существующие в теории и прикладных исследованиях человеческого капитала научно-методологические посылы, авторы сформулировали следующую цель работы: выявление типичных карьерных стратегий аспирантов, формирующихся в процессе обучения на программах подготовки кадров высшей квалификации, через анализ паттернов поведения и факторов, воздействующих на принятие решений относительно своего будущего профессионального развития. Авторы обращают внимание, что в процессе исследования не изучается процесс трудоустройства после окончания программ аспирантуры. Трудоустройство представляется авторам результатом реализации карьерных стратегий аспирантов, то есть свершившимся фактом. И, как косвенно показывают данные, представленные в разделе формирования проблематики данной статьи, только небольшому количеству выпускников аспирантуры удается развиваться в сфере производства и передачи знаний (динамика уровня текущей в потенциальных субъектах спроса на данную категорию трудовых ресурсов, инбридинг в большинстве российских вузов

⁷ В опросе приняли участие 2034 аспиранта.

и др.). В связи с этим авторы считают гораздо более важной целью изучать и анализировать параметры выбора и формирования карьерных стратегий аспирантами во время обучения, когда можно еще внести коррективы и создать условия для модификации карьерных стратегий в сторону ориентации развития в сфере производства и передачи знаний. Кроме того, диагностика процесса формирования карьерных стратегий позволяет приблизиться к пониманию механизма воспроизводства человеческого капитала в высшей школе на стадии его формирования и разработать инструменты по управлению этим механизмом. На основании вышеобозначенной цели были сформулированы следующие задачи, определившие, соответственно, и конструкт исследования:

- диагностика внутренних характеристик (мотивов, ценностей, установок и др.) аспирантов, формирующих стратегии трудоустройства и существенно влияющих на решения индивидов относительно своего профессионального развития в сфере производства и передачи знаний;

- детерминация направленности выбора карьерных стратегий: сфера, роль, финансовая мотивация, индикация инбридинга, в том числе выявление наличия стратегий иных профессиональных сфер, других рынков труда, не связанных с научными исследованиями и передачей знаний;

- диагностика поведенческих паттернов потенциально неэффективных групп аспирантов (мотивация, ценности, направленность стратегии);

- анализ факторов, влияющих на выбор карьерных стратегий выпускников аспирантуры, в том числе на удержание их в сфере производства и передачи знаний.

Интерпретация основных понятий

Авторы полагают, что целесообразно

представить понимание основных терминов, используемых в данном исследовании, так как неоднозначная их интерпретация может исказить восприятие полученных результатов. Итак, исследователи предлагают свою авторскую интерпретацию следующих терминов: карьерные стратегии аспирантов, рынок труда кадров высшей квалификации, академический и неакадемический рынки труда.

Под карьерными стратегиями аспирантов понимается долгосрочный план развития карьеры, который формируется под влиянием мотивов, ценностей, внутренней и внешней оценки конкурентоспособности, социального капитала индивида, возможностей для трудоустройства на академическом и неакадемическом рынках труда. Этапы карьерного стратегирования включают в себя формирование и выбор (период обучения по программам высшей квалификации), реализацию (после обучения) стратегии. В данной статье речь идет только о формировании и выборе карьерных стратегий аспирантами.

Достаточно много разных точек зрения присутствует в научной дискуссии относительно того, что такое академический и неакадемический рынки труда. При выполнении данного исследования авторы пришли к следующему пониманию структуры рынка труда кадров высшей квалификации (рис. 6).

Гипотеза исследования

При формулировке гипотезы исследования авторы не только опирались на анализ проблематики существующих исследований в области воспроизводства человеческого капитала в сфере производства и передачи знаний, цель и сформулированные задачи, но использовали результаты собственных предварительных исследований – экспертного опроса⁸. В результате авторы

⁸ Экспертный опрос проводился в течение марта – мая 2018 года в рамках реализации первого этапа исследовательского проекта «Выбор карьерных стратегий аспирантами». Выборку сформировали 176 экспертов южно-российских вузов, список которых составили типичные представители сферы производства и передачи знаний, вовлеченные в подготовку кадров высшей квалификации: научные руководители, руководители программ аспирантуры, члены диссертационных советов и руководители структурных подразделений. О результатах экспертного опроса см. в статье: Михалкина Е.В., Скачкова Л.С. Почему выпускники аспирантуры не выбирают работу в университетах? // Terra Economicus. 2018. Т. 16. № 4. С. 116–129. DOI: 10.23683/2073-6606-2018-16-4-116-129

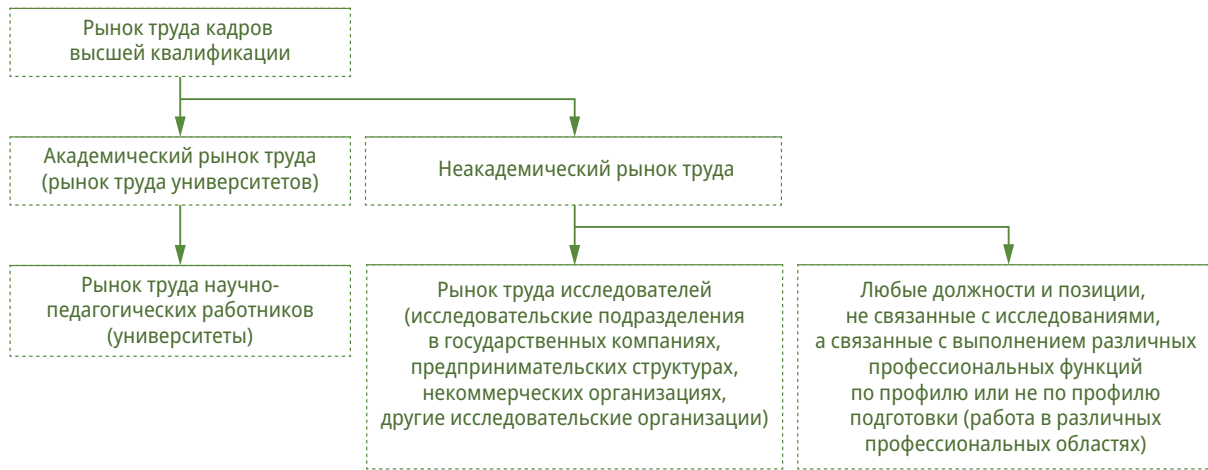

Рис. 6. Структура рынка труда кадров высшей квалификации

выдвинули гипотезу о существовании четырех типичных карьерных стратегий, которые могут демонстрировать выпускники аспирантуры:

1) стратегия «исследователя» предполагает наличие у носителей «вкуса к науке», постоянного стремления к профессиональной самореализации, ориентацию на построение научной карьеры, развитие в научно-исследовательской сфере (университетах, НИИ), выполнение профессиональной роли исследователя, зависимость от наличия научных школ, научно-исследовательской инфраструктуры, а также предполагает невысокую финансовую мотивацию, высокий уровень инбридинга (ориентация преимущественно на работу в собственном университете);

2) стратегия «научно-педагогического работника-фрилансера» связана с высоким стремлением к мобильности, гибкому графику, работе в других университетах (низкий уровень инбридинга), ориентацией на работу в сфере научных исследований и преподавания, наукоемком бизнесе, на высокий уровень дохода, поиск сфер, где возможна профессиональная самореализация, самостоятельность и свобода принятия решений;

3) мотивация выбора стратегии «типичного преподавателя» определяется ярко выраженной профессиональной идентичностью. Носители данной стратегии реали-

зуют поступательный алгоритм развития: от ассистента до доцента и профессора, предпочтения формируются вокруг профессионального развития преимущественно в сфере преподавания (академическая карьера), наблюдается ориентация на средний уровень финансовой мотивации, высокий уровень инбридинга;

4) стратегия «неопределившихся» предполагает разнонаправленность целевых установок относительно своего будущего профессионального развития либо их отсутствие. Носители данной стратегии не являются приверженцами профессионального развития только в академической сфере, они готовы уходить на неакадемические рынки труда и выполнять профессиональные функции по профилю или не по профилю подготовки (работа в различных профессиональных областях), уровень инбридинга может быть разным (низкий, средний, высокий), как и требования к заработной плате.

Исследовательский конструкт и инструментарий

Опираясь на анализ существующих концепций и подходов, а также на результаты экспертного опроса, упомянутого авторами выше, был сформирован конструкт исследования, включающий в себя три ключевых диагностических блока:

- оценка ценностно-мотивационных оснований карьерных траекторий;

– оценка выбора карьерных стратегий (сфера, роль, индикация инбридинга, в том числе выявление наличия стратегий иных профессиональных сфер, других рынков труда, не связанных с научными исследованиями и передачей знаний);

– оценка факторов карьеры в сфере производства и передачи знаний.

Эти блоки составили структурное ядро анкеты⁹ для проведения электронного опроса аспирантов 1, 2, 3, 4 годов 10 федеральных университетов¹⁰. Выбор федеральных университетов был обусловлен тем, что именно эти институциональные образования в настоящий момент представляются наиболее универсальными центрами подготовки аспирантов, а также структурами, играющими активную роль в найме выпускников программ подготовки кадров высшей квалификации. Для формирования выборки использован метод сплошного массива: опрос аспирантов всех годов обучения в каждом из 10 федеральных университетов¹¹. В результате в опросе приняли участие только 5 федеральных университетов (Казанский (Приволжский) федеральный университет, Северный (Арктический) федеральный университет им. М.В. Ломоносова, Северо-Кавказский федеральный университет, Сибирский федеральный университет, Южный федеральный университет) из 10. Количество респондентов составило 1429 человек, из них 94% проходят обучение на бюджетной основе, 6% – на коммерческой основе, 54% – мужского пола, 46% – женского. Распределение опрашиваемых по годам обучения и направлениям подготовки представлено на *рис. 7, 8*.

Авторы предвидят критику по поводу нерепрезентативности представленной вы-

борки, однако готовы аргументировать возможность проведения дальнейшего анализа и подтверждения гипотезы. Так, федеральные университеты, фактически принявшие участие в опросе, представляют различные территории (Казань, Сибирь, Юг и Север России) со своей спецификой, что, безусловно, образует типичную территориальную представленность респондентов, на формирование которой оказали влияние различные условия и институты (культура, семья, социум, экономика региона и т. д.). В связи с этим использование полученного опросного материала позволило отследить общие тренды потенциального поведения выпускников аспирантуры на академическом и неакадемическом рынках труда.

Следуя сформулированной гипотезе о формировании четырех типов карьерных стратегий выпускников, авторы произвели кластеризацию полученного массива данных методом k-means (k-средних) на 4 класса по признаку «мотивация поступления в аспирантуру»¹². Именно первичная мотивация (мотивация на входе), по мнению исследователей, и побуждает индивидов принимать решения о выборе своего

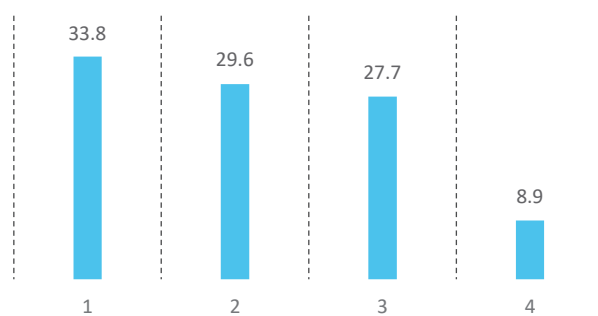

Рис. 7. Распределение аспирантов по годам обучения, %

⁹ Анкета исследования профессионального развития и карьеры аспирантов включает в себя 38 вопросов, 142 переменных.

¹⁰ Аспиранты федеральных университетов и сформировали генеральную совокупность для данного исследования.

¹¹ Список федеральных университетов, которым была отправлена анкета: Балтийский федеральный университет имени Иммануила Канта (БФУ), Дальневосточный федеральный университет, Казанский (Приволжский) федеральный университет, Крымский федеральный университет имени В.И. Вернадского, Северный (Арктический) федеральный университет имени М.В. Ломоносова, Северо-Восточный федеральный университет имени М.К. Аммосова (СВФУ), Северо-Кавказский федеральный университет (СКФУ), Сибирский федеральный университет, Южный федеральный университет (ЮФУ), Уральский федеральный университет имени первого Президента России Б.Н. Ельцина (УрФУ).

¹² Об обосновании выбора критерия «мотивация поступления в аспирантуру» см. в разделе «Методология и конструкт исследования».

Рис. 8. Распределение аспирантов по направлениям подготовки, %

профессионального развития в довольно специфической сфере – сфере производства и передачи знаний. Вопрос был сформулирован следующим образом: «Почему Вы поступили в аспирантуру?». Респондентам предлагалось оценить 16 вариантов ответа на данный вопрос по интервальной шкале от 1 до 10 (1 – отсутствие проявления признака, 10 – максимальное проявление признака)¹³. Перечень вариантов представлен в табл. 1.

Далее проводился сравнительный анализ 4-х групп респондентов, полученных в результате кластеризации, по их ответам на вопросы, диагностирующие ценности, факт занятости во время обучения, мотивы и стимулы в работе в целом, планы работы после окончания аспирантуры, предпочтительную роль в профессиональной сфере; факторы, влияющие на принятие решения профессионального развития в научно-образовательной сфере, а также социально-демографические характеристики (пол и уровень дохода). Для формирования выводов и обработки полученных данных использовались инструменты частотного анализа, методы описательной статисти-

Таблица 1. Перечень вариантов ответа на вопрос «Почему Вы поступили в аспирантуру?» (из анкеты опроса аспирантов федеральных университетов)

	Балл (укажите)
1) желание заниматься научными исследованиями	
2) желание заниматься преподавательской деятельностью	
3) обучение в аспирантуре дает дополнительные конкурентные преимущества на неакадемическом рынке труда (в сфере государственной службы, в коммерческой сфере)	
4) возможность самореализации и саморазвития в интересной для меня сфере	
5) обучение в аспирантуре и получение кандидатской степени престижно	
6) желание продолжить семейную традицию в академической сфере	
7) привлекают особенности работы в системе высшего образования и научно-исследовательской сфере (гибкий график работы, стабильная заработная плата)	
8) в университете интересный круг общения, возможность завести различные знакомства	
9) на обучении в аспирантуре настояли родители/родственники	

¹³ Кластеризация производилась в программе Statistica.

10) желание просто заполнить свое свободное время	
11) доступ к университетским проектам (стипендии, стажировки, международные программы мобильности)	
12) возможность проживать в общежитии	
13) дополнительная возможность не работать на время обучения в аспирантуре	
14) поступил в аспирантуру «по инерции»	
15) наличие программ социальной поддержки молодых исследователей и преподавателей (например, жилищные программы)	
16) отсрочка от армии	

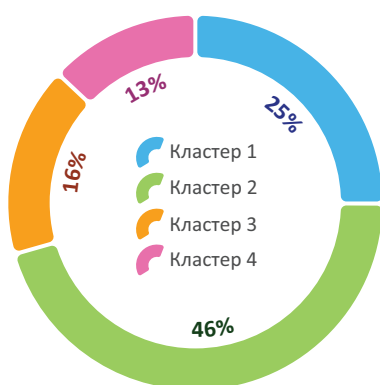

Рис. 9. Классификация респондентов по критерию «мотивация поступления в аспирантуру»

ки¹⁴. В ходе анализа были получены результаты, представленные ниже.

Типология карьерных стратегий аспирантов федеральных университетов

Оценка ценностно-мотивационных оснований карьерных траекторий

В результате кластеризации по признаку «мотивация поступления в аспирантуру» респонденты распределились следующим образом: первая группа – 25%, вторая – 46%, третья – 16%, четвертая – 13% (рис. 9).

Для первой группы респондентов мотивация поступления в аспирантуру связана с желанием заниматься научными исследованиями, возможностью самореализации и саморазвития в интересной сфере, престижностью обучения и получением кандидатской

степени, а также доступом к университетским проектам (стипендиям, стажировкам, международным программам мобильности). Во второй группе респондентов были диагностированы следующие мотивы: желание заниматься научными исследованиями, преподавательской деятельностью, возможность самореализации и саморазвития в интересной сфере, особенности работы в системе высшего образования и научно-исследовательской сфере, гибкий график работы, стабильная заработная плата. Обратим внимание, что вторая группа наиболее многочисленна (46%). В третьей группе ни один мотив не является ярко выраженным, кроме желания заниматься научными исследованиями. Вероятно, в данной группе существует иная мотивация, не учтенная в опроснике. В четвертой группе респонденты указали на желание заниматься научными исследованиями, преподавательской деятельностью, возможность самореализации и саморазвития в интересной сфере, престижность обучения в аспирантуре. Обобщенные данные по четырем группам карьерных стратегий, классифицируемых по признаку «мотивация поступления в аспирантуру», представлены в табл. 2.

Практически в каждом кластере наиболее часто встречаются три мотива: желание заниматься научными исследованиями, желание заниматься преподавательской деятельностью, возможность самореализации и саморазвития в интересной для респондентов сфере. Но выражены они в разной степени (рис. 10–12).

В каждой группе проанализированы ценности, важные для респондентов. Аспирантам предлагалось выбрать три наиболее важные для них ценности из следующих: материальный достаток; создание собственной семьи и воспитание детей; возможность интеллектуальной и творческой самореализации; престижная, статусная работа; возможность приносить пользу окружающим; возможность ощущать себя свободным; самостоятельно выстраивать свою жизнь и работу; преимущественно

¹⁴ Обработка результатов проводилась в программе SPSS.

спокойная жизнь без перегрузок и стрессов; уважение окружающих, общественное признание. Примерно с одинаковой частотой аспиранты в каждой группе выбирали три ценности: материальный достаток, создание собственной семьи и воспитание детей, возможность интеллектуальной и творческой самореализации.

Оценка выбора карьерных стратегий

Далее анализировались сферы, предпочтительные для профессионального развития респондентов (рис. 13).

Аспиранты первого кластера в большей степени нацелены на научно-исследовательскую работу. Целевые установки относительно работы в наукоемком бизнесе развиты

Таблица 2. Сравнительный анализ групп аспирантов по признаку «мотивация поступления в аспирантуру»

	1 кластер	2 кластер	3 кластер	4 кластер
Оценка ценностно-мотивационных оснований карьерных траекторий	25%	46%	16%	13%
Мотивация поступления	научные исследования	научные исследования	научные исследования	научные исследования
	самореализация и саморазвитие в интересной сфере	самореализация и саморазвитие в интересной сфере		самореализация и саморазвитие в интересной сфере
	престижность обучения и получение кандидатской степени	гибкий график работы		престижность обучения и получение кандидатской степени
	доступ к университетским проектам (стипендиям, стажировкам, международным программам мобильности)	преподавательская деятельность		преподавательская деятельность

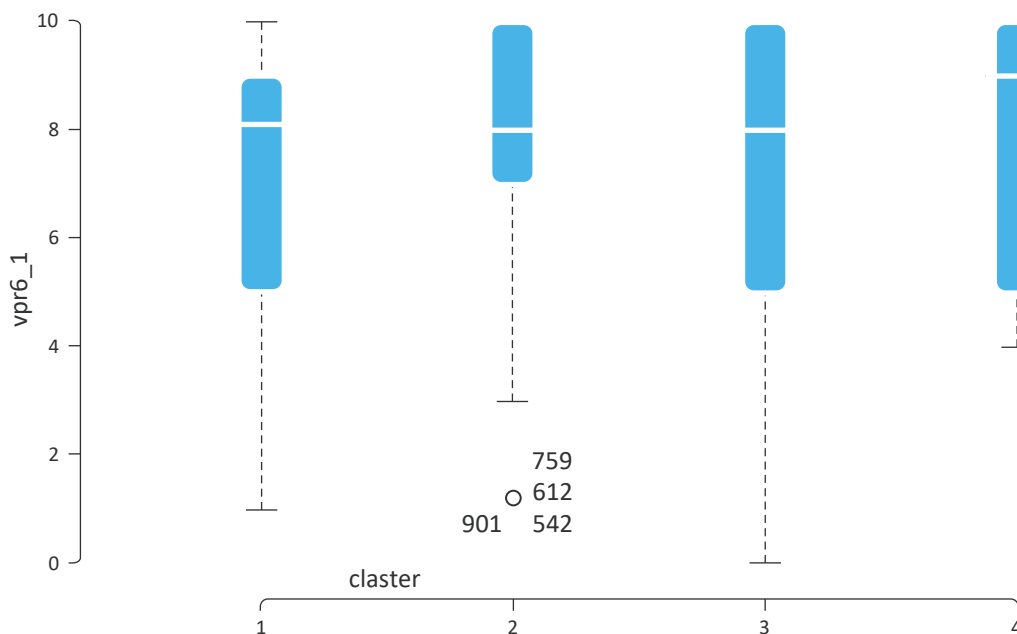

Рис. 10. Сравнение ответов респондентов выделенных кластеров по мотиву поступления в аспирантуру, связанному с желанием заниматься научными исследованиями

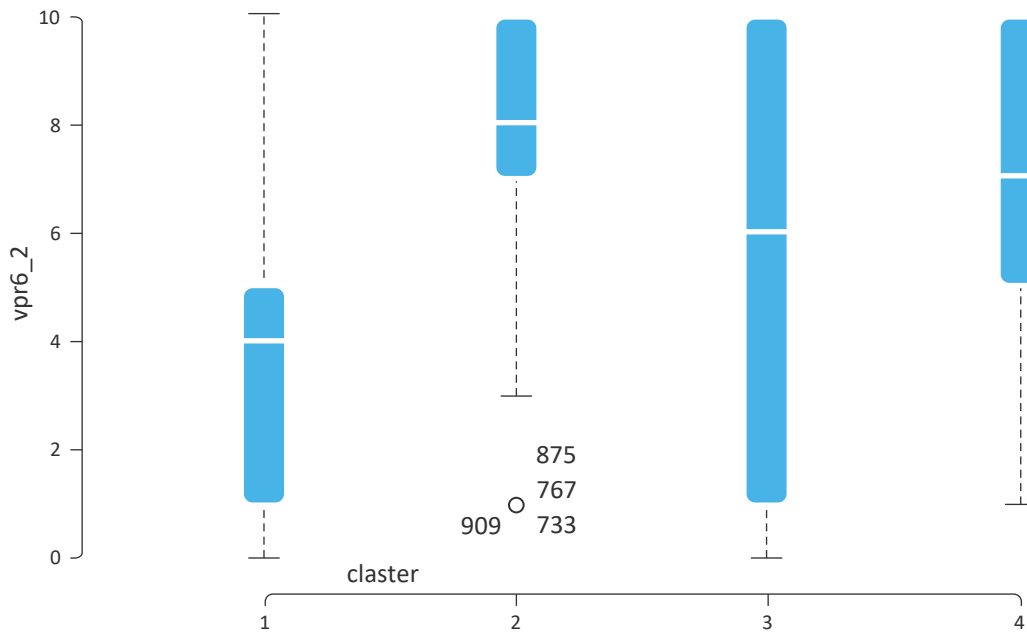

Рис. 11. Сравнение ответов респондентов выделенных кластеров по мотиву поступления в аспирантуру, связанному с желанием заниматься преподавательской деятельностью

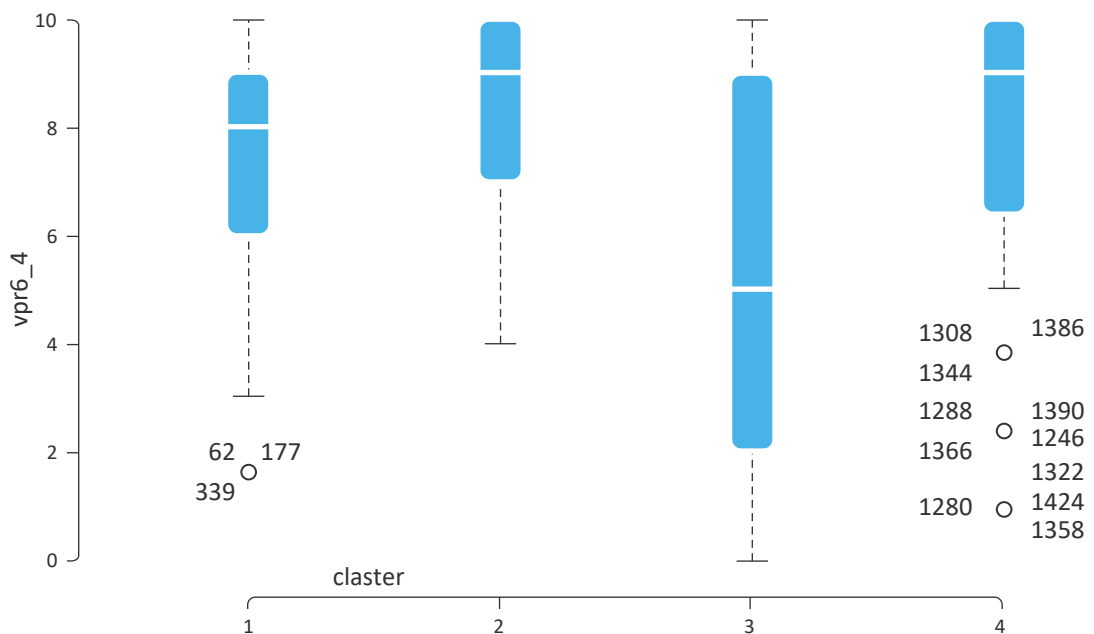

Рис. 12. Сравнение ответов респондентов выделенных кластеров по мотиву поступления в аспирантуру «возможность самореализации и саморазвития в интересной для меня сфере»

в большей степени по сравнению с другими кластерами. Во втором кластере респонденты хотели бы преподавать и не хотели бы работать в коммерческой сфере, в сфере государственного управления, наукоемком бизнесе. В третьем кластере в большей сте-

пени (хотя мотивация преподавания при поступлении в аспирантуру была довольно слабо выражена) выражена ориентация на преподавание, а также ориентация работать в коммерческой сфере, не связанной с научными разработками. Респонденты четверто-

го кластера сочетают желание развиваться как в научно-исследовательской, так и в преподавательской деятельности. Ни в одном из кластеров ярко не проявляется ориентация на организационно-управленческую деятельность в сфере науки и образования.

Респонденты, попавшие в первый кластер, в большинстве своем предпочитали бы в профессиональной сфере выполнять роль исследователя, аналитика (51,9%), это значение максимально по сравнению с аспирантами, вошедшими в остальные кластеры. Также в этой группе большую долю по сравнению с другими кластерами занимают респонденты, предпочитающие роль предпринимателя, самозанятого (23,5%). Во втором кластере наибольшая доля опрошенных предпочитает в будущем выполнять роль преподавателя, тьютора (42,9%). В третьем кластере респонденты выбрали разные роли и функции (исследователей, аналитиков (41,5%),

преподавателей, тьюторов (28,3%), предпринимателей, самозанятых (15,1%)). Отличительной чертой четвертого кластера является относительно большая по сравнению с другими кластерами доля аспирантов, предпочитающих роль администратора, менеджера (14,3%)¹⁵ при относительно высокой доле респондентов, выбравших роль исследователя, аналитика (47,6%) преподавателя, тьютора (28,6%).

Для респондентов, попавших в первый кластер, характерен средний уровень инбридинга (45,1% считают в той или иной степени важным продолжение работы в том же самом университете, где проходят обучение). Во втором и четвертом кластере намерение развиваться в своем же университете отмечают уже 70,9 и 67,5% респондентов соответственно (рис. 14). В третьем кластере нет однозначного ответа относительно предпочтений.

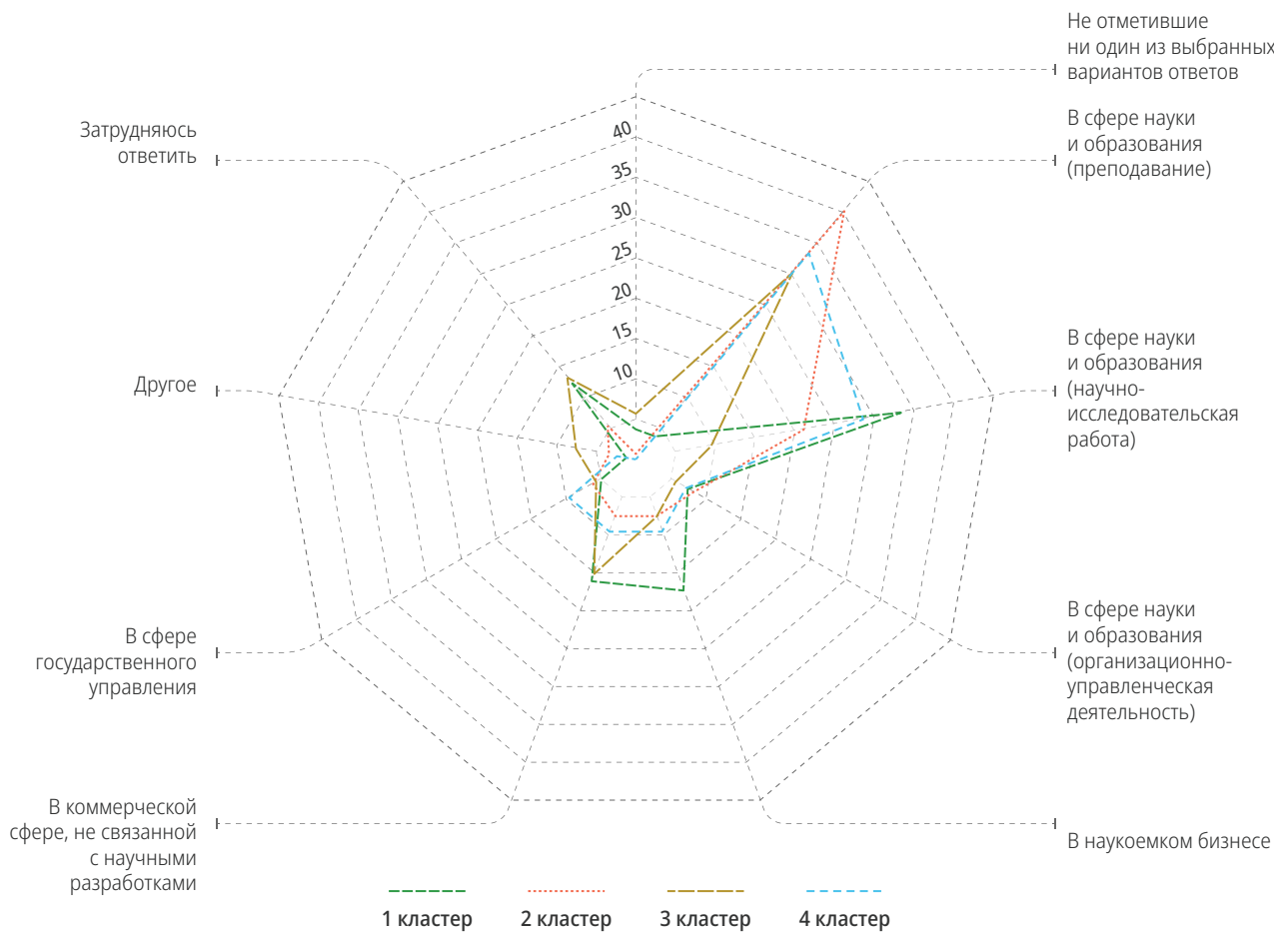

Рис. 13. Планы респондентов относительно сферы деятельности после окончания аспирантуры

¹⁵ В других группах эта роль практически не отмечалась респондентами.

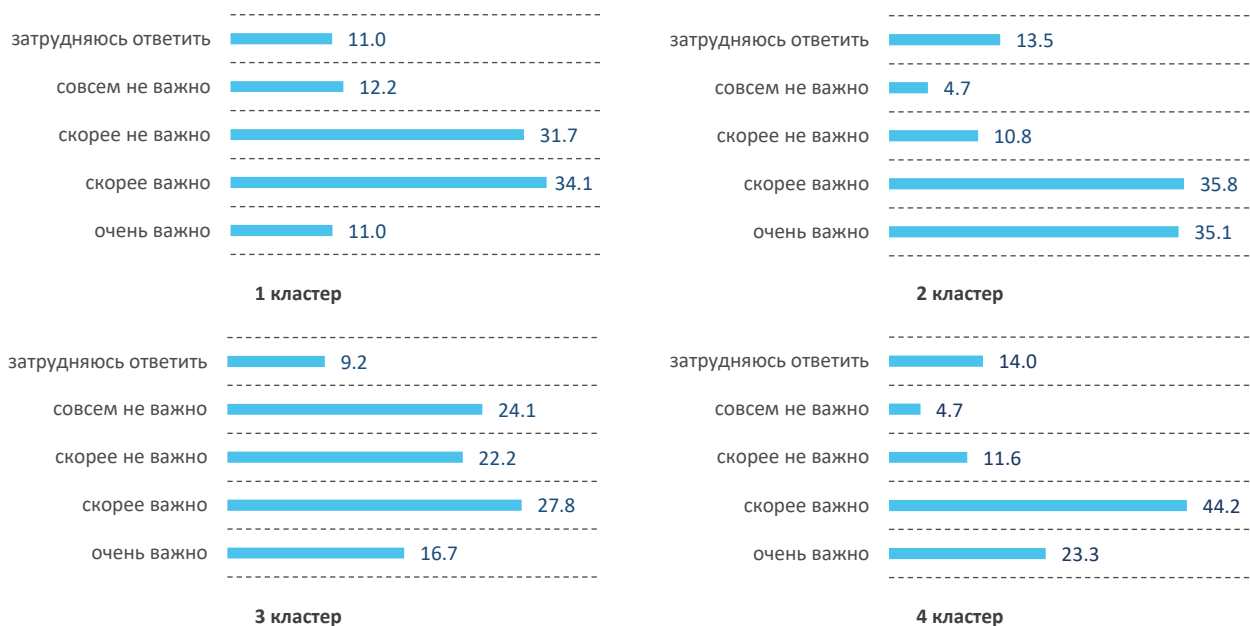

Рис. 14. Уровень инбридинга (вопрос в анкете «Насколько для Вас важно продолжить свою профессиональную деятельность в этом университете?»), %

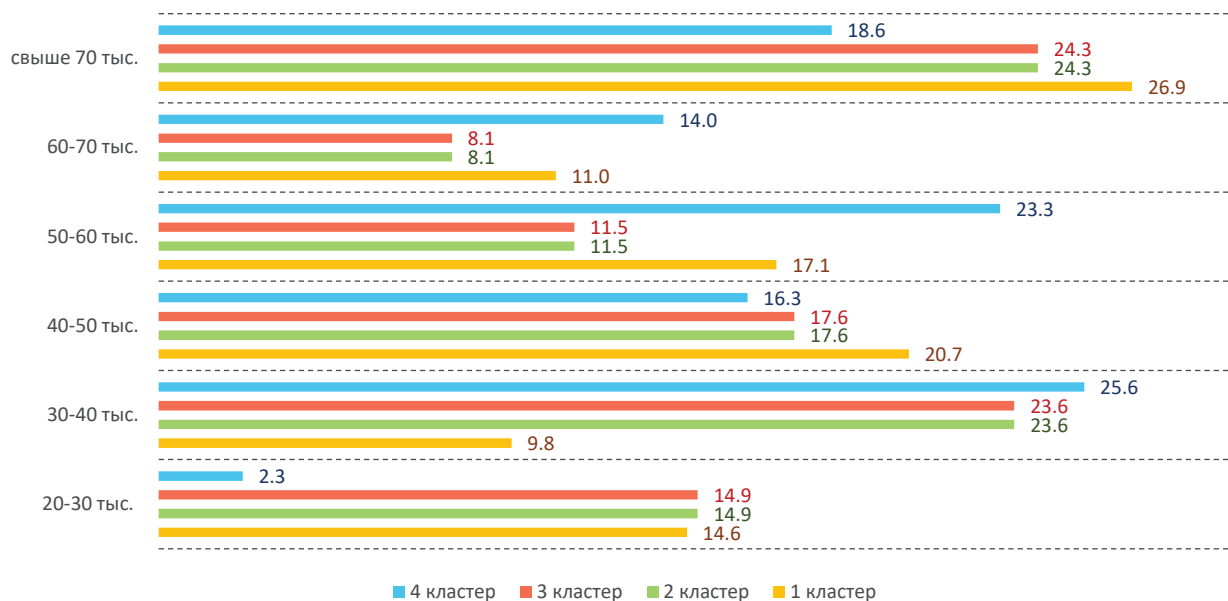

Рис. 15. Ожидания респондентов относительно заработной платы после окончания аспирантуры, %

Уровни финансовой мотивации для всех кластеров достаточно высоки (рис. 15).

Оценка факторов карьеры в сфере производства и передачи знаний

Далее группы сравнивались по значимости для респондентов мотивов и стимулов

в работе в целом¹⁶. Для аспирантов первого кластера наиболее значимыми мотивами в работе являются возможность реализовать свои способности и интересы, постоянное профессиональное развитие и высокий уровень заработной платы. Последний мотив, безусловно, связан с отмеченной выше цен-

¹⁶ В процессе опроса респондентам задавался вопрос «Насколько для Вас значимы в работе следующие мотивы и стимулы?».

ностью материального достатка. Во второй группе к мотивам и стимулам, отмеченным в первой группе, добавляется разнообразная, творческая, требующая проявления инициативы работа. В третьей группе повторяются три ключевых ценности первой и второй групп (реализация способностей и интересов, профессиональное развитие и высокая заработная плата) и диагностируются новые мотивы: комфортный психологический климат на работе, удобный график и хорошие условия работы. То есть для третьей группы главное – комфорт. «Три кита» мотивов первого, второго и третьего кластеров повторяются и в четвертой группе, при этом обнаруживаются новые: возможность работать с единомышленниками, близкими по устремлениям и взглядам людьми, удобный график работы.

По мнению большинства респондентов, в первую очередь сделать карьеру в научно-образовательной сфере помогают следующие факторы: постоянное расширение и углубление знаний; целеустремленность, волевые качества и профессиональное развитие, совершенствование. Все это свидетельствует о наличии у аспирантов ярко выраженной позиции относительно того, что на успех в этой сфере могут повлиять только они сами, так как все отмеченное ими связано с внутренними ценностно-мотивационными установками.

И, наконец, респондентам был задан вопрос «Что может повлиять на принятие Вами решения остаться работать в научно-образовательной сфере?». Он позволил провести анализ факторов-стимулов для удержания аспирантов в научно-исследовательской и образовательной сферах. Во всех группах отмечены такие факторы, как конкурентный уровень заработной платы и наличие сильного интереса и желания продолжать заниматься исследованиями, начатыми в аспирантуре¹⁷. Однако были обнаружены и различия. Так, в первой группе респонденты отмечали возможность реализации своих собственных проектов (например исследований), гибкий график работы

в академических организациях; во второй – высокую оценку (собственную и внешнюю) способностей к преподавательской деятельности, творческую атмосферу работы в академической среде, возможность постоянного развития; в третьей – только конкурентоспособный уровень заработной платы; в четвертой – предоставление возможности работы в коллективе единомышленников.

Анализируя результаты кластеризации и приводя их в соответствие с целями, задачами исследования, авторы полагают, что в целом классификацию выбора стратегий аспирантами можно назвать частично соответствующей выдвинутой гипотезе. Стратегия «исследователя» практически полностью соответствует стратегии первого кластера, но с некоторыми существенными поправками. Предполагалось, что носители этой стратегии видят свое будущее профессиональное развитие в своем же собственном университете (высокий уровень инбридинга) и для них финансовая мотивация не так важна (низкий уровень), но полученные данные свидетельствуют об обратном: низкий или средний уровень инбридинга и высокий уровень мотивации. Кроме того, обнаружилась новая сфера профессиональных интересов в данной группе – наукоемкий бизнес. Таким образом, данную стратегию можно детерминировать не как стратегию «исследователя», а как стратегию «исследователя-фрилансера». Второй кластер, по мнению исследователей, практически полностью соответствует стратегии «типичного преподавателя». Прогнозировалось, что ее носители будут обладать высоким уровнем инбридинга, намерением профессионального развития в сфере преподавательской деятельности в собственном университете и др. Авторы также предлагают уточнить ее сущность: не стратегия «типичного преподавателя», а стратегия «НПР-инбрида». Отметим, что второй кластер охватил почти половину респондентов (46%). Третий кластер практически полностью соответствует стратегии тех аспирантов, которые не могут определиться с выбором (стратегия

¹⁷ В третьей группе этот фактор не был популярен.

«неопределившихся»), они готовы работать в разных профессиональных сферах, в том числе не связанных с исследованиями, преподаванием, выполнять различные роли, в том числе им не чуждо предпринимательство, самозанятость. Гипотеза о существовании выбора стратегии «НПР-фрилансера» не подтвердилась. В самом немногочисленном четвертом кластере появилась новая роль, не включенная в описание гипотез авторами, – роль администратора-менеджера. Возможно, действительно, определенная часть аспирантов планирует не только горизонтальное профессиональное развитие, но и вертикальное развитие карьеры внутри собственного университета (отмечен также высокий уровень инбридинга и высокий уровень финансовой мотивации). Обратим внимание на распределение карьерных стратегий аспирантов по курсам обучения (рис. 16).

Как видно из диаграммы, и на втором, и на третьем, и на четвертом курсах преимущественно выбирается стратегия второго кластера – стратегия «НПР-инбрида». Несмотря на то что исследование не является лонгитюдным, авторы полагают, что данное распределение может говорить об устойчивости стратегий в различные периоды обучения (возможно, небольшой временной лаг обучения не позволяет меняться мотивам, ценностям и другим индивидуальным предпочтениям аспирантов), и при этом степень изменчивости внешней среды тоже находится в стабильном состоянии.

Выводы

1. В ходе исследования была подтверждена гипотеза о дифференциации выбора выпускниками аспирантуры типа карьеры в сфере производства и передачи знаний. Авторами сформулирована гипотеза о существовании четырех типичных карьерных стратегий, которые могут демонстрировать выпускники аспирантуры: стратегия «исследователя», стратегия «научно-педагогического работника-фрилансера», стратегия «типичного преподавателя», стратегия «неопределившихся». В основу кластеризации была положена мотивация поступления в аспирантуру (16 факторов). Данные стратегии также имели отличия по таким критериям, как ценностные установки, мотивация и стимулы в работе, профессиональные планы развития, факторы, влияющие на принятие решения остаться работать в научно-образовательной сфере. В результате исследования подтвердились не все гипотезы, некоторые из них были модифицированы исходя из полученных выводов. Были обнаружены следующие стратегии, формируемые респондентами в период обучения по программам подготовки кадров высшей квалификации:

- стратегия «исследователя-фрилансера» (наличие «вкуса к науке», постоянное стремление к профессиональной самореализации, ориентация на построение научной карьеры, развитие в научно-исследовательской сфере (университетах, НИИ), выполнение профессиональной роли исследователя, зависи-

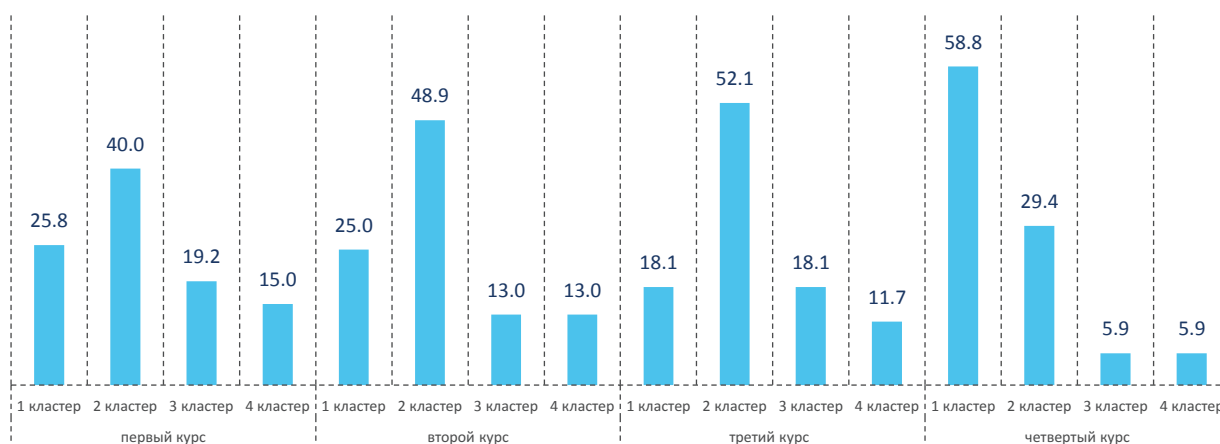

Рис. 16. Распределение карьерных стратегий аспирантов по курсам обучения

мость от наличия научных школ, научно-исследовательской инфраструктуры, высокий уровень финансовой мотивации, низкий или средний уровень инбридинга);

– стратегия «НПР-инбрида» (предпочтения формируются вокруг профессионального развития в сфере преподавания (академическая карьера), ориентация на средний уровень финансовой мотивации, высокий уровень инбридинга);

– стратегия «неопределившихся» (разнонаправленность целевых установок относительно своего будущего профессионального развития либо их отсутствие, ее носители не являются приверженцами профессионального развития только в академической сфере, они готовы уходить на неакадемические рынки труда и выполнять профессиональные функции по профилю или не по профилю подготовки (работа в различных профессиональных областях), уровень инбридинга может быть разным (низкий, средний, высокий), высокие требования к уровню заработной платы).

Гипотеза о существовании выбора стратегии «НПР-фрилансера» не подтвердилась. Была обнаружена новая стратегия, связанная с профессиональным развитием в организационно-управленческой деятельности собственного университета.

2. По мнению авторов, достаточно важен вывод о том, что в целом у всех обучающихся по программам подготовки кадров высшей квалификации есть «вкус к науке», даже в группе носителей «стратегии неопределившихся» это единственный более-менее выраженный мотив, что, безусловно, отвергает некоторые экспертные мнения (в аспирантуру идут для того, чтобы получить отсрочку от армии, «по инерции», «потому что заставили родители», заполнить свое свободное время) [3]. Иными словами, результаты проведенного опроса подтвердили, что в аспирантуру молодежь, в большинстве своем, идет осознанно, и эта осознанность связана с инвестициями

в человеческий капитал, с желанием личного и профессионального роста.

3. Обратим внимание на существование в среде обучающихся по программам подготовки кадров высшей квалификации тех аспирантов, которые не определились со своим карьерным выбором и не имеют мотивации профессионального развития в сфере производства и передачи знаний. Инвестиции в развитие человеческого капитала этих индивидов не представляются эффективными. Возможно, нужно жестко отсеивать их при наборе в аспирантуру, тогда имеет смысл совершенствовать методики отбора и оценки мотивов и ценностей при поступлении в аспирантуру и формировать в дальнейшем инструменты механизма вовлечения и удержания эффективных и мотивированных молодых ученых и преподавателей-исследователей.

4. Авторы также хотели бы обратить внимание на один из главных недостатков представленного и подобных исследований. Речь идет о репрезентативности полученных выводов. Как было обозначено в разделе статьи, посвященном методологии, выборочную совокупность составили только аспиранты федеральных университетов (обоснование выбора было подробно представлено авторами). Это около 2% от всей генеральной совокупности аспирантов. Подобный охват наблюдается и в исследованиях, проводимых в этой области НИУ ВШЭ (14 российских университетов, имеющих особый статус – участники Проекта «5–100», федеральные университеты). К сожалению, в России исследований подобного типа и масштаба не так много. Авторы полагают, что, несмотря на названные недостатки, определенные выводы по «качественным» трендам в области принятия аспирантами решений относительно будущего профессионального развития можно делать по представленным исследованиям. Кроме того, подобная формирующаяся практика таких проектов позволяет совершенствовать методологию и методы их проведения.

ЛИТЕРАТУРА

1. Михалкина Е.В., Скачкова Л.С. Почему выпускники аспирантуры не выбирают работу в университетах? // *Terra Economicus*. 2018. Т. 16. № 4. С. 116–129. DOI: 10.23683/2073-6606-2018-16-4-116-129
2. Schultz T. *Investment in Human Capital: The Role of Education and Research*. New York: Free Press, 1971.
3. Shultz T.W. Investment in human capital. *American Economic Review*, 1961, vol. 51, no. 1, pp. 1–17.
4. Becker G.S. *Human Capital*. New York: Columbia University Press for the National Bureau of Economic Research, 1964.
5. Mincer J. Investment in Human Capital and Personal Income Distribution. *Journal of Political Economy*, 1958, vol. 66, no. 4, pp. 281–302.
6. Ben-Porath Y. *The Production of Human Capital and The life Cycle of Earnings*. New York, London, 1970.
7. Kendrick J. *The Formation and Stocks of Total Capital*. New York: Columbia University Press, 1976.
8. Machlup F. *Knowledge: Its Creation, Distribution and Economic Significance, Volume III: The Economics of Information and Human*. Princeton, 1984. 666 p.
9. Thurow L. *Building Wealth. The New Rules for Individuals, Companies and Countries in Knowledge-Based Economy*. New York: Harper Collins, 1996.
10. Stern S. Do scientists pay to be scientists? *Management Science*, 2004, no. 50 (6), pp. 835–853.
11. Churchill H., Sanders T. *Getting your PhD: An insiders' guide*. London: Sage Publications, 2007. 224 p.
12. Leonard D., Becker R., Coate K. To prove myself at the highest level: The benefits of doctoral study. *Higher Education Research & Development*, 2005, no. 24 (2), pp. 135–149.
13. Gill T., Hoppe U. The business professional doctorate as an informing channel: A survey and analysis. *International Journal of Doctoral Studies*, 2009, no. 4, pp. 27–57.
14. Brailsford I. Motives and aspirations for doctoral study: Career, personal, and inter-personal factors in the decision to embark on a history PhD. *International Journal of Doctoral Studies*, 2010, no. 5 (1), pp. 16–27.
15. Акерлоф Дж.А., Крэнтон Р.И. Идентичность и экономика организаций // *Рос. журн. менеджмента*. 2010. Т. 8. № 2. С. 107–130.
16. Филоненко Ю.В., Яковлева Е.А. Факторы и компоненты субъективного благополучия научно-педагогических работников современных университетов // *Journal of Economic Regulation*. 2018. Т. 9. № 4. С. 160–177. DOI: 10.17835/2078-5429.2018.9.4.160-177
17. Бедный Б.И., Миронос А.А., Рыбаков Н.В. Профессионально ориентированные аспирантские программы: взаимодействие университетов и индустрии // *Вестн. Нижегород. ун-та им. Н.И. Лобачевского. Сер. «Социальные науки»*. 2018. № 1 (49). С. 37–42.
18. Перспективы молодых специалистов на академическом рынке труда / М. Финкельштейн [и др.] // *Вопросы образования*. 2014. № 2. С. 20–43. DOI: 10.17323/1814-9545-2014-2-20-43
19. Alipova O., Lovakov A. Academic inbreeding and publication activities of Russian faculty. *Tertiary Education and Management*, 2018, no. 24 (1), pp. 66–82. DOI: 10.1080/13583883.2017.1395905
20. Gruzdev I., Terentev E. Life after PhD: What Careers Do PhD Students in Russia Consider? *Higher Education in Russia and Beyond*, 2016, vol. 3, no. 9, pp. 20–23.
21. Юдкевич М.М., Альтбаха Ф.Дж., Рамбли Л. Академический инбридинг и мобильность в высшем образовании: Глобальные перспективы М.: Изд. дом Высшей школы экономики, 2016. 328 с.
22. Horta N., Yudkevich M. The role of academic inbreeding in developing higher education systems: Challenges and possible solutions. *Technological Forecasting and Social Change*, 2016, vol. 113, pp. 363–372. DOI: 10.1016/j.techfore.2015.06.039
23. Soler M. How Inbreeding Affects Productivity in Europe. *Nature*, 2001, no. 411 (6834), pp. 132–132.
24. Портрет современного российского аспиранта. Сер. «Современная аналитика образования». Вып. 7 (15) / С.К. Бекова [и др.]. М.: НИУ ВШЭ, 2017.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ

Елена Владимировна Михалкина – доктор экономических наук, профессор, декан, Федеральное государственное автономное образовательное учреждение высшего образования «Южный федеральный университет». Российская Федерация, 344007, г. Ростов-на-Дону, ул. М. Горького, д. 88; e-mail: evmihalkina@sfnu.ru

Людмила Сергеевна Скачкова – кандидат экономических наук, доцент, заведующий кафедрой, Федеральное государственное автономное образовательное учреждение высшего образования «Южный федеральный университет». Российская Федерация, 344007, г. Ростов-на-Дону, ул. М. Горького, д. 88; e-mail: lskachkova@gmail.com

Mikhalkina E.V., Skachkova L.S.

CAREER STRATEGIES CHOSEN BY POSTGRADUATE STUDENTS OF FEDERAL UNIVERSITIES

Ambiguous indicators of development of highly qualified personnel training programs in the Russian Federation, difficulties and institutional barriers preventing postgraduate students' access to the academic and non-academic labor markets, as well as new trends in the field of scientific and technological development caused the authors' research interest in studying postgraduate students' choice of future career strategies. According to the authors, the formation of human capital in the sphere of knowledge production and transfer depends on the postgraduate students' orientation and content of their career strategies. Based on the results of an expert survey organized within the framework of the first stage of the research project "Choice of career strategies by graduate students", supported by the Russian Foundation for Basic Research (grant 18-010-00591), the authors test the hypothesis of the existence of four typical career strategies that can be chosen by postgraduate students in the academic and non-academic labor markets: "researcher's" strategy (development mainly in the research field), the strategy of the "scientific and pedagogical freelancer" (focus on mobility, work in other universities in the field of research and teaching), "typical teacher's" strategy (a typical progressive algorithm of postgraduate's development: from assistant to associate Professor and Professor), as well as the strategy of the "undecided". Conclusions about the postgraduates' professional choice are formed on the basis of a survey of 1429 respondents from 5 Federal universities (Kazan (Volga) Federal University, Northern (Arctic) Federal University named after M.V. Lomonosov, North Caucasus Federal University, Siberian Federal University, Southern Federal University).

Reproduction of human capital, postgraduate school, scientific personnel, staffing of regions, labor market of postgraduate students, postgraduates' career strategies, academic labor market.

INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

Elena V. Mikhalkina – Doctor of Economics, Professor, Dean, Federal State Autonomous Educational Institution of Higher Education "Southern Federal University". 88, Gorky Street, Rostov-on-Don, 344007, Russian Federation; e-mail: evmihalkina@sfnu.ru

Lyudmila S. Skachkova – Ph.D. in Economics, Associate Professor, Head of the Department, Federal State Autonomous Educational Institution of Higher Education "Southern Federal University". 88, Gorky Street, Rostov-on-Don, 344007, Russian Federation; e-mail: lskachkova@gmail.com

МОНИТОРИНГ ПЕРЕМЕН: ОСНОВНЫЕ ТЕНДЕНЦИИ

МОНИТОРИНГ ЭКОНОМИКИ: СЕНТЯБРЬ 2019 ГОДА

DOI: 10.15838/ptd.2019.6.104.11 • УДК 330.342(470.12) • ББК 65.050.22(2Рос-4Вол)

ФГБУН «Вологодский научный центр Российской академии наук» продолжает знакомить читателей с материалами о состоянии и тенденциях развития экономики России и Вологодской области¹

По предварительным оценкам Росстата, по итогам 9 месяцев 2019 года рост российской экономики составил лишь 1,1%, замедлившись почти в два раза по сравнению с аналогичным периодом прошлого года.

1. Производство валового продукта

Основой роста экономики по-прежнему было промышленное и сельскохозяйственное производство.

↻ В январе – сентябре 2019 года относительно аналогичного периода 2018 года² выпуск промышленности в целом по стране вырос на 2,7% (табл. 1). Наибольший прирост зафиксирован в сфере добычи полезных ископаемых (на 3,6%), обрабатывающие производства показали увеличение на 2,2%. В Вологодской области отмечен подъем промышленности на 3,1%, в том числе обрабатывающих производств – на 3,3%. При этом как в стране, так и в регионе рост промпроизводств замедлился, однако стоит отметить, что Вологодская область показала лучший результат (39 место по стране) по сравнению с другими регионами-металлургами: Кемеровская область по это-

му показателю находится на 49 месте (+2,6%), Челябинская – на 56 месте (+1,8%), а Липецкая – на 78 месте (-2,9%).

Следует отметить, что, несмотря на общую замедляющуюся динамику роста, развитие промышленности в разрезе ее основных секторов носит неоднородный характер. Так, в секторе промышленности конечного спроса отчетливо наблюдаются процессы торможения развития.

↻ Пищевое производство в России выросло на 3,6%. На позитивную динамику выпуска продовольственной продукции оказало влияние существенное увеличение объема выпуска переработанного картофеля (+21,4%), растительного масла (+15,6%), сыров (+8,8%), мясных консервов (+17,7%), рыбных пресервов (+19,8%) и ракообразных мороженых (+49,4%).

↻ В Вологодской области пищевая промышленность показала снижение на 4,9%, что обусловлено сокращением производства ряда видов продукции, в частности минеральной питьевой воды (-12,7%), переработанного мяса (-5%), в том числе домашней птицы (-39,5%), а также переработанной

Для цитирования: Сидоров М.А. Мониторинг экономики: сентябрь 2019 года // Проблемы развития территории. 2019. № 6 (104). С. 173–181. DOI: 10.15838/ptd.2019.6.104.11

For citation: Sidorov M.A. Monitoring of the economy: September 2019. *Problems of Territory's Development*, 2019, no. 6 (104), pp. 173–181. DOI: 10.15838/ptd.2019.6.104.11

¹ Материалы подготовлены в соответствии с государственным заданием для ФГБУН ВолНЦ РАН по теме НИР № 0168-2019-0005 «Исследование факторов и методов устойчивого развития территориальных систем в изменяющихся мировых геополитических и геоэкономических условиях».

² Здесь и далее по тексту (если не оговорено иное) сопоставляется январь – сентябрь 2019 года с январем – сентябрем 2018 года.

Таблица 1. Динамика промышленного и с/х производства, % к соответствующему периоду предыдущего года

	9 мес. 2018 г.	2018 г.	3 мес. 2019 г.	6 мес. 2019 г.	9 мес. 2019 г.
Промышленное производство					
РФ	103,0	102,9	102,1	102,6	102,7
ВО	104,9	104,2	103,0	101,8	103,1
Обрабатывающие производства					
РФ	103,2	102,6	101,3	101,9	102,2
ВО	105,3	104,3	102,9	102,0	103,3
Пищевое производство					
РФ	104,3	104,9	104,4	103,0	103,6
ВО	106,9	104,2	110,2	94,4	95,1
Ц/б и полиграфическое производство					
РФ	111,7	112,6	107,5	103,5	102,2
ВО	108,2	106,3	98,8	100,5	105,5
Деревообработка					
РФ	108,6	110,6	109,0	108,3	106,9
ВО	103,6	102,8	119,3	115,7	126,3
Химическое и нефтехимическое производство					
РФ	103,1	102,7	103,1	104,6	105,5
ВО	113,8	109,8	98,5	101,4	104,0
Металлургическое производство					
РФ	100,5	101,7	102,8	103,3	103,5
ВО	104,0	103,8	102,9	103,8	102,2
Машиностроение					
РФ	105,9	99,4	97,8	98,3	99,2
ВО	106,9	86,9	120,7	109,1	115,3
Производство строительных материалов					
РФ	104,8	104,4	108,4	107,1	105,5
ВО	86,3	94,4	118,5	127,3	122,4
Сельское хозяйство					
РФ	98,2	99,8	101,1	101,2	103,6
ВО	106,7	104,5	100,2	100,8	105,6

рыбы (-10,4%), включая снижение производства мороженой рыбы на 58,5%. При этом производство сливочного масла увеличилось на 13,3%, а шоколада – на 24,5%.

↻ В российском производстве целлюлозно-бумажной и полиграфической продукции зафиксирован прирост выпуска на уровне 2,2%, что значительно ниже, чем в аналогичном периоде прошлого года. На рост показателя оказало влияние расширение производства бумажной продукции (на 3,3%), наибольший прирост отмечен в производ-

стве обоев (+13,2%). В Вологодской области по данному виду деятельности зафиксирован прирост на 5,5%, во многом обусловленный увеличением объема выпущенной полиграфической продукции (на 15,6%).

В **секторе промышленности промежуточного спроса** в исследуемом периоде отмечен умеренный рост.

↻ Деревообрабатывающая промышленность страны увеличила выпуск на 6,9%. Помимо расширения производства топливных брикетов (+64,7%) отмечено увеличение заготовки лесоматериалов на 15,4%. В Вологодской области деревообработка также активно развивалась – прирост составил 26,3%. Положительная динамика региональной деревообработки во многом обусловлена открытием и запуском летом 2019 года нового комбината по производству березовой фанеры, при этом Губернатор области О.А. Кувшинников заявил о поставленной задаче к 2024 году перейти на 100-процентную глубокую переработку древесины в границах региона с целью создания высокомаржинального продукта³. Существенно выросли объемы производства деревянных дверей, их коробок и порогов (на 55,9%), деревянных домов заводского изготовления (на 30,5%), древесностружечных плит (на 30,9%). Замедляющим фактором стало сокращение выпуска деревянных окон на 26,2%.

↻ Производство продукции химической и нефтехимической промышленности в целом по стране выросло на 5,5%. Высокую динамику демонстрирует производство лакокрасочных материалов (+14,6%) и ряда видов лекарственных средств (+17,3%). В Вологодской области отмечено замедление роста индекса физического объема в химическом производстве до 104% (годом ранее – 113,8%), сопровождавшееся снижением цен на экспортируемую продукцию. Спад в традиционном экспортоориентированном производстве калийных удобрений на 7,8% был частично компенсирован наращиванием выпуска азотных (+7,5%)

³ Новый фанерный комбинат открылся в Вологде. URL: https://вести35.рф/video/2019/11/15/novyy_fanernyy_kombinat_otkrylsya_v_vologde

и фосфорных (+4,6%) удобрений. На 4,2% выросло производство пластмасс в первичных формах.

В металлургической промышленности России наблюдается увеличение объема произведенной продукции на 3,5%. По видам продукции наибольший рост зафиксирован в производстве необработанного золота (+20,2%), конструкций из черных металлов (+10,4%) и алюминия (+42,4%), при этом резко сократился выпуск алюминиевой проволоки (-69,2%). В вологодской металлургии производство увеличилось на 2,2%, в том числе в отгрузке чугуна на 3,1%.

В секторе промышленности инвестиционного спроса сохраняются разнонаправленные тенденции.

Машиностроение в целом по стране продолжило сокращаться, снижение составило 0,8%. Отрицательная динамика во многом обусловлена снижением активности в сфере станко-, приборо- и автомобилестроения. Так, в связи с проведением в 2018 году переоснащения торговых организаций подключенными к интернету контрольно-кассовыми аппаратами их выпуск в текущем году сократился на 66%. Выпуск компьютеров и их деталей снизился на 7,6%, насосов центробежной подачи жидкостей – на 24,8%, автобусов с максимальной массой до 5 т – на 44,8%, автокузовов – на 7%.

Однако в машиностроении зафиксирован ряд положительных тенденций, в частности, отмечен рост производства диагностического и терапевтического оборудования для облучения, реабилитации (+31,7%), газовых турбин (в 2,3 раза), электродвигателей мощностью более 37,5 Вт (+39,7%), тракторов (+8,6%), грузовых вагонов (+17,6%). В Вологодской области выпуск машиностроительной продукции вырос на 15,3%, что обусловлено значительным увеличением производства электроаппаратуры (в 3 раза). В то же время на 16,7% сократился объем выпуска одного из ключевых товаров региональной промышленности – шариковых и роликовых подшипников.

В сфере производства стройматериалов зафиксировано ускорение роста, увели-

чение выпуска в целом по стране составило 5,5%. Эта тенденция согласуется с положительной динамикой в жилищном строительстве. Значительное расширение отмечено в изготовлении плит из цемента и бетона (+23,4%), плитки керамической фасадной (+11,6%). Увеличены объемы производства товарного бетона (+16,1%), огнеупорных кирпичей (+15,3). Прирост выпуска стройматериалов в Вологодской области (+22,4%) обусловлен резко увеличившимся производством товарного бетона (в 3,8 раза) и дорожных асфальтобетонных смесей (+29,3%).

Выпуск сельскохозяйственной продукции в целом по стране вырос на 3,6%. В частности, зафиксировано увеличение производства зерна на 21,6%, а скота и птицы на убой – на 3,7%, в том числе отмечен рост выпуска продукции свиноводства на 10%. Наблюдается рост производства молока на 3,5%, при этом на 5,9% увеличились надои молока на одну корову. В Вологодской области выпуск сельскохозяйственной продукции вырос на 5,6%, куриных яиц – на 12,4%, молока – на 4,1%.

Отмечаемая положительная динамика сопровождается благоприятными изменениями на рынке труда.

Уровень безработицы в стране снизился на 0,2 п. п. (до 4,6% в среднем за 9 месяцев 2019 года; табл. 2). В Вологодской области уровень безработицы также сократился до 4,6%. Параллельно продолжилась расти потребность в работниках, которую работодатели регистрируют в службе занятости населения: в стране – на 2,6%, в Вологодской области – на 11,2%.

Таблица 2. Динамика рынка труда, % к соответствующему периоду предыдущего года

	9 мес. 2018 г.	2018 г.	3 мес. 2019 г.	6 мес. 2019 г.	9 мес. 2019 г.
Уровень безработицы, % от численности занятых					
РФ	4,8	4,8	4,8	4,7	4,6
ВО	5,4	5,1	6,1	4,9	4,6
Потребность работодателей в работниках					
РФ	107,1	106,8	106,0	104,1	102,6
ВО	87,5	91,6	109,6	112,2	111,2

2. Образование доходов

На стадии образования доходов в экономике происходят позитивные изменения, результатом которых стало увеличение доходов населения, государства и бизнеса.

↻ Реальные денежные доходы россиян в исследуемом периоде выросли на 1,8% (табл. 3).

Таблица 3. Динамика образования доходов, % к соответствующему периоду предыдущего года

	9 мес. 2018 г.	2018 г.	3 мес. 2019 г.	6 мес. 2019 г.	9 мес. 2019 г.
Реальные денежные доходы населения					
РФ	100,8	100,9	98,5	99,7	101,8
ВО	94,6	97,2	95,8	99,7	н/д
	8 мес. 2018 г.	2018 г.	3 мес. 2019 г.	6 мес. 2019 г.	8 мес. 2019 г.
Реальная начисленная заработная плата					
РФ	93,8	100,9	100,0	103,4	95,0
ВО	93,9	102,0	105,8	100,3	94,2
Сальдированный финансовый результат деятельности организаций					
РФ	130,6	146,6	149,0	123,2	116,7
ВО	197,5	105,9	79,9	82,1	106,0
	9 мес. 2018 г.	2018 г.	3 мес. 2019 г.	6 мес. 2019 г.	9 мес. 2019 г.
Доходы консолидированного бюджета					
РФ	110,3	113,3	111,5	112,0	112,5
ВО	116,6	120,0	111,9	108,3	111,3

↻ При этом негативным фактором изменения реальных денежных доходов населения стало снижение **реальной начисленной заработной платы** россиян в январе – августе 2019 года на 5%. В Вологодской области размер реальной начисленной заработной платы также снизился (-5,8%).

↻ Рост **сальдированного финансового результата** (прибыль минус убыток) деятельности российских организаций в первые 8 месяцев 2019 года замедлился, сохранив при этом позитивную динамику. Увеличение с учетом инфляции составило 16,7%. В Вологодской области значение данного показателя выросло на 6%.

↻ Реальные **доходы консолидированного бюджета** (с учетом внебюджетных фондов) в январе – сентябре 2019 года росли быстрее относительно аналогичного периода преды-

дущего года, увеличение в целом по стране составило 12%, в Вологодской области – 10,3%.

↻ Бюджетная обеспеченность (отношение доходов консолидированного бюджета к численности населения) как в среднем по регионам страны, так и Вологодской области в 2009–2018 гг. стабилизировалась, превысив в 2018 году уровень 2008 года.

↻ Долговая нагрузка (рассчитываемая как отношение внутреннего долга к доходам консолидированного бюджета) регионов при этом последовательно снижалась – в среднем по стране на 21,7%, по Вологодской области – на 32,9%. Позитивной тенденцией также является то, что впервые с 2008 года в структуре государственного долга области отсутствуют кредиты коммерческих организаций.

3. Конечное использование

Важным фактором экономического роста в исследуемом периоде стал потребительский спрос.

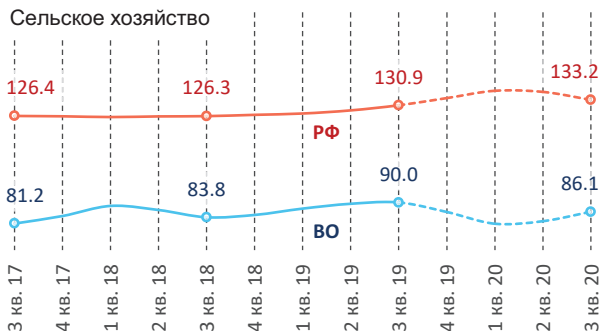
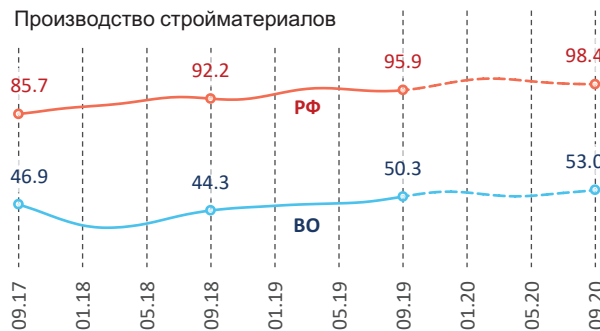
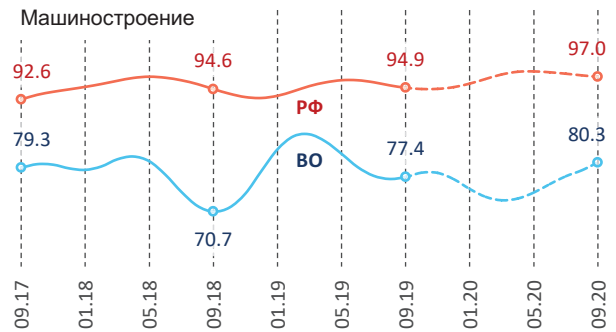
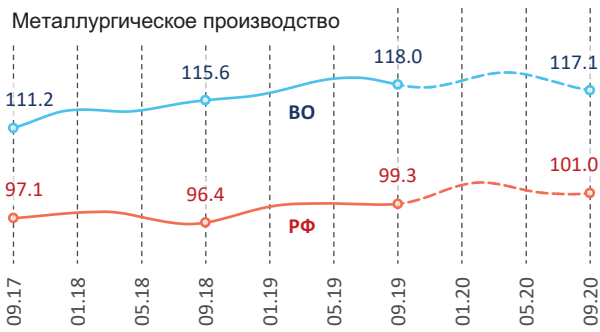
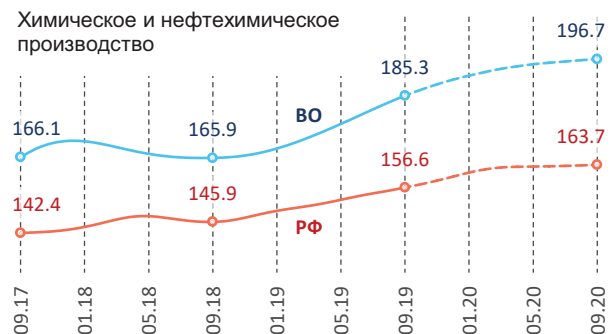
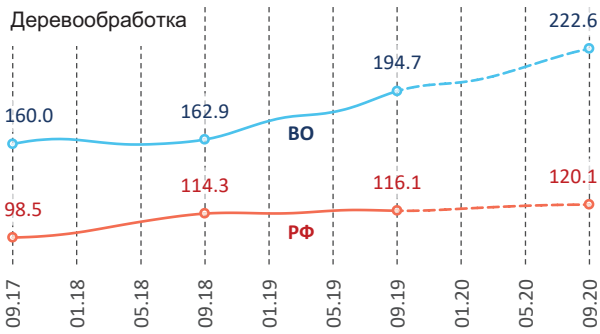
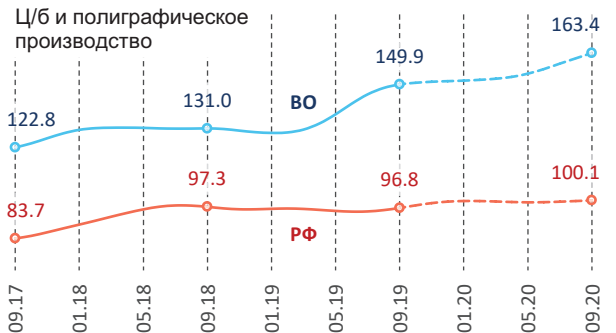
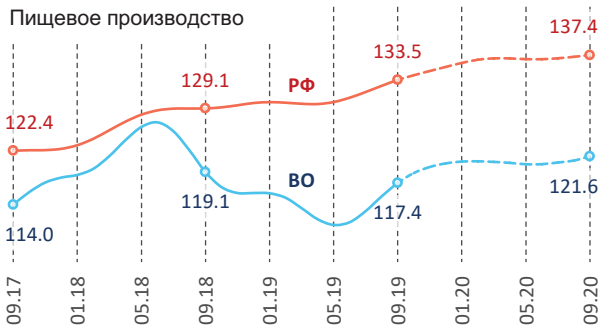
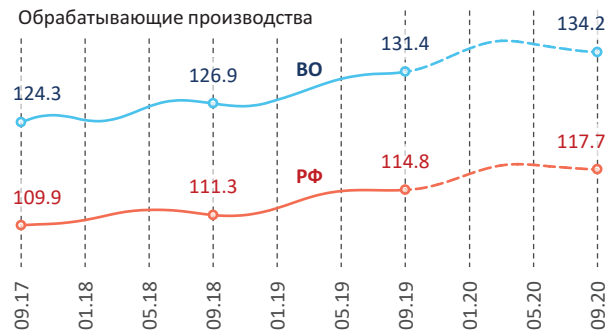
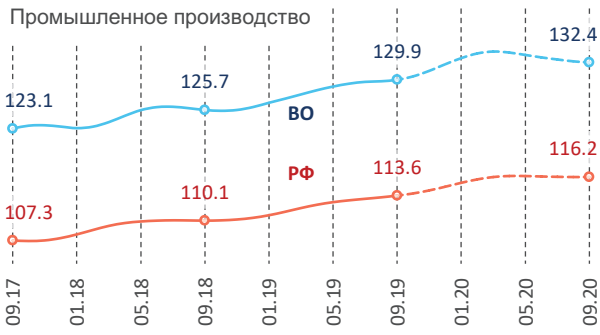
↻ Оборот розничной торговли в стране рос медленнее, чем реальные доходы населения, увеличившись на 1,4% (в том числе продовольственными товарами – на 1,3%, непродовольственными – на 1,6%), в Вологодской области – на 2,6% (продовольственными товарами – на 1,3%, непродовольственными – на 4,3%, табл. 4).

↻ Объем выполненных строительных работ в целом по стране увеличился всего на 0,3%, а в Вологодской области и вовсе существенно сократился (на 9,2%).

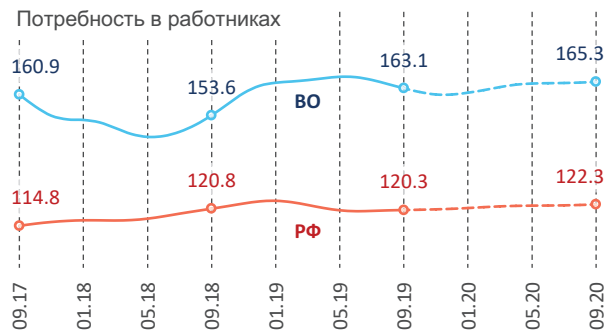
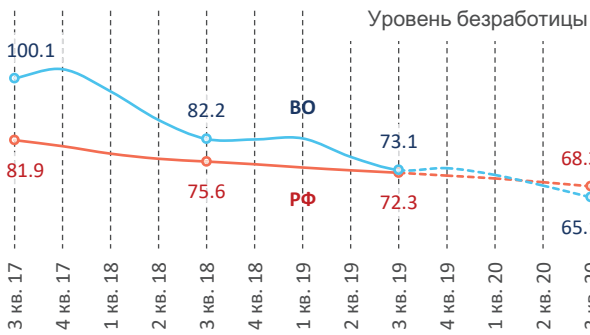
Таблица 4. Динамика потребительского рынка и строительства, % к соответствующему периоду предыдущего года

	9 мес. 2018 г.	2018 г.	3 мес. 2019 г.	6 мес. 2019 г.	9 мес. 2019 г.
Оборот розничной торговли					
РФ	102,8	102,8	101,9	101,8	101,4
ВО	104,9	105,8	105,1	104,1	102,6
Объем работ по ВЭД «Строительство»					
РФ	105,9	105,3	100,2	100,1	100,3
ВО	101,5	103,6	111,5	114,7	90,8
Строительство жилых домов					
РФ	98,0	95,5	94,4	103,7	106,9
ВО	99,1	98,0	88,6	110,6	109,7

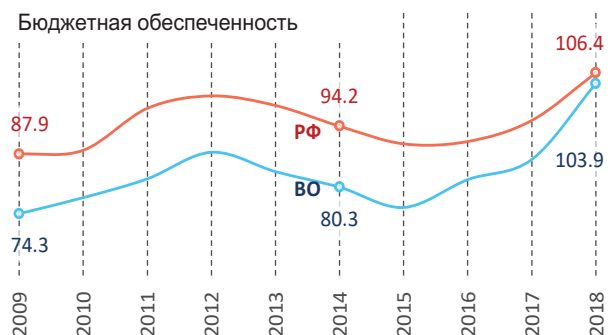
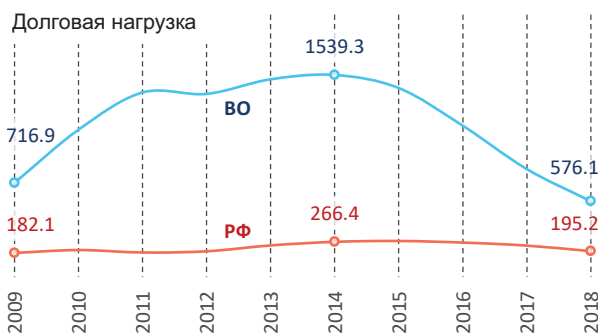
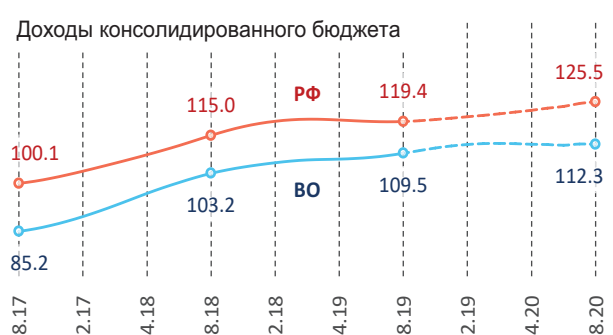
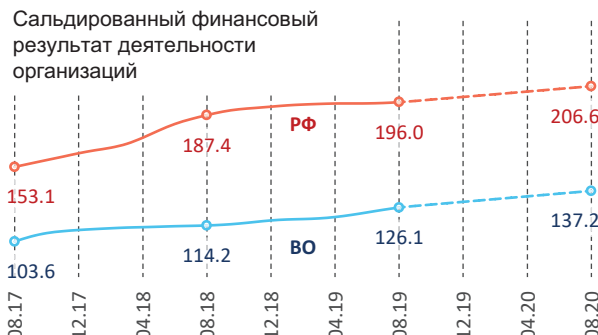
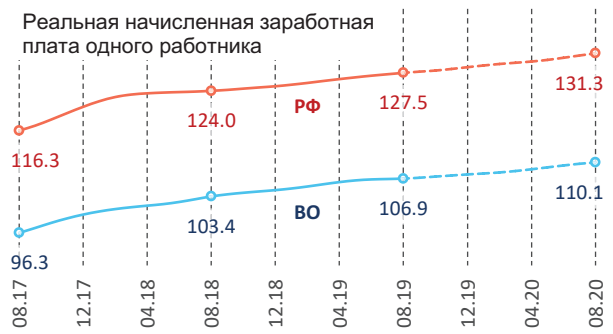
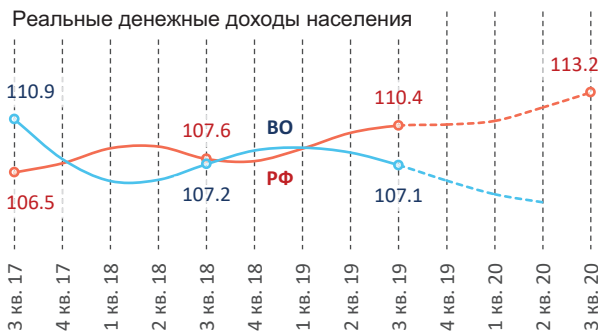
Тренды развития промышленного и с/х производства в 2017–2020 гг., % к уровню 2008 года

Тренды развития рынка труда в 2017–2020 гг., % к уровню 2008 года

Тренды образования доходов в экономике в 2017–2020 гг., % к уровню 2008 года

➡ При этом в жилищном строительстве отмечена положительная динамика: в целом по стране прирост составил 6,9%, в Вологодской области – 9,7%.

Снижение активности фиксируется во внешнеторговом секторе экономики.

⚠ Экспорт товаров и услуг из России в январе – сентябре 2019 года снизился на 4,3%, что обусловлено продолжительным падением цен на продукцию сырьевого сектора (табл. 5). В Вологодской области спад значительнее – на 5,9%, что отчасти связа-

Таблица 5. Динамика внешней торговли, % к соответствующему периоду предыдущего года

	9 мес. 2018 г.	2018 г.	3 мес. 2019 г.	6 мес. 2019 г.	9 мес. 2019 г.
Экспорт товаров и услуг					
РФ	127,9	125,7	101,6	96,4	95,7
ВО	138,8	137,8	148,4	87,6	94,1
Импорт товаров и услуг					
РФ	108,0	104,8	97,3	97,2	101,2
ВО	106,9	107,3	116,9	107,1	109,4
Мировые цены на товары					
Нефть	137,1	129,4	93,6	92,3	88,6
Газ	138,2	134,4	91,9	74,6	63,8
Мет.	139,8	127,2	100,9	96,4	92,7
ФУ	122,7	121,8	96,9	91,0	85,4

но со снижением мировых цен на ключевые экспортные товары региона (металлопрокат и фосфатные удобрения).

☑ Импорт в Россию в январе – сентябре 2019 года вырос на 1,2%. В Вологодской области зафиксировано ускорение роста импорта – прирост составил 9,4% (годом ранее – 6,9%).

Ситуация на глобальных рынках характеризовалась рядом негативных тенденций: с 1 сентября США обложили десятипроцентными пошлинами часть объема поставок из КНР. Пекин, в свою очередь, облагает повышенными тарифами импорт из США. Хотя в Минкоммерции Китая заявили о том, что КНР и США договорились о постепенном снижении взаимных пошлин на поставки товаров, детали сделки, как и сроки ее возможного подписания, по-прежнему неясны. Помимо этого Дональд Трамп сказал, что США могут вовсе выйти из ВТО, поскольку «Китай и Индия более не должны получать преимущества, связанные со статусом развивающихся стран»⁴, что лишь затормозило мировую торговлю.

Таблица 6. Цены на металлопродукцию на мировом рынке (страны ЕС) за тонну (на начало ноября соответствующего года)

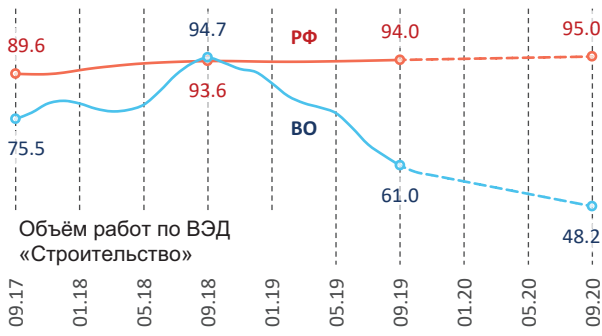
Вид металлопродукции	Единица измерения	2019 г.	2018 г.	2017 г.	2019 г. в %	
					к 2018 г.	к 2017 г.
«Плоский» прокат						
Лист холоднокатаный	Долл. США	528	688	558	76,7	94,6
Лист оцинкованный	Долл. США	618	715	588	86,4	105,1
Лист горячекатаный	Долл. США	433	588	460	73,6	94,1
«Длинный» прокат						
Арматурная сталь	Долл. США	528	611	583	86,4	90,6
Конструкционные профили	Долл. США	745	869	655	85,7	113,7
Сортовой прокат	Долл. США	635	681	610	93,2	104,1

Таблица 7. Цены на металлопродукцию на российском рынке за тонну (на начало ноября соответствующего года)

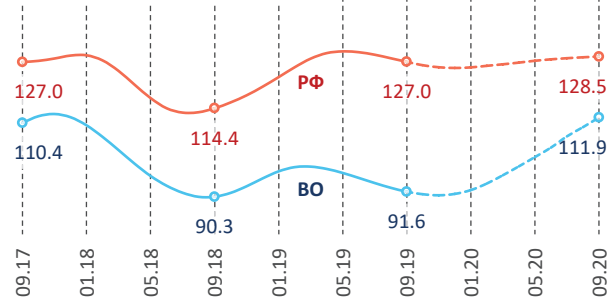
Вид металлопродукции	Единица измерения	2019 г.	2018 г.	2017 г.	2019 г. в %	
					к 2018 г.	к 2017 г.
«Плоский» прокат						
Лист холоднокатаный	Руб.	50921	49196	40584	103,5	125,5
Лист оцинкованный	Руб.	57706	61534	52218	93,8	110,5
Лист горячекатаный	Руб.	43874	42819	35330	102,5	124,2
«Длинный» прокат						
Арматура	Руб.	35076	41150	32931	85,2	106,5
Балка и швеллер	Руб.	46206	50197	44586	92,0	103,6
Круг	Руб.	37000	40924	31520	90,4	117,4
Уголок	Руб.	39286	41736	32975	94,1	119,1

⁴ <https://www.kommersant.ru/doc/4065794>

Тренды строительства в 2017–2020 гг., % к уровню 2008 года

Строительство жилых домов

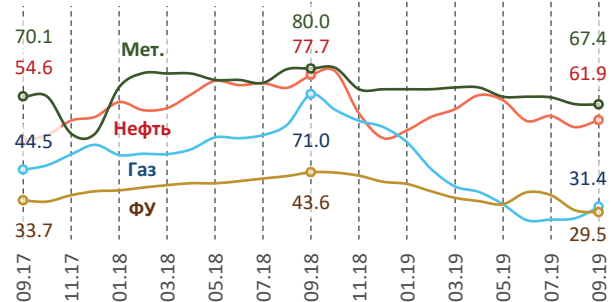

Тренды развития потребительского рынка и внешней торговли в 2017–2020 гг., % к уровню 2008 года

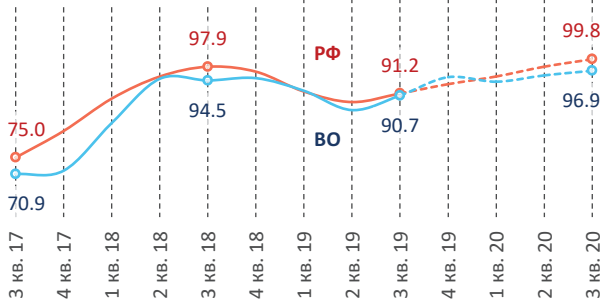
Оборот розничной торговли

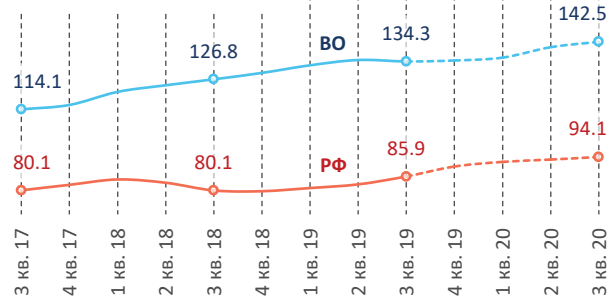
Мировые цены на товары

Экспорт товаров и услуг

Импорт товаров и услуг

☺ Результатом сворачивания активности на глобальных рынках стало снижение цен на большинство ключевых экспортруемых товаров: средние цены на нефть за первые 9 месяцев 2019 года пережили спад на 12,4%, на природный газ – на 36,2%, на фосфатные удобрения – на 14,6%, на металлопрокат – на 7,3% (при этом дешевел как «плоский», так и «длинный» прокат; табл. 6). Компенсирующим ответом на снижение экспортных доходов российских металлургов стало повышение цен на металлопродукцию на российском рынке. За исключением арматуры, балки и швеллера, подорожали почти все виды проката (табл. 7).

В целом в январе – сентябре 2019 года стагнация в российской экономике усилилась. Замедлился рост промышленного производства и ВВП в целом, снизились доходы от экспортной деятельности, упали зарплаты работников. При этом отмечены и положительные моменты, которые в дальнейшем могут оказать позитивное влияние

на экономику, в частности устойчивый рост доходов государства и бизнеса, возобновившийся (незначительный, но превышающий рост розничной торговли) рост доходов населения, развитие ряда секторов промышленности, увеличение потребности работодателей в работниках. Федеральным и региональным органам власти необходимо активизировать меры по развитию сферы распределения доходов и сбережений в экономике и трансформации их в инвестиции.

Источники:

*Росстат, Вологдастат,
Центральный банк Российской Федерации,
Федеральная таможенная служба,
Федеральное казначейство, www.metaltorg.ru,
metalinфо.ru, www.indexmundi.com*

Материал подготовил

М.А. Сидоров
*младший научный сотрудник
ФГБУН ВолНЦ РАН*

МОНИТОРИНГ СОЦИАЛЬНОГО САМОЧУВСТВИЯ НАСЕЛЕНИЯ ВОЛОГОДСКОЙ ОБЛАСТИ В ОКТЯБРЕ 2019 ГОДА

DOI: 10.15838/ptd.2019.6.104.12 • УДК 316.658(470.12) • ББК 60.527(2Рос-4Вол)

В сентябре – октябре 2019 года ВолНИЦ РАН провел очередной этап мониторинга общественного мнения о социально-экономической и политической ситуации в стране и регионе. Результаты исследования представлены в нижеследующем материале.

Мониторинг общественного мнения ФГБУН ВолНИЦ РАН (ранее – ИСЭРТ РАН) проводится с 1996 года с периодичностью один раз в два месяца. Опрашивается 1500 респондентов старше 18 лет в городах Вологде и Череповце, в Бабаевском, Великоустюгском, Вожегодском, Грязовецком, Кирилловском, Никольском, Тарногском, Шекснинском районах. Репрезентативность выборки обеспечивается соблюдением следующих условий: пропорций между городским и сельским населением; пропорций между жителями населенных пунктов различных типов (сельские населенные пункты, малые и средние города); половозрастной структуры взрослого населения области. Метод опроса – анкетирование по месту жительства респондентов. Ошибка выборки не превышает 3%.

В исследовании анализируется динамика оценок в разрезе 14 социально-демографических категорий, выделенных по:

- полу (мужчины; женщины);
- возрасту (до 30 лет; от 30 до 55 лет; старше 55 лет);
- уровню образования (среднее и неполное среднее; среднее специальное; высшее и незаконченное высшее);
- самооценке уровня доходов (20% наименее обеспеченных, 60% среднеобеспеченных, 20% наиболее обеспеченных);
- территории проживания (г. Вологда, г. Череповец, районы области).

В октябре 2019 года по сравнению с августом 2019 года оценки социального настроения жителей области существенно не изменились: доля тех, кто характеризует свое состояние как «нормальное и прекрасное», составила 70%, удельный вес людей, испытывающих «напряжение, раздражение, страх, тоску», – 24% (табл. 1).

В различных социально-демографических категориях населения за последние два месяца отмечаются неоднозначные изменения: улучшение индекса социального настроения наблюдается, прежде всего, сре-

ди людей в возрасте старше 55 лет (на 10 п., со 127 до 137 п.), среди лиц, имеющих среднее специальное образование (на 3 п., со 149 до 152 п.), в 60%-й группе среднеобеспеченных (на 3 п., со 148 до 151 п.); ухудшение – среди людей в возрасте до 30 лет (на 10 п., со 174 до 164 п.) и от 30 до 55 лет (на 6 п., со 154 до 148 п.), среди лиц с высшим и неполным высшим образованием (на 5 п., со 153 до 148 п.).

Оценки запаса терпения в среднем по региону сохранились на уровне двухмесячной давности: доля тех, кто считает, что «все не так плохо и можно жить; жить трудно, но

Для цитирования: Морев М.В., Дементьева И.Н., Леонидова Е.Э. Мониторинг социального самочувствия населения Вологодской области в октябре 2019 года // Проблемы развития территории. 2019. № 6 (104). С. 182–187. DOI: 10.15838/ptd.2019.6.104.12

For citation: Morev M.V., Dement'eva I.N., Leonidova E.E. Monitoring of the social well-being of Vologda Oblast residents in October 2019. *Problems of Territory's Development*, 2019, no. 6 (104), pp. 182–187. DOI: 10.15838/ptd.2019.6.104.12

Таблица 1. Динамика некоторых показателей социального самочувствия населения Вологодской области, % от числа опрошенных*

Показатель	Вариант ответа	2007	2011	2012	2016	2017	2018	Дек. 2018	Февр. 2019	Апр. 2019	Июнь 2019	Авг. 2019	Окт. 2019	Среднее за последние 6 опросов	Изменение (+/-), среднее за последние 6 опросов к		
															2018	2011	2007
Настроение	Прекрасное настроение; нормальное состояние	63,6	63,1	67,3	68,0	70,4	71,2	70,7	68,0	68,8	71,4	70,9	70,3	70,0	-1	+7	+6
	Испытываю напряжение, раздражение; страх, тоску	27,8	28,9	27,0	26,2	24,2	23,1	23,5	25,6	25,5	23,5	23,4	24,0	24,3	+1	-5	-4
	Индекс социального настроения	135,8	134,2	140,3	143,8	146,2	148,2	147,2	142,4	143,3	147,9	147,5	146,3	145,8	-2	+12	+11
Запас терпения	Все не так плохо и можно жить; жить трудно, но можно терпеть	74,1	74,8	76,6	78,0	77,7	77,1	77,1	74,3	76,7	78,0	76,8	77,8	76,8	0	+2	+3
	Терпеть наше бедственное положение уже невозможно	13,6	15,3	15,8	15,6	15,8	16,3	17,5	19,1	17,5	16,5	16,2	17,2	17,3	+1	+2	+4
	Индекс запаса терпения	160,5	159,5	160,8	162,4	162,0	160,8	159,6	155,2	159,2	161,3	160,6	160,6	159,4	-1	0	-1

2007 г. – последний год II президентского срока В.В. Путина; 2011 г. – последний год президентства Д.А. Медведева.
2007, 2011, 2012, 2016, 2017, 2018 гг. – среднегодовые данные.
* Согласно методике проведения исследования, ошибка выборки не превышает 3%, поэтому здесь и далее изменения с разницей в 2 п. п. не учитываются, в таблицах они выделены синим цветом; изменения с разницей в 3–4 п. п. считаются незначительными.

можно терпеть», составляет 78%, удельный вес жителей области, заявляющих, что «терпеть бедственное положение уже невозможно», – 17%. Наиболее значительное повышение индекса запаса терпения в августе – октябре 2019 года отмечается среди жителей области в возрасте до 30 лет (на 4 п., со 171 до 175 п.), среди лиц, имеющих среднее и неполное среднее образование (на 5 п., со 149 до 154 п.), в 20%-й группе наименее обеспеченных (на 7 п., со 134 до 141 п.); понижение – в возрастной группе от 30 до 55 лет (на 3 п., со 163 до 160 п.), в 20%-й группе наиболее обеспеченных (на 4 п., со 176 до 172 п.).

В среднем за последние 6 опросов (декабрь 2018 года – октябрь 2019 года) показатели социального самочувствия примерно соответствуют уровню 2018 года: индекс социального настроения составляет 146 пунктов, индекс запаса терпения – 159 пунктов.

В динамике самооценок материального положения за период с августа по октябрь 2019 года произошли неоднозначные изменения.

С одной стороны, за последние два месяца возрос уровень дохода среди людей, входящих (по субъективным оценкам) в категорию 20% наиболее обеспеченных (с 27211 до 28701 руб.; табл. 2).

С другой стороны, в августе-октябре снизился размер фактического дохода в 20%-й группе наименее обеспеченных (с 8398 до 7426 руб.).

В среднем за последние 6 опросов, по сравнению с 2018 годом, соотношение фактического дохода с прожиточным минимумом в среднем по области существенно не изменилось (1,4 раза).

В период с августа по октябрь 2019 года характер суждений об экономическом положении России и области существенно не изменился. Доля положительных оценок ситуации в стране и регионе сохранилась на уровне 15 и 12% соответственно, отрицательных – на уровне 26 и 32% (табл. 3). Заметное понижение индекса оценок экономической ситуации в стране наблюдалось в возрастной

Таблица 2. Доход на одного члена семьи и соотношение дохода на одного члена семьи и прожиточного минимума (в распределении по доходным группам)

Доходная группа	2007	2011	2012	2016	2017	2018	Дек. 2018	Февр. 2019	Апр. 2019	Июнь 2019	Авг. 2019	Окт. 2019	Среднее за последние 6 опросов	Изменение (+/-), среднее за последние 6 опросов к		
														2018	2011	2007
Доход на одного члена семьи, руб.																
20% наименее обеспеченных	2086	3905	4330	5679	5584	6598	7678	7442	7391	7456	8398	7426	7632	+1034	+3727	+5546
60% среднеобеспеченных	4633	8425	9293	11707	12154	13245	13119	14058	13759	14109	14151	14349	13924	+679	+5499	+9291
20% наиболее обеспеченных	11218	17637	19907	25292	25360	27428	26415	28005	28332	28205	27211	28701	27812	+384	+10175	+16594
Среднее по области	5440	9363	10425	13220	13479	14752	14692	15526	15430	15599	15616	15837	15450	+698	+6087	+10010
Прожиточный минимум, руб.	3765	6514	6563	10102	10511	10658	10980	10980	10698	10698	11391	11391	11023	+365	+4509	+7258
Соотношение дохода на одного члена семьи и прожиточного минимума по доходным группам, раз																
20% наименее обеспеченных	0,6	0,6	0,7	0,6	0,5	0,6	0,7	0,7	0,7	0,7	0,7	0,7	0,7	+0,1	+0,1	+0,1
60% среднеобеспеченных	1,2	1,3	1,4	1,2	1,2	1,2	1,2	1,3	1,3	1,3	1,2	1,3	1,3	+0,1	0	+0,1
20% наиболее обеспеченных	3,0	2,7	3,0	2,5	2,4	2,6	2,4	2,6	2,6	2,6	2,4	2,5	2,5	-0,1	-0,2	-0,5
Среднее по области	1,4	1,4	1,6	1,3	1,3	1,4	1,3	1,4	1,4	1,4	1,4	1,4	1,4	0	0	0

Таблица 3. Динамика оценок экономического и материального положения, % от числа опрошенных

Показатель	2007	2011	2012	2016	2017	2018	Дек. 2018	Февр. 2019	Апр. 2019	Июнь 2019	Авг. 2019	Окт. 2019	Среднее за последние 6 опросов	Изменение (+/-), среднее за последние 6 опросов к		
														2018	2011	2007
Экономическое положение России																
Хорошее	20,9	10,0	10,7	7,5	11,5	14,4	14,7	14,1	14,9	14,6	15,1	14,7	14,7	0	+5	-6
Среднее	49,2	49,7	51,2	41,0	41,6	43,9	44,5	44,7	44,7	46,8	44,4	41,9	44,5	+1	-5	-5
Плохое	15,0	28,5	25,5	37,5	32,2	27,2	27,6	26,1	26,4	24,7	25,1	26,2	26,0	-1	-3	+11
Индекс	105,9	81,5	85,2	70,0	79,4	87,2	87,1	88,0	88,5	89,9	90,0	88,5	88,7	+2	+7	-17
Экономическое положение области																
Хорошее	22,5	10,4	9,9	6,5	9,5	11,8	12,3	11,3	10,6	11,6	11,5	12,1	11,6	0	+1	-11
Среднее	49,5	48,2	49,4	35,5	36,9	39,2	40,4	41,3	41,5	42,7	42,1	40,3	41,4	+2	-7	-8
Плохое	14,2	30,2	29,4	46,0	39,5	36,9	38,1	36,7	37,0	35,2	33,5	32,1	35,4	-2	+5	+21
Индекс	108,3	80,2	80,5	60,5	70,0	74,9	74,2	74,6	73,6	76,4	78,0	80,0	76,1	+1	-4	-32
Материальное положение семьи																
Хорошее	14,7	9,6	10,1	9,3	10,7	11,8	11,1	11,9	9,3	10,5	9,5	9,7	10,3	-2	+1	-4
Среднее	52,7	50,3	54,2	50,0	49,7	48,7	47,7	50,1	50,8	51,5	48,3	50,0	49,7	+1	-1	-3
Плохое	22,2	29,8	27,4	32,6	31,9	30,2	32,1	29,8	31,2	29,5	29,5	29,1	30,2	0	0	+8
Индекс	92,5	79,8	82,7	76,7	78,8	81,6	79,0	82,1	78,1	81,0	80,0	80,6	80,1	-2	0	-12

группе до 30 лет (на 6 п., с 99 до 93 п.), среди лиц, имеющих высшее образование (на 6 п., с 91 до 86 п.), в 60%-й группе среднеобеспеченных (на 5 п., со 95 до 90 п.), а повышение – в 20%-й группе наименее обеспеченных (на 4 п., с 68 до 72 п.). Индекс оценок экономического положения в регионе существенно увеличился в возрастной группе старше 55 лет (на 6 п., с 89 до 95 п.), среди лиц со

средним специальным образованием (на 8 п., с 75 до 83 п.), в 20%-й группе наиболее обеспеченных (на 6 п., с 89 до 95 п.); снизился – в категории жителей области с высшим образованием (на 7 п., с 85 до 78 п.).

Оценки материального положения семьи в среднем по области не претерпели существенных изменений: удельный вес тех, кто считает его «хорошим», сохранился на

уровне 10%, негативные суждения высказывали 29% жителей региона. В разрезе социально-демографических групп населения заметное ухудшение ситуации наблюдалось в возрастной группе до 30 лет (индекс снизился на 11 п., с 95 до 84 п.).

За последние 6 опросов по сравнению с показателями 2018 года характер суждений об экономике России и области не изменился: соответствующие индексы установились на отметке 89 и 76 пунктов. Индекс материального благополучия семьи сохранился на уровне 80 п.

За последние два месяца характер суждений относительно ситуации в политической жизни России существенно не изменился: доля тех, кто считает обстановку в стране «благополучной, спокойной», составляет 47%, «напряженной, критической, взрывоопасной» – 39% (табл. 4).

Существенный рост индекса оценки политической ситуации в стране отмечается в 20%-й группе наименее обеспеченных (на 25 п., с 70 до 95 п.); снижение – среди лиц, имеющих высшее образование (на 8 п., со 100 до 92 п.), в 20%-й группе наиболее обеспеченных (на 11 п., со 120 до 109 п.).

В августе – октябре 2019 года стабильными сохранились и оценки политической ситуации в регионе: доля положительных суждений составляет 59%, отрицательных – 30%.

Наиболее существенные позитивные тенденции в оценках политической обстановки в области отмечаются в возрастной группе старше 55 лет (индекс увеличился на 7 п., со 129 до 136 п.), среди лиц, имеющих среднее специальное образование (на 7 п., со 132 до 139 п.), в 20%-й группе наименее обеспеченных (на 8 п., со 107 до 115 п.); негативные – в возрастной группе до 30 лет (на 10 п., со 137 до 127 п.), среди жителей региона с высшим образованием (на 12 п., со 124 до 112 п.).

В среднем за последние 6 опросов по сравнению с 2018 годом характер суждений о политической ситуации в стране и регионе улучшился: соответствующие индексы возросли с 95 до 102 п. и со 122 до 125 п. соответственно.

Резюме

Результаты этапа мониторинга общественного мнения, проведенного в августе – октябре 2019 года, свидетельствуют о том, что за этот период в социальном самочувствии жителей Вологодской области не произошло существенных изменений:

- на прежнем уровне сохранились оценки экономической ситуации в стране и области (соответствующие индексы фиксировались на отметках 89 п. и 80 п.);
- не претерпели изменений оценки материального положения семей (80 п.);

Таблица 4. Динамика оценок политической обстановки, % от числа опрошенных

Показатель	2007	2011	2012	2016	2017	2018	Дек. 2018	Февр. 2019	Апр. 2019	Июнь 2019	Авг. 2019	Окт. 2019	Среднее за последние 6 опросов	Изменение (+/-), среднее за последние 6 опросов к		
	2018	2011	2007													
В России																
Благополучная, спокойная	48,4	44,1	39,8	25,5	33,9	40,4	42,3	42,1	42,6	45,9	46,5	46,6	44,3	+4	0	-4
Напряженная, критическая, взрывоопасная	34,1	37,8	43,2	56,0	49,3	45,6	46,0	44,2	44,3	40,8	41,1	38,8	42,5	-3	+5	+8
Индекс	114,3	106,3	96,6	69,5	84,6	94,8	96,3	97,9	98,3	105,1	105,4	107,8	101,8	+7	-5	-13
В области																
Благополучная, спокойная	60,1	51,8	51,8	44,2	52,0	54,9	55,1	55,6	55,5	59,3	60,1	59,3	57,5	+3	+6	-3
Напряженная, критическая, взрывоопасная	24,7	26,5	31,8	39,5	33,8	33,3	34,9	34,5	33,5	30,6	29,4	29,7	32,1	-1	+6	+7
Индекс	135,4	125,3	120,0	104,7	118,2	121,6	120,2	121,1	122,0	128,7	130,7	129,6	125,4	+4	0	-10

- не произошло существенных изменений в оценках политической обстановки в России и регионе (108 и 130 п. соответственно);
- значительно не изменились показатели социального настроения (146 п.) и запаса терпения (161 п.).

В отдельных категориях населения за последние два месяца отмечались негативные изменения. Прежде всего, обращает на себя внимание ухудшение оценок:

- в возрастной группе до 30 лет: в данной категории снизились индексы социального настроения (на 10 п.), оценки экономической ситуации в стране (на 6 п.), материального положения (на 10 п.), политической обстановки в России (на 5 п.) и регионе (на 10 п.);

- среди жителей области, имеющих высшее и незаконченное высшее образование: в данной категории ухудшились индексы социального настроения (на 5 п.), запаса терпения (на 3 п.), оценки экономической ситуации в России (на 6 п.) и регионе (на 7 п.), материального положения (на 3 п.), политической обстановки в стране и области (на 8 и 12 п. соответственно);

- в 20%-й группе наиболее обеспеченных: в данной категории ухудшились показатели социального настроения (на 3 п.), запаса терпения (на 4 п.), политической ситуации в России (на 11 п.) и области (на 5 п.).

В некоторых категориях населения в период с августа по октябрь 2019 года наблюдались заметные позитивные изменения:

- в возрастной группе старше 55 лет: в данной категории возросли индексы социального настроения (на 9 п.), улучшились оценки экономической ситуации в области (на 7 п.), материального положения населения (на 4 п.), политической обстановки в России (на 6 п.) и регионе (на 7 п.);

- среди жителей области со средним специальным образованием: в данной группе улучшились показатели социального настроения (на 3 п.), более благоприятными стали оценки экономической ситуации в области (на 8 п.), материального положения

населения (на 3 п.), политической обстановки в России и регионе (на 7 п.);

- в 20%-й группе наименее обеспеченных: в данной категории увеличились индексы запаса социального терпения (на 7 п.), экономической ситуации в стране и области (на 4 п.), политической обстановки в России (на 25 п.) и регионе (на 8 п.).

Отсутствие позитивных изменений в оценках социального самочувствия жителей региона, а в некоторых социально-демографических группах и существенное ухудшение ситуации, которое отмечается в октябре 2019 года, происходит на фоне негативных процессов в экономике области. Осенью 2019 года наблюдается ухудшение некоторых общеэкономических индикаторов. Так, в сентябре 2019 года по отношению к августу 2019 года индекс промышленного производства составил 93,5%, оборот розничной торговли – 97,4%. Данные официальной статистики свидетельствуют об отсутствии ощутимых позитивных изменений в динамике уровня и качества жизни населения: в сентябре 2019 года по отношению к августу 2019 года реальная начисленная заработная плата на одного работника составляла 101,3%, индекс потребительских цен за соответствующий период – 100,1%¹.

Отсутствие положительных тенденций в динамике материального положения отражается на оценках покупательной способности доходов населения. В октябре 2019 года, как и двумя месяцами ранее, более 40% жителей области имели материальные возможности приобретать только самые необходимые продукты питания, около половины населения идентифицировали себя с категориями «бедных и нищих».

Затянувшийся характер экономических проблем, ощущаемых населением, негативно сказывается на динамике оценок социального самочувствия населения региона. В октябре 2019 года это оказало существенное влияние на отсутствие положительной динамики в оценках социального настроения и запаса терпения жителей области.

¹ Данные территориального органа Федеральной службы государственной статистики по Вологодской области. URL: <http://vologdastat.gks.ru>

В каком направлении будут развиваться изменения в общественном мнении жителей области в ближайшем будущем, покажут

результаты следующего этапа мониторинга ФГБУН ВолНИЦ РАН, который пройдет в декабре 2019 года.

Материал подготовили

М.В. Морев

*кандидат экономических наук
ведущий научный сотрудник, заведующий лабораторией
заместитель заведующего отделом ФГБУН ВолНИЦ РАН*

И.Н. Дементьева

научный сотрудник ФГБУН ВолНИЦ РАН

Е.Э. Леонидова

научный сотрудник ФГБУН ВолНИЦ РАН

МОНИТОРИНГ СОЦИАЛЬНЫХ НАСТРОЕНИЙ

DOI: 10.15838/ptd.2019.6.104.13 • УДК 316.658(470.12) • ББК 60.527(2Рос-4Вол)

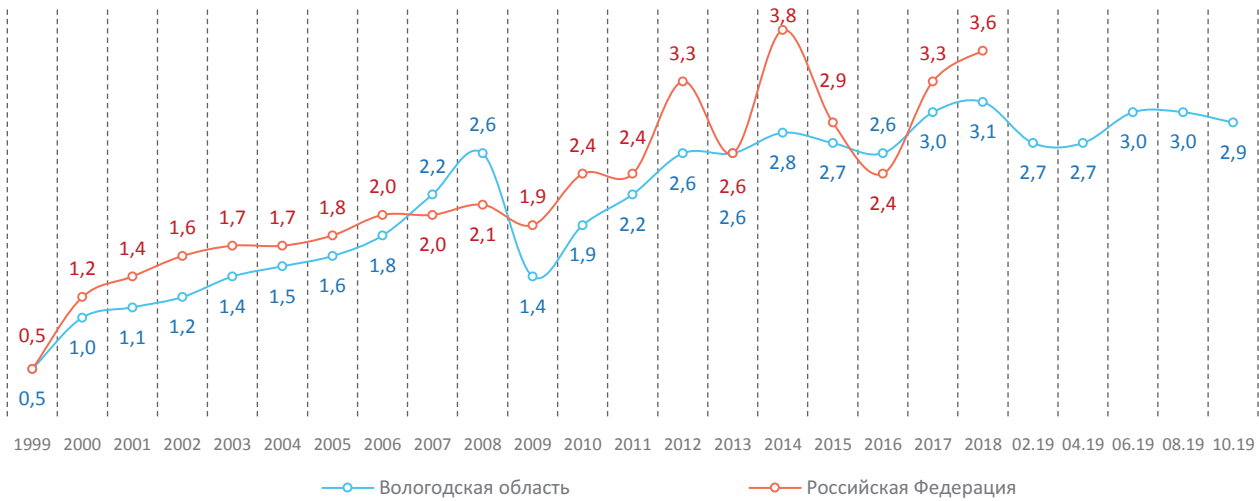

Рис. 1. Социальное настроение¹ (отношение суммы позитивных оценок «прекрасное» и «нормальное, ровное» к сумме негативных «испытываю напряжение, раздражение» и «испытываю страх, тоску»), раз

В октябре 2019 года показатель социального настроения жителей Вологодской области существенно не изменился и находится на уровне летних значений (3,0–2,9 раза).

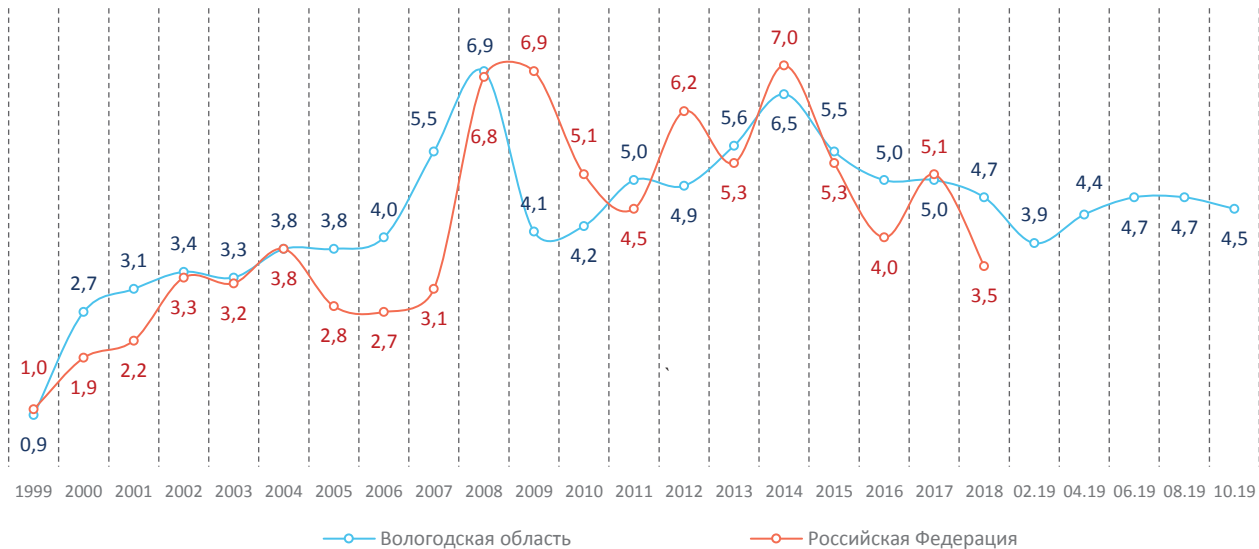

Рис. 2. Запас терпения населения (отношение суммы позиций «жить можно» и «можно терпеть» к позиции «терпеть нельзя»), раз

По сравнению с летними месяцами 2019 года в октябре уровень запаса терпения жителей Вологодской области несколько снизился (с 4,7 до 4,5 раза).

Для цитирования: Леонидова Е.Э. Мониторинг социальных настроений // Проблемы развития территории. 2019. № 6 (104). С. 188–191. DOI: 10.15838/ptd.2019.6.104.13

For citation: Leonidova E.E. Monitoring of social sentiment. *Problems of Territory's Development*, 2019, no. 6 (104), pp. 188–191. DOI: 10.15838/ptd.2019.6.104.13

¹ Здесь и далее: Вологодская область – данные ФГБУН ВолНЦ РАН; Российская Федерация – данные Левада-Центра.

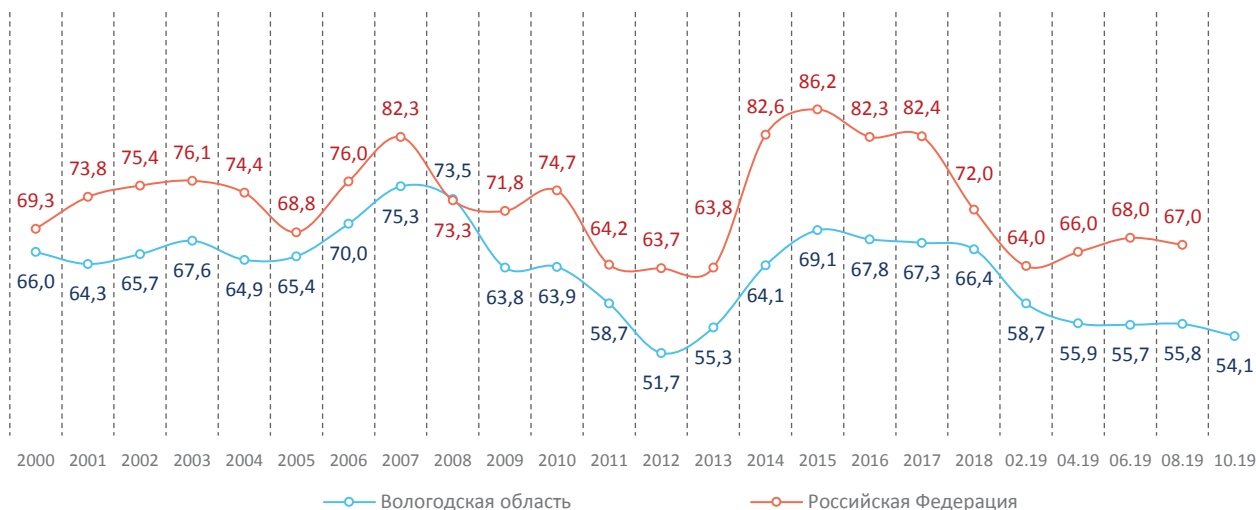

Рис. 3. Одобрение деятельности Президента РФ, % от числа опрошенных

В октябре 2019 года прервалась начавшаяся летом т. г. стабильность в оценках жителями Вологодской области деятельности Президента РФ. Произошло снижение одобрительных оценок работы главы государства с 56 до 54%.

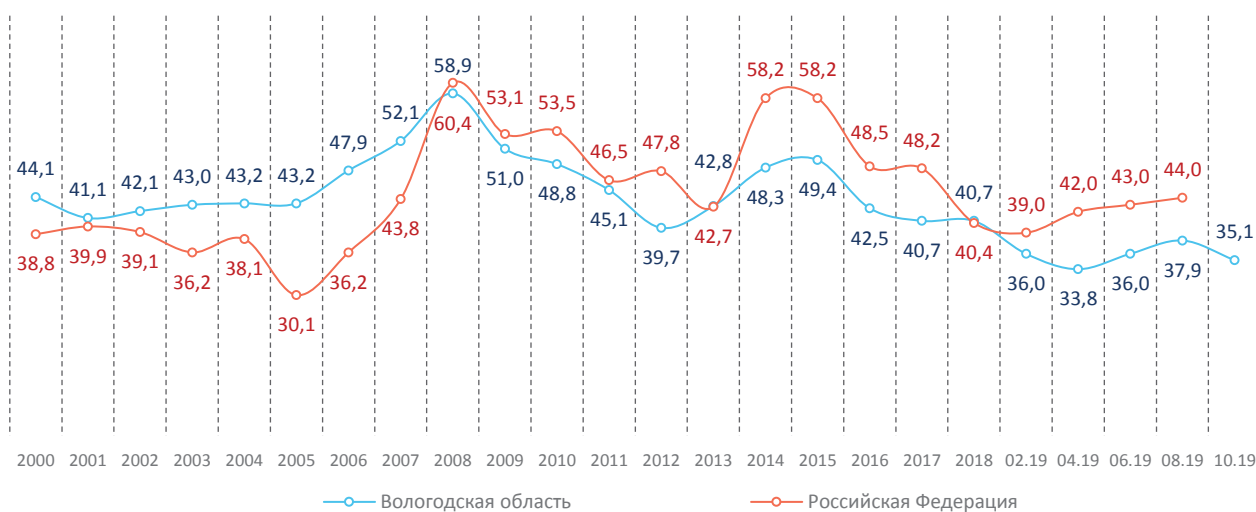

Рис. 4. Одобрение деятельности Правительства РФ, % от числа опрошенных

В октябре 2019 года по сравнению с августом на 3 п. п. уменьшилась доля одобрительных оценок жителями региона деятельности Правительства РФ (с 38 до 35%).

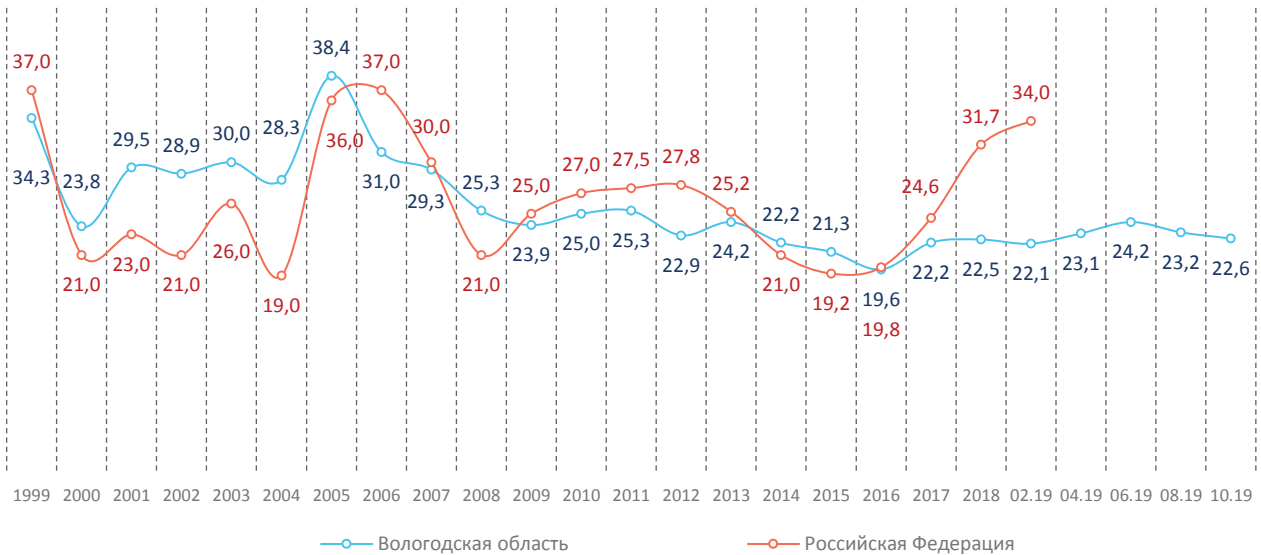

Рис. 5. Вероятность протестных выступлений (доля респондентов, отметивших возможность массовых акций протеста), % от числа опрошенных

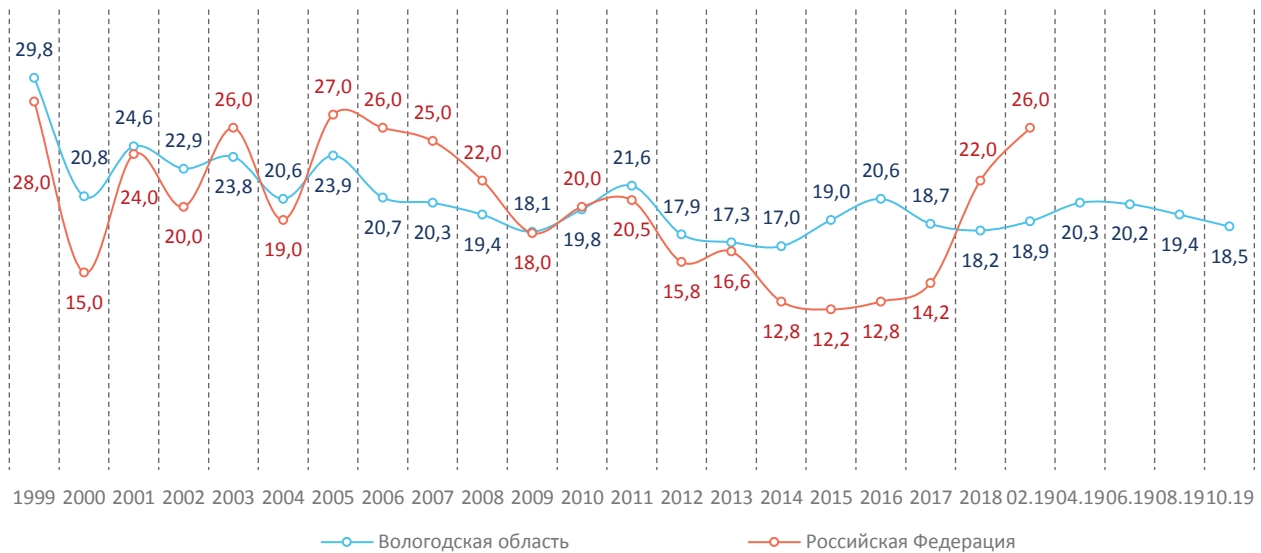

Рис. 6. Возможность участия в выступлениях (доля респондентов, готовых принять участие в массовых акциях протеста), % от числа опрошенных

В октябре 2019 года доля жителей Вологодской области, считающих вероятными протестные выступления и выражающих свою готовность к участию в них, не изменилась и осталась на уровне августа т. г. (23 и 19% соответственно).

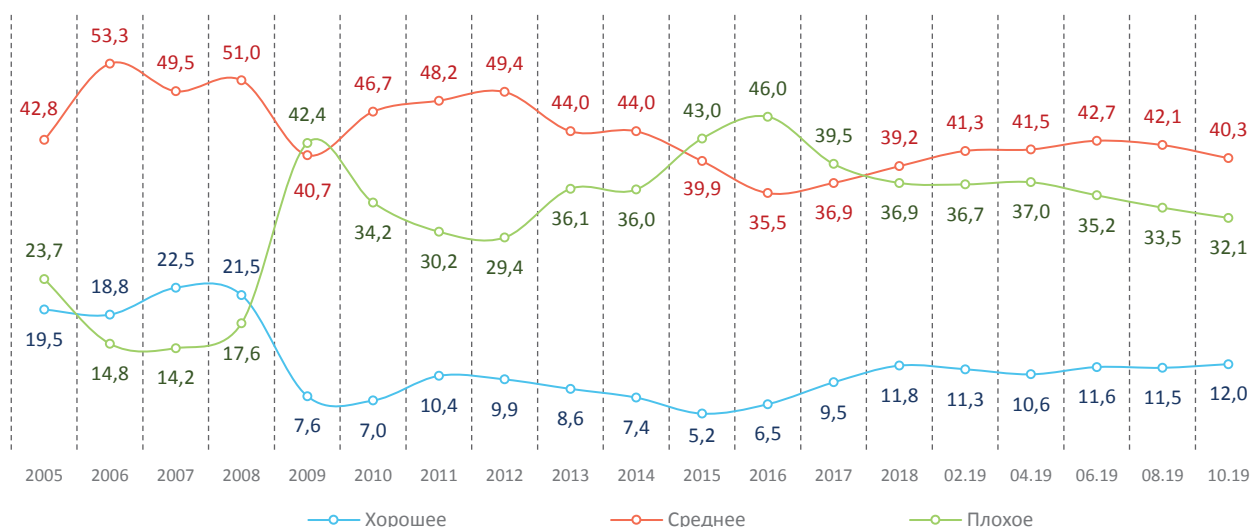

Рис. 7. Оценка экономического положения области, % от числа опрошенных

С августа по октябрь 2019 года наблюдается некоторое снижение доли отрицательных и нейтральных характеристик экономического положения области (с 34 до 32% и с 42 до 40% соответственно). Показатель положительных суждений не претерпел изменений и находится на уровне летних значений (12%).

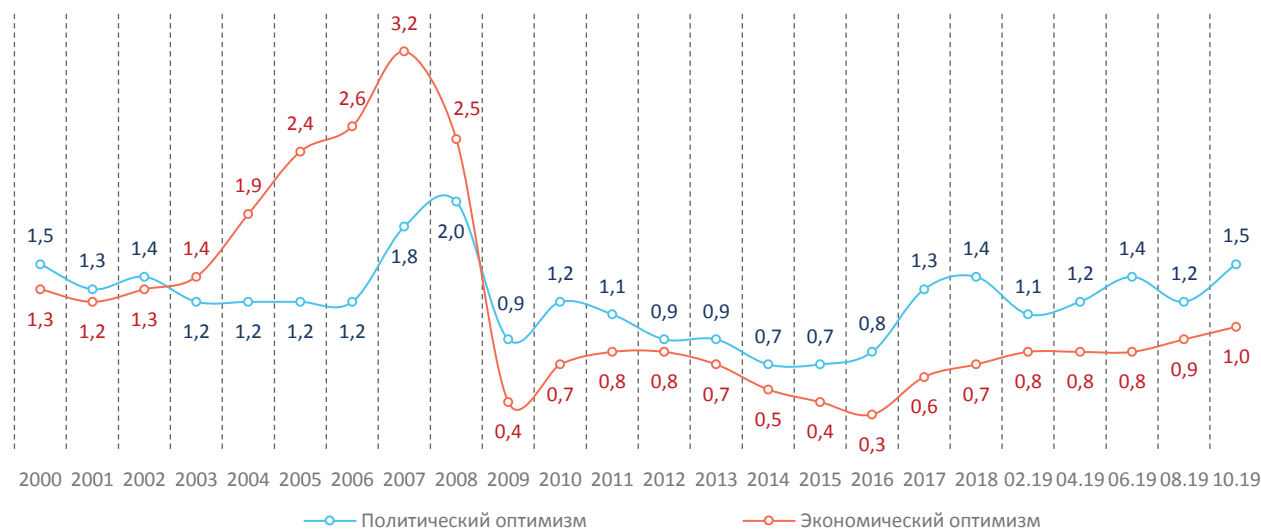

Рис. 8. Индексы политического и экономического оптимизма² (соотношение позитивных и негативных ожиданий), раз

После августовского снижения индекса политического оптимизма в октябре 2019 года наблюдается его рост (с 1,2 до 1,5 раза). Значение индекса экономического оптимизма за аналогичный период существенно не изменилось (0,9–1,0 раза).

Материал подготовила Е.Э. Леонидова
научный сотрудник ФГБУН ВолНЦ РАН

² Индекс политического оптимизма рассчитывается на основе соотношения ответов респондентов, давших положительные и отрицательные прогнозные оценки политической ситуации, на вопрос «Как Вы думаете, что ожидается в ближайшие месяцы в политической жизни России?».

Индекс экономического оптимизма рассчитывается на основе соотношения ответов респондентов, давших положительные и отрицательные прогнозные оценки экономической ситуации, на вопрос «Как Вы считаете, следующие 12 месяцев будут хорошим временем, плохим или каким-либо еще для экономики России?».

ХРОНИКА НАУЧНОЙ ЖИЗНИ

КОНФЕРЕНЦИИ, ЗАСЕДАНИЯ, СЕМИНАРЫ

С ЗАСЕДАНИЙ УЧЕНОГО СОВЕТА

Заседание ученого совета ФГБУН ВолНЦ РАН 30.10.2019

30 октября 2019 года состоялось заседание ученого совета ФГБУН ВолНЦ РАН, на котором было представлено информационное сообщение старшего научного сотрудника, заместителя заведующего отделом канд. экон. наук С.А. Кожевникова «Пространственное развитие территорий Европейского Севера России: тенденции, проблемы управления и учет в нацпроектах».

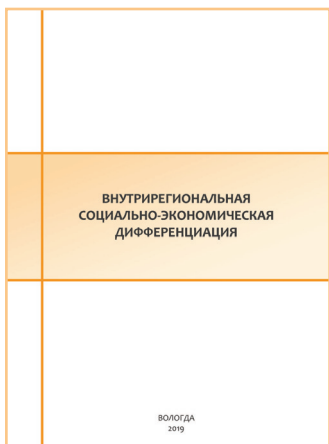
Сергей Александрович отметил актуальность темы исследования, обозначил его цели и задачи, представил теоретико-методологическую основу и методику научной работы. Затем докладчик познакомил слушателей с сущностью, характеристиками и особенностями развития экономического пространства, назвал ключевые тенденции и особенности пространственного развития

Европейского Севера России, приоритетные направления и инструменты управления развитием данной территории. В заключение Сергей Александрович показал перспективы проведения исследований в указанной сфере в ФГБУН ВолНЦ РАН.

В обсуждении материалов доклада приняли активное участие д-р экон. наук, профессор В.А. Ильин, д-р экон. наук А.А. Шабунова, д-р экон. наук, профессор Е.С. Губанова, канд. социол. наук Д.В. Афанасьев, д-р экон. наук Т.В. Ускова, канд. экон. наук Г.В. Леонидова.

*Материал подготовила
Л.М. Сухарева
инженер-исследователь
ФГБУН ВолНЦ РАН*

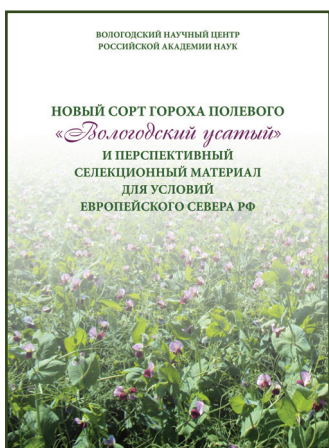
НОВЫЕ ИЗДАНИЯ ФГБУН ВОЛНЦ РАН

Ворошилов Н.В., Губанова Е.С. Внутрирегиональная социально-экономическая дифференциация: монография / под науч. рук. Е.С. Губановой. Вологда: ФГБУН ВолНЦ РАН, 2019. 211 с.

В монографии рассмотрены теоретико-методологические аспекты исследования внутрирегиональной дифференциации, структурированы факторы, обуславливающие социально-экономические различия муниципалитетов, предложен методический подход к комплексной оценке изучаемого процесса. На материалах Вологодской области исследованы тенденции и факторы дифференциации муниципальных районов и городских округов за 1991–2015 гг., предложена типология муниципалитетов по уровню развития, проведена оценка эффективности региональной политики по развитию муниципальных образований. Разработан научно-методический подход к регулированию внутрирегиональной дифференциации, направленный на создание условий для снижения ее масштабов и преодоления негативных последствий.

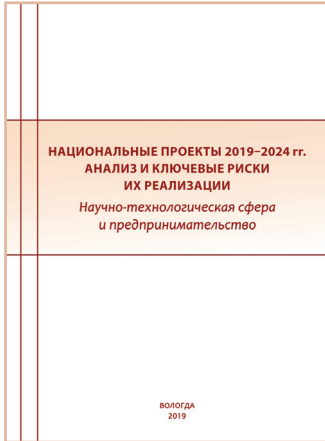
Книга адресована научным работникам, специалистам органов государственного и муниципального управления, преподавателям и студентам высших учебных заведений экономического профиля.

Новый сорт гороха полевого «Вологодский усатый» и перспективный селекционный материал для условий Европейского Севера РФ: монография / Н.Ю. Коновалова [и др.]. 2-е изд., испр. и доп. Вологда: ФГБУН ВолНЦ РАН, 2019. 142 с.

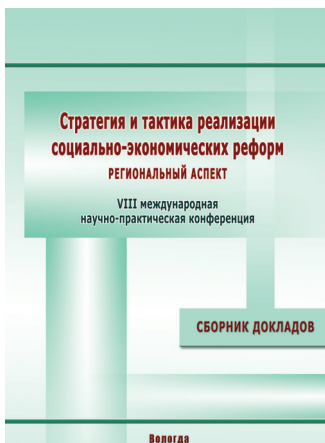
В монографии приведены данные научных исследований СЗНИИМЛПХ в области селекции гороха полевого в условиях Вологодской области, которые были начаты в 2001 году. Дана оценка перспективных линий гороха, обладающих высокой урожайностью, качеством зерна и устойчивостью к био- и абиотическим стрессовым факторам. Представлена характеристика выведенного в результате проводимых работ нового сорта гороха полевого усатого морфотипа «Вологодский усатый», информация по его испытанию в условиях Государственного сортоиспытания. В монографии показаны результаты испытания перспективного селекционного материала гороха в коллекционном питомнике за 2001–2003 годы. Монография дополнена разработанными в 2011–2016 гг. технологиями возделывания гороха полевого сорта «Вологодский усатый», адаптированного к условиям Европейского Севера Российской Федерации, в одновидовых и смешанных посевах на кормовые и семенные цели.

Книга предназначена для руководителей и специалистов сельскохозяйственного производства, преподавателей и студентов, магистрантов и аспирантов сельскохозяйственных учебных заведений, сотрудников научных учреждений.

Национальные проекты 2019–2024 гг.: анализ и ключевые риски их реализации. Научно-технологическая сфера и предпринимательство: науч.-аналит. изд. / кол. авт.; под науч. рук. В.А. Ильина. Вологда: ФГБУН ВолНЦ РАН, 2019. 75 с.

В научно-аналитическом издании представлены результаты анализа основных положений, а также ключевых рисков реализации национальных проектов «Наука», «Малое и среднее предпринимательство и поддержка индивидуальной предпринимательской инициативы», «Международная кооперация и экспорт», «Цифровая экономика Российской Федерации». Полученные выводы подтверждаются анализом мнений ведущих экспертов из научной сферы, государственного управления, общественности относительно «узких» мест и основных рисков реализации данных документов. Результаты исследования могут быть использованы в деятельности федеральных и региональных органов государственной власти при реализации ключевых направлений государственной политики в данной сфере.

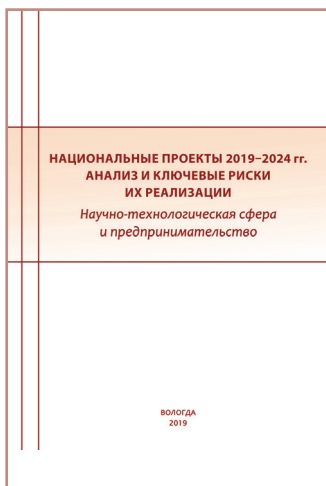
Стратегия и тактика реализации социально-экономических реформ: региональный аспект: мат-лы VIII междунар. науч.-практ. конф., г. Вологда, 12–14 декабря 2018 г. Вологда: ФГБУН ВолНЦ РАН, 2019. 487 с.

В сборнике представлены материалы VIII международной научно-практической конференции «Стратегия и тактика реализации социально-экономических реформ: региональный аспект», проходившей в Вологде 12–14 декабря 2018 года. Ее организаторами выступили Российская академия наук, Министерство науки и высшего образования, Правительство Вологодской области, Администрация города Вологды, Вологодский научный центр РАН.

В рамках конференции было организовано пленарное заседание и работа четырех секций. В первой части пленарного заседания обсуждались проблемы устойчивого развития регионов и повышения качества государственного управления. Вторая часть была посвящена современным проблемам социально-экономического развития российских регионов. Участниками секционных заседаний рассмотрены актуальные вопросы современной экономики, социально-демографического, научно-технологического и аграрного развития российских регионов.

Участие в конференции приняли ведущие российские ученые, представители вузовской и академической науки, экономисты из научных учреждений и вузов регионов России и стран ближнего зарубежья.

Сборник предназначен для научных работников, экономистов, преподавателей, студентов и аспирантов, специалистов в области государственного управления, представителей общественности и всех интересующихся вопросами экономического и социального развития.

Проблемы экономического роста и устойчивого развития территорий: мат-лы IV междунар. науч.-практ. интернет-конф., г. Вологда, 15–17 мая 2019 г. Вологда: ФГБУН ВолНЦ РАН, 2019. 479 с.

В сборнике представлены материалы IV международной научно-практической интернет-конференции «Проблемы экономического роста и устойчивого развития территорий», проходившей в г. Вологде 15–17 мая 2019 года.

Участие в конференции приняли экономисты из научных учреждений и вузов регионов России и стран ближнего зарубежья. В представленных работах обсуждаются проблемы и факторы развития экономики регионов и отраслевых комплексов: машиностроения, сельского хозяйства, лесного сектора, туризма и других. Затрагиваются вопросы развития малого бизнеса, перспективы государственно-частного партнерства, особенности перехода к «цифровой экономике». Рассматриваются проблемы развития самоуправления в современных условиях, вопросы повышения конкурентоспособности отдельных отраслей промышленности. Освещаются аспекты внутрирегиональной бюджетной децентрализации, повышения финансовой грамотности населения, особенности использования инвестиционных инструментов.

Сборник предназначен для научных работников, экономистов, преподавателей, студентов и аспирантов, специалистов в области государственного управления, представителей общественности и всех интересующихся проблемами экономического роста России.

Молодые ученые – экономике региона: сб. мат-лов XVIII междунар. науч.-практ. конф., г. Вологда, 12 декабря 2018 г. Вологда: ФГБУН ВолНЦ РАН, 2019. 226 с.

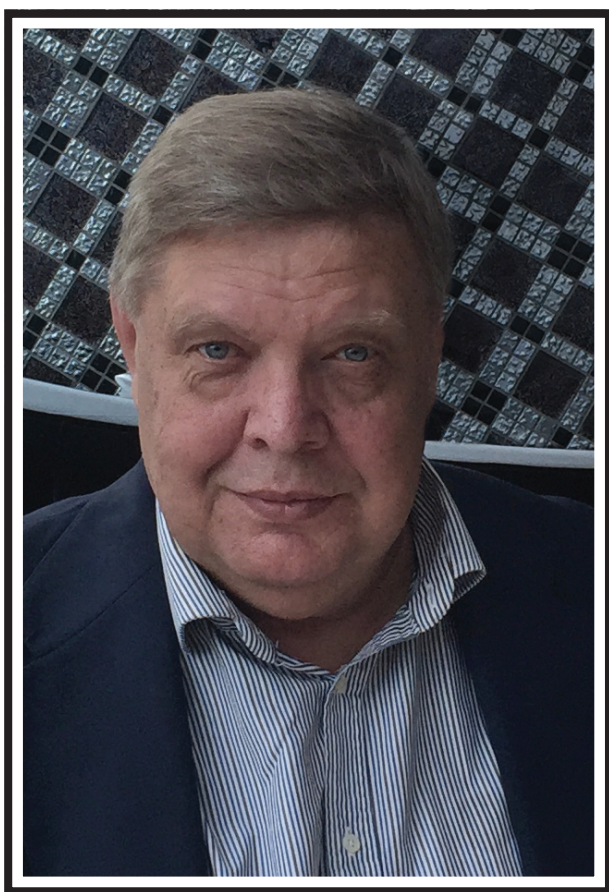
В сборнике публикуются материалы XVIII международной научно-практической конференции «Молодые ученые – экономике региона», проходившей в 2018 году.

Конференция «Молодые ученые – экономике региона» в Федеральном государственном бюджетном учреждении науки «Вологодский научный центр Российской академии наук» проходит ежегодно. Ее цель – создание дискуссионной площадки для обсуждения молодыми учеными результатов исследований по проблемам социально-экономического развития регионов.

Сборник адресован студентам, аспирантам, преподавателям высших учебных заведений экономического профиля, а также всем, кто интересуется проблемами развития региональной экономики.

ПАМЯТИ ЕВГЕНИЯ АЛЕКСАНДРОВИЧА ИВИНА ПОСВЯЩАЕТСЯ

4 октября 2019 года на 63-м году жизни скончался заместитель заведующего кафедрой эконометрики и математических методов экономики Московской школы экономики МГУ им. Ломоносова кандидат физико-математических наук Евгений Александрович Ивин.

Родился Евгений Александрович Ивин в Бугульме 11 февраля 1957 года. В 1964 году переехал с родителями в Москву. С самого раннего возраста он мечтал стать летчиком, вся его комната была заполнена моделями самолетов. В его дальнейшем жизненном пути невозможно не проследить влияние этой детской мечты. Наряду

с получением среднего образования Евгений Александрович с отличием окончил музыкальную школу по классу виолончели и был рекомендован на обучение в консерваторию, но математика оказалась для него интереснее. Параллельно с обучением в средней общеобразовательной школе Евгений Александрович занимался в математической школе при МИИТе. Преподаватели (аспиранты механико-математического факультета МГУ) обратили внимание на его способности в области математики и посоветовали поступать на их факультет. С 1974 по 1979 год, в один из лучших периодов механико-математического факультета, Евгений Александрович был его студентом.

После окончания мехмата по стечению обстоятельств (в том числе из-за смерти научного руководителя) Евгений Александрович несколько лет трудился в ЦКБ «Алмаз». На предприятии он участвовал в разработке и испытаниях систем управления ракетным оружием самолета ТУ-22М3, который до сих пор стоит на вооружении. После этого поступил в очную аспирантуру мехмата МГУ, где его научным руководителем стал Валерий Васильевич Козлов. Будучи аспирантом, Евгений Александрович опубликовал несколько научных статей, в том числе «Разделение переменных в задаче о движении гиростата». После досрочной защиты кандидатской диссертации «Некоторые вопросы качественного анализа

в динамике связки двух твердых тел» в 1985 году началась его профессиональная педагогическая деятельность. Сначала Евгений Александрович преподавал в Центральном институте повышения квалификации руководящих работников и специалистов Министерства среднего машиностроения СССР (ныне НОУ ДПО «ЦИПК Росатома»). Много ездил по Советскому Союзу, делясь опытом с коллегами, с горечью переживал происходящий развал великой державы. Он обладал удивительной способностью объединять людей, всегда умел слушать, чувствовать, понимать другого человека.

Евгений Александрович очень любил детей, еще в аспирантуре участвовал в организации по всей стране олимпиад для отбора талантливых школьников в СУНЦ МГУ – школу имени А.Н. Колмогорова. В 1994 году он начал работать в СУНЦ МГУ (ФМШ 18), а с 1996 по 2000 год был ее директором.

С 2000 года Евгений Александрович перешел на факультет педагогического образования МГУ, в должности заместителя декана факультета активно включился в работу по его становлению и развитию. В частности, при непосредственном участии Евгения Александровича впервые в истории Московского университета начал свою работу диссертационный совет по направлению «Педагогические науки».

Параллельно Евгений Александрович преподавал молодым экономистам математические дисциплины в Школе финансов и Школе молодого преподавателя экономического факультета МГУ, курс высшей математики в Государственном университете по землеустройству.

Евгений Александрович всегда считал работу с подрастающим поколением очень важной. Подготавливая абитуриентов к вступительным экзаменам, а после и к ЕГЭ, он в разное время преподавал на нескольких факультетах МГУ (социологическом, глобальных процессов, вычислительной математики и кибернетики, высшей школы бизнеса). Приложил немало усилий для создания одних из первых на тот момент дистанционных курсов по математике для абитуриентов,

организовал ежегодные бесплатные установочные лекции перед вступительным экзаменом для поступающих в МГУ.

В 2005 году Е.А. Ивин перешел на работу на социологический факультет МГУ на должность заместителя заведующего кафедрой социальной информатики – единственной на тот момент математической кафедрой социологического факультета. Параллельно с 2004 года Евгений Александрович принимал участие в создании и становлении Московской школы экономики.

Последние 15 лет жизни он посвятил созданию кафедры эконометрики и математических методов экономики, которую возглавил Сергей Артемьевич Айвазян. Подбор преподавателей, отработка учебных планов и программ, работа с абитуриентами, административная деятельность – практически за все Евгений Александрович отвечал лично. За годы существования кафедры по всем математическим дисциплинам были созданы учебно-методические пособия с учетом специфики поступающих и требований МГУ, кафедра обеспечивала преподавание соответствующих курсов на нескольких факультетах МГУ и сотрудничала с другими ведущими вузами страны. Колоссальная энергия Е.А. Ивина приводила все его окружение в постоянное движение. Он всегда находил время, чтобы выслушать, вникнуть и, разумеется, помочь. Евгений Александрович сплотил отличный коллектив и бережно охранял его от всех внешних негативных воздействий. Кафедра в ее нынешнем виде – это во многом плод его работы.

Евгений Александрович был легок на подъем и брался за все, в чем видел перспективу. Несмотря на большую загруженность, он поддержал открытие международной англоязычной магистерской программы в МШЭ, назначил нескольких преподавателей для проведения занятий по разным математическим дисциплинам и сам читал курс «Эконометрика».

В последние годы много сил и времени он потратил на создание филиала МГУ в Ереване, пригласил в филиал прекрасных педагогов, представителей армянской мате-

матической школы. Но, доверяя своим коллегам, контроль Евгений Александрович все же оставил за собой.

Он с удивительным энтузиазмом взялся за сотрудничество с Институтом социально-экономического развития территорий Российской академии наук г. Вологды (в настоящее время – Вологодский научный центр РАН), неоднократно посещал Вологду и проводил лекции для аспирантов института, делился с ними опытом, давал советы по текущей научной работе. Некоторые из аспирантов приезжали в Москву на конференции, и Евгений Александрович лично организовывал их встречу с Сергеем Артемьевичем Айвазяном. Впоследствии это сотрудничество нашло отражение в публикациях, были написаны пособия по математической статистике и эконометрике, вышедшие в издательстве ИСЭРТ РАН. Для проведения занятий со школьниками Научно-образовательного центра ИСЭРТ РАН Е.А. Ивин помог организовать приезд в Вологду члена жюри и составителя задач Всероссийских олимпиад. Последние лек-

ции для аспирантов ИСЭРТ РАН Евгений Александрович прочитал в 2018 году в онлайн формате, а на следующий год из-за болезни ему пришлось прекратить педагогическую работу.

Стоит отметить, что Е.А. Ивин, несмотря на свою педагогическую загруженность, старался много времени уделять семье, возглавлял дачный кооператив, где жил, а также до последнего времени был членом совета директоров ОАО «АПАТИТ».

Евгений Александрович любил музыку, живопись, литературу, путешествия. В один из его приездов в ИСЭРТ РАН он посетил Ферапонтово, откуда не хотел уезжать; его привлекали деревенская жизнь, природа и местные люди. В конце поездки он с упоением слушал купленный диск со стихотворениями вологодского поэта Николая Рубцова.

Евгений Александрович умел видеть и ценить красоту. Он никогда не хотел казаться лучше, всегда был самым собой: добрым, внимательным, заботливым, щедрым. Таким он и останется в нашей памяти.

Алексей Николаевич Курбацкий

*канд. физ.-мат. наук
и.о. заведующего кафедрой эконометрики
и математических методов экономики МШЭ МГУ*

Алексей Алексеевич Мироненков

*старший преподаватель кафедры эконометрики
и математических методов экономики МШЭ МГУ*

Федор Юрьевич Попеленский

*канд. физ.-мат. наук
доцент механико-математического факультета
МГУ им. М.В. Ломоносова*

Александр Викторович Словеснов

*канд. физ.-мат. наук
доцент механико-математического факультета
МГУ им. М.В. Ломоносова*

УКАЗАТЕЛЬ СТАТЕЙ И МАТЕРИАЛОВ, ОПУБЛИКОВАННЫХ В 2019 ГОДУ

	№	страницы
ОТ РЕДАКЦИИ		
Леонидова Г.В., Головчин М.А. Национальный проект «Образование» и возможность его влияния на развитие человеческого капитала	4 (102)	7–25
Мазилов Е.А., Кремин А.Е. Формирование системы стратегического планирования развития малого предпринимательства	3 (101)	7–20
Ускова Т.В. Ключевые угрозы экономической безопасности России	1 (99)	7–15
Ускова Т.В., Ворошилов Н.А. Комплексное развитие сельских территорий – задача государственной важности	6 (104)	7–20
Шабунова А.А., Косыгина К.Е. Методика оценки экономической значимости некоммерческого сектора в регионе	5 (103)	7–23
УСТОЙЧИВОЕ РАЗВИТИЕ ТЕРРИТОРИЙ, ОТРАСЛЕЙ И ПРОИЗВОДСТВЕННЫХ КОМПЛЕКСОВ		
Барбарук А.В. Крайний Север России как многомерное пространство: результаты кластерного анализа статистических показателей, характеризующих население северных территорий	6 (104)	40–51
Волкова Н.Н., Романюк Э.И. Развитие цифровой среды российских регионов	5 (103)	38–52
Ворошилов Н.В. Подходы к оценке развитости агломераций на территории России	4 (102)	40–54
Городнова Н.В., Воронов Д.С., Емельянов А.А., Пешкова А.А. К вопросу об условиях и предпосылках реализации муниципально-частного партнерства в российских моногородах	2 (100)	37–52
Иванов В.А. Роль государства в развитии сельских территорий и экономики села Севера	6 (104)	21–39
Иванов В.А. Особенности и направления развития села и экономики сельской территории северного региона	4 (102)	55–71
Кархова С.А. Факторы глобального спроса на лесную продукцию	5 (103)	91–108
Кириллова С.А., Герасимова Л.А. Формирование туристского бренда территории (на примере Мелеузовского района)	4 (102)	105–117
Киселенко А.Н., Малащук П.А., Сундуков Е.Ю. Оценка соответствия провозных и пропускных способностей транспортных путей Европейского и Приуралья Севера России потребностям Арктической транспортной системы	3 (101)	33–48
Кожевников С.А., Лебедева М.А. Проблемы перехода к зеленой экономике в регионе (на материалах Европейского Севера России)	4 (102)	72–88
Кузнецова Е.П. К вопросу оценки развития производственной кооперации в регионе	5 (103)	64–77
Лебедева М.А. Водные ресурсы Европейского Севера России: специфика и управление использованием в хозяйственной деятельности	6 (104)	69–86
Лукин Е.В. Оценка положения экономики российских регионов в цепочках добавленной стоимости	2 (100)	27–36
Мазилов Е.А., Ушакова Ю.О. К вопросу формирования организационно-правовых условий стимулирования НИОКР в регионах	1 (99)	40–55
Плотникова И.А., Сорокина И.В. Проблемы развития современного жилищно-коммунального хозяйства	6 (104)	52–68
Попов Е.В., Семячков К.А. Оптимизация процессов цифровизации городской среды	5 (103)	53–63
Пыжева Ю.И., Зандер Е.В. Социально-экономическое разнообразие моногородов Сибири и Дальнего Востока: статистический анализ	3 (101)	49–61
Ригин В.А., Гулин К.А. Инструменты построения имитационной модели регионального лесного комплекса на основе применения агент-ориентированного подхода	1 (99)	56–70

Тарасова О.В., Панкова Ю.В. Двухуровневая оценка крупных транспортных проектов Дальнего Востока	2 (100)	67–79
Тихонова Т.В. Экосистемные услуги: пути практического использования	1 (99)	25–39
Усков В.С. Тенденции формирования и проблемы развития цифровой экономики в России	2 (100)	53–66
Цветкова И.В. Развитие туризма в контексте региональной идентичности (на примере Самарской области)	5 (103)	78–90
Шишелов М.А. Оценка производства и потребления древесного биотоплива в Республике Коми	4 (102)	89–104

КАЧЕСТВО ЖИЗНИ И ЧЕЛОВЕЧЕСКИЙ ПОТЕНЦИАЛ ТЕРРИТОРИЙ

Абдульязнов А.Р. Дорожно-транспортная система современного городского пространства (социологический анализ)	2 (100)	116–126
Блынская Т.А., Малинина К.О., Максимов А.М. Функционирование научного сообщества в региональном пространстве Арктической зоны РФ (на примере Архангельской области)	5 (103)	153–169
Будилов А.П. Внутрисроссийская миграция: дифференциация регионов и ее факторы	3 (101)	97–106
Вяльшина А.А., Дакирова С.Т. Факторы формирования образовательных ориентаций выпускников сельских школ Саратовской области	3 (101)	134–151
Доброхлеб В.Г., Сигарева Е.П. Демографический потенциал Вологодской области	4 (102)	118–131
Кобыльников В.П. Актуальные проблемы финансовой поддержки некоммерческого сектора региона (на примере предоставления «президентских грантов»)	1 (99)	107–120
Короленко А.В. Факторы демографического развития России: опыт исследования панельных данных	5 (103)	170–187
Логвинова А.В. Административная система управления региональным вузом и ее негативные следствия	3 (101)	123–133
Мартынова Е.В. Проявление глобальных процессов в локальной территориальной общности	6 (104)	137–150
Михалкина Е.В., Скачкова Л.С. О выборе карьерных стратегий аспирантами федеральных университетов	6 (104)	151–172
Нацун Л.Н. Интеграция инвалидов и общества: результативность мероприятий региональной социальной политики (на примере Вологодской области)	2 (100)	95–115
Петровская Ю.А. Образование как ценность молодежи в контексте инновационного развития Российской Федерации	3 (101)	107–122
Попов А.В. Качество трудового потенциала Вологодской области в ракурсе 20-летних наблюдений	1 (99)	87–106
Попова Л.А. Продолжительность жизни населения Республики Коми: резервы продления позитивных тенденций	3 (101)	62–75
Смолева Е.О. Отчуждение населения региона в сфере труда	6 (104)	120–136
Устинова К.А. Стимулы и барьеры участия населения в социальных практиках	6 (104)	102–119
Уханова Ю.В., Параничева И.В. Предпосылки и вовлеченность сельского социума в практики гражданского участия	4 (102)	132–147
Шматова Ю.Е. Динамика статистических и социологических показателей состояния психического здоровья населения России	3 (101)	76–96

ЭФФЕКТИВНОСТЬ ГОСУДАРСТВЕННОГО И МУНИЦИПАЛЬНОГО УПРАВЛЕНИЯ

Дьяков М.Ю., Михайлова Е.Г., Шарахматова В.Н. Стратегическая экологическая оценка в региональном планировании	2 (100)	80–94
---	---------	-------

ИННОВАЦИОННЫЙ ПОТЕНЦИАЛ РАЗВИТИЯ ТЕРРИТОРИЙ

Грачев С.А., Доничев О.А. Модель оценки эффективности ресурсного обеспечения инновационного развития регионов и их экономического роста	1 (99)	71–86
Москвина О.С., Макоев В.Н. Статистический анализ пространственной неравномерности инновационного развития российских регионов	5 (103)	124–137

ТЕРРИТОРИАЛЬНЫЕ ФИНАНСЫ

Печенская М.А. Вопросы качества управления бюджетом регионального центра	6 (104)	87–101
Секушина И.А. Финансово-бюджетная обеспеченность малых и средних городов (на материалах Вологодской области)	5 (103)	138–152

АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ РАЗВИТИЯ АПК

Анищенко А.Н. Потенциал сельского хозяйства Европейского Севера России и проблемы его реализации в рамках Стратегии развития Арктической зоны РФ	1 (99)	121–139
--	--------	---------

ТЕРРИТОРИАЛЬНАЯ ОРГАНИЗАЦИЯ И УПРАВЛЕНИЕ

Губанова Е.С., Клещ В.С. Зонирование как инструмент регулирования социально-экономического развития региона	5 (103)	109–123
---	---------	---------

ЗАРУБЕЖНЫЙ ОПЫТ РАЗВИТИЯ РЕГИОНАЛЬНОЙ ЭКОНОМИКИ

Байнев В.Ф., Рунков Ю.Ю. Техничко-технологический прогресс как ключевой фактор развития регионов в XXI веке	4 (102)	148–162
---	---------	---------

НАУЧНЫЕ ОБЗОРЫ

Рассохина И.И., Коткова Д.Н., Платонов А.В. Анализ мировой публикационной активности по направлению «биоэкономика»	3 (101)	152–165
---	---------	---------

АКТУАЛЬНАЯ ИНФОРМАЦИЯ: ЦИФРЫ И ФАКТЫ

Морев М.В., Дементьева И.Н., Леонидова Е.Э. Основные тенденции социального самочувствия населения Вологодской области в 2018 году	1 (99)	140–147
Морев М.В., Дементьева И.Н., Леонидова Е.Э. Основные тенденции социального самочувствия населения Вологодской области в феврале 2019 года	2 (100)	127–133
Морев М.В., Дементьева И.Н., Леонидова Е.Э. Основные тенденции социального самочувствия населения Вологодской области в апреле 2019 года	3 (101)	166–171
Морев М.В., Леонидова Е.Э., Озорнина С.В. Основные тенденции социального самочувствия населения Вологодской области в июне 2019 года	4 (102)	163–169
Морев М.В., Дементьева И.Н., Леонидова Е.Э. Основные тенденции социального самочувствия населения Вологодской области в августе 2019 года	5 (103)	189–195

МОНИТОРИНГ ПЕРЕМЕН: ОСНОВНЫЕ ТЕНДЕНЦИИ

Социально-экономическая ситуация в Вологодской области	1 (99)	17–23
Цены на металлопродукцию	1 (99)	23–23
Мониторинг экономики: основные тенденции	2 (100)	14–26
Мониторинг экономики: основные тенденции	3 (101)	21–32
Мониторинг экономики: основные тенденции. Май 2019 года	4 (102)	26–35
Мониторинг социальных настроений	4 (102)	36–39
Мониторинг экономики: основные тенденции. Июль 2019 года	5 (103)	24–33
Мониторинг социальных настроений	5 (103)	34–37
Мониторинг экономики: сентябрь 2019 года	6 (104)	173–181
Мониторинг социального самочувствия населения Вологодской области в октябре 2019 года	6 (104)	182–187
Мониторинг социальных настроений	6 (104)	188–191

ХРОНИКА НАУЧНОЙ ЖИЗНИ		
Наши диссертанты	1 (99)	148–148
С заседаний ученого совета	1 (99)	149–149
.....	2 (100)	134–134
.....	3 (101)	173–173
.....	4 (102)	170–170
.....	6 (104)	192–192
Новые издания ФГБУН ВолНЦ РАН	1 (99)	150–153
.....	2 (100)	135–136
.....	3 (101)	174–174
.....	4 (102)	171–173
.....	5 (103)	196–196
.....	6 (104)	193–195
Итоги IV международной научно-практической интернет-конференции «Глобальные вызовы и региональное развитие в зеркале социологических измерений»	3 (101)	172–172
Памяти Евгения Александровича Ивина посвящается	6 (104)	196–198

ПРАВИЛА
приема статей, направляемых в редакцию
научного журнала «Проблемы развития территории»
(в сокращении)

Журнал публикует оригинальные статьи теоретического и экспериментального характера, тематика которых соответствует тематике журнала, объемом не менее 16 страниц (30 000 знаков с пробелами). Максимальный объем принимаемых к публикации статей – 25 страниц (50 000 знаков с пробелами). К публикации также принимаются рецензии на книги, информация о научных конференциях, хроника событий научной жизни. Статьи должны отражать результаты законченных и методически правильно выполненных работ.

Решение о публикации принимается редакционной коллегией журнала на основе заключения рецензента, также учитывается новизна, научная значимость и актуальность представленных материалов. Статьи, отклоненные редакционной коллегией, повторно не рассматриваются.

ТРЕБОВАНИЯ К КОМПЛЕКТНОСТИ МАТЕРИАЛОВ

В электронном виде в редакцию предоставляются следующие материалы:

1. Файл со статьей в формате Microsoft Word с расширением .docx. Имя файла должно быть написано латиницей и отражать фамилию автора (например: Ivanova.docx).
2. Данные об авторе статьи на отдельной странице, включающие Ф.И.О. полностью, ученую степень и ученое звание, место работы и должность автора, контактную информацию (почтовый адрес, телефон, при наличии – e-mail), идентификатор ORCID, идентификатор Researcher ID и оформленные по образцу.
3. Отсканированная копия обязательства автора не публиковать статью в других изданиях.
4. Цветная фотография автора в формате .jpeg/.jpg объемом не менее 1 Мб.

Комплект материалов в электронном виде может быть прислан по электронной почте на адрес редакционной коллегии (pdt.isert@mail.ru).

ТРЕБОВАНИЯ К ОФОРМЛЕНИЮ ТЕКСТА СТАТЬИ

1. Поля: Правое – 1 см, остальные – по 2 см.
2. Шрифт: Размер (кегель) – 14, гарнитура – Times New Roman (если необходимо применить шрифт особой гарнитуры (при наборе греческих, арабских и т. п. слов, специальных символов), нужно пользоваться шрифтами, устанавливаемыми системой Windows по умолчанию). Если в работе есть редко используемые шрифты, их (все семейство) нужно предоставить вместе с файлом. Интервал – 1,5.
3. Абзацный отступ – 1,25. Выставляется автоматически в MS Word.
4. Нумерация: номера страниц статьи должны быть поставлены автоматически средствами MS Word в правом нижнем углу.
5. Оформление 1 страницы статьи

В верхнем правом углу страницы указывается индекс УДК. Далее через полуторный интервал – индекс ББК. Далее через полуторный интервал – знак ©, отступ (пробел), фамилия и инициалы автора статьи. Применяется полужирное начертание. После отступа в два интервала строчными буквами приводится название статьи (выравнивание по центру, полужирное начертание). После отступа в два интервала приводится аннотация (выравнивание по ширине, выделение курсивом, без абзацного отступа). После отступа в один интервал приводятся ключевые слова (выравнивание по ширине, выделение курсивом, без абзацного отступа). После отступа в два интервала приводится текст статьи.

6. Требования к аннотации

Объем текста аннотации должен составлять от 200 до 250 слов.

Аннотация должна представлять самодостаточный текст, оформленный одним абзацем и выступающий как краткая модель статьи. В аннотации обязательно должны быть отражены актуальность, основная идея и цель проведенного исследования, лаконично изложены образующие несомненную научную новизну отличия выполненной работы от аналогичных работ других ученых, перечислены использованные автором методы исследования, приведены основные результаты, кратко сформулированы ограничения/направления будущих исследований.

Текст аннотации должен быть лаконичным и четким, не должен содержать общих слов и пространственных формулировок. Рекомендуется использовать ключевые слова и выражения, которые максимально емко отражают суть исследования. Следует употреблять простые синтаксические конструкции, свойственные академическому письму, избегать сложных грамматических конструкций, длинных предложений.

Примеры аннотаций для различных типов статей (обзоры, научные статьи, концептуальные статьи, практические статьи) представлены на сайте: <http://www.emeraldinsight.com/authors/guides/write/abstracts.htm?part=2&PHPSESSID=hdac5rtkb73ae013ofk4g8nrv1>

7. Требования к ключевым словам

К каждой статье должны быть даны ключевые слова (до 8 слов или словосочетаний). Ключевые слова должны наиболее полно отражать содержание рукописи. Количество слов внутри ключевой фразы – не более трех.

8. Требования к оформлению таблиц

В названии таблицы слово «Таблица» и ее номер (при наличии) даются без выделения (обычное начертание). Название таблицы выделяется полужирным начертанием. Выравнивание – по центру.

Таблицы должны быть вставлены, а не нарисованы из линий автофигур. Не допускается выравнивание столбцов и ячеек пробелами либо табуляцией. Таблицы выполняются в табличном редакторе MS Word. Каждому пункту боковика и шапки таблицы должна соответствовать своя ячейка. Создание и форматирование таблиц должно производиться исключительно стандартными средствами редактора, недопустимо использование символа абзаца, пробелов и пустых дополнительных строк для смысловой разбивки и выравнивания строк.

9. Требования к оформлению рисунков, схем, графиков, диаграмм

Название и номер рисунка располагаются ниже самого рисунка. Начертание слова «Рис.» обычное (без выделения). Название рисунка приводится с полужирным выделением. Выравнивание – по центру. Интервал – одинарный (приложение 4).

Для создания графиков должна использоваться программа MS Excel, для создания блок-схем – MS Word, MS Visio, для создания формул – MS Equation.

Рисунки и схемы, выполненные в MS Word, должны быть сгруппированы внутри единого объекта. Не допускается использование в статье сканированных, экспортированных или взятых из интернета графических материалов.

Алгоритм вставки графиков из MS Excel в MS Word:

- 1) в MS Excel выделить график компьютерной мышью, правой клавишей выбрать пункт контекстного меню «копировать»;
- 2) в MS Word правой клавишей мыши выбрать пункт контекстного меню «вставить», выбрать параметр вставки «специальная вставка», «диаграмма Microsoft Excel».

10. Оформление библиографических сносок под таблицами и рисунками

Пишется «Источник:», «Составлено по:», «Рассчитано по:» и т. п. и далее приводятся выходные данные источника.

11. Оформление постраничных сносок

Постраничные сноски оформляются в строгом соответствии с ГОСТ Р 7.0.5-2008.

12. Оформление и содержание списка литературы

Слово «Литература» печатается строчными буквами полужирным курсивом, выравнивается по центру, дается через полтора интервала после текста статьи. После слова «Литература» делается полуторный интервал и приводится список библиографических источников.

Список литературы составляется в том же порядке, в котором источники упоминались в тексте статьи, а не по алфавиту (используется ванкуверский стиль оформления).

Если статья имеет DOI, его указание в выходных данных является обязательным.

Ссылки на русскоязычные источники оформляются в соответствии с ГОСТ Р 7.0.5-2008. Ссылки на англоязычные источники оформляются в соответствии со схемой описания на основе стандарта Harvard¹.

В списке литературы должны быть приведены ссылки на научные труды, использованные автором при подготовке статьи. Обязательно наличие ссылок на все источники из списка литературы в тексте статьи.

В соответствии с международными стандартами подготовки публикаций рекомендуемое количество источников в списке литературы – не менее 20, из которых не менее 30% должны быть зарубежными.

Количество ссылок на работы автора не должно превышать 10% от общего количества приведенных в списке литературы источников.

Авторам не рекомендуется включать в список литературы следующие источники: 1) статьи из любых ненаучных журналов, газет; 2) нормативные и законодательные акты; 3) статистические сборники и архивы; 4) источники без указания автора (например, сборники под чьей-либо редакцией); 5) словари, энциклопедии, другие справочники; 6) доклады, отчеты, записки, рапорты, протоколы; 7) учебники и т. д. Ссылки на указанные источники рекомендуется давать посредством соответствующих постраничных сносок.

В список литературы рекомендуется включать следующие источники: 1) статьи из печатных научных журналов (или электронных версий печатных научных журналов); 2) книги; 3) монографии; 4) опубликованные материалы конференций; 5) патенты.

Ссылка в тексте статьи на библиографический источник приводится в квадратных скобках с указанием порядкового номера источника из списка литературы и номера страницы, на которую ссылается автор. Возможна отсылка к нескольким источникам из списка, порядковые номера которых должны быть разделены точкой с запятой (например: [26, с. 10], [26, с. 10; 37, с. 57], [28], [28; 47] и пр.).

Статьи без полного комплекта сопроводительных материалов, а также статьи, не соответствующие требованиям издательства по оформлению, к рассмотрению не принимаются!

■ ИНФОРМАЦИЯ О ПОДПИСКЕ

■ Уважаемые читатели!

Вы можете оформить подписку на журнал «Проблемы развития территории» в отделении ФГУП «Почта России» (подписка осуществляется через объединенный каталог «Пресса России», подписной индекс журнала – 41318) либо на сайте <http://www.akc.ru>

Редакционная подготовка
Технический редактор, верстка
Корректор

И.А. Кукушкина
М.В. Чумаченко
В.М. Кузнецова

Дата выхода в свет 29.11.2019.
Формат 60 × 84¹/₈. Печать цифровая.
Усл. печ. л. 24,06. Тираж 500 экз. Заказ № 337
Свободная цена

Журнал зарегистрирован Федеральной службой по надзору в сфере связи,
информационных технологий и массовых коммуникаций (Роскомнадзор).
Свидетельство ПИ № ФС 77-71360 от 17 октября 2017 года.

Учредитель и издатель: Федеральное государственное бюджетное учреждение науки
«Вологодский научный центр Российской академии наук» (ФГБУН ВолНЦ РАН)

Адрес редакции, издателя и типографии:
160014, г. Вологда, ул. Горького, д. 56а, ФГБУН ВолНЦ РАН
Телефон: +7(8172) 59-78-03, факс +7(8172) 59-78-02
E-mail: common@volnc.ru, pdt.isert@mail.ru